

М. 38
297.

Архієпископъ Ніконъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ III.

1912.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 101—150).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевої Лаври.
1915.

МОИ ДНЕВНИКИ.

Выпускъ III.

1912.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 101—150).

101.

Въ полночь на Новый годъ.

Се Женихъ грядетъ въ полунощи.

Великій царь и пророкъ Давидъ любилъ въ полночный часъ славить Бога: *въ полуночи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоей* (Пс. 118, 62), говорить онъ. Всѣ святые Божіи любили въ тишинѣ полночной бесѣдоватъ съ Богомъ. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ возносилъ Свои Божественные молитвы Отцу Своему Небесному болѣе всего въ глубокомъ уединеніи въ ночные часы. Древніе христіане каждую полночь встрѣчали молитвой, да и нынѣ въ строгихъ обителяхъ ровно въ полночь начинается утреннее богослуженіе — чиномъ *полунощницы*. П полночь — время таинственное, время святое, самое удобное для уединенной и для церковной бесѣды съ Богомъ. И сколько поучительныхъ воспоминаній соединяется для христіанина

сь этимъ священнымъ часомъ полуночи! Сколько событий въ исторії домостроительства нашего спасенія совершилось въ этотъ часъ! Въ ночь бывали Богоявленія древнимъ патріархамъ и пророкамъ, въ полночь поразилъ Господь первенцевъ Египетскихъ, въ полночь вывелъ Онъ Израїля изъ Египта, въ полночь родился Господь нашъ въ вертепѣ Виееемскомъ, въ полночь, по древнему преданію, Онъ крестился во Іорданѣ, въ полночь былъ преданъ лудою, въ полночь воскрестъ изъ мертвыхъ, въ полночь приидетъ судити живыхъ и мертвыхъ... Постины то будеть страшная полночь для всего міра, для всей вселенной! Вотъ почему отъ вѣковъ древнихъ для всѣхъ вѣрующихъ время полуночи было временемъ особенно знаменательнымъ, време-

немъ, которое должно освящаться молитвою...

Мы до того стали немощны, немощны больше духомъ, чѣмъ плотю, что очень рѣдко встрѣчаемъ полночный часъ въ храмѣ Божиѣмъ на церковной молитвѣ. Еще держится святой уставъ встрѣчать воскресшаго Господа въ полночь на Пасху, да вотъ слава Богу, съ недавняго времени стали и Новый годъ встрѣчать, полночною молитвой. Но — увы! Грустно, больно вспомнить, что многіе-многіе собратія наши хотя и не спятъ въ этотъ часъ, но лучше бы ужъ спали!. . Забывая, что и дни, и часы, и минуты жизни нашей въ руцѣ Божией, не слушая звона церковнаго, зовущаго въ храмъ Божій, они спѣшатъ встрѣтить Новый годъ со звономъ бокаловъ, съ возглашеніемъ здравицъ, съ пожеланіемъ другъ другу счастья, а какого счастья — и сами не знаютъ! Не знаютъ того, что и счастье наше все — въ руцѣ Божией! Пожелать Богъ счастье, благословить Богъ здоровьемъ и успѣхомъ въ трудахъ, — будеть счастливъ человѣкъ, а не благословить — всуе всѣ эти здравицы, всѣ благія пожеланія! Одно для всѣхъ несомнѣнно: всѣ мы подошли ближе къ смерти, многіе изъ насъ, несомнѣнно, встрѣчаютъ Новый годъ уже въ послѣдній разъ: а развѣ это кто назоветъ счастьемъ? Не будемъ судить таковыхъ собратій, лучше помолимся и о себѣ, и о нихъ, да вразумить всѣхъ насъ Господь, времена и лѣта въ руцѣ Своей положивый, како прочее время и лѣта живота нашего въ мирѣ и покояніи скончати, искушающе время, яко дніе лукави суть...

Да, мы живемъ поистинѣ въ лукавые дни, въ страшное время. Не до бокаловъ бы, не до громкихъ здравицъ добрымъ христіанамъ ны-

нѣ. Если когда, то именно въ наше грѣшное время діаволъ яко левъ рыкая ходитъ по нашей грѣшной Русской землѣ, искій кого поглотити. Всюду раскинулъ онъ сѣти свои, всюду сѣть соблазны. Берегитесь, православные! Берегите дѣтей своихъ! Въ послѣднее время сатана черезъ вѣрныхъ слугъ своихъ — а ихъ такъ много у него! — особенное тщаніе употребляеть, чтобы отравлять дѣтскія души ядомъ безбожія, кощунства, богохульства. И какъ изобрѣтательны стали эти слуги сатаны! Какъ хитро истолковываютъ они въ свою пользу всѣ свободы, дѣйныя, конечно, не для зла, а для добра! Какъ умѣютъ пользоваться всѣмъ для того, чтобы развращать, губить души даже дѣтскія! Поистинѣ, братіе, страшное время! Со страхомъ вспоминаются пророчественныя слова великаго тайновидца Иоанна Богослова: *и низверженъ быль великий драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его съ нимъ... Горе живущимъ на землѣ и на морѣ, потому что къ вамъ сошелъ діаволъ въ сильной ярости, зная, что немного ему остается времени...* (Откр. 12, 7, 12). И въ трепетѣ вопрошаєтъ душа: уже не исполняются ли сіи грозныя пророчества возлюбленнаго ученика Христова въ наши дни? Не сбываются ли на нашихъ глазахъ всѣ тѣ признаки близкаго дня суда Божія, о какихъ говорилъ Господь: *когда вы увидите все сіе, знайте, что близко, при дверяхъ?..* (Ме. 24, 33). Смотрите внимательно! Сколько лжерѣстовъ и лжепророковъ появляется въ наши дни! Сколько ересіарховъ, начиная съ идола нашей безбожной интелигенціи — богоотступника Толстого и кончая разными братцами-

хлыстами, начиная съ незванныхъ—непрошенныхъ иноземцевъ Фетлеровъ и кончая своими измѣнниками православной Церкви—Мазаевыми, Прохановыми и Степановыми! И всѣмъ имъ полный просторъ блазнить въ простотѣ вѣрующихъ православныхъ!

А какъ умножились беззаконія и охладѣла истинная христіанская любовь! Уже и Евангеліе Христово проповѣдуется всѣмъ народамъ земныхъ по всей вселенной во свидѣтельство имъ, да будутъ безотвѣтны на страшномъ судище Христовомъ, уже мерзость запустѣнія является на мѣстахъ святыхъ: строятся языческія капища и магометовы мечети въ столицѣ православной, и, говорять, имѣются и мѣста, где поклоняются самому сатанѣ... Уже творятся и знаменія и чудеса ложныя у спиритовъ и оккультистовъ, уже совершается то величое отступленіе отъ вѣры и благочестія, о коемъ пророчествовалъ Апостоль Христовъ Павель... И сердце содрагается при мысли: уже не близокъ ли конецъ? Уже не стучится ли въ дверь человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противяющійся и превозносящійся превыше всего, называемаго Богомъ или святынею, такъ что въ храмѣ Божиемъ сядеть онъ какъ Богъ, выдавая себя за Бога... Еще „удерживающій“ удерживаетъ его появленіе, но надолго ли?..

Вотъ, братіе, какія размышенія приходятъ мнѣ на сердце въ эту таинственную новогоднюю полночь. Знаю, что для многихъ жизнера-

достныхъ людей они покажутся безотрадными, угнетающими. Но не лучше ли познавать „знаменія времени“, чѣмъ беззаботно предаваться безсмысленному веселію въ такой часѣ? Церковь Божія предостерегаетъ насъ: *внезапно Судія приидетъ и когождо дніяния обнажатся, поетъ она въ тропаряхъ полунощницы. Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща.* Надобно и то помнить, что для каждого изъ насъ въ отдельности часъ суда Божія несравненно ближе, чѣмъ всеобщій страшный Судъ Христовъ. *Единою подобаетъ умрети, потомъ же судъ.* А смерть подстерегаетъ насъ на всѣхъ путяхъ нашихъ. Отъ нея никуда не уйдешь. Такъ не лучше ли заблаговременно размышлять о ней, готовиться къ ней? Это предохранить насъ отъ многихъ грѣховъ. Еще ветхозавѣтный мудрецъ сказалъ: *помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши.* Да и къ Страшному Суду Божію всеобщему надо всегда быть готовымъ. О семъ великомъ днѣ Господь сказалъ: *будьте готовы, ибо не знаете ни дня ни часа, когда Сынъ человѣческій приидетъ* (Ме. 24, 44). Се гряду яко тать: блаженъ бодрствующій и хранящій одѣжду свою, чтобы неходить ему нагимъ и чтобы неувидали срамоты его! (Откр. 16, 15). О, если бы совѣсть наша позволила намъ воскликнуть съ тайновидцемъ—Богословомъ: *ей, гряди, Господи Іисусе! Аминь.*

Чѣмъ больна наша матушка Россія?

Отъ чего болѣеть Россія?
Что наша матушка Россія ду-

ховно болѣеть—это, кажется, для всѣхъ очевидно, но въ чѣмъ ко-

рень болѣзни, какія условія въ самомъ государственномъ организмѣ благопріятствуютъ этой болѣзни—объ этомъ высказываются самыя разнообразныя, до противоположности, сужденія. Не буду разбирать всѣ эти сужденія, тѣмъ болѣе, что въ наше время много такихъ писателей, которые сами не вѣрятъ тому, что пишутъ, высказываютъ свои сужденія лишь для того, чтобы скрыть свои настоящія мысли. Не стоитъ тратить времени на полемику съ такими публицистами: все равно — ихъ ничѣмъ не убѣдишь, ибо они не хуже современныхъ Господа Иисусу Христу книжниковъ и фарисеевъ знаютъ истину, но нарочито закрываютъ свои глаза, чтобы ее не видѣть... Попытаюсь отвѣтить на поставленный вопросъ отъ лица тѣхъ русскихъ людей, которые единомысленны со мною, которые искренно любятъ свою родину, вдумчиво относятся къ тому, что теперь творится на Руси и цѣлымъ сердцемъ желаютъ ей добра.

Россія духовно болѣеть отъ великаго духовнаго раскола между верхними, интеллигентными ея слоями и всею многомилліонною массою народной, не того церковнаго раскола, что произошелъ изъ-за обрядовъ церковныхъ при патріархѣ Ніконѣ, а того, начало коему положено при Великомъ Петрѣ. Въ самомъ дѣлѣ: не болѣзнь ли это явленіе въ организмѣ великаго народа, что его верхніе слои, его мыслящая часть, не хотѣтъ знать тѣхъ завѣтныхъ идеаловъ, коими жива народная душа, которые являются стихіей его духовной жизни, безъ которыхъ немыслима самая личность народная? Если бы великий преобразователь предвидѣлъ, къ чemu приведетъ его увлеченіе западными формами политической и общественной жизни, то онъ не

назвалъ бы своего столичнаго города нѣмецкимъ именемъ, не перенесъ бы къ намъ всю ту мишуру, безъ которой и можно и должно было бы обойтись при введеніи реформъ, признанныхъ имъ необходимыми для государственного преуспѣянія столъ любимой имъ Россіи. Но роковая ошибка была сдѣлана и вотъ, къ концу еще XVIII столѣтія наши верхніе слои, наша бюрократія, представители высшихъ сферъ государственной жизни, науки, искусства, за исключениемъ очень немногихъ, уже были заражены вольнодумствомъ, вольтерьянствомъ, масонствомъ и всѣми тѣми духовными ядами, которые постепенно, но вѣрно вели западные народы къ разложению. Пока этотъ расколъ, эта духовная болѣзнь находила себѣ мѣсто въ области личной жизни, въ области мысли, дотолѣ явленіе это было сравнительно говоря—терпимо; народъ сторонился отъ измѣнившихъ его идеаламъ интеллигентовъ, жилъ своею жизнью, хранилъ мѣръ силъ, завѣты отцовъ, снисходительно смотря на „бары“, среди которыхъ, къ счастію, видѣлъ и вѣрныхъ сыновъ Церкви, и преданныхъ сыновъ отечества, которые хотя и не всегда соблюдали посты, не всегда исправно посещали храмы Божіи, но все же и не вторгались въ духовную жизнь народа, не порицали ее открыто, а иногда, хотя вѣнчаниемъ образомъ, проявляли свое участіе въ этой жизни. Во всякомъ случаѣ православный народъ твердо зналъ и помнилъ, что его вѣра есть едина святая и богоопредѣленная, что его Церковь — святыни неприкосновенная, что его Царь есть Божій Помазанникъ, кого слово—законъ непогрѣшимый... Прошло полтора вѣка съ той поры, какъ появилась эта духовная болѣзнь народнаго раскола. Въ полу-

винѣ прошлого столѣтія, пользуясь великими реформами Императора-Освободителя, подъ вліяніемъ вѣяній масонства, незримо и неуловимо всюду проникающаго и всюду вносящаго свой тлѣтворный, разлагающій ядъ, наша интеллигентія стала постепенно заражать народъ своею болѣзњю легкомыслія въ вопросахъ вѣры, а слѣдовательно и нравственной жизни. Свобода печати разносила ядъ лжеученій всюду по Руси, 60-е годы положили прочное начало тому движенію, которое въ самое послѣднее время наименовало себя „освободительнымъ“. Роковой въ исторіи Россіи 1905-й годъ, годъ смуты и всяческихъ послабленій, раскрылъ, какая пропасть отдѣляетъ нашу интеллигентію отъ самого народа. Правящія сферы поколебались: вмѣсто того, чтобы ясно, твердо и опредѣленно стать на сторонѣ народныхъ идеаловъ, интеллигенты — бюрократы какъ бы стыдились этихъ идеаловъ и вносили одинъ за другимъ законопроекты, рѣшительно непріемлемые народной душой... Началась и доселъ продолжается какая-то не-нужная, непонятная борьба: съ одной стороны интеллигенты, желающіе во что бы то ни стало навязать народу чужіе идеалы, съ другой — народъ, крѣпко стоящій за свои родные завѣты; съ одной стороны стремленіе внести въ самые законы, а чрезъ законы и въ жизнь народную равнодушіе къ родной Церкви, къ Православной вѣрѣ, къ идеалу Самодержавія, къ родному народу; съ другой — твердое, стихійное, хотя не всегда правильно соорганизованное отстаиваніе всѣхъ этихъ завѣтныхъ святынь... Удивительно то, что вѣдь интеллигентія — горсточка въ сравненіи съ великаномъ-народомъ, а между тѣмъ хотеть весь народъ въ духовномъ

отношеніи передѣлать по образу и подобію своему... Ради чего? во имя чего? — Сама не даетъ себѣ отчета. Еще удивительнѣе, что въ этой интеллигентіи есть вѣдь люди искренніе, — о продавшихъ себя іудеямъ и масонамъ, конечно, не стоить и говорить, — люди думающіе, что они хотятъ облагодѣтельствовать народъ... Какъ будто туманъ какой-то застилаетъ глаза этимъ доброжелателямъ народнымъ, а когда имъ указываютъ на ихъ основную ошибку, то простое самолюбіе не позволяетъ имъ сознаться, и они стараются убѣдить себя и другихъ, что они-то и есть настоящіе благодѣтели народа! А этимъ великимъ заблужденіемъ пользуются враги народа и спѣшать поддержать заблужденіе въ умахъ сихъ, чужимъ умомъ мыслящихъ, людей. Опасность въ томъ, что такие люди не вѣрять въ самое существованіе этихъ враговъ, а сіи враги ими же и верховодятъ! Вѣдь почти вся печать захвачена именно этими врагами, они имѣютъ своихъ агентовъ среди самихъ правящихъ сферъ, искусно внушаютъ тамъ все, что имъ нужно, между тѣмъ какъ наши благонамѣренные интеллигенты и подозрѣвать того не хотятъ! А народъ инстинктивно, историческимъ чутью видѣтъ эту опасность и всячески, хотя и не-умѣло, протестуетъ противъ этого духовнаго насилия. Слава Богу, что еще имѣется среди самой интеллигентіи, какъ выше сказано, люди, не порвавши связи съ народомъ, еще живущіе народными идеалами, хотя и немного ихъ. Они объединяются въ сообщества и союзы, чтобы выяснить эти идеалы, укрѣплять ихъ въ своемъ собственномъ сознаніи, отстаивать ихъ предъ лицомъ прочей интеллигентіи. Шесть лѣтъ назадъ, когда въ Петербургѣ образовалось „Русское Собраніе“,

намъ, русскимъ православнымъ людямъ, казалось какъ-то страннымъ, что въ русской столицѣ образуется *Русское Собрание...* какъ будто столица-то не русская! Но когда это Собрание стало проявлять свою дѣятельность, то осталось только благодарить основателей такого учрежденія. Стало ясно, что тутъ хотятъ объединиться истинно-русскіе люди, чтобы послужить по мѣрѣ своихъ силъ своей родинѣ, своему родному народу, чѣмъ и какъ могутъ. Съ того времени появилось немало такихъ содружествъ, союзовъ, собраний, братствъ... Но вотъ въ чѣмъ опять-таки крайне прискорбное явленіе: въ правящихъ сферахъ имъ какъ будто не довѣряютъ, ихъ голосу не внимаютъ, нерѣдко ставятъ препятствія ихъ дѣятельности и какъ будто считаютъ ихъ тормазомъ въ дѣлѣ „обновленія“ Россіи... Стань правительство рядомъ съ носителями народной мысли, народныхъ идеаловъ, пойди за ними рука объ руку, и Россія дѣйствительно обновится, окрѣпнетъ, и народъ, въ его лучшихъ представителяхъ, возликуетъ, готовъ будетъ на все, на всякия жертвы, только бы представители власти поняли и оцѣнили его завѣтные идеалы. Къ сожалѣнію, въ верхнихъ кругахъ этого безповоротнаго рѣшенія не замѣчается: тамъ все какое-то колебаніе, какъ будто стыдятся прямо и рѣшительно, открыто и мужественно заявить, что они ни въ какомъ случаѣ не допустятъ ни малѣйшаго оскорблѣнія Церкви Православной, не позволятъ ни подъ какимъ видомъ соблазнять простецовъ пропагандой лжеученій, что, допуская свободу исповѣданія, отнюдь не допустятъ свободу распространенія лжеученій... Яркимъ примѣромъ, до какого шатанія въ отношеніи поруганія Церкви и завѣтныхъ на-

родныхъ вѣрованій доходятъ наши интеллигенты, можетъ служить и самый послѣдній фактъ: говорить, въ Совѣтѣ министровъ серьезно обсуждается вопросъ о пріобрѣтеніи на народныя деньги имѣнія яснополянскаго богохульника, притомъ за сумму, чутъ ли не въ три раза превосходящую дѣйствительную стоимость этого имѣнія, причемъ, само собою разумѣется, что могила этого, анаематствованнаго Церковю еретика, теперь служащая гнѣздомъ ядовитыхъ змѣй (фактъ, что въ день его рождения на могилѣ сей былъ укушенъ змѣю мальчикъ, сынъ одного изъ почитателей этого слуги діавола) будетъ охраняться, какъ святыня... Не есть ли это какое-то — простите — непостижимое издѣвательство надъ народомъ православнымъ, надъ его матерью — Церковью, а кстати ужъ и надъ самою властью: вѣдь этотъ еретикъ былъ самый непримиримый анархистъ и врагъ государства!.. Говорить ли о какомъ-то систематическомъ покровительствѣ разнымъ сѣѣзда мъ враговъ Церкви: баптистовъ, раскольниковъ, разныхъ сектантовъ... Скажите ради Бога: какая польза отъ всего этого для государства? На что понадобились эти сѣѣзы самимъ раскольникамъ и сектантамъ, кроме развѣ того, чтобы такъ или иначе „демонстрировать“ противъ св. Церкви? Ужели православное государство не могло коротко и рѣшительно всѣмъ имъ сказать: вѣсъ никто не обижаетъ, никто не мѣшаетъ вамъ исповѣдывать свою вѣру: сидите же смиро и не оскорблайте православнаго народа!.. Но можно ли ожидать отъ нашихъ интеллигентовъ такого „нелиберальнаго“ отношенія къ диссидентамъ? То же въ области идеаловъ государственного благоустройства, то же въ области русской политики...

Правда, въ послѣднее время много говорили о національномъ направлѣніи внутренней политики, но вѣдь слово „національный“ иностранное, и подъ „націей“ можно разумѣть какой-угодно народъ: по крайней мѣрѣ есть же публицисты, которые толкуютъ это слово въ смыслѣ не народа Русскаго, а всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію... Вотъ и судите: какъ не болѣть нашей матушки Россіи, когда горсточка интеллигентовъ чуть не ежедневно по сердцу бѣть настоящихъ православныхъ русскихъ людей, весь стомилліонный народъ, вездѣ и всюду проявляя заботы не о святыняхъ народнаго сердца, а о либеральныхъ бредняхъ инородцевъ, иностранцевъ, — мнѣніемъ народа пренебрегаетъ, а къ голосу измѣнившихъ народнымъ идеаламъ прислушивается; скажите: гдѣ, у какого народа это видано и слышано? Думается, что когда Варяги пришли править и владѣть Русью, то такъ не дѣлали, какъ дѣлаютъ наши интеллигенты, взираясь на вершины общественной и государственной жизни. Едва ли такому образу дѣйствій подыщете болѣе мягкое название, какъ духовное насилие! Вмѣсто того, чтобы быть, такъ скан

зать, мозгомъ нашего богатыря-народа, наша интелигенція въ ея большей части, является какимъ-то болѣзненнымъ микробомъ въ его организмѣ, микробомъ, съ которымъ и борется могучій этотъ организмъ! Нормально ли это? Не безсмысленно ли, наконецъ?.. И будетъ ли этотъ микробъ все болѣе и болѣе проникать во всѣ ткани народнаго тѣла, не преобразуя его по своему образу и подобію, — нѣтъ: онъ и къ этому не способенъ, а постепенно разрушая его, или же могучій организмъ, наконецъ, поборетъ болѣзнь эту, переварить микроба, ассимилируетъ его съ самимъ собою, какъ онъ когда-то втягивалъ въ себя и ассимилировалъ съ собою всѣхъ этихъ Вятичей, Мерю, Весь и другие народцы? Хотѣлось бы вѣрить въ послѣднее: не умирать же богатырю, не исполнивъ въ исторіи возложенного на него Богомъ послушанія! Пусть же вдумаются въ это всѣ, кому дорога наша матушка Русь православная, кто любить свой народъ нeliцемѣрною любовью, кто знаетъ сокровища его сердца!.. Пусть вдумываются и дѣлаютъ, каждый свое дѣло, чтобы помочь нашему славному Ильѣ Муромцу одолѣть всѣхъ соловьевъ разбойниковъ!..

103.

Какія бывають статьи въ нашихъ „духовныхъ“ журналахъ?

Обличай премудра, и возлюбитъ тя.

Дня не проходить, чтобы не видѣть признаковъ все возрастающаго нравственнаго разложенія, которое проникаетъ уже — страшно сказать, — туда, откуда должно бы ждать исцѣленія для русской народной жизни, противоядія разлагающимъ ее началамъ... Глубокая благодар-

ность С. Синоду, положившему предѣлъ духовному растлѣнію со стороны такъ называемаго „Церковнаго Вѣстника“, замѣною кадекструющаго редактора г. Титлинова поченнымъ профессоромъ И. И. Соколовымъ; низкій поклонъ Высоко-проеосвященному Сергію, Архіепи-

скому Финляндскому, взявшему на себя трудъ разобраться въ кадек-скихъ выходкахъ этого журнала и раскрывшему всю ихъ неприглядность съ церковной точки зрењія. Нельзя не удивляться, какъ позволяла пропускать къ печати эти выходки совѣсть того, кто цензуровалъ „П. Вѣстникъ“. Вѣдь позоръ этотъ ложился на всю корпорацію того учрежденія, отъ имени коего издается этотъ журналъ.

А вотъ еще духовный журналъ, редактируемый даже Епископомъ и цензуруемый ректоромъ - архимандритомъ. Журналъ этотъ въ большей своей части пробавляется перепечатками изъ духовныхъ же, а отчасти и изъ свѣтскихъ періоди-ческихъ изданій; оригиналъныхъ статей въ немъ немноко, въ каждой книжкѣ онъ даетъ что-нибудь и переводное. Въ прошлые годы онъ увлекался сочиненіями главы бап-тистскихъ (еретическихъ) проповѣд-никовъ Спердженса и какъ-то при-поднесъ своимъ читателямъ книжку — руководство къ проповѣдничес-тву этого господина; книжка напи-сана въ духѣ прелести духовной и кромѣ вреда не принесла ничего читателямъ. А теперь вотъ что пишетъ мнѣ одинъ благочестивый мірянинъ объ этомъ „архіерей-скомъ“ журналѣ:

„Августовскую книжку мнѣ до-сталъ одинъ знакомый, который, вмѣстѣ съ женою, глубоко возму-щены напечатаннымъ въ этой книж-кѣ разсказомъ Марка Твена подъ заглавіемъ: *Визитъ капитана Отормфильда на небо*. Возмути-теленъ и самый разсказъ по своему сплошному кощунству, но еще бо-льше возмутительно отношеніе ре-дакціи журнала, снабдившей отъ себя этотъ разсказъ Твена особой рекомендацией.

„Что же это, святый владыко?

Какъ же послѣ этого протестовать намъ противъ лѣвой печати, если духовные журналы предлагаютъ сво-имъ читателямъ такую духовную пи-щу? И вѣдь цензурена ректоромъ семинаріи архимандритомъ, а редак-тируена даже Епископомъ! Просто глазамъ не вѣришь, что все это воз-можно. Владыка святый, обратите вниманіе кого слѣдуетъ на духов-ныхъ отравителей Русскаго народа! И подумаешь только, что эта отрава исходить изъ такого святого мѣста: больно, обидно, какъ смѣять осквер-нить св. обитель Преподобнаго Сер-гія печатаніемъ такихъ статей“.

„Простите за горячность, не осу-дите и благословите вашего пре-данного слугу“...

Слѣдуетъ подпись.

Прежде всего скажу въ защиту родной мнѣ обители: журналъ на-зывается духовнымъ, издается подъ редакціей Епископа и подъ цензу-рой архимандрита: для начальства Лавры этого, кажется, достаточно, чтобы избѣжать подобныхъ упре-ковъ. Ужели монахамъ заводить свою цензуру того, что разрѣша-ется печатать архимандритамъ и даже епископамъ? Тогда нельзѧ уже ни-какихъ заказовъ принимать для ти-пографіи. Да начальству Лавры и не до того, чтобы перечитывать все, что печатаются заказчики-архіерей и архимандриты, которые, притомъ же, и не подчиняются такой цензурѣ.

Обращаюсь къ разсказу Твена.

Прочиталъ я разсказъ, прочиталъ и „рекомендацио“ ему отъ редакціи. Сказать правду: мнѣ показалось, что тутъ со стороны редакціи про-стое недоразумѣніе и авторъ, если бы прочиталъ рекомендацию русска-го епископа, отъ души посмѣялся бы его простотѣ. Я не думаю, буд-то авторъ настолько не уменъ, что-бы писать *серьезно* такие разсказы. Онъ писалъ, вѣроятно, для какого

нибудь юмористического или спиритического журнала вродѣ „Сатирикона“, или „Спирита“, а редакція русского духовнаго журнала приняла разсказъ за „серъезную“ попытку автора „понять загробную жизнь человѣка въ ея новыхъ условіяхъ, какъ они представляются ему самому“. Развѣ только предположить, что Твенъ—полный невѣжды въ ученіи христіанскомъ о загробномъ мірѣ, представляющей этотъ міръ въ духѣ того же материалистического, грубо-вещественна-го міровоззрѣнія, какъ было у язычниковъ. Но такое предположеніе было бы слишкомъ обидно для г. Твена. Вѣдь онъ—не ребенокъ, умѣеть же онъ отличить понятія духовная отъ вещественныхъ. Можетъ быть онъ, потерявъ вѣру въ духовный міръ, хотѣлъ просто осмѣять вѣрованіе всѣхъ христіанъ и приложивъ земную мѣрку, даль волю своей фантазіи, чтобы потѣшить своихъ друзей-читателей? Но тогда, позвольте: въ какомъ же неумномъ положеніи оказался нашъ духовный журналъ, давая мѣсто переводу болѣзеннаго, враждебнаго Церкви бреда этого легкомысленнаго писателя?...

Судите сами, читатель, можно ли серьезно останавливаться вниманіемъ переводить на русскій языкъ и печатать въ духовномъ журнале, подъ редакціей Епископа, такую, напримѣръ, съ позволенія сказать—чепуху: „Божество строило небо по либеральному плану“, „тамъ есть пріемныя конторы“, земля называется *бородавкой* (въ Англійскомъ языке земля—Earth, а *бородавка*—Warth, есть созвучіе, способное вызвать у англичанина смѣхъ), люди по смерти обращаются въ ангеловъ, имъ привѣшиваются крылья, которыми однако летать нельзя, крылья они „отдаются въ стирку“, есть „старые плѣшивыя морщины—

стые ангелы“, ангелы-люди курят трубки, играютъ на сценѣ, устаютъ, „какъ собаки“, проводятъ время въ пикникахъ, болтаютъ глупости съ дѣвицами. Съ цѣллю, вѣроятно, кощунства авторъ нарочито ставить имена Іеремія рядомъ съ Хамомъ и съ Буддой, Даниила—съ Саккіа и. Конфуціемъ, Іезекіилемъ—съ Магометомъ и Зороастромъ, Моисея съ Исаіомъ, причемъ двухъ послѣднихъ авторъ называетъ „парою великихъ Моголовъ“. По мѣстамъ у автора проскальзываютъ циническихъ выраженія, наприм. „развѣ небо было бы небомъ, если бы нельзя было позлословить?“ Или: „все небо взбѣсится отъ радости, когда такой субъектъ будетъ спасенъ“.

Но довольно. Редакція журнала въ своей сопроводительной замѣткѣ говоритъ: „думаетъ, что прочитавъ эту статью, извлечетъ много для себя полезнаго и въ положительномъ и отрицательномъ (?) отношеніи“. А я думаю, что онъ не только потеряетъ время, но и посѣтуетъ на редакцію „журнала церковно-общественной жизни, науки и литературы“, и пожалѣтъ денегъ, затраченныхъ на подписку. Я же, какъ Епископъ православной Церкви, не могу не выразить глубокой скорби, что мой собратъ по архиерейству печатаетъ въ своемъ журнале такую кощунственную чепуху и тѣмъ даетъ поводъ къ соблазну для благочестивыхъ мірянъ, умалая въ ихъ глазахъ авторитетъ всего, что исходитъ отъ насъ, Епископовъ, преемниковъ апостольского служенія. Не хотѣлъ я возвышать свой голосъ противъ моего собрата, но вспомнилъ Апостола Петра въ лице противу Апостола Петра въстившаго, яко сей зазоренъ бѣ (Гал. 2, 11). Вспомнилъ, и хотя несмѣ достоинъ развязать ремень сандалій Павловыхъ, однако же совѣсть

понуждаетъ сказать то, что говорю, да не продолжится соблазнъ среди людей Божиихъ. Не такое нынѣ время, чтобы молчать въ виду соблазна.

Да и въ Писаніи сказано: *достопрійне суть язвы друга паче, не жели вольная лобзанія врага.*

104.

ГИПНОЗЪ ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНИЯ.

Говорятъ, что индійскіе юги обладаютъ такою силою внушенія, что могутъ загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мы думаемъ, что сила гипноза, если понимать ее въ болѣе широкомъ смыслѣ, идетъ гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только опредѣленную толпу, которую можно сразу окинуть взглядомъ, но и тысячи людей, разбросанныхъ на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, можно внушить имъ самую непріемлемую трезвымъ разсудкомъ и даже здравымъ смысломъ идею и заставить ихъ преклониться предъ этой идеей, безпрекословно слѣжить ей... Я говорю о духовномъ гипнозѣ. Самымъ нагляднымъ, какъ доходящимъ до смыслишаго, до нелѣпости, примѣромъ такого гипноза служитъ *мода*: какъ бы ни была нелѣпа, какъ бы ни была разорительна—ея предписанія выполняются безпрекословно, и, если только имѣются какія-нибудь средства, считается неприличиемъ, своего рода позоромъ явиться на балъ не въ модномъ платьѣ...

Я сейчасъ назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранѣе знаю, что за это многіе обзовутъ меня обскурантомъ, мракобѣсомъ и другими не менѣе лестными именами существительными и прилагательными. Я прошу объ одномъ: не искашать моей мысли, взять самое зерно ея и поглубже въ него вдуматься. Итакъ, слушайте: я утверждаю, что идея все-

общаго обучения въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ наши родители народнаго просвѣщенія, есть внушеніе, гипнозъ, мечта, здравымъ разумомъ не пріемлемая при современныхъ условіяхъ народной русской жизни. Знаю, мнѣ скажутъ: вы—врагъ народнаго просвѣщенія, поборникъ невѣжества и т. п. Но кто же доказалъ, будто всеобщее обученіе есть *просвѣщеніе* народа? Эти два понятія отстоятъ одно отъ другого какъ небо отъ земли. Всякое обученіе, не исключая даже и обученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ разныхъ университетахъ и академіяхъ, есть только именно *обученіе*, сообщеніе той или другой суммы знаній, развитіе только одной стороны человѣческаго духа—умственной его дѣятельности да притомъ еще далеко не всегда имѣющею нравственную цѣнность. А это еще не есть просвѣщеніе. Вспомните, какъ опредѣлялъ нашъ великий Гоголь понятіе просвѣщенія. Просвѣтить, говорить онъ, значитъ *высвѣтлить*, насквозь пронизать все духовное существо человѣка чистымъ свѣтомъ Христова ученія, очистить его отъ всякой духовной нечисти: лжи, суевѣрія, нравственной нечистоты... Было бы недобросовѣтно съ нашей стороны не признаться, что такого просвѣщенія почти ни одна школа не даетъ, или если какая даетъ, то въ очень малой степени. Съ большою справедливостью слѣдовало бы просвѣще-

ніемъ называть не обученіе, а воспитаніе, слѣдовало бы переставить въ отношеніи ихъ прѣнности эти два понятія: во первыхъ—воспитаніе, во вторыхъ—обученіе. Для жизни не столько нужно обученіе, сколько воспитаніе и во всякомъ случаѣ—воспитаніе въ христіанскомъ духѣ есть само по себѣ дѣло, а обученіе само по себѣ ни добро, ни зло: это только средство дѣлать добро или зло, а безъ воспитанія чаще всего является злость... Доказано, что съ возрастаніемъ грамотности возрастаетъ и преступность, и это конечно потому, что даютъ дѣтямъ въ руки ножъ, а не научаютъ ихъ употреблять его на пользу себѣ и другимъ...

Вѣдь все это давнымъ—давно извѣстно, все это — неоспоримыя истины, и однажды давайте намъ обученіе, да еще всеобщее, и—ни слова о воспитаніи!...

Мнѣ скажутъ: при обученіи само собою разумѣется и воспитаніе.

Не будемъ лицемѣрить, будемъ смотрѣть въ глаза самой жизни, самому дѣлу обученія, какъ оно стоитъ... Мнѣ кажется, не стоитъ напрасно тратить время, чтобы доказывать, что все наши школы, и высшія, и среднія, и низшія почти не думаютъ о воспитаніи: вся ихъ забота сосредоточена на учебѣ. Развѣ только наша бѣдная — церковно-приходская школа еще дѣлаетъ кое-что для воспитанія дѣтей народа, но не за то ли ее и гонять не-счастную, не за то ли и хотѣть изморомъ извести? Я не врагъ грамотности, но и не считаю ее такимъ великимъ благомъ, чтобы выбрасывать на нее тѣ миллионы, которые выжимаются изъ народа преступнымъ поощреніемъ пьянства: простите мнѣ, иначе я не умѣю назвать систему монополіи въ продажѣ водки. О, конечно, если бы не было на насть десяти-одиннадцати

милліардовъ долговъ, если бы не приходилось каждый годъ выплачивать по этимъ долговымъ обязательствамъ полмилліарда однихъ процентовъ,—тогда нашъ первый долгъ лежалъ бы позаботиться о народной школѣ,—говорю о школѣ, чо еще не о всеобщемъ обученіи, ибо для всеобщаго обученія надо прежде всего позаботиться о томъ, кого приставить къ этому дѣлу—о воспитателяхъ народа—учителяхъ, а еще первѣе—о пастыряхъ, обѣ отцахъ духовныхъ, какъ воспитателяхъ народа въ духѣ Христова ученія. Но попытайтесь сказать это вслухъ нѣкоторыхъ нашихъ законосоставителей—на васъ обрушатся всѣ громы и молніи этихъ якобы проѣвѣщенныхъ господъ!.. Какъ не признать это—гипнозъ, своего рода помѣшательствомъ на внушенной идее? А что она внушена, въ этомъ для меня сомнѣнія нѣтъ. И внушена она врагами рода человѣческаго масонами и іудеями. И нужно это всеобщее обученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно несомнѣнно будетъ вводиться—нужно не народу, а вотъ этимъ не-прошенымъ радѣтелямъ народнаго блага. Вѣдь никакого сомнѣнія нѣть въ томъ, что дѣло обученія, если оно попадетъ въ руки этихъ просвѣтителей, поведется такъ, что изъ души народной будетъ вытравлено все, что такъ дорого русскому человѣку, за что онѣ умираль, что выстрадаль и сберегъ за тысячу лѣтъ своего исторического бытія. Попробуйте потребовать, чтобы въ народныя школы ввели старыя, столь любимыя нашимъ народомъ книги Часословъ и Псалтирь: да одно наименование сихъ священныхъ книгъ способно вывести ихъ изъ состоянія духовнаго равновѣсія: мыслимо ли-де это? Какое мракобѣсіе, крепікализмъ, обскурантизмъ

и прочіе безумные глаголы... Вотъ если вмѣсто Евангелія и Псалтири учить дѣтей по Толстому—вотъ это будетъ „просвѣщеніе!“ На это и учителей достаточно: говорятъ, изъ Сибири и другихъ не столь отдаленныхъ мѣстъ въ послѣднее время вернулось до 22000 такихъ народныхъ просвѣтителей: вотъ имъ и надо дѣло и мѣсто дать!

Я со страхомъ помышляю о томъ времени, когда осуществится *такое* всеобщее обученіе. Уже и теперь по мѣстамъ юные грамотеи, наслушавшись всякихъ освободительныхъ бредней, начитавшись жидовскихъ газетъ и брошюръ, потеряли и Бога, и совѣсть, и стыдъ, и всякий страхъ, и терроризуютъ деревню: что будетъ, когда все молодое поколѣніе заразится этой отравой? Что станется съ народомъ, когда наше старое поколѣніе все сойдетъ въ могилу? Что будетъ съ Русью нашей, когда отравленное невѣріемъ, кощунствомъ, богохульствомъ и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся въ идотовъ отъ алкоголизации, новое, болѣлое и духомъ и тѣломъ поколѣніе явится хозяиномъ на родной землѣ?.. Вѣдь надо помнить, если мы христіане, что Богъ поругаемъ не бываетъ! Надо помнить, что даже наука,—не говорю уже о нравственномъ законѣ, о правосудіи Божіемъ—даже безпристрастная наука свидѣтельствуетъ, что въ самыхъ законахъ природы лежитъ законъ возмездія за нарушеніе закона нравственнаго...

Мы открываемъ новые университеты въ то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладѣли іудеи, когда годами пустуютъ десятки каѳедръ въ іудействующихъ университетахъ, когда жрецы науки въ большинствѣ обратились въ прислужниковъ нѣдобросовѣтной, про-

тивонародной политики и антихристіанскихъ лжеученій, и вотъ, въ такое-то время мы готовы бросить десятки миллионовъ на новые университеты сотни миллионовъ на всеобщее обученіе, не желая давать себѣ отчета даже въ томъ: найдемъ ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новые народныя школы?... Что все это, какъ не гипнозъ, какое-то помѣшательство на искаженій идеѣ просвѣщенія?

Нужно сначала отрезвить народъ, потомъ просвѣщать. Прежде спасти его отъ алкоголизации, отъ вырожденія, отъ поголовной гибели... А то „просвѣщеніе“, которое готовятъ ему въ видѣ „всеобщаго обученія“ съ учителями новаго типа, только ускорить эту гибель. Если есть у васъ лишнихъ сто миллионовъ—то сократите на эту сумму спаиваніе народа. Если нѣть никакой возможности обойтись безъ питейнаго дохода *сразу*, уничтоживъ всякое производство и продажу алкоголя во всѣхъ его видахъ, признавая его ядомъ наравнѣ съ опіумомъ, гашишемъ и подобными отравами, строжайше преслѣдую его продажу и выдачу,—то *постепенно* сводите доходы отъ этого яда на нѣть. Этихъ доходовъ получаетъ государство въ чистомъ видѣ, за покрытіемъ расходовъ по монополіи, положимъ, полмилліарда въ годъ. Признано возможнымъ чрезъ десять лѣтъ тратить на „всеобщее обученіе“ лишнихъ по сто миллионовъ въ годъ. Если имѣть мужество отказаться на время не только отъ „всеобщаго обученія“, но и еще отъ многихъ прихотей и предметовъ роскоши, отъ казенныхъ театровъ, напримѣръ, предоставивъ заботу на все это изыскивать средства тѣмъ, кто хочетъ пользоваться этой роскошью, если, взамѣнъ питейнаго дохода,

обложить акцизомъ, напримѣръ, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконецъ, ввести снова подоходный или иной какой налогъ на все, безъ исключенія, населеніе имперіи, то кто знаетъ, можетъ быть мы и побѣдили бы кажущагося доселѣ непобѣдимъ врага — народное пьянство! А затѣмъ еще вѣсколько лѣтъ усилий, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливѣйшимъ народомъ среди народовъ земныхъ, безъ всякаго питейного дохода. Вѣдь если сказать правду, то весь чистый (какъ это слово не къ мѣсту приходится употреблять!) лучше бы сказать — весь *нечистый*) доходъ отъ питей приходится отдавать кредиторамъ какъ процентъ, и не будь долговъ — не было бы этого расхода. Вотъ тогда и можно было бы говорить и о всеобщемъ обученіи, и — непремѣнное условіе: подъ надзоромъ и руководствомъ Церкви, и обѣ университетахъ, конечно съ составомъ профессоровъ — честныхъ служителей науки, и о многомъ другомъ, о чёмъ теперь и мечтать нельзя...

Но я скажу нѣчто болѣе отрадное; если бы можно было сдѣлать опытъ: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернію, оградивъ ее отъ водки совершенно, то — я увѣренъ — чрезъ пять лѣтъ въ ней само собою появилось бы, безъ участія казны, и всеобщее обученіе... И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропиваетъ эта губернія, осталось бы въ ея экономіи, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явились бы потребность, нашлись бы и средства у самого населенія, безъ пособія казны, къ открытію школьн., развитію ремесель, кустарного производства...

Ужели это невозможно? Какъ же

въ Америкѣ есть штаты, гдѣ абсолютно нѣтъ алкоголя? Или что у другихъ народовъ возможно, то у насъ немыслимо? Да проявите же наконецъ мужество взять въ руки вожжи, повѣрьте въ совѣсть народную, призовите св. Церковь въ помощь!.. Вѣдь рѣчь идеть о спасеніи народа, великаго народа, великаго государства, вѣдь предъ нами стоитъ неотступно вопросъ: быть или исчезнуть въ исторіи нашей Руси святой?

Время всякой вещи подъ небесемъ, говорить великий царственныи мудрецъ. Придетъ время и всеобщему обученію. Но на очереди прежде всего стоитъ вопросъ о спасеніи народа отъ вырожденія, отъ алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионовъ на всеобщее обученіе, то бросьте эти миллионы на борьбу съ алкоголемъ. Какъ это сдѣлать — особый вопросъ. Быть можетъ постепеннымъ терроріальнымъ вытѣсненіемъ алкоголя, напримѣръ: съ такой — то губерніи получается 20 миллионовъ, постановите, чтобы въ теченіи двухъ лѣтъ были закрыты всѣ до единаго мѣста продажи алкоголя въ этой области, а противъ тайной продажи ввести драконовскіе законы, чтобы не повадно было шинковать. Чрезъ 10—20 лѣтъ Россія избавится отъ водки... А можетъ быть люди умные придумаютъ другую систему борьбы съ алкоголемъ. Такъ ли, иначе ли, но если мы не хотимъ исчезнуть безслѣдно со страницъ исторіи, или обратиться въ вьючный скотъ для іудеевъ, то прежде всего надо объявить безощадную борьбу съ алкоголемъ. А всеобщее обученіе насъ не спасеть отъ всеобщей гибели....

Пишу я эти строки и думаю: а дочитаютъ ли ихъ до конца мои читатели? Не скажутъ ли: „ну, за-

мечтался архіерей? Мыслимо ли то, что онъ проектируеть?“

Да, конечно не мыслимо, если нѣть среди насъ на лицо богатырь мысли и дѣла, если мы такъ дряблы, что не хотимъ проявить ни малѣшьей иниціативы, если идемъ на поводкѣ у разныхъ либераловъ—работъ масонства и іудейства. И до боли горѣко сознавать, что какъ-то азіаты японцы, язычники по вѣрѣ, не благородные аріцы, а желтогожіе монголы, больше насъ любить свою родину, больше насъ проявляютъ иниціативы въ государственной жизни... А мы, потомки великихъ собирателей Руси, мы, носители лучшихъ завѣтовъ христіанской культуры въ православіи, мы, сумѣвшіе еще такъ недавно объединить въ одно цѣлое шестую часть земного шара, мы, имѣющіе у себя идеальнѣйшую власть въ лицѣ Божія Помазанника — Самодержца,—мы—увы—боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся высказать что-либо такое, что покажется нeliберальнымъ „Европѣ“, а лучше, прямѣе сказать—іудеямъ-масонамъ, мы рабски повторяемъ то, что подскажутъ намъ эти фарисеи-лицемѣры!... Вѣдь у нихъ такой богатый запасъ красивыхъ, хотя въ сущности пустѣйшихъ словъ: „свобода совѣсти, свобода печати, свобода собраній, союзовъ... всеобщее обученіе, высшая наука“ и т. д. и т. д. безъ конца! И всѣ эти слова имѣютъ какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не въ силахъ противостоять этому очарованію. Мы не смѣемъ даже подумать русскимъ свободнымъ умомъ, русскою, какъ говорили наши дѣды, смекалкою... И они, наши враги, отлично это знаютъ и отлично играютъ на этой нашей болѣйной струнѣ. Стоить

громко свое русское, прямое слово сказать, какъ они поднимаютъ такой лай, что не радъ будешь проявленію своего мужества, ибо нѣть увѣрности, что и свои-то, русскіе люди, тебя поддержатъ. До чего мы дошли? До такого униженія, до такого позора! Право же стыдно становится за нашу интеллигенцію, за наши правяще классы! Стыдно, но и—грѣшно! Грѣшно предъ Богомъ, грѣшно и предъ народомъ...

Я кончилъ свой дневникъ о всеобщемъ обученіи, когда мнѣ подали № 282 „Русскаго Знамени“, въ которомъ я прочиталъ статью г. Фиты „Какъ франкъ-масонство завоевало народную школу во Франціи“. Я очень и очень рекомендовалъ бы всѣмъ, кто еще не запутался въ сѣтяхъ этой проѣктизованной тайной организаціи, кто любить нашу матушку Русь православную, кто желаетъ ей добра, не разъ перечитать эту статью. Онъ увидѣть бы, что воистину ничто не ново подъ солнцемъ, и нашу бѣдную родину ведутъ по тому же богоотступническому пути, по какому франкъ-масоны уже привели несчастную Францію на край погибели. Мы спимъ, а эти дѣти сатаны у насъ работаютъ настолько успѣши, что на послѣднемъ масонскомъ конвентѣ въ прошломъ сентябрѣ произведено было нѣсколько „побѣдныхъ салютовъ“, то-есть взрывовъ рукоцлесканий въ честь „той великой страны, въ которой, несмотря на всѣ трудности франкъ-масонству удалось достигнуть въ эти годы чрезвычайно важныхъ результатовъ“. Какая это страна и какіе это результаты,—замѣчаетъ авторъ, не трудно догадаться всякому...

Официальное масонамъ отказано въ разрѣшениі пропаганды въ Россіи

сії. Но они вторглись къ намъ подъ разными наименованиями и крѣпко засѣли и раскинули свои гибельныя сѣти по всей Россіи. У настѣ образовалось множество всевозможныхъ „лигъ“, а въ послѣднее время въ Петербургѣ возникъ „французскій институтъ“, поставившій себѣ задачею „болѣе широкое распространеніе французскихъ идей среди русскаго народа“. Какія это идеи—чтый да разумѣеть. Какъ масонамъ не торжествовать победу надъ нами! Удивляться надо, какъ ослѣпли наши власти имущіе, что ничего не видѣть, ничѣмъ не тревожатся, ничего не подозрѣваютъ?

Исторія Франціі послѣдняго столѣтія ясно указываетъ, къ чему стремятся масоны и у настѣ. Ихъ главная задача—„обезхристіаненіе“ всего человѣчества, уничтоженіе христіанства, а съ нимъ и всякой культуры на землѣ и превращеніе всѣхъ людей въ рабочій скотъ для себя. Съ этой цѣлію они захватываютъ въ свои руки школу, вытравляютъ у дѣтей всякое религіозное, нравственное и патріотическое чувство, тщательно вычеркиваютъ имя Божіе изъ учебниковъ, а когда и это неудобно, то нарочито сочиняютъ учебники, въ коихъ ни слова нѣть о Богѣ, о Церкви, о любви къ отечеству... Въ несчастной Франціи все это почти достигнуто, а у настѣ стоитъ на очереди... И тамъ началось съ закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи и изгнаніемъ изъ школъ духовенства, какъ мечтаютъ сдѣлать и у настѣ. И тамъ отобрали всѣ школы у церкви, какъ хотятъ отнять и у настѣ. Тамъ дошло дѣло до того, что учителя всѣхъ школъ состоять членами масонскихъ ложъ, что Распятія и др. священные изображенія выброшены изъ школъ, молитва въ школахъ запрещена, строжайше запрещено

учителямъ и учительницамъ ходить и водить въ церковь дѣтей и пытаются даже родителямъ наказывать штрафомъ, если будутъ водить дѣтей въ храмъ Божій... Специалистами безбожія выработанъ и катихизисъ, кончающійся такимъ исповѣданіемъ вѣры:

„Я вѣрю въ Землю, созиательницу всякой матеріи;

„я вѣрю въ Разумъ, Творца всяческой справедливости;

„я вѣрю въ Солидарность, источникъ всякаго могущества.

„Человѣчество обладаетъ этими тремя вещами, человѣчество можетъ поэтому достигнуть само Совершенства.

„Такъ должно быть, такъ и будеть. Аминь“.

Такимъ образомъ начальное народное образованіе очутилось цѣликомъ во власти масоновъ. Несравненно легче и скорѣе масоны овладѣли средними и высшими школами. Могучимъ орудіемъ къ этому послужила печать, которая почти вся въ ихъ рукахъ. Печать подготовляла общественное мнѣніе. Авторъ говорить: „Все было съ замѣчательной предусмотрительностью обсужденено и учтено. Великій Востокъ (центральная ложа масоновъ) понималъ хорошо, что величія дѣла не проходять безъ затрудненій и потому, когда иной его проектъ встрѣчался въ палатѣ криками ужаса и протестовъ, онъ этимъ нисколько не смущался, ибо это было уже предусмотрѣно. Обыкновенно, послѣ внесенія такого сногсшибательного предложения, послѣднее передавалось въ парламентскую комиссию, которая согласно полученнымъ, откуда слѣдуетъ, инструкціямъ нѣсколько видоизмѣняла законопроектъ, кое-что смягчая и выкидывая изъ него. Ядь былъ разбавленъ, чаша подслащена, но напитокъ сохранялъ

всю силу своей вредоносности. А между тѣмъ негодование мало-помалу умѣрялось, протесты становились слабѣ... Что жъ? И то хорошо, чего добились! Хуже вѣдь могло случиться... Наконецъ, когда законопроектъ снова передавался на усмотрѣніе палаты, въ него вводились еще одна-две легонькихъ, пустяшныхъ поправки и—злодѣйский законъ прошелъ!.. Утомленное, обезкураженное общественное мнѣніе покоряется. А печать не дремлет: создаетъ лукавыми статьями иллюзію якобы достигнутаго новымъ закономъ успѣха“.

Читая эти строки, поражаешься: да вѣдь все это буквально происходит и у насъ, въ нашихъ „палахъ“! Все это мы, члены Г. Совѣта, видимъ воочію! Вѣдь вотъ именно такъ прошелъ (слава Богу—неутвержденный Государемъ) законопроектъ о разстригахъ; такъ прошелъ законопроектъ о переходѣ изъ одной вѣры въ другую; такъ идутъ теперь законопроекты о праздникахъ и о всеобщемъ обученіи. Очевидно, масоны работаютъ и у насъ безъ всякаго стѣсненія. Да и чего имъ стѣсняться, когда все—къ ихъ услугамъ: и печать и общественное мнѣніе, и представители власти, и наши якобы законодательныя учрежденія... Если заглянуть имъ въ душу, то и они мечтаютъ о томъ же, о чемъ уже говорятъ французскіе ихъ „братья“: „пока мы не измѣнимъ радикально мозгъ нашихъ согражданъ, пока мы не дадимъ совершенно другого направленія умственности французскихъ (читай: русскихъ) дѣтей, франмасонство должно считать себя еще ничего не сдѣлавшимъ... Поэтому надо всѣми мѣрами добиваться про-

веденія закона, которымъ возбранялось бы формально родителямъ, родственникамъ и опекунамъ воспитывать своихъ дѣтей въ какой-либо религіи подъ страхомъ лишенія ихъ родительскаго, родственничаго и опекунскаго авторитета и легальной власти, и отображенія дѣтей, и порученія таковыхъ, за счѣтъ виновныхъ, государству“.

И нѣтъ сомнѣнія, если Русскій народъ не дастъ могучій отпоръ этимъ вождѣніямъ, то и у насъ будетъ то же, что во Франціи. И мы съ ужасомъ увидимъ прямое гоненіе на вѣру православную со стороны этихъ слугъ сатаны, которые и дѣтей нашихъ будутъ отнимать у насъ, чтобы воспитывать ихъ въ ненависти къ нашей св. вѣрѣ, и у насъ, какъ хорошо выразился „Колоколь“, будуть свои „янычары“, и у насъ—скорѣе, чѣмъ во Франціи,—польется кровь христіанская...

Вотъ край желаній тѣхъ, кто такъ радѣеть у насъ о всеобщемъ обученіи! Не г.г. министровъ, которые составляли законопроектъ, а тѣхъ, кто всѣ уши прожужжалъ симъ министрамъ, требуя сего законопроекта...

Пора же наконецъ опомниться, пока не поздно! Пора рѣшительно и твердо порвать дружбу съ правительствомъ Франціи, измѣняющимъ Христу и открыто служащимъ сатанѣ! Пора взяться за свой русскій умъ и итти своей, Богомъ указанной дорогой! Вѣдь право же тошнить отъ этого подслуживанья врагамъ рода человѣческаго, этого пресмыканія предъ мерзостію запустѣнія, что царить въ несчастной Франціи, что губить уже многіе народы...

106—107.

Памяти великаго священномученика за отечество.

Счастливъ народъ, помнящій завѣты своихъ предковъ благочестивыхъ; счастлива Церковь, присно пребывающая въ благодатномъ общеніи съ Церковію вѣковъ минувшихъ; счастливъ ты, православный Русскій народъ, что есть у тебя крѣпкіе предъ Богомъ стоятели и печальники, но счастливъ дотолѣ, пока идешь по стопамъ ихъ, пока свято хранишь завѣты ихъ!

Мы переживаемъ крайне опасное для отечества нашего времія, когда темныя силы вражды стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказивъ или, по крайней мѣрѣ, подмѣнивъ все наше народное православно-русское міросозерцаніе. И вотъ, промысломъ Божіимъ, это печальное и опасное для народа, для Россіи, времія совпадаетъ съ годовщинами великихъ воспоминаній далекаго по времени, но близкаго сердцу прошлаго въ исторіи нашего отечества. И встаютъ предъ нами великие герои духа изъ того отдаленнаго прошлаго, и во главѣ ихъ — несокрушимый адамантъ вѣры, богатырь духа, святѣйшій всероссійскій Патріархъ Гермогенъ. 17 февраля исполняется ровно триста лѣтъ, какъ заморенный голодомъ въ мрачномъ подземельи Чудова монастыря отошелъ къ Богу святою своей душой этотъ священномученикъ за отечество. Благовременно вспомнить его священные завѣты, особенно благопотребные для нашего, столь измѣльчавшаго духомъ и оскудѣвшаго вѣрою поколѣнія,

За свое ревностное служеніе Церкви и строгую подвижническую жизнь удостоенный сана митропо-

лита только-что покоренной Казани, святитель Божій весь отдался святому дѣлу утвержденія въ православіи новокрещенныхъ татаръ, изъ коихъ нѣкоторые возвращались въ магометанство, а другіе уклонялись въ католичество и лютеранство. Митрополит Гермогенъ испросилъ у Царя Феодора Ioannovicha указъ, въ силу котораго новокрещенные татары поселены были вмѣстѣ съ русскими въ особой слободѣ, где для нихъ построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посѣщали богослуженіе, носили кресты на груди, имѣли у себя иконы и жили по православному. А иновѣрцамъ было запрещено брать на службу къ себѣ православныхъ. Святитель Божій не пускался въ разсужденія о какой-то свободѣ совѣсти: онъ вѣровалъ, что истина православія превыше всѣхъ сокровищъ на землѣ и ограждалъ ее всею силою своей святительской власти. И ни въ какія сдѣлки съ своею совѣстью онъ не входилъ, и грѣхомъ почелъ бы допускать сокращенія изъ православія въ какую бы то ни было иную вѣру.

Вотъ урокъ вашимъ законопоставителямъ! Вотъ завѣть великаго поборника вѣры православнымъ русскимъ людямъ! Хотите милости Божіей — не стыдитесь исповѣдать православную вѣру, какъ едину истинную, едину спасающую, какъ неоцѣненное сокровище, намъ вѣренное; старайтесь и другіе народы дѣлать участниками и причастниками этого безцѣннаго сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсѣмъ либеральныя мѣры — въ родѣ тѣхъ,

какія примѣняются къ неразумнымъ дѣтямъ...

Но вотъ святитель вызванъ въ Москву. На престолъ Русскихъ Царей — ставленникъ поляковъ самозванецъ Лжедимитрій. Онъ высказывается за унію съ римскимъ папой. Онъ хочетъ жениться на польскѣ-католичкѣ, не присоединяя ее къ православной Церкви. И почти всѣ молчатъ, никто не протестуетъ противъ новшества, которое грозить уничтоженiemъ православія на Руси... Только митрополитъ Гермогенъ да коломенскій святитель Іосифъ открыто возстаютъ противъ этого оскорбліенія Церкви Православной, только они громко заявляютъ, что невѣста названного Димитрія должна принять крещеніе, торжественно исповѣдать истину православія, иначе бракъ не будетъ законнымъ... Самозванецъ за такое дерзновеніе высылаетъ Гермогена въ Казань, гдѣ онъ не лишился своей каѳедры только потому, что Лжедимитрій вскорѣ послѣ того былъ растерзанъ народомъ...

Вотъ урокъ и намъ, святителямъ, и каждому, кто поставленъ говорить правду предъ сильными міра сего. Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на тѣ бѣды, которыя, можетъ быть, грозятъ тебѣ за правду Божію: смѣло стой за святую вѣру православную, если видишь гдѣ-нибудь и въ чемънибудь опасность для нея! Истина Христова, вѣра православная, дороже нашей жизни. Святое православіе есть душа русской души народной. Не будетъ православія на Руси — не будетъ и народа Русскаго. За истину святаго нашего православія мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и всѣ блага земныя, и самую жизнь. Стремъ же въ своей совѣсти предъ лицемъ этого великаго стоятеля за

православіе, святителя Гермогена, и спросимъ себя: готовы ли мы на это? Не лукавимъ ли во имя разныхъ либеральныхъ бредней, во имя масонской свободы совѣсти, гуманизма и прочихъ безсмысленныхъ глаголовъ?.. А время, нами переживаемое, несмотря на проповѣдь всяческихъ „свободъ“, именно требуетъ такого мужественнаго исповѣданія и не лишено возможности гоненій...

Парствуетъ Василій Іоанновичъ Шуйскій, а смута не утихаетъ: является второй самозванецъ, мѣтко заклейменный въ исторіи именемъ „тушинскаго вора“. Святитель Гермогенъ уже на престолѣ патріаршемъ. Онъ мужественно стоитъ противъ смутяновъ. Онъ посыаетъ къ мятещикамъ для увѣщанія крутицкаго митрополита Пафнутия. Онъ разсыаетъ по городамъ грамоты, въ которыхъ извѣщаетъ о гибели первого самозванца-еретика Гришки Отрѣпьева, о перенесеніи св. мощей Царевича Димитрія въ Москву, о воцареніи Шуйскаго — Царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ. Онъ предупреждаетъ, что явился новый самозванецъ, и требуетъ отъ духовенства, чтобы его грамоты были по нѣсколько разъ прочитаны народу при служенії молебновъ о здравіи и спасеніи Богомъ вѣнчаннаго Государя. Такъ онъ старался утвердить въ умахъ и сердцахъ тогдашнихъ русскихъ людей вѣрность законному Царю. И его слова ложились на добрья русскія сердца, и многіе отстали отъ самозванца и вернулись на службу къ Василію Іоанновичу.

Чтобы еще болѣе разсѣять туманъ смуты въ умахъ, Царь и Святитель Гермогенъ вызвали изъ Старицы бывшаго Патріарха Іова, чтобы онъ даровалъ народу разрѣшеніе отъ грѣховъ — нарушенія крестнаго цѣ-

лованія и измѣны. 20 февраля 1607 года въ Успенскомъ соборѣ произошло всенародное покаяніе предъ престарѣлымъ Патріархомъ Іовомъ, который разрѣшилъ виновныхъ въ клятвопреступленіяхъ и измѣнахъ. На многихъ это подѣствовало благотворно, но не на всѣхъ. Смута развратила умы до того, что люди забывали долгъ свой въ отношеніи къ родинѣ, къ родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца—Тушинского вора, несмотря на то, что онъ вовсе даже не былъ похожъ на первого Лжедимитрія (говорятъ, это былъ просто—жидъ изъ Польши). Этого бродягу сопровождали іезуиты которыми былъ данъ наказъ дѣйствовать остерожнѣе, чѣмъ при первомъ самозванцѣ, въ дѣлѣ распространенія уніи и латинства въ Россіи. Іезуиты должны были удалять отъ самозванца русскихъ людей, окружая его католиками и уніатами, всячески склонять бояръ къ измѣнѣ православію, заводить въ Россіи католическая и уніатская школы, строить костелы, изгонять изъ Россіи грековъ и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось отъ всѣхъ русскихъ людей, но прозорливый Патріархъ раньше другихъ разгадалъ лукавыя цѣли поляковъ. Онъ еще ревностнѣе сталъ поддерживать Царя Василія Іоанновича, какъ защитника православія. Онъ не останавливался даже предъ анаемою противъ измѣнниковъ Царю и отечеству. Въ 1609 году мятежники вытащили его на Лобное мѣсто среди Красной площади и, тряся его за воротъ, бросая ему песокъ въ лицо, требовали, чтобы онъ присоединился къ нимъ для низложенія Царя Василія Іоанновича съ престола, ссылаясь на то, что этотъ Царь былъ избранъ одною Москвою, безъ уч-

стія другихъ городовъ и что изъ-за него льется кровь многая. Но Патріархъ решительно сказалъ измѣнникамъ: „доселѣ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Тверь, ни Астрахань, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва всѣмъ имъ указывала; а что кровь льется—то не вина Царя“. Твердость первосвятителя способствовала тому, что крамольный замыселъ на сей разъ не удался, а заговорщики убѣжали въ Тушино. Тогда Патріархъ и туда отправилъ свою грамоту. „Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста“, писалъ онъ, „а нынѣ не вѣдаемъ, какъ и назвать васъ, ибо вы отступили отъ Бога, возненавидѣли правду, отпали отъ соборной и Апостольской Церкви, отступили отъ Бога и святымъ елеемъ помазанного Царя, вы забыли обѣты православной вѣры нашей, въ которой мы родились, крестились, воспитались, возрастили, преступили крестное цѣлованіе и клятву—стоять до смерти за домъ Пресвятаго Богородицы и за Московское государство и пристали къ ложно-мнимому царику вашему. Болитъ моя душа, ноеть сердце, я плачу и съ рыданіемъ воплю: помилуйте, братія и чада, свои души и своихъ родителей, отошедшихъ и живыхъ, посмотрите, какъ отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопиющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю васъ именемъ Господа Бога, отстаньте отъ своего начинанія, пока есть время, чтобы не погибнуть вамъ до конца, а мы, по данной намъ власти, примемъ

вась кающихся и упросимъ Государя простить вась: онъ милостивъ..."

Увы и этотъ трогательный отеческій призывъ не имѣлъ успѣха.

Что сказалъ бы святитель Божій, если бы онъ нынѣ всталъ изъ гроба своего къ нынѣшнимъ „бывшимъ христіанамъ“ — смутиянаамъ вся-каго чина и возраста? Не повторилъ бы онъ свои грозныя слова: „не вѣдаемъ, какъ и назвать васъ, отступники отъ Бога и Апостольской Церкви, измѣнники Царю—Божію Помазаннику, приставшіе—не къ Тушинскому вору, а къ еще болѣе постыдному „ложно-мнимому царіку“ — современному „прогрессу“, подъ которымъ укрывается заклятый врагъ христіанства и всего человѣчества — масонство, руководимое тѣми, которые нѣкогда сами на себѣ призвали небесное проклятіе, когда взвывали: „кровь Его на насть и на чадахъ нашихъ!“ Болитъ моя душа, иоетъ сердце, я плачу и рыдаю... Заклинаю васъ именемъ Господа Бога: пожалуйте себя, пожалуйте отечество!..."

Скоро въ предѣлы Россіи вторгся самъ польскій король Сигизмундъ и осадилъ Смоленскъ. А 17 іюля въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ противъ Царя Василія Іоанновича. Съ Красной площади толпы двинулись къ Серпуховскимъ воротамъ, куда насилино привели и Патріарха Гермогена. Здѣсь раздался только одинъ голосъ за Царя Василія: то былъ голосъ Гермогена, который продолжалъ стоять за него, по присягѣ, какъ за законнаго государя, вѣнчаннаго Церковью на царство. Онъ говорилъ народу, что тамъ нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія Божія, что измѣна Царю есть страшное злодѣйство, за которое грозно накажетъ Богъ и что она не избавитъ Россіи отъ бѣдствій, а еще глубже погру-

зить ее въ ихъ бездну. Но увѣща-нія старца-святителя были безуспѣшны и Царь Василій Іоанновичъ въ тотъ же день былъ низверженъ и удаленъ изъ Кремля въ свой домъ на Арбатѣ... На другой день Патріархъ еще разъ вышелъ на пло-щадь къ народу и уговаривалъ его возвратить Шуйскаго на царство, но враги Царя Василія успѣли уже на-сильно постричь его въ монахи. Несмотря на то, что Царь наотрѣзъ отказался отъ постриженія, громко кричалъ „не хочу!“—князь Ту-ренинъ произносилъ за него обѣты, а Ляпуновъ съ наглостью держалъ его за руки, чтобы онъ не отмахивался, когда на него надѣвали монашескія одежды. Царицу Марію насилино увезли въ Вознесенскій монастырь и тамъ постригли. Она рвалась изъ рукъ, стеналя, звала супруга сво-его, называла его милымъ государемъ, кричала, что будетъ называть его своимъ мужемъ и въ монашеской рясѣ. Патріархъ объявилъ незаконнымъ это насилиственное постриженіе, молился за Василія Іоанновича въ храмахъ, какъ за законнаго Царя, и не считалъ его инѣкомъ, а монахомъ призналь князя Ту-ренина, который вмѣсто него произносилъ священныя обѣты. Все это произ-вело сильное впечатлѣніе на москвичей...

Междудѣмъ поляки дѣлали свое дѣло. Они всюду разсыпали свои прокламаціи, возбуждая ненависть противъ Царя Василія, указывая на то, будто въ царствѣ Московскому все идетъ дурно въ его правленіе, что изъ-за него и чрезъ него непрестанно льется кровь христіан-ская. Умы волновались. Поляки под-купили податливыхъ на измѣну рус-скихъ людей, которые готовы были поймать Царя Василія и отправить пленникомъ къ королю Сигизмунду. А многіе изъ тѣхъ, которые стояли

во главѣ переворота, буквально исполняя планъ польскій, думали искренно, что служать своему отечеству. Тѣмъ выше проницательность первосвятителя Церкви Патріарха Гермогена, прорѣвавшаго въ этомъ дѣлѣ смуты величайшую опасность для Россіи, ея вѣры, государственности и народности. И тотъ, кто держалъ въ это трудное время въ своихъ твердыхъ рукахъ посохъ Все-рussiйскихъ Первосвятителей: Петра, Алексія, Ионы и Филиппа, столько потрудившихся для созданія единаго мощнаго Московскаго государства, головою былъ выше всѣхъ своихъ современниковъ въ государственномъ отношеніи. Онъ больше, чѣмъ кто-либо изъ героевъ этого страшнаго времени сдѣлалъ для спасенія Россіи и запечатлѣлъ свои подвиги мученическою смертью въ 1612 году.

Когда верховная власть перешла къ боярской думѣ, когда бояре рѣшили призвать на русскій престоль польскаго королевича Владислава, снова громко поднялъ свой голосъ противъ этого опаснаго для отечества шага святѣшій Патріархъ Гермогенъ. Онъ не смутился тѣмъ, что не достигнетъ цѣли, и прямо заявилъ, что онъ противъ призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престоль православнаго Царя изъ русскихъ, причемъ первый указалъ на юнаго боярина Михаила Феодоровича Романова, какъ на лицо, достойное царскаго вѣнца по его родству съ угасшимъ родомъ св. Владимира. Онъ напоминалъ о томъ, что пришлось испытать Русскому народу отъ поляковъ при Гришкѣ Отрецьевѣ.

— „Теперь же чего ждете?“ спрашивалъ онъ измѣнниковъ. „Развѣ только конечнаго разоренія царству и православной вѣрѣ?“

Но польскіе приспѣшники осыпали Патріарха насмѣшками.

— „Твое дѣло“, говорили они, святѣшій отче, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія дѣла тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться“.

Какъ это похоже на то, что и въ наше смутное время говорятъ намъ, настырямъ Церкви, современные намъ приспѣшники масоновъ и іудеевъ: не ваше дѣло мѣшаться въ политику! Какъ будто любовь къ отечеству—политика! Какъ будто охрана православной вѣры въ Россіи—политика! Святитель Гермогенъ не слушалъ тогдашихъ измѣнниковъ: онъ далъ намъ примѣръ и завѣтъ, какъ относится къ такимъ толкамъ. Онъ отстаивалъ правду Божью по архіерейской совѣсти, а не по толкованію тѣхъ, кто и Бога потерялъ и врагу продался...

Бояре не послушали Патріарха, но все же сдѣлали ему уступку: по его настоянію они потребовали, чтобы Владиславъ, прежде вступленія на престоль, принялъ православіе, не сносился съ папою, не строилъ на Руси костеловъ, не допускалъ къ намъ кzendзовъ и казнилъ смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ православія въ латинство,—женился бы на русской, не раздавалъ должностей полякамъ и, для обезпеченія государства отъ внесенія въ него чеголибо нерусскаго, требовали, чтобы королевичъ ничего не предпринималъ въ верховномъ управлѣніи безъ согласія боярской думы, а въ законодательствѣ и налогахъ—безъ одобрѣнія Земскаго Собора. Это было сдѣлано не ради присвоенія народу власти, а ради защиты русскихъ началь жизни отъ подавленія ихъ иноземцемъ. Тогдашніе русскіе люди, несмотря на всю смуту въ ихъ умахъ, еще помнили, что они—руssкіе, и тщательно старались оберегать свои народные завѣты, свои основы русской жизни. Только на этихъ условіяхъ и послѣ тяжелой внутренней

борьбы Патриархъ далъ свое согласіе на приглашеніе Владислава. Къ Сигизмунду подъ Смоленскъ были отправлены послы (именно тѣ лица, которые были особенно опасны для королевича Владислава: ясно, что выборъ сдѣланъ подъ вліяніемъ соѣтствъ польского гетмана Жолкѣвскаго) для переговоровъ: Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Голицынъ, такъ же, какъ и сынъ Филарета, Михаилъ, намѣчавшійся въ царі. Сами бояре предали въ руки поляковъ низведеннаго съ престола Царя Василія съ его братомъ Димитріемъ. Патриархъ не одобрялъ все-го этого, но вынужденъ былъ выжидать, пока поляки яснѣ раскроютъ свои планы. Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмундъ сталъ требовать, чтобы вместо Владислава русскіе присягнули ему самому и уже началь издавать указы отъ своего имени касательно русскихъ государственныхъ дѣлъ. Это значило, что онъ считаетъ Россію уже покоренную провинціей Польши... Нѣть нужды говорить, что это грозило гибелю и вѣрѣ православной и русской народности. Моментъ былъ страшный. Бояре стояли за польского королевича, въ своей слѣпотѣ не подозрѣвая опасности; Москва была въ рукахъ поляковъ; смута и измѣна увеличивались; люди, вѣрные отечеству и православной Церкви, были загнаны и забыты... Въ эту-то роковую пору „былъ единъ и уединенъ“, какъ выражается современный ему лѣтописецъ, святѣйшій Патриархъ Гермогенъ. Могъ ли онъ, казалось, въ своемъ полномъ одиночествѣ поднять Россію противъ поляковъ и самозванца на смертную борьбу? Но что же будетъ, если и этотъ, доселѣ твердый, какъ adamantъ, столпъ Церкви и всея Руси—теперь поколеблется? Что если и онъ,

изнемогши въ своемъ тяжкомъ одиночествѣ, подъ грозою гоненій омрачить себя мыслю, будто путемъ уступокъ и угодничества Польшѣ и католичеству можно спасти хоть часть историческихъ сокровищъ Россіи?...

Но благодареніе Богу! Этотъ великий и непокрушимый столпъ не поколебался, этотъ свѣтильникъ не угадъ и, по прежнему, въ сгущавшейся тьмѣ, свѣтилъ Россіи своимъ немерцающимъ свѣтомъ, который, по мѣрѣ роста бѣдствій и опасностей, разгорался все ярче и ярче. Просохъ великихъ первосвятителей Россіи, который вѣрной и твердой рукою держаль Патриархъ Гермогенъ, указалъ для Россіи пути и орудія спасенія отъ смуты и порабощенія. Ему именно принадлежитъ первенство въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ. За нимъ дружными рядами пошло все русское православное духовенство. Доблестный старецъ зналъ, что „иному некому пособить ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ“, и геройски стала на великую стражу Россіи. Онъ слѣдилъ за каждымъ, даже скрытымъ шагомъ враговъ, готовый поднять противъ нихъ всю силу Церкви и еще неугасшій въ народѣ духъ русской государственности и русской народности. Сначала Патриархъ, какъ говорить древнее сказаніе, „видя людей Божіихъ въ Велицѣї Россіи мятущихся и зѣло погибающихъ“, говорилъ имъ: „чада паства моя, послушайте словесъ моихъ! Что еще мятется и вѣряетъ души свои поганымъ полякамъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, общеніе съ злочищными волками? Вѣсте сами, яко издавна православная вѣра наша христіанская греческаго закона отъ инонѣменныхъ странъ ненавидима. Кими же нравы примирихомся съ инонѣменниками сими?“...

Какъ эти слова подходить и къ

нашему времени! И въ наше время такъ же, какъ и тогда, наша вѣра православная „всѣми иноплеменниками ненавидима есть“; и теперь, какъ и тогда, эти „иноплеменники“, эти французы и англичане, нѣмцы и итальянцы, и всѣ народы Запада, въ сущности съ презрѣніемъ относятся къ нашей вѣрѣ православной, а тѣ изъ нихъ, которые потеряли всякую вѣру, всячески стремятся и у насъ вырвать изъ народнаго сердца вѣру православную, а среди насъ, людей русскихъ, немало измѣнниковъ, которые готовы содѣйствовать имъ въ этомъ и чрезъ то загубить родную Русь...

Въ ноябрѣ 1610 года въ патріаршія палаты явился вождь поляющей паргіи, бояринъ Михайло Салтыковъ, и началъ рѣчь о Сигизмундѣ, „все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати самому королю“. Но напрасна была эта коварная попытка: непреклонный и всегда рѣшительный Патріархъ властно прекратилъ эти хитрыя рѣчи Салтыкова. Тогда, на другой день, измѣнникъ явился къ первосвятителю уже съ боярами правительствующей думы и сталъ прямо требовать разрѣшить народу цѣловать крестъ польскому королю, отдаваясь въ его полную волю и чтобы первосвятитель Церкви отпсалъ объ этомъ къ королю подъ осажденный Смоленскъ въ грамотѣ.

— „Стану писать къ королю грамоты, мужественно сказалъ Патріархъ,—и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, если королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дѣло, что намъ крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ

не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а русскимъ людямъ напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и литвы изъ Московскаго государства не выведеть, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловать, ити подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру“.

Вотъ рѣшительное и мощное слово о неустанной борьбѣ за то, что всего дороже для нашего народа, за вѣру православную! Это слово привело въ ярость измѣнника Салтыкова, который понялъ всю силу этого слова. Съ наглыми ругательствами наступалъ онъ на святѣйшаго Патріарха и даже бросился на него съ ножомъ. А Гермогенъ, поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семь вѣкѣ и въ будущемъ!“

— „Это твоё начало, господинъ“, обратился Патріархъ къ первому совѣтнику боярской думы — князю Мстиславскому:— „ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ больше другихъ подвизаться за вѣру православную: если ты прельстишься, то Богъ скоро прекратить жизнь твою, и родъ твой возмѣтъ отъ земли живыхъ и не останется никого изъ рода твоего въ живыхъ“.

Такія потрясающія слова Патріарха привели въ сильное волненіе присутствующихъ: даже такой закоренѣлый измѣнникъ, какъ Салтыковъ, поспѣшилъ испросить у Патріарха прощеніе, извиняя себя тѣмъ, что „безуменъ былъ и безъ памяти говорилъ“. Патріархъ отпустилъ бояръ, но не успокоился на сихъ объясненіяхъ. Несмотря на то, что поляки своими патрулями стояли Кремль и весь городъ, свя-

титель разослалъ своихъ дворовыхъ людей собирать народъ въ Успенскій соборъ. Съ церковнаго амвона онъ объяснилъ имъ всю грозную опасность настоящаго положенія для Церкви и отечества и прямо запретилъ цѣловать крестъ польско-му королю Сигизмунду, убѣждая народъ стоять за вѣру православную. Вотъ гдѣ первое начало народной борьбы съ поляками и русскими измѣнниками! Во главѣ ея сталъ самъ первосвятитель Церкви, и его слова стали разноситься по всѣмъ концамъ Россіи. Поляки не успѣли помѣшать этому важному и рѣшающему собранію, вскорѣ послѣ него окружили Патріарха своимъ надзоромъ и стра жею, но начало народной борьбы было уже положено. Въ слѣдующемъ году жители Ярославля писали въ своей грамотѣ по городамъ: „Если бы Патріархъ Гермогенъ не учинилъ такого досточуднаго дѣла, то никто, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, не смѣлъ бы молвить ни одного слова“...

Между тѣмъ наши послы подъ Смоленскомъ на всѣ требования польковъ отвѣчали отказомъ. Когда Салтыковъ, отъ имени бояръ, прислалъ имъ грамоту съ приказомъ, чтобы послы приказали смольянамъ сдатъ городъ Сигизмунду, Митрополитъ Филаретъ сказалъ: „такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онъ безъ воли Патріарха, а насть отпускалъ сюда Патріархъ“. А князь Голицынъ прибавилъ: „когда мы стали безъ государя, Патріархъ у насъ человѣкъ печальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ“. Что же касается требованія, чтобы смольяне, измѣнивъ своей присягѣ, сдали городъ полякамъ, то послы отвѣчали: „Богъ и русскіе люди никогда не простятъ намъ этого, и земля насть не понесетъ“.

Въ половинѣ декабря самозванецъ былъ убитъ въ Калугѣ, и Патріархъ властно рукою сталъ поднимать Русскій народъ и по областямъ уже на вооруженную борьбу съ поляками. На Рождество онъ началъ писать грамоты, которыя были об разцомъ всѣхъ послѣдующихъ грамотъ смутнаго времени. Эти грамоты поднимали мощныя волны народнаго одушевленія и самоотверженной готовности на великия жертвы для спасенія вѣры и отечества. Исходя отъ „перво престольника Апостольской Церкви и поборателя по истинной христіанской православной вѣрѣ“, онъ придавали народному движенію характеръ прежде всего—борьбы за вѣру, войны священной. Въ этихъ грамотахъ Патріархъ выставлялъ требование польского короля, какъ измѣнну клятвеннымъ обязательствамъ самихъ поляковъ. Поэтому онъ разрѣшилъ Русскій народъ отъ присяги, данной королевичу Владиславу. Это давало вполнѣ право русскимъ людямъ гнать клятвопреступныхъ поляковъ изъ Россіи. Царя на Руси не было; боярская дума измѣнила, Патріархъ являлся „начальникомъ земли Русской“ и потому онъ счелъ себя въ правѣ призвать народъ къ оружію. Въ своихъ грамотахъ онъ кликнулъ кличъ по областямъ—„всѣмъ, не мѣшкай, по земнему пути, собрався со всѣми городами, итти вооруженными ополченіями къ Москвѣ на польскихъ и литовскихъ людей“. Святитель Божій не останавливался предъ мыслью: дѣло ли Патріарха, служителя Церкви, говоря по вынѣшнему—„мѣшаться въ политику“, призывать къ оружію: пошелъ по стопамъ своихъ великихъ предшественниковъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ народно-государственныхъ и дѣйствовалъ по

завѣтамъ Церкви, которая, въ лицѣ Преподобнаго Сергія, вооружила мечами и копьями своихъ схимонаховъ и послала ихъ на битву, на Куликово поле... Въ началѣ 1611 года гонцы Патріарха скакали по всѣмъ областямъ. Грамоты Патріарха породили цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ; призываю посланія городовъ подклинивались къ патріаршимъ грамотамъ и вмѣстѣ съ ними персыдались отъ города до города. Уже въ томъ же 1611 году онѣ вызвали сборъ двухъ ополченій, во главѣ которыхъ потомъ сталъ князь Пожарскій вмѣстѣ съ Мининымъ. Эти грамоты пробудили народный духъ, воскресили надежду на спасеніе отечества, зажгли ревность къ этому святому дѣлу. Движеніе народное росло съ каждымъ днемъ. И изъ подъ Смоленска пришла въ Москву отъ нашихъ пословъ грамота, извѣщавшая, чтобы не надѣялись на то, что королевичъ будетъ царемъ въ Москвѣ: поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. „Ради Бога, писали эти русскіе люди: положите крѣпкій совѣтъ между собою, разослите списки съ нашей грамоты и въ Новгородѣ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ, и въ другіе города, чтобы всею землею сообща встать за православную вѣру, пока мы свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнѣ“.

Поляки не могли простить Патріарху такого дерзновенія. Чтобы отнять у него возможность разсыпать грамоты, „у него дѣяки, подъячіе и всякие дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ“. Съ этого времени его стали держать „какъ птицу въ заклѣпѣ“. Но это насилие еще больше возбуждало въ народѣ уваженіе и любовь къ Патріарху, еще больше придавало силы его грамотамъ. Сами

москвичи стали писать въ другіе города: „Вслѣдъ за предателями христіанства, Михаиломъ Салтыковымъ и Феодоромъ Андronовымъ съ товарищами, идутъ немногіе. Святѣйшій же Патріархъ прямъ, какъ самъ пастырь, душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ слѣдуютъ всѣ православные христіане. Будьте съ нами обще одно противъ враговъ нашихъ и вашихъ. Помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно. Если коренья не будетъ, къ чѣму прилѣпиться? Здѣсь корень нашего царства, здѣсь—занѣя отечества—образъ Божіей Матери, заступницы христіанской, который Евангелистъ Лука писалъ. Здѣсь великие свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы. Или вамъ, православнымъ христіанамъ, то ни во что поставить?“...

Чрезвычайно сильно и глубоко было дѣйствіе призывовъ Патріарха. Чистыя, неомраченныя смутой и измѣной, души были всецѣло на его сторонѣ. Но заговорила совѣсть и у тѣхъ, которые въ это смутное время измалодушествовались, проживая въ станѣ самозванцевъ и дружа съ поляками. Особенно поразительный и глубокій переворотъ произвели грамоты Гермогена въ душѣ Прокопія Ляпунова: изъ этого человѣка, дотолѣ колебавшаго сѣмо и овамо, онѣ сдѣлали вѣрнаго и твердаго исполнителя наставленій Гермогена. Въ какихъ только лагеряхъ не перебывалъ этотъ человѣкъ! Сначала онъ былъ въ станѣ Болотникова, откуда явился съ повинной къ Царю Василію Іоанновичу; затѣмъ онъ перешолъ на сторону его враговъ и, вопреки Патріарху, участвовалъ въ крамолѣ противъ Шуйскаго. Потомъ передался королевичу и его партіи, но сильныя слова Патріарха сдѣлали его наконецъ вѣр-

нымъ даже до смерти сыномъ отечества. Онъ образовалъ въ Рязани стройное ополченіе; при вѣсти о насилии надъ Патріархомъ онъ отправилъ въ Москву грамоту въ защиту его, и она подѣйствовала на правившихъ бояръ: „съ тѣхъ мѣстъ, говорить лѣтоисцы, Патріарху стало повольнѣе и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали“.

Наконецъ, по призыву Патріарха, образовалось стотысячное войско изъ 25 городовъ и большиe отряды казаковъ. Сидѣвшіе въ Москвѣ поляки и ихъ русскіе приспѣшники заволновались, а Салтыковъ въ марта 1611 года опять явился къ Патріарху Гермогену и угрожающимъ тономъ сказалъ ему: „это ты по городамъ посыпалъ грамоты; ты приказывалъ всѣмъ собираться да ити на Москву! Отшиши имъ, чтобы не ходили“. Патріархъ мужественно отвѣтилъ: „если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ея поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ латынское пѣніе и не могу терпѣть“. Полякъ Гонсевскій самъ заговорилъ: „ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія. Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранить твой санъ“.

Но запугать готоваго на мученичество Первосвятителя было нельзя.

Теперь поляки уже ничѣмъ не прикрывали своей ненависти къ русскому народу. Они стали держать подъ стражей Патріарха: стали жестоко поступать съ московскимъ населеніемъ. Поляки пытались обольстить народъ, суля ему разныя свободы, выхваляя свои порядки, свой сеймъ, ограничивающій власть го-

сударя, но преданные самодержавію русскіе люди имъ отвѣчали: „вамъ дорога ваша вольность, а намъ—наша неволя. Да вѣдь и у васъ—самоѣдно не настоящая воля, а своееволіе: сильный грабить слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго,—ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творить судъ и расправу. Какъ Богъ, караетъ онъ и милуетъ“. А которые были посмѣлѣ, тѣ говорили, чтобы поляки убирались изъ Москвы по-доброму, по-здравому. „Россія—дѣ не такая невѣста, чтобы ей не найти жениха получше ихъ Владислава“.

Все предвѣщало приближеніе страшной грозы. Гроза разразилась на Страстной недѣль. Во всѣхъ концахъ Москвы зазвучалъ набатъ. Поляки бросились на народъ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чѣмъ попало, стали защищаться. Поляки, видя, что имъ не удается взять върхъ, отступили къ Кремлю и подожгли городъ во всѣхъ концахъ. Лѣтоисцы рисуютъ намъ страшную картину этихъ дней. Пожаръ длился всю недѣлю. Во вторникъ на Святой уже стали подходить главныя силы рускихъ ополченій. Они со всѣхъ сторонъ окружили Кремль и Китай-городъ, гдѣ засѣли поляки. Измѣнники и поляки снова приступили къ Патріарху и заговорили: „прикажи Ляпунову и товарищамъ, чтобы они ушли назадъ: иначе ты умрешь злую смертью“.

— „Боюсь Единаго Живущаго на небесахъ“, отвѣчалъ непреклонный Первосвятитель — „Вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ небесный и давно желаю пострадать за правду“.

Тогда они объявили его низвергнутымъ съ патріаршества и передали его каѳедру уже давно низложенному приверженцу Лжедимитрія I, греку Игнатію, а самого Гермогена бросили въ подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему въ окно хлѣбъ и воду. „Въ храминѣ пустѣ, яко во гробѣ, затвориша“, говорить лѣтопись.

Прошло три мѣсяца. Защитники отечества, лишенные духовнаго во-ждя, ссорились между собою. Ляпуновъ былъ измѣннически убить казаками. О Гермогенѣ ничего не было слышно.

Но вотъ, 5 августа 1611 года въ Кремль пробрался нѣкто Родіонъ Мосѣевъ къ Патріарху Гермогену. А тотъ воспользовался этимъ, чтобы отправить въ Нижній свою, уже послѣднюю, предсмертную грамоту. Она гласила слѣдующее: „Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтамъ боярскімъ, и всему миру: отъ Патріарха Гермогена Московскаго и всея Руси— миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и атаманѣ говорили безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына... не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властемъ пишите же; также бы писали въ полки: да и къ Рязанскому владыкѣ пишите тоже, чтобы въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобы уняли грабежъ, корчму и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы; какъ реклись, души свои положити за Пречистыя домъ, и за чудотворцевъ,

и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишите, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманѣ, что отнюдь Маринкинъ сынъ не надобенъ: проклять отъ святаго собора и отъ наасъ. Да тѣ бы вамъ грамоты городовъ собрати къ себѣ въ Нижній Новгородъ да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманѣ; а прислати же прежнихъ, коихъ есть прислали комѣ съ совѣтными членобитными,— священника Родіона Мосѣева да Романа Пахомова,—а имъ бы въ полкахъ говорили безстрашно, что проклятый отнюдь не надобенъ; а хотя буде постраждете, и васть въ томъ Богъ простить и разрѣшить въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ наасъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стояте за вѣру неподвижно: а я долженъ за васть Бога молити“.

Поразительно это величіе духа въ святѣйшемъ Патріархѣ: одинокій, безпомощный, въ глубинѣ подземелья, подъ грозой мученической смерти, этотъ „начальный человѣкъ Земли Русской“ чувствуетъ себя во-ждемъ народа и какъ бы великимъ государемъ и считаетъ себя въ правѣ передавать свои государственные полномочія лицамъ духовнымъ и воеводамъ, даже городамъ и наконецъ—отдѣльнымъ лицамъ, каковы Мосѣевъ и Пахомовъ и величь имъ говорить безстрашно народу все отъ его имени.

Принесенное въ Нижній Новгородъ, это призывное посланіе нашло глубокій откликъ въ народѣ. Его кличъ — итти на спасеніе родины поддерживали его присные ученики и послушники: поставленный имъ и близкій къ нему архимандритъ Сергіевы лавры преподобный Діонисій

и ея келарь Авраамий Палицынъ, также повсюду разсылавшіе свои грамоты съ призывомъ ополчиться на спасеніе отечества. Мы знаемъ, что въ Нижнемъ во главѣ народнаго движенія стали земскій староста Козьма Мининъ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій и мѣстное духовенство.

Изъ глубины подземелья великий священномученикъ за отечество не могъ тѣлесными очами видѣть движеніе собранныхъ, по его призыву, народныхъ ополченій и девяти мѣсяцевъ не дожилъ до совершеннаго освобожденія Москвы и Россіи. Но онъ имѣлъ утѣшеніе узнать, хотя отъ враговъ своихъ, что эти ополченія идутъ...

Удивительна была слѣпota враговъ святителя Божія и Россіи! Измѣнники все еще думали, что подъ вліяніемъ тяжкаго заточенія можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются въ подземелье его, опять требуютъ, чтобы онъ своимъ проклятиемъ остановилъ Пожарскаго, Минина и ихъ сподвижниковъ и заставилъ ихъ возвратиться назадъ. „Онъ же, великий государь-исповѣдникъ“, говорить лѣтописецъ, „рече имъ: да будетъ надъ тѣми, кто идутъ на очищеніе Московскаго государства милость отъ Господа Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе; а на окаянныхъ измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“.

Это — послѣднія слова, которыя дошли до насъ отъ несокрушимаго духомъ первосвятителя. Они должны отзываться въ сердцахъ русскихъ людей и чрезъ триста лѣтъ — въ наше время: въ сердцахъ вѣрныхъ сыновъ отечества — отрадою благословенія, а въ сердцахъ измѣнниковъ родинѣ — грознымъ проклятиемъ...

Враги не могли быть спокойны-

ми, пока былъ живъ святитель Божій. Они порѣшили освободиться отъ него насильственnoю смертю. Современники согласно между собою говорятъ, что онъ скончался мученически. Большинство изъ нихъ утверждаютъ, что его, „по многомъ страданіи и тѣснотѣ, уморили голодною смертю“, а поляки говорятъ, что онъ былъ удавленъ... Онъ преставился къ Богу 17 фервала 1612 года.

Есть древннее преданіе, что поляки, вмѣсто хлѣба, стали Патріарху давать нечеловѣческую пищу: „меташа въ недѣлю снопъ овса и мало воды“. Очевидно, это дѣжалось съ неслыханною жестокостью, несвойственную русскимъ людямъ.

Понятно, что когда русскіе люди узнали о мученической кончинѣ своего великаго первосвятителя, то въ глубокой скорби своей еще болѣе вдохновились къ исполненію его завѣта — въ святомъ дѣлѣ освобожденія Руси отъ нашествія поляковъ и очищенія ея отъ своихъ же измѣнниковъ. 22-го октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля слѣдующаго 1613 года на царскій престолъ былъ избранъ тотъ благословленный родоначальникъ Дома Романовыхъ, на котораго указывалъ святѣйшій Гермогенъ. Если Россія не была раздѣлена между поляками и шведами, если не истреблено въ ней Православіе, если самыи народъ Русскій не потерялъ своего духовнаго облика, не обратился въ поляковъ и шведовъ, а частію и нѣмцевъ, то всѣмъ этимъ мы обязаны великому подвигу Святителя Гермогена больше, чѣмъ кому-либо изъ защитниковъ Руси того времени. Всѣ они и руководимы были, и одушевлялись — никѣмъ другимъ, какъ Патріархомъ Гермогеномъ: онъ былъ ихъ вождемъ, ихъ душою... Вотъ почему его святое

имя записывалось въ святыи на ряду съ прославленными угодниками Божиими.

Святейший Патріархъ былъ первоначально погребенъ въ Чудовѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перенести гробъ его въ Успенскій соборъ (въ 1653 году), причемъ тѣло его оказалось нетленнымъ. Поэтому оно и не было положено въ землю, а поверхъ земли, въ особой гробницѣ, обитой бархатомъ. Въ 1812 году французы, отыскивая сокровища и въ гробахъ, кощунственно выбросили его мощи изъ гроба, но по уходѣ ихъ они были найдены целыми и опять положены въ туже гробницу. Чрезъ 270 лѣтъ по кончинѣ, въ 1883 году, когда,

предъ коронованіемъ Императора Александра III, производились работы въ Успенскомъ соборѣ, упавшій со стѣны камень пробилъ каменное надгробіе и самый гробъ Патріарха, и при этомъ его св. останки оказались нетленными.

Въ наши дни эта святая гробница привлекаетъ къ себѣ множество народа со всѣхъ концовъ Россіи и здѣсь совершаются непрерывно чредою панихиды по святителю. Его молитвами многіе недужные получаютъ исцѣленія, и близокъ, вѣрится, день, когда святая Церковь, причисливъ его къ лику святыхъ, откроетъ его св. мощи для всеобщаго поклоненія и лобзанія...

108.

Часть уже намъ отъ сна востати!

Во всемъ году нѣтъ такого благопріятнаго времени для покаянія и исправленія нашей жизни, какъ святой и великий Постъ. Душа человѣка—по природѣ христіанка: она тоскуетъ о небесномъ отечествѣ даже тогда, когда о немъ и не думаетъ. Грѣхъ противенъ ея природѣ, какъ ядъ, принятый внутрь: душа чувствуетъ потребность извергнуть его вонъ. Отсюда неутолимая тоска, тяжестъ на сердцѣ, томленіе духа, никакими такъ называемыми развлеченіями необлегчаемое... И если это можно сказать о всякой душѣ человѣческой, о душѣ во Христѣ вѣрующей, безсознательно ко Христу влекомой самою природою духа, то тѣмъ паче должно сказать о душѣ православной, душѣ русской. Русская душа неспособна входить въ какія-либо сдѣлки съ совѣстю, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ въ другихъ исповѣданіяхъ, коихъ

ученіе построено на началахъ юридическихъ: въ католицтвѣ — на ученіи обѣ оправданіи добрыми дѣлами, а въ лютеранствѣ и др., ему сродныхъ ересяхъ — на оправданіи вѣрою безъ дѣлъ, — православная душа не позволяетъ себѣ и думать о какихъ-либо своихъ заслугахъ, вѣра ли то, или добрая дѣла: она просто каєтся предъ Богомъ, безпощадно себя осуждая, все добро, ею сдѣланное, Божіей помощи и благодати усвояя, и самую вѣру свою стремлениемъ къ добродѣланію оживляя. Она знаетъ, что чѣмъ безпощаднѣе будетъ себя осуждать предъ судомъ Божиимъ, тѣмъ скорѣе будетъ оправдана Божіимъ милосердіемъ. И вотъ, настаетъ Великий Постъ; рѣдкій, печальный звонъ колоколовъ, продолжительный службы, умилительная пѣснопѣнія, земные поклоны съ молитвою пр. Ефрема Сирина и — строгое воз-

держаніе въ пищѣ—все это такъ расположено Церковію, что невольно душа приходитъ въ себя, размягчается, согрѣвается благодатію Божіей и, такъ сказать, растопляетъ вокругъ себя ледяную кору нечувствія, духовнаго омертвѣнія, и оживаетъ духомъ... Знаютъ вѣрующіе эту благодатную силу св. Поста и ждать не дождутся, когда онъ наступитъ.

Казалось бы: не все ли равно, въ какое бы ни было время человѣку каяться, говѣть, исправлять свою жизнь? Но вѣдь и въ видимой природѣ растенія оживаютъ не во всякое время и не при всякихъ условіяхъ: нужны свѣтъ и теплота весеннаго солнца, чтобы они ожили. Такъ и въ духовной жизни есть своя весна, весна благодатнаго вѣянія на грѣшныя души—это святой и Великій Постъ. Не напрасно же онъ такъ въ книгахъ богослужебныхъ называется: *постъ—весна душамъ*. Еще за четыре недѣли до наступленія его уже какъ бы начинаетъ вѣять его благодатнымъ дыханіемъ въ службахъ церковныхъ: сначала — недѣля о Закхѣѣ, когда читается Евангеліе объ этомъ мытарѣ, съ такимъ простосердечнымъ усердіемъ принявшимъ Господа Спасителя и услышавшемъ отъ Него: *днесъ спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамъ есть: Сынъ бо Человѣческій прииде взыскати и спасти погибшаго*. Затѣмъ—урокъ смиренія въ лицѣ другого мытаря съ его трогательною, на всѣ вѣка для всѣхъ грѣшниковъ столь драгоцѣнною молитвою: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному!* Потомъ — еще недѣля—о блудномъ сынѣ: эта чудная притча Христова, такъ наглядно изображающая безконечное милосердіе Божіе къ кающемуся грѣшнику... Потомъ—недѣля о Страшномъ Судѣ Божіемъ,

напоминающая конецъ міра и неотвратимую судьбу людей въ вѣчности... Съ сего воскреснаго дня начинается сырная недѣля — приготовленіе къ посту, причемъ въ среду и пятокъ уже полагаются по уставу великіе поклоны. Наконецъ—прощеное воскресеніе — предъ самымъ постомъ, съ воспоминаніемъ грѣхопаденія Адама и Евы, съ трогательнымъ обрядомъ всеобщаго прощенія на вечерни...

Грѣшно намъ, пастырямъ, не пользоваться этимъ святымъ временемъ, чтобы призывать людей Божіихъ, къ покаянію. Вотъ почему каждый разъ я долгомъ почитаю, если бываю въ Вологдѣ, то лично, а если отсутствую, то чрезъ пастырское посланіе обращаться къ моей пастѣ, ближайшимъ образомъ къ жителямъ Вологды, съ призывомъ къ покаянію. Нынѣ я писать слѣдующее посланіе:

„Возлюбленнымъ о Господѣ чадамъ Церкви Вологодской миръ и Божіе благословеніе!

Сегодня день всепрощенія и предверіе святаго и Великаго Поста. Не имѣя возможности по немощамъ моимъ лично преподать вамъ благословеніе Божіе на грядущіе великіе дни поста и покаянія, мыслю и сердцемъ переношуясь къ вамъ, братіе, и долгомъ почитаю повторить то, что сегодня вы слышали, если были у Божественной літургіи, въ чтеніи изъ посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ:

Часъ убо намъ отъ сна востати! Пора проснуться намъ отъ грѣховнаго сна, пора стражнуть съ себя суету житейскую, пора взглянуть въ свѣтлое зерцало заповѣдей Божіихъ, опомниться, познать свое опасное состояніе и прибѣгнуть къ Богу въ покаяніи!

Нынѣ бо, говорить Апостолъ, ближайшее намъ спасеніе, нежели

егда въ ровахомъ — нынѣ время благопріятное для спасенія, чѣмъ когда-либо, — настаетъ св. Великій Постъ, время покаянія; все насть располагаетъ къ покаянію; Церквь зоветъ и печальнымъ звономъ своихъ колоколовъ, и скорбными пѣснопѣніями, и земными поклонами съ умилительной молитвой преподобнаго Ефрема Сиріна, и заповѣдью строгаго воздержанія во смиреніе нашей бунтующей плоти. *Нощь убо прейде, ночь грѣховнаго самозабвенія, ночь блужданія по распутіямъ грѣха прошла, а день приближися, день духовнаго прозрѣнія, день благодати насть осіявающей, очищающей, просвѣщающей — уже наступаетъ: только поспѣшимъ воспользоваться имъ! Отложимъ убо дѣла темная, дѣла грѣшныя, и облечемся во оружія свѣта — украсимъ себя добрыми дѣлами какъ свѣтлою одеждой! Яко во дни благообразно да ходимъ: будемъ вести себя такъ, какъ подобаетъ добрымъ христіанамъ: не козлогласовани и піянствы, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію, и распутству, ни ссорамъ и зависти, но облѣчимъся Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, во всемъ смотритена Господа нашего Иисуса Христа, во всемъ съ Него бериге примѣръ, и плоти угодія не творите въ похоти: не угождайте своимъ плотскимъ страстямъ. Пора вступить въ непримиримую борьбу съ грѣхомъ въ своеемъ сердцѣ, довольно работовать ему. Жизнь течеть, какъ быстрый потокъ: и неувидимъ, какъ придетъ конецъ, позоветъ Господъ на судъ Свой праведный и — что тогда отвѣтимъ Ему? Съ чѣмъ предстанемъ предъ симъ Судію правосуднѣйшимъ? Богъ даетъ намъ время для того, чтобы мы приготовились къ вѣчности; Церквь Божія даетъ всѣ средства,*

чтобы мы очистились отъ грѣховъ, чтобы потомъ наше сердце полно было животворящія заповѣди Господни и въ ихъ исполненіи находило свое счастіе, еще на землѣ предвкушая вѣчное блаженство. И вотъ, святой постъ есть наилучшее и благопріятнѣйшее время для такого переворота въ нашей духовной жизни. Повѣрьте, возлюбленные, что заповѣди Господни тяжки не суть! Только начните исполнять ихъ, только имѣйте мужество стать противу грѣха, оторвать отъ него свое сердце, соединиться съ Господомъ въ таинствѣ причащенія и — сердце почувствуетъ ту свободу, какую даетъ только Господь, и опытъ духовной жизни покажеть, какъ близокъ Онъ ко всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ! Господь далъ Своимъ заповѣдямъ животворящую силу и кто во смиреніи тщится исполнить ихъ, тотъ знаетъ, что это за благодатная сила! Да иначе и быть не можетъ: вѣдь не мы дѣлаемъ добро, а Самъ Господь, яко Глава Церкви, въ насть, яко ея членахъ, живеть и дѣйствуетъ, и проявляеть Свою жизнедѣятельность въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, какія мы творимъ Его благодатною силою во смиреніи сердца по реченному Имъ: *безъ Мене не можете творити ничего*.

Итакъ, нынѣ время благопріятное, нынѣ день спасенія! Нынѣ день всеобщаго прощенія и примиренія. Придите, возлюбленныя чада мои о Господѣ, простимъ другъ другу всякую обиду, всякое прегрѣщеніе, да и отъ Господа пріимемъ всепрощеніе грѣховъ нашихъ! *Аще отпускаете, глаголеть Онъ, человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный согрѣшенія ваша; аще ли не отпускаете человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ*

согрѣшиеній вашихъ. (Мо. 7, 14, 15). Бѣзъ примиренія съ согрѣшившимъ противу тебя и не приступай ко Господу. Это первое и непремѣнное условіе, подъ которымъ Господь обѣщаетъ намъ прощеніе грѣховъ нашихъ. Если тотъ, у кого ты долженъ испросить прощеніе, съ которымъ ты долженъ примириться, находится далеко отъ тебя, то теперь пока примирись съ нимъ мысленно, но искренно; помолись за него Господу, какъ за твоего благодѣтеля, какъ за любимаго брата, попроси и ему у Господа прощенія его грѣховъ, а когда откроется возможность, не замедли исполнить обѣтъ своего сердца—непремѣнно примириться съ нимъ и лично. Начиши ему смиренное посланіе, возьми всю вину размолвки вашей на себя—лишь бы онъ умиротворился, лишь бы не на словахъ, а на дѣлѣ миръ между вами вдоворился. И лишь только это ты сдѣлаешь, нелицемѣрно, отъ всего сердца, себя во всемъ обвиняя, молясь Богу за брата твоего, — самъ увидишь, опытомъ сердца узнаешь, какъ коснется благодать Божія твоего грѣшнаго сердца, и станеть у тебя на душѣ такъ легко-легко ..

О если бы мы, братіе, знали всю благодатную силу Господнихъ заповѣдей! Мы только бы и думали о томъ, какъ угодить Господу, какъ исполнить волю Его святую... Задѣла насть суета земная; все думаемъ, что своими заботами да хлопотами можемъ устроить свое земное благополучіе, а то и забыли, что сказъ Господь: ищите прежде царствія Божія и правды его, и тогда—сія вся, все что потребно для сей жизни—приложится—въ пріадчу дано будеть вамъ! Вѣдь это не человѣкъ сказъ — это сказалъ Господь Богъ всемогущій! Ужели Ему-то не вѣримъ мы?.. Тогда смѣемъ

ли мы и называть себя христіанами?..

А вѣдь надо твердо помнить: насъ ждетъ вѣчность, подумать только: вѣчность!... Вѣчность или свѣтло-радостная, блаженная, вѣраю Божіемъ, во славѣ со святыми, вѣчно — съ Господомъ нашимъ, съ пречистою Его Матерію, съ Ангелами и Архангелами и всѣми святыми Божіими, вѣкъ нескончаемомъ наслажденіи лицезрѣніемъ Божіимъ,—или же—въ отверженіи отъ Бога, въ сообществѣ съ сатаною, въ вѣчной муки адской, въ нескончаемой тоскѣ, безпросвѣтной тьмѣ, съ богохульниками и еретиками, съ предателемъ Іудою и всѣми измѣнниками святой вѣрѣ и Христу Спасителю... И это—вѣчно—вѣчно—безъ конца! И это—теперь—въ нашихъ рукахъ, въ нашей волѣ: покайся, исправься, начни жить по Христовымъ заповѣдямъ, въ послушаніи Церкви Божіей, въ добродѣліи, въ общеніи съ Господомъ въ таинствахъ Церкви и—наслѣдуешь жизнь вѣчную, получишь райское блаженство. А забудешь Господа, не станешь Его святыхъ заповѣдей исполнять, удалившись отъ матери—Церкви—жди гибели вѣчной, муки безконечной. И это—истина непреложная: аще хощеши внити въ животъ—соблюди заповѣди, глаголеть Самъ Господь. *Не всякъ глаголай Ми: Господи, Господи, видѣтъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесахъ. И идутъ сіи въ муку вѣчную, говорить Господь о грѣшникахъ—козлищахъ, а праведники въ животъ вѣчный.*

И еще разъ повторю: ее нынѣ время благопріятное. Часъ уже намъ отъ сна востати! Пора о душахъ своихъ подумать. Пора сказать себѣ. Душа моя, душа моя, востани, что спиши? Конецъ при-

ближается... Чоспѣши покаяться, поспѣши взяться за исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Что первое тебѣ подскажеть совѣсть твоя—съ того и начинай. Только не откладывай. Вотъ напримѣръ—дѣла милосердія. Вотъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ люди страждуть отъ голода. На сихъ дніяхъ мнѣ говорилъ одинъ святитель, прибывшій изъ тѣхъ губерній: „повѣрите ли, какъ тяжело приходится нашему бѣдному духовенству? Одинъ священникъ сознавался мнѣ, что посыаетъ своихъ дѣтишекъ просить милостынію подъ окнами—по ночамъ, чтобы не узнали, чьи эти дѣтки: хоть корочку хлѣбца принесутъ!“ Вотъ до чего доходитъ нищета! Вотъ и соберите, братіе, мои, кто что можетъ, и пошлите туда... Или—пришлите мнѣ и я передамъ сему святителю на голодающихъ. Да мало ли добра можно дѣлать! Только пожелай. Только не скимай руки твоей скучностію. Широка заповѣдь милосердія и различенъ милованія образъ, говоритъ св. Златоустъ. Хотите, чтобы Богъ былъ къ вамъ мило-

стивъ? Сами окажите милость ближнему. Хотите, чтобы Онъ простила вами грѣхи ваши? Сами простите всякому, кто чѣмъ-либо обидѣлъ васъ. *Блаженіи милостивіи, якоти помилованіи будутъ.* Прощайте своимъ врагамъ и сами получите прощеніе отъ Господа.

Призываю на всѣхъ васъ Божіе благословеніе и молитвенно желаю, да будетъ грядущій постъ душамъ вашимъ во обновленіе, да положите начало благое доброй истинно-христіанской жизни: этого ждетъ отъ васъ Церковь, любящая мать ваша, этого ждетъ и наша Русь, толико страдающая за наши грѣхи.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь.

Это посланіе было прочитано въ Вологодскомъ каѳедральномъ Соборѣ послѣ вечерни въ прощеное воскресеніе. Послѣ чтенія собрано было въ пользу голодающихъ тутъ же, на блюдо, 41 р. 8 к.

И за то слава Богу и спасибо добрымъ людямъ!

109.

ЯЗЫЧЕСТВУЮЩІЙ НАЦІОНАЛИСТЬ О СВЯТИТЕЛЬ НІКОЛАѢ ЯПОНСКОМѢ.

Трогательное, доходящее по мыслью до художественного воодушевленія слово посвятилъ о. протоіерей Восторговъ памяти въ Бозѣ почившаго святителя Николая, воистину—апостола Японской страны. Немногими, но сильными чертами онъ съумѣлъ изобразить во весь ростъ этого великаго человѣка нашего времени, при воспоминаніи о которомъ считаешь себя счастливымъ, что ты—ему современникъ что ты имѣлъ счастіе знать его лично, переписываться съ нимъ, что

ты—православный христіанинъ, ибо въ этомъ Божіемъ человѣкѣ такъ, не-пререкаемо—ясно проявила себя сила Божіей благодати, обитающей именно въ нашей православной Церкви.

Тѣмъ больнѣе было прочитать отзывъ о великому святителѣ извѣстнаго публициста г. Меньшикова. „Новое время“—самая распространенная газета, а Меньшиковъ стяжалъ себѣ славу человѣка, который смѣеть о всемъ свое сужденіе имѣть, и къ голосу котораго многіе прислушиваются.

Г. Меньшиковъ подкупаетъ своего читателя своимъ безтристрастіемъ: онъ, повидимому, воздаетъ должное личнымъ качествомъ апостола Японіи: „можетъ быть, говорить онъ, Николай дѣйствительно и былъ святымъ, насколько позволяетъ объ этомъ судить нашегрѣшное сознаніе“. Но тутъ же говорить: „жизнь и дѣятельность столь замѣчательного чловѣка заслуживаютъ серьезнаго обсужденія“. И онъ принимается за это „обсужденіе“ и начинаетъ... съ чего бы вы думали? Съ упрека святителю: „зачѣмъ онъ бросилъ свою бѣдную родину? Зачѣмъ отдать себѣ чужой странѣ? Неужели въ громадномъ отечествѣ нашемъ нѣтъ своихъ язычниковъ—и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ? Неужели чудному сердцу архіепископа Николая не нашлось бы подвига въ крѣнной Россіи, хотя бы въ той же Смоленщинѣ? Не составляеть ли нравственной измѣны отечеству, когда сильные духомъ и одаренные русскіе люди отдаютъ себя служенію чужимъ народамъ?“ и т. д. Отъ обвиненія святителя Божія, который всего себя отдалъ служенію апостольскому, въ „нравственной измѣнѣ отечеству“, нашъ публицистъ готовъ былъ бы перейти въ обвиненіе его въ „карьеризмѣ“: „люди влагаютъ всю силу духа своего, чтобы прославиться первыми апостолами въ еще нетронутыхъ странахъ“ Эго,—видѣтели,—„сродни честолюбію первыхъ мореплавателей и путешественниковъ“. Да спохватился; чистота, высота и сила истиннаго подвига заставила и этого безпощаднаго судью оговориться: „если бы рѣчь шла не объ архіеп. Николаѣ, бла-городство души котораго вѣр со- мнѣнія“, говоритъ г. Меньшиковъ. Зато со всею силою какой-то не-нависти къ дѣлу Божію обрушивается онъ на самое дѣло, которо-

му отдалъ всю свою жизнь святитель Божій: „смерть, говорить онъ, святителя, даетъ хороший поводъ прекратить его святое, но въ общемъ безнадежное предпріятіе. Никогда Японія не сдѣлается православной, подчеркиваетъ онъ, а нѣ большою горстѣ любителей православія въ этой странѣ слѣдуетъ предоставить ихъ религіозныя потребности ихъ собственному попеченію. При обширности, разноцеменности Россіи, при ея разновѣріи, вся такъ называемая вѣщая миссія есть хуже, чѣмъ роскошь, она вредная ошибка Церкви“... Вотъ до какихъ нелѣпостей дошелъ нашъ публицистъ! Невольно спрашиваешь себя: да кто онъ, этотъ публицистъ? Язычникъ или христіанинъ? Вѣруетъ ли онъ въ Бога—нѣ говорю уже по нашему, по-православному, а хотя бы просто по-христіански? Или это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Церковь сего днѧ (чишь въ недѣлю Православія) предавала анаемѣ, яко глаголющихъ или даже хотя бы только помышляющихъ не быти Богу и Его промыслу не управляти міромъ? Кто читать прежнія писанія этого неистощимаго газетнаго гогоруна, тотъ знаетъ, что для него христіанство уже отжило свой вѣкъ, а православіе и подавно—историческій пережитокъ, что на смѣну христіанству идетъ какой-нибудь буддизмъ или иной модный культъ... Но когда этотъ писатель надѣваетъ на себя личину патріота, то приходится съ нимъ считаться. Разберемся кратко съ нашимъ, православной, церковной точки зрѣнія въ тѣхъ „серьезныхъ“, будто бы, сужденіяхъ, какія онъ высказываетъ.

Юный, 24-лѣтній юноша, прямо со скамьи, не задумываясь какъ онъ самъ говорилъ о томъ, какъ устроить свою судьбу, вдругъ, подъ впечатлѣніемъ простого приглаше-

нія, прочитаннаго имъ на листѣ бумаги, рѣшается принять монашество и ѿхать туда, куда приглашали—въ Японію... И вотъ, г. Меньшиковъ теперь кричитъ: „нравственная измѣна отечеству!“ Да развѣ этотъ юноша знаетъ, предвидѣть успѣхъ своего будущаго служенія въ Японії? Правда, какъ юноша, онъ мечтаетъ, но вѣдь извѣстно, какую цѣну придаютъ и юноши своимъ мечтамъ. Онъ єдетъ просто—къ посольской церкви, а не въ миссію въ собственномъ смыслѣ. И если бы кто тогда сказалъ ему: „что ты дѣлаешь? Ты измѣняешь отечеству!“ — онъ, вѣроятно, только улыбнулся бы на такія рѣчи. „Я и єду служить отечеству, могъ бы сказать онъ: служеніе при посольствѣ русскому развѣ не есть служеніе отечеству?“ — Но ты лишаешь отечество такой силы, такихъ талантовъ... — „Много и безъ меня и болѣе меня способныхъ людей остается въ средѣ сыновъ моего отечества“, отвѣтилъ бы скромный въ мнѣніи о себѣ юноша. „Я иду туда, куда меня зовутъ, и въ этомъ зовѣ вижу волю Божію, а въ остальномъ—буди та же воля Божія, благая, премудрая и немощная врачующая“. Вотъ и все, г. Меньшиковъ! Ужели, по вашему, каждый юноша долженъ считать тебя будущимъ великимъ человѣкомъ и разпѣнивать себя самъ: куда и на что онъ годенъ? Не лучше ли предоставить это волѣ Божіей: вѣдь Господь-то лучше наасъ знаетъ, на что мы пригодны и способны. Вотъ и я грѣшный, въ юности моей мечталъ уйти въ дебри Алтайскія и быть тамъ прошовѣдникомъ Христѣ нашимъ язычникамъ, но Богу угодно было послать меня въ монастырь и слава Его премудрому изволенію! Въ 1880 году, когда святитель Николай по хиротоніи во епископа, провелъ три или четыре дня въ

лаврѣ Преподобнаго Сергія, я близко сошелся съ нимъ, и являлась у меня мысль поѣхать съ нимъ въ Японію, но я не позволилъ себѣ высказать ему этой мысли, опасаясь напроситься на крестъ, который будетъ мнѣ не по силамъ. А если бы онъ пригласилъ — вѣроятно—рѣшился бы... Въ томъ-то и дѣлѣ, что искренно-вѣрующій христіанинъ во всемъ ищетъ единой воли Божіей и не позволяетъ себѣ мудрствовать паче, еже подобаетъ, отнюдь не смѣя цѣнить себя, ибо знаетъ и крѣпко вѣруетъ, что все, что мы дѣлаемъ добро— не мы дѣлаемъ, а Самъ Богъ въ наасъ и чрезъ наасъ... Это первое.

Второе. Какъ думаетъ г. Меньшиковъ: вѣдь и Апостоль Павелъ, и всѣ, кромѣ Петра и Іакова. Апостолы Христовы покинули Палестину, свой родной народъ, пошли въ чужія страны, чтобы проповѣдывать христіанство во исполненіе завѣта Христова: что-жъ, стало быть и они явились нравственными „измѣнниками отечеству“? Какъ-то странно и опровергать такія „націоналистическая“ сужденія! Вѣдь тутъ, очевидно, нѣтъ ни вѣры въ промыслъ Божій, ни истинно-христіанского пониманія дѣла! На небѣ, у Ангеловъ Божіихъ, радость бываетъ и обѣ одномъ грѣшникѣ кающемся, какой бы національности онъ ни былъ, а въ Японіи обращено ко Христу до 40,000 душъ: это ли не великое дѣло Божіе? Это ли не радость—не только для небожителей, но и для наасъ грѣшныхъ, которые не можемъ не радоваться спасенію братьевъ нашихъ во Христѣ? Вѣдь во Христѣ Іисусѣ нѣсть еллинъ и іудей: въ дѣлѣ вѣры всѣ мы родные братья, и японцы, ученики святителя Николая, на дѣлѣ показали свою братскую любовь къ нашимъ плѣннымъ, которые не мо-

гуть и теперь, спустя нѣсколько лѣтъ, безъ чувства глубокой благодарности вспомнить то, какъ японцы христіане относились къ нимъ въ горькие дни позорного пѣна. Пусть публицистъ - националистъ назоветъ меня космополитомъ: я съ радостью приму это название, если понимать его въ христіанскомъ смыслѣ. Въ томъ-то и дѣло, что православная вѣра роднить всѣ народы. Пусть японцевъ пока горсточка: довольно и того, что сѣмѧ святое въ нихъ брошено, довольно того, что христіанство уже явило чудеса и знаменія въ средѣ этихъ язычниковъ. Не говорю уже о чудесахъ въ собственномъ смыслѣ, о коихъ мнѣ писать почившій святитель, - развѣ не чудо, что языческій жрецъ Савабе, пришедшій убить святителя, сталъ его ревностнымъ ученикомъ и проповѣдникомъ Христѣ? Развѣ не чудо, что предъ нашимъ равноапостоломъ почтительно склоняли головы и язычники, да не простой только народъ, а и люди ученые, люди высоко стоявшіе на службѣ, - даже самъ императоръ Японіи прислали на его гробъ вѣнокъ: развѣ все это не чудо, совершенное благодатию Божіей чрезъ нашего достославнаго Архіерея Божія?

Японія, говорить Меньшиковъ, никогда не будетъ православной. Онъ даже подчеркиваетъ эти слова. Не слишкомъ ли много вѣрить онъ въ свою мудрость, свое предвидѣніе? Вѣдь Божіихъ дѣлъ никто не знаетъ... Силенъ Богъ и мертвыхъ воскрешать. Святитель вѣрилъ въ возможность обращенія японскаго народа ко Христу. Въ этомъ народѣ есть естественные добродѣтели, которыя могутъ привлечь спасительную благодать Божію къ сему народу, подобно Корнилию сотнику, о которомъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ. И кто знаетъ?

Со страхомъ помышляю я грѣшный, какъ бы не сбылось слово Господне на насть самихъ: *отнимется у васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его* - вотъ можетъ быть этимъ японцамъ... Объ этомъ я писалъ еще 40 лѣтъ назадъ въ журналѣ „Миссіонеръ“. И тѣмъ страшнѣе эта мысль, что тогда, когда я писалъ это, не было тѣхъ ужасныхъ признаковъ богоотступничества, какія всюду наблюдаются у насть теперь, именно въ наши дни... Да сохранить Господь Россію отъ такой бѣды, но такія вотъ разсужденія, какъ высказываемыя Меньшиковымъ, могутъ насть привести къ этому.

И какое пренебреженіе слышится въ этомъ выраженіи Меньшикова: „горсточка любителей православія“? Будто православіе есть какое-то ненужное въ сущности занятіе, ну вродѣ „научныхъ опытовъ“ какихъ-нибудь что ли а не сама жизнь! Любители православія! Что то вродѣ любителей фотографіи, цвѣтовородства или тому подобное... Горсточка! Конечно, это немного, это - лишь одинъ человѣкъ на тысячу населенія Японіи: но вѣдь истинное христіанство и есть „зерно горчичное“, и есть закваска, по притчамъ Христовыи. И изъ горчичнаго зерна вырастаетъ почти дерево, и малая закваска способна заквасить все тѣсто. Почившій святитель, какъ известно, почти не имѣлъ сотрудниковъ изъ русскихъ, а все же обратилъ ко Христу до 40,000, а можетъ быть и больше. Развѣ самъ онъ не былъ тѣмъ зерномъ, изъ котораго вырасло дерево велие? Развѣ не онъ вложилъ ту закваску, которая какъ воздѣйствовала на души, способная воспринять Божію благодать? Да не мы ли виноваты и въ томъ, что онъ не сдѣлалъ вдвое, втрое, въ десять

разъ больше? Повидимому, ему не было препятствій въ его дѣлѣ со стороны языческаго правительства, а средствъ не доставало! Вѣдь, какъ ни скудно, по нашему просто ничтожно было содержаніе католи-
торовъ (что-то рублей 30 въ годъ!), а все же нужны были средства. А мѣстная церковь, всѣ эти бѣдняки, льнувшіе ко Христу, не могли дать средствъ, и вотъ святитель вынуж-
денъ былъ, къ великой скорби своей, сокращать число вѣроопрѣдѣни-
ковъ. Вместо того, чтобы увеличива-
ть ассигнованія наше миссионер-
ское общество вынуждено было сокращать ихъ. Мы, мы виноваты, что въ теченіи полустолѣтія такъ холодно, такъ безучастно относи-
лись къ святому подвигу святителя Божія!

А г. Меньшиковъ совсѣмъ предоставить юную Япон-
скую церковь своимъ силамъ и средствамъ! Да это будетъ преступ-
леніемъ! Это будетъ величайшимъ оскорблѣніемъ памяти великаго свя-
тителя! Это будетъ измѣною тѣмъ завѣтамъ Христовымъ, тѣмъ вѣро-
ваніямъ, какими жила Русь тысячу-
летъ: быть не только хранительни-
цею чистѣйшей спасительной вѣры, но и распространительницею святаго Христова среди народовъ... Наше горе въ томъ, что въ наше самихъ гаснетъ свѣточъ православной вѣры и православной жизни. Но не должно ли это самое побуждать наше возжигать этотъ свѣточъ въ дру-
гихъ народахъ, дабы ихъ молитвами Господь не попустилъ погаснуть и въ наше сему благодатному огню? Прочтите въ толкованіяхъ Апо-

стольского посланія къ Римлянамъ у епископа Феофана о томъ, какъ призваніемъ язычниковъ Богъ влечетъ къ вѣрѣ самихъ іudeевъ...

Но съ такими писателями, какъ г. Меньшиковъ, толковать объ этомъ не приходится. Вѣдь самъ онъ, не замѣчая того, стоитъ на точкѣ зрѣ-
нія японцевъ, узкихъ национали-
стовъ. И когда вспомнишь, что этотъ талантливый писатель публи-
цистъ стоитъ едва ли не во главѣ такъ называемыхъ у насъ национа-
листовъ, когда представишь себѣ: а что если и всѣ они такъ дума-
ютъ? —то страшно становится за Россію, за ея будущее. Мнѣ почему-
то всегда казалось, что эти люди ставятъ национальность впереди православія, считая послѣднее лишь служебнымъ орудіемъ для главной национальной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не сознаютъ ее, они, погубятъ себя. Для русскаго православнаго народа — прежде и выше всего — вѣра православная, а затѣмъ Царь — Божій Помазаникъ и нако-
нецъ уже — народность или, если угодно, национализмъ... И въ самой основѣ народности русской лежитъ ничто иное, какъ православіе. Не будетъ этого фундамента — не будетъ и народности русской. И не Церковь ошибается, исполняя, по мѣрѣ силъ, заповѣдь Христову, а вы, господа националисты, мнящіе построить свое зданіе на пескѣ. И вѣчна память съ похвалами да будетъ и пребудетъ святителю Николаю. Японскому просвѣтителю, нашей духовной красѣ и похвалѣ на-
шей родной Церкви!

110.

Намъ ли молиться за него?..

Три дни чествовала Русская Православная Церковь великаго священномученика за отечество святейшаго Патриарха Гермогена; три дни молилась о упокоеніи его души въ царствѣ небесномъ и возглашала ему вѣчную память...

Богъ привелъ мнѣ быть участникомъ этого свѣтлаго торжества православія — души народной и я вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія съ этого праздника православнаго русскаго патріотизма. Хочу подѣлиться ими съ своими читателями.

Торжество началось вечеромъ 17-го февраля паастасомъ въ Успенскомъ соборѣ — томъ дому Пресвятыя Богородицы, за который душу свою положилъ святейшій первосвятитель Россіи. Здѣсь, съ этого священнаго амвона, на которомъ стояли мы, недостойнѣйшіе іерархи — преемники его святительскаго служенія въ Церкви Русской, раздавалось его грозное слово, обличавшее измѣнниковъ православной вѣрѣ и отечеству; съ сего амвона онъ призывалъ Божіе благословеніе защитникамъ и вѣрнымъ сынамъ отечества; отсюда гремѣло его проклятие тогдашнимъ эс-эрамъ, эс-декамъ и кадетамъ... Эти священные своды оглашались его пламенными рѣчами о любви и вѣрности къ несчастной родинѣ, къ престарѣлому, безвольному царю Василію Ioанновичу, горячимъ призывомъ къ защищѣ святой вѣры православной... Здѣсь и почиваетъ онъ нынѣ своими нетлѣнными мощами, въ укромномъ уголкѣ собора, обокъ съ шатромъ надъ ризою Господней, почиваетъ не въ могилѣ, а вотъ, подъ этимъ надгробіемъ, въ гробу фиолетового бархата.

Богу, дивному во святыхъ Своихъ, благоугодно было возбудить въ сердцахъ Русскаго народа особенную вѣру въ его молитвенное заступленіе именно въ наши многоскорбные дни, когда современные Салтыковы — Милюковы, Масальскіе — Долгоруковы и вся ихъ комианія готовы распродать нашу матушку — святую Русь оптомъ и въ розницу не только полякамъ, финляндцамъ, но и превѣрѣнныи гудеямъ по самыи дешевымъ цѣнамъ... Въ такое то время и востасть изъ своего гроба трехсотлѣтній великий покойникъ, востасть живымъ чудотворцемъ, напоминая русскимъ православнымъ людямъ ихъ долгъ предъ родиной, предъ святою своей вѣрой, предъ Церковью — матерью и Царемъ Самодержцемъ, встаетъ и вѣщаетъ гласомъ знаменій и чудесныхъ испѣленій: „Опомнитесь, православные русскіе люди! Довольно блуждать вамъ по распутіямъ измѣнны роднымъ завѣтамъ, пора перестать быть перелетами — отъ этихъ завѣтовъ — къ современнымъ тушинцамъ, всякаго рода измѣнникамъ родной вѣрѣ родному Царю и отечеству, пора грудью стать за эти завѣтныя святыни нашего русскаго сердца! Не я одинъ — вся святая Русь, въ лицѣ своихъ избранниковъ на небесахъ престолу Божію предстоящая всѣ сіи древнерусскіе святители и преподобные, всѣ святые князья — мученики и великие печальники ваши предъ Богомъ — всѣ мы призываемъ васъ къ покаянію, всѣ взываемъ къ вамъ: пожалѣйте родину, пощадите землю Русскую, надъ которойю какъ и въ мои дни, простиралась грозная туча гнѣва Божія! Обратитесь къ

матери Церкви, слушайте гласа ея, яко гласа Божия, вспомните великое призвание Руси—нести и возвещать святую истину православной вѣры всѣмъ народамъ земнымъ! Гоните отъ себя этотъ ложный стыдъ, навѣваемый врагами Церкви и святой Руси, стыдъ, будто мы, русские, отстали отъ другихъ народовъ и въ дѣлахъ вѣры, и въ жизни государственной, будто посему надо во всемъ подражать народамъ чужимъ, а для сего—отрекаться отъ всего родного... Все это—вражье наважденіе, все это—ядовитый туманъ, которымъ отравляютъ васъ, наипаче же молодежь вашу враги Божіи—іудеи и масоны съ ихъ прислужниками. Будьте чисто-русскими, православными людьми, покайтесь по русски—такъ, какъ умѣли каяться ваши предки—цѣлымъ сердцемъ, съ дѣтской простотой и искренностью и Господь смируется надъ вами, и туча Божія пронесется мимо васъ, и паки засіяеть надъ Русью солнце милостей Божіихъ, какъ во времена оны древнія, какъ было послѣ моей кончины!..

И внемлетъ гласу святѣшаго Русь православная, внемлетъ съ благоговѣніемъ тотъ простой, вѣрующій народъ, который составляетъ бѣлое тѣло народное, настоящую Русь! И пошли волны народныя къ священной гробницѣ великаго патріарха патріота, и съ каждымъ днемъ сіи волны увеличиваются. Не во дни только торжествъ въ память его, но и каждый день вереницами тянутся русскіе люди къ дому Пресвятой Богородицы, и несутъ сюда подъ эти священные своды, свои скорби и вздохи болѣщаго за родину сердца, и изливаютъ свою скорбящую душу у подножія гробницы новоявляемаго и Богомъ прославляемаго заступника своего, триста лѣтъ безмолвно-смиренно почивавшаго въ

своей гробницѣ—даже до нашихъ скорбныхъ дней... И неумолчно слышится здѣсь вѣчная ему память и съ благоуханіемъ кадильнымъ несется къ Богу молитва о упокоеніи сего праведной души со святыми, а въ глубинѣ сердечной уже звучить молитвенное слово: „и его молитвами насть грѣшныхъ, Господи, помилуй!“...

Чинно и неспѣшно совершалось всенощное бдѣніе—парастасъ въ древнемъ соборѣ. Могучими волнами неслись къ его сводамъ звуки священныхъ пѣснопѣній на литії, исполненныхъ клиромъ собора—пѣніе, какого нигдѣ въ мірѣ нельзя больше услышать. Неспѣшно, отчетливо, отчеканивая каждое слово, читали, или, лучше сказать, выпѣвали два сакелларія непорочныя и канонъ; мы, архіереи выходили на литію, а по томъ, начиная съ непорочныхъ, стояли среди храма до конца всенощной и ушли въ алтарь лишь по возглашеніи, послѣ отпуста, вѣчной памяти святителю Божію у его гробницы. Служба длилась четыре съ половиной часа и несмотря на усталость, не хотѣлось уходить изъ этого святилища Божія, гдѣ чувствовалось, съ нами молились здѣсь почивающіе святители—печальники родной земли, гдѣ, казалось, предстоялъ съ нами великий страдалецъ за вѣру и отечество, святѣшій Патріархъ Гермогенъ...

На другой день богослуженіе началось крестнымъ ходомъ изъ Казанского собора въ Успенскій съ чудотворною иконою Богоматери Казанской, которую нѣкогда иѣзялъ изъ земныхъ нѣдръ святитель Гермогенъ въ Казани. Она и поставлена была надъ его гробницей. Тутъ же стоялъ и стягъ князя Пожарскаго, который, молитvennoю помощью святителя, освободилъ Москву отъ поляковъ. Въ богослуженіи, какъ наканунѣ, такъ и 18-го

числа, принимали участие: Митрополит Московский Владимиръ, Архієпископы: Новгородский Арсений и Ярославский Тихонъ, и епископъ Серпуховский Анастасій. На панихиду вышли еще святители: архієпископъ Алексій, бывший Тверской, Дмитрий епископъ Рязанский, Гавриилъ, бывший Омский и другие епископы, живущие въ Москвѣ. Пѣль хоръ синодальныхъ, бывшихъ патріаршихъ пѣвчихъ. Пѣвцы были одѣты въ красивые, на подобіе древнихъ, боярскихъ, кафтаны съ золотымъ шитьемъ по оплечью и наподольнику. Въ концѣ латургіи Митрополитъ произнесъ слово о значеніи подвига святителя для Россіи. Послѣ панихиды всѣ святители отправились крестнымъ ходомъ въ Чудовъ монастырь, въ то подземелье, где священномученикъ за вѣру и отечество испустилъ свой духъ въ заключеніи. Здѣсь совершина была краткая литія, закончившаяся вѣчною памятью приснопамятному святителю.

Было уже два часа дня, когда всѣ, участвовавшіе въ богослуженіи и почетные гости собрались въ покояхъ Митрополита въ томъ же Чудовомъ монастырѣ на скромную трапезу. Всѣ блюда были грибные; никакихъ спиртныхъ напитковъ не было. Предъ послѣднимъ блюдомъ была провозглашена вѣчная память Патріарху, а послѣ обѣда провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому и послана телеграмма Государю. Преосвященный предсѣдатель юбилейной комиссіи Анастасій, епископъ Серпуховский, огласилъ привѣтственную телеграмму предсѣдателя и 40 членовъ Государственного Совѣта на имя Московского Митрополита.

Въ 6 часовъ вечера совершины всенощныя бдѣнія во всѣхъ церквяхъ столицы, а на другой день—

архієрейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ Ярославскимъ архієпископомъ, а въ Чудовомъ монастырѣ — Митрополитомъ Владимиромъ. Кромѣ того, оба дня были архієрейскія служенія въ храмѣ Спасителя и Епархіальномъ домѣ.

Въ 7 часовъ вечера въ Епархіальномъ домѣ открылось торжественное собраніе въ память великаго Патріарха. Первымъ говорилъ преосвященный Анастасій: за нимъ В. В. Назаревский, И. Соболевский, Е. В. Барсовъ и протопресвитеръ Успенского собора Н. А. Любимовъ. Въ этихъ рѣчахъ во всемъ величіи возсталъ предъ слушателями великий печальникъ Русской земли — и какъ подвижникъ — святитель, и какъ государственный мужъ, и какъ первоиерархъ Русской Церкви, и — на конецъ — какъ бытописатель своего времени и пѣснотворецъ — авторъ тропаря Богоматери: *Заступнице усердная...*

Послѣ перерыва синодальный хоръ исполнилъ въ высшей степени художественно нѣсколько пѣснопѣній. Особенно сильное впечатлѣніе произвело „чтеніе грамоты патріарха Гермогена“ тушинцамъ измѣнникамъ и гимнъ святителю-страдальцу. Очень жаль, что эти новинки художественного творчества въ нашей вокальной музикѣ и поэзіи не воспроизведены въ нотныхъ знакахъ: тогда можно было бы и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и въ торжественныхъ собранияхъ въ память святителя въ разныхъ городахъ Россіи воспроизвести ихъ при посредствѣ хоровъ.

Такъ завершилось чествованіе памяти святителя Гермогена на мѣстѣ его великаго подвига. Русь XX вѣка оглянулась на свое далекое прошлое XVII вѣка, увидѣла тамъ, въ ряду героевъ вѣры и патріотизма, великаго мужа, явившаго

тося вождемъ этихъ героеvъ, воз-
браннымъ воеводою въ святомъ
дѣлѣ спасенія Руси въ тяжкую го-
дину смуты и междуцарствія. Уви-
дѣла современна намъ Русь этого
исполина духа и—поклонилась ему...
Вѣрные сыны отечества, благоговѣйно созерцая его подвигъ, воз-
несли горячія мольбы о упокоеніи
его праведной души: упокой, Госпо-
ди, душу раба Твоего! И сею молитвою за почившаго іерарха они
вошли уже съ нимъ въ молитвен-
ное общеніе, но совсѣмъ, но сердце,
но какое-то внутреннее чувство
говорить: этого мало, этого недостаточно! Кто мы, дряблые духомъ,
обремененные грѣхами, чтобы намъ
молиться о прощеніи и оставленіи
грѣховъ этого великаго праведника,
несомнѣнно предстоящаго предъ
Богомъ и представительствующаго за
родную землю у престола Божія?
Намъ ли молиться за него? Дайте
намъ возможность призывать его
самого въ слабыхъ молитвахъ на-
шихъ: приспѣло время вмѣсто вѣч-
ной памяти возглашать ему: *свя-
тителю отче Гермогене, моли
Бога о насъ!*

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!
Дивы пути Божія въ исполненіи
словесъ Его непреложныхъ: *прос-
лавляющія мя прославлю!* Въ то-

время, когда по законамъ исторіи,
великіе дѣятели на поприщахъ го-
сударственного строенія, науки, ли-
тературы и искусства, уходя въ
даль вѣковъ начинаютъ окутывать-
ся туманомъ забвенія въ памяти
потомства,—святые герои вѣры и
высокаго нравственнаго подвига
вырастаютъ въ сознаніи вѣрующихъ
въ исполиновъ духа, приближаются
къ народному сердцу; входятъ въ
благодатное общеніе съ живущими
въ сей юдоли земной, помогаютъ
имъ въ ихъ нуждахъ, утѣшаютъ
въ скорбяхъ, исцѣляютъ ихъ болѣзни и
руководятъ на пути къ
царствію Божію. И растетъ въ на-
родѣ любовь къ нимъ, растетъ bla-
гоговѣніе къ благодати Божіей, въ
нихъ обитающей, чрезъ нихъ дѣй-
ствующей, и въ сознаніи церков-
номъ созрѣваетъ убѣжденіе въ ихъ
святости... Духъ Божій, въ Церкви
присноживущій и дѣйствующій, про-
буждая вѣру, авляеть силу Свою
чрезъ сихъ святыхъ Божіихъ и
тогда Церковь признаеть благовре-
меннымъ, причисливъ ихъ къ лицу
святыхъ, прославлять ихъ яко Бо-
гомъ прославленныхъ...

Празднованіе 300 лѣтней годов-
щины преставленія патріарха Гер-
могена показало, что насталь часть
и церковнаго его прославленія...

111.

Свѣть и тепло истиннаго добродѣланія.

Такъ часто, такъ много приход-
ится говорить объ уродливыхъ
явленіяхъ въ нашей общественной,
государственной и даже церковной
жизни, что съ радостю хочется
остановиться на самыхъ, повиди-
мому, малыхъ проявленіяхъ добра,
во имя Христово творимаго, отдох-
нуть душой на этихъ малыхъ искор-

кахъ Божіихъ и указать на нихъ
моимъ добрымъ читателямъ, какъ
на добрый примѣръ. Добро, твори-
мое по заповѣди Господней, ради
Бога, ради сей заповѣди, есть истин-
ный свѣтъ, истинное тепло, живо-
творно проливающее свои благодат-
ные лучи не только на того, кто имъ-

етъ счастіе быть только простымъ посредникомъ въ его твореніи. И когда вдумаешься, почему такъ, становится ясно: Тотъ, кто сказалъ: *съ Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*, — Онъ, по не-преложному Своему обѣщанію, присно пребывая въ Церкви, съ вѣрующими во имя Его, въ нихъ и чрезъ нихъ проявляетъ Свою жизнедѣятельность въ Своемъ тѣлѣ, которое и есть сія Церковь, коей членами мы имѣемъ счастіе быть... А когда чрезъ насъ проходитъ Его животворящая, и когда постребно сіе, когда жива наша вѣра, то и животворящая сила, то—можетъ ли намъ не ощущать своимъ сердцемъ ея дѣйствіе, не только благодѣющее чрезъ насъ, но и благотворно оживляющее насъ самихъ? Слава блажости Твоей, Господи, нашъ, тако благоволившей, слава силѣ Твоей, слава неизреченному милосердію Твоему, Спасителю нашъ и Творче! Объ одномъ мы должны умолять Тебя, не попусти намъ *себѣ* приписать, у Тебя предвосхитить то добро, какое Ты чрезъ насъ дѣлаешь!

Съ радостію и благодареніемъ ко Господу отмѣчаю я такое отрадное явленіе: на мой призывъ въ дневникахъ моихъ откликаются мои добрые читатели, откликаются не словомъ только: почти каждый день я получаю отъ нихъ письма, столь для меня утѣшительныя,—но и дѣломъ; получаю лепты на тѣ Божія дѣла къ которымъ я призываю ихъ. И сугубо радуюсь, что сіи отклики получаю я отъ собратій моихъ о Господѣ, отъ іереевъ Божіихъ, и не изъ моей только епархіи, но и изъ другихъ, иногда самыхъ отдаленныхъ. Читатели мои помнятъ въ прошломъ году пожертвованія на походная церкви: они были получены мною отъ іереевъ Божіихъ:

одинъ прислалъ 300 р., другой 200 р., затѣмъ еще двое по 300 рублей—и все священнослужители... И всѣ почти просили меня не печатать поименно: отъ кого получена жертва, всѣ предоставляли мнѣ самому направить ее туда, куда я найду болѣе благопотребнымъ. Воистину—такъ, какъ заповѣдалъ Господь: да не увѣстъ шайца, что творитъ десница твоя!

Мнѣ, говорю, особенно отрадно отмѣтить эти проявленія жизни Христова Спасителя именно въ *Его служителяхъ*; вѣдь въ наше время такъ часто обвиняютъ духовенство наше въ томъ, что оно, будто-бы умѣеть братъ, но не любить давать: а вотъ, подите же: наши міряне, имѣющіе возможность жертвовать тысячами, не такъ охотно отзываются на призывъ архіерея: увы, было время во дни оны еще не такъ отдаленные, когда и они охотно дѣлились съ Богомъ своими избытками,—а теперь—вотъ эти смиренные батюшки сельскіе опережаютъ ихъ своими лептами воистину не отъ избытка — какой ужъ избытокъ у сихъ рабовъ Божіихъ!—а отъ лишній своихъ и несутъ эти лепты на дѣло Божіе! Благослови ихъ, Господи! Воздай имъ благодатными утѣшениями въ ихъ добрыхъ, въ простотѣ сердца вѣрующихъ сердцахъ!

Отрадно отмѣтить и то, что наши добрые пастыри въ семъ случаѣ являются носителями истинно-христіанского духа благотворительности. Мы живемъ въ такое печальное время, когда въ нѣдрахъ самаго христіанства подмѣниваются уже не только идеалы, но и самые символы благотворительности: самый крестъ Христовъ стараются испразднить, какъ будто онъ сталъ ненавистенъ духу вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго, будто сей вѣкъ стыдится креста Христова, будто боится его

(а извѣстно, кто больше всего боится и „трепещеть и трясется“, по выражению пѣсни церковной, креста Христова). Уже не во имя Христа, нашего Спасителя, а во имя како-то „гуманности“ (неопределенной туманности, какъ читаютъ это слово простецы-грамотеи) уже не подъ зѣнью креста—знаменія нашего спасенія, а подъ знакомъ—то „благо цвѣтка“, то—„колоса ржи“,—то—„vasилька“, призываютъ насъ къ дѣламъ благотворенія. И имѣютъ дерзость разсыпать даже намъ, архіереямъ, приглашенія стать во главѣ сборовъ подъ такими эмблемами! Вѣроятно, не за горами время, когда станутъ собирать на дѣла „благотворенія“ и подъ масонскими треугольниками. Понемногу, понемногу стараются подмѣнить крестъ Христовъ, удалить его изъ сознанія вѣрующихъ, покрыть туманомъ забвенія, а съ нимъ затушевать въ христіанскомъ міросозерцаніи саму идею искупленія Христомъ рода человѣческаго, постепенно вытравить саму суть христіанства изъ сознанія современаго человѣчества... Хитрый, искусный планъ семитысячелѣтняго человѣкоубийцы—сатаны! Въ сущности это—продолженіе того же подкона подъ христіанство, какому положили начало еще еретики первыхъ вѣковъ христіанства, а позднѣе—Лютерь, этотъ несчастный слуга масоновъ—вѣрныхъ слугъ сатаны: вѣдь еще тогда объявлено, будто крестъ Христовъ, какъ орудіе казни,—прости намъ Господи сіе слово—висѣлица, до-стоинъ поруганія, а не поклоненія, хотя Апостолъ Павель и хвалился имъ, какъ лучшею своею похвалою. Прошло почти четыреста лѣтъ, послѣ Лутера и вотъ, какъ-то безъ шума, незамѣтно, подъ предлогомъ добра, подъ вліяніемъ моды на всякую новинку, знаменіе креста упразд-

няется и даже архіереи приглашаются стать подъ эмблему „ромашки“, „колоса ржи“, „vasилька“ и подобныхъ ничтожныхъ предметовъ. Не думаю, чтобы кого-либо изъ архіереевъ удалось обмануть симъ ненавистникамъ креста Христова, а мірянъ много пошло за ними, пошло, думается, скорѣе изъ моды, безсознательно, хотя, конечно, затѣйники сего знали, что дѣлали, и смѣялись въ душѣ надъ простотою тѣхъ, кто шелъ на ихъ приманку, забывая о крестѣ Господнемъ, подъ сѣнью котораго собирается пожертвованія святая Церковь на тѣ же добрыя дѣла. Я остановился на семъ потому, что мои читатели спрашиваютъ меня: какъ относиться къ подобнымъ сборамъ? Ихъ совѣсти, очевидно, претитъ такой способъ сбора, избѣгающій всякаго благословенія Церкви, дѣйствующій помимо креста Господня. Вотъ я и отвѣчу: избѣгайте всякаго участія въ такихъ якобы добрыхъ дѣлахъ, которые стоянія Церкви, идуть мимо ея благословенія, не могутъ быть допущены въ храмахъ Божіихъ съ тѣми эмблемами, подъ которыми ходятъ по улицѣ и врываются въ частные дома и въ разныя учрежденія. Для христіанина есть путь къ благотворенію—въ церкви, чрезъ служителей Церкви, чрезъ учрежденія, стоянія подъ ея благодатнымъ крыломъ. Такъ будетъ надежнѣе, Богу пріятнѣе и нравственно чище.

Есть и другая сторона въ этихъ попыткахъ подмѣнить христіанскую благотворительность новыми модами сбора пожертвованій. Обратите вниманіе на то, что праздники православной Церкви хотятъ постепенно сократить, а въ замѣнѣ ихъ вводить новые праздники: „праздникъ бѣлага цвѣтка“, „праздникъ колоса“, праздникъ древонасажденія“ и т. п. Развѣ мы не видимъ тутъ цѣлый планъ

постепенной подмѣны христіанства? Кто читалъ „протоколы сіонскихъ мудрецовъ“, для того ясенъ весь планъ постепенного уничтоженія христіанства, врагами Церкви давно задуманный и незамѣтно для наст., но послѣдовательно проводимый въ жизнь христіанскихъ народовъ...

Истинно-христіанское добро скромно, такъ сказать — стыдливо: оно тщательно укрывается отъ очей людскихъ. Вотъ почему оно и не такъ примѣтно: люди творять добро и молчатъ о немъ, и стараются забыть то, что сдѣлали, и на мысль имъ не приходитъ не только показывать его людямъ, но и самимъ въ душѣ любоваться имъ: такъ надо, такъ Богъ велѣлъ, Богъ помогъ и слава Ему, что благословилъ чрезъ мое недостоинство, чрезъ мое ничтожество сдѣлать это добро. Такъ думаютъ они о своемъ добрѣ. А если ужъ нельзя укрыть его, то просить не называть ихъ именъ: творять добро отъ имени неизвѣстныхъ благодѣтелей, чрезъ третью лица. Но свѣтъ, но теплота этого добра помимо ихъ воли льется во-кругъ ихъ, и чувствуютъ это не только тѣ, кому оказывается добро, но и тѣ, чрезъ чьи руки проходитъ оно... Вотъ почему паки и паки приношу имъ мою сердечную благодарность и призываю на нихъ Божіе благословеніе!

Эта статья была уже набрана, когда я получилъ отъ секретаря управлія подворій Палестинского Общества въ Іерусалимѣ С. Г. Щербачева письмо, изъ которого при-

вожу выдержки: „Вдучи на пароходѣ съ паломниками, я читалъ имъ вашъ дневникъ о переселенцахъ и бѣдныя паломницы совали мнѣ въ руки деньги — всего собрали 1 р., немного по количеству, но дорого по чувству. Посылаю вамъ эту святую жертву на храмы въ Сибири. Трогательны разсказы некоторыхъ паломниковъ! Нѣть, не погибла, не погибнетъ Россія, имъ такихъ глубоко-вѣрующихъ сыновъ и дочерей, какихъ я встрѣтилъ въ лицѣ паломниковъ. Ни расходы, ни неудобства, ни качка, ни холодъ, ни голодъ — ничто не останавливаетъ ихъ могучимъ потокомъ стремиться въ святую землю. Спасибо славному Палестинскому Обществу, приходящему на помощь этимъ подвижникамъ. Одна старушка 12 лѣтъ жила мыслью ѻхать въ Іерусалимъ, и вотъ, по копѣекѣ, набирала по 5 рублей въ годъ, набрала 60 руб. и теперь она съ нами, на пароходѣ „Королева Ольга“, плыветъ туда, гдѣ жилъ, училъ, страдаль и умеръ Самъ Господь. Другой молодой парень, на шутку сосѣда, что капитанъ корабля можетъ отправить его назадъ и деньги пропадутъ, отвѣтилъ съ христіанскимъ добродушіемъ и твердымъ рѣшеніемъ попасть во что бы то ни стало въ Іерусалимъ: „ну что жъ, буду опять собирать деньги“. — Это — не пасынки Россіи, это — ей законныя дѣти, чистыя, вѣрующія и простыя души“...

Душою отдыхаешь, когда читаешь такія письма.

112.

Распятіе Господа и наше Ему сораспятіе.

(Слово надъ св. плащаницею).

Когда стоишь предъ симъ священнымъ гробомъ, когда созерца-

ешь эти зияющія раны, этотъ кроткій Божественный ликъ, омраченный

смертию блѣдностю, это Божественное чело, увѣнчанное колючимъ терніемъ, то сердце вопрошаєтъ: Господи! кто же такъ изранилъ, измучилъ Тебя? Какіе злодѣи такъ истерзали Твое пречистое тѣло?..

И слышится въ глубинахъ грѣшной совѣсти страшный отвѣтъ: ты и подобные тебѣ грѣшники! Это—дѣло вашихъ рукъ: *Той язвенъ бысть са грѣхи ваши и мученъ бысть за беззаконія ваши!..*

Да, братія мои! Всѣ нераскаянныя грѣшники, всѣ отпадающіе отъ вѣры православной, отъ единой спасающей Церкви Христовой, всѣ еретики, раскольники, суетудрые лжеучители, смущающіе души простеповъ, глумящіеся надъ истинами вѣры, всѣ, отдавшіе душу и сердце тяжкимъ смертнымъ грѣхамъ и не-помышляющіе о покаяніи—всѣ они вновь распинаютъ Сына Божія, вновь прободаютъ Его пречистое ребро колпнемъ, Его пречистыя руки—острыми желѣзными гвоздями! Такъ говорить слово Божіе, такъ учатъ святые Апостолы, такъ учить святая матерь наша Церковь—невѣста Христова возлюбленная!

Но не одни нераскаянныя грѣшники распинаютъ Господа своими грѣхами. Господь пролилъ Свою пречистую кровь и за наши грѣхи. Каждый новый грѣхъ, нами совершаемый, есть новый гвоздь въ Его святѣйшія длані, есть новый ударъ конія въ Его пречистое ребро. Когда ты осуждаешь своего ближняго, когда издѣваешься надъ нимъ,—ты осуждаешь Христа вмѣстѣ съ книжниками и фарисеями, ты издѣваешься надъ своимъ Спасителемъ вмѣстѣ съ ихъ злыми прислужниками! Когда ты оскорбляешь собрата, поносишь его имя, ты ударяешь въ ланиту своего Господа вмѣстѣ съ единицами отъ слугъ первосвященника Анны,

ты даешь заущеніе Ему вмѣстѣ съ грубыми римскими воинами! Когда злорадствуешь при несчастіи ближняго, ты издѣваешься надъ своимъ распятымъ Господомъ вмѣстѣ съ разбойникомъ, распятымъ ошую Его! Когда обижашь неповиннаго, притѣсняешь безпомощныхъ сиротъ или вдовицъ, отнимаешь у нихъ достояніе,—ты срываешь одѣжды съ Христа вмѣстѣ съ Его распинателями! Когда гордишься, превозносишься предъ другими своими мнимыми достоинствами, способностями, талантами—ты вѣнчаешь острый, колючій терніемъ смиренную главу твоего Спасителя, для Котораго нѣтъ ничего достолюбезнѣе кротости и смиренія и нѣтъ ничего оскорбительнѣе гордости и превозношенія. Помни, именующій себя христіаниномъ, то-есть, ученикомъ Христовымъ, что речеть Онъ тебѣ на страшномъ судѣ Своемъ предъ лицемъ всѣхъ Ангеловъ Своихъ и всѣхъ святыхъ: все, что ты сдѣлалъ или не сдѣлалъ одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ—сдѣлалъ или не сдѣлалъ *Мнѹ!*

Какъ бы ни казался тебѣ малымъ и потому якобы извинительнымъ грѣхъ, онъ есть уже оскорбленіе величества Божія, нарушеніе святѣйшей Божіей заповѣди, темное пятно на твоей совѣсти, иничѣмъ не можешь ты загладить его самъ. Каждая минута нашей жизни есть даръ Божій, а посему каждая минута, праздно проведенная, каждое слово праздно сказанное, есть уже новый и новый грѣхъ, новое и новое оскорбленіе Господа Жизнодавца. Не думай, братъ, что можно утраченное на грѣхъ, потерянное для добра времія чѣмъ либо восполнить, вознаградить: разъ оно потеряно—оно стало уже неоплатнымъ долгомъ предъ судомъ правды Божіей и только крестныя заслуги Го-

спода нашего Иисуса Христа могут изгладить грехъ и покрыть неправду нашу предъ судомъ вѣчной правды Бога правосудного.

Вотъ почему здѣсь, у этого гроба Христова, нынѣ, въ этотъ великий день нашего искупленія и спасенія, мы наипаче должны каяться, оплакивать свои грѣхи, умолять Божественнаго Страдальца, чтобы не помянулъ Онъ сихъ грѣховъ и беззаконій нашихъ въ день праведнаго суда Своего страшнаго, чтобы покрыть, омыть ихъ Свою кровью безцѣною, чтобы далъ намъ силы подвизаться въ борьбѣ со грѣхомъ даже до пролитія, если сіе будетъ потребно, крови, чтобы далъ крѣпость спострадать Ему, сораспяться съ Нимъ, быть причастниками Его спасительныхъ страданій...

Возможно ли это? скажете вы. Мы такъ слабы, такъ немощны...

Не только возможно, братіе, но и должно. Для того и возлагается на насть крестъ при святомъ крещеніи, чтобы помнили мы обѣ обѣты сораспятія со Христомъ, или, какъ выражается Апостоль Христовъ участія нашего въ Его страданіяхъ, восполненія Его страданій въ плоти нашей... Всѣ мы—тѣло Его, плоть отъ плоти Его, кость отъ костей, Его, ибо всѣ мы причащаемся тѣла и крови Его въ Божественномъ таинствѣ; а посему — если страждеть Глава, съ нею должны страдать и всѣ члены, все тѣло. Наша Глава—Христосъ распять на крестѣ: сораспятіемъ и мы съ Нимъ борьбою со грѣхомъ, смиренныи перенесеніемъ всего скорбнаго, благодушныи несеніемъ каждый своего креста, Христомъ же на насть и возложеннаго. Будетъ ли то крестъ болѣзней тѣлесныхъ или страданій душевныхъ, будетъ ли то крестъ вѣшній, отъ людской неправды, крестъ обидъ, поношений, всякихъ несправедливо-

стей, лишеній и болѣзней, какъ было съ древнимъ великимъ страдальцемъ Іовомъ, какъ было со всѣми страдальцами за имя Христово—мучениками,—или же—крестъ внутренній, крестъ тоски безотрадной, крестъ тяжкой борьбы съ своими внутренними врагами—страстями, постоянно воюющими на душу—все примемъ какъ отъ руки Божіей, съ благодарною смиренною преданностью святой волѣ нашего Господа, сознавая, что Онъ лучше насть вѣдаетъ, на кого какой крестъ возложить, и никогда не возложитъ на насть креста, для насть непосильнаго. Въ этомъ самая сущность жизни христіанина на землѣ; въ этомъ—подвигъ спасенія, Христомъ намъ завѣщанный. Христіанинъ есть всегдашній крестоносецъ: *аще кто хощетъ по Мне ити, да отвергнется себѣ, и возмѣтъ крестъ свой, и по Мне грядетъ*, — глаголеть Самъ Онъ, Началовождь нашего спасенія! *Да отвергнется себѣ*: да отсѣть свою волю, да предастъ себя въ волю Божію, да исполняеть во всемъ только сію волю святую *Да возмѣтъ крестъ свой*: пусть будетъ всегда готовъ на всѣ скорби, какія попустить Господь ради его спасенія! *Да грядетъ по Мне*: пусть идетъ по Моимъ стопамъ, пусть живеть по Моимъ святымъ заповѣдямъ! *Аще кто любитъ Мя—заповѣди Моя соблюдетъ!* Прискорбенъ путь, тѣсны врата, но за то сладокъ рай и вѣчная жизнь со Христомъ! *Радуйтесь и веселитесь, яко мѣда ваша многа на небесахъ!* И не только на небесахъ—въ жизни вѣчной, но и еще здѣсь на землѣ Христосъ Спаситель нашъ несказанною радостю веселить сердца идущихъ за Нимъ путемъ крестнымъ и сораспинающихся Ему, утѣшасть ихъ такими утѣшениями, какихъ мѣръ не знаетъ и не

можетъ знать, утѣшениями, ради коихъ истинные послѣдователи Христы готовы на всякія скорби, на всякія муки за своего возлюбленнаго Господа, ибо они знаютъ законъ, по коему по мѣрѣ умноженія скорбей умножаются и сіи таинственныя утѣшения Духа Божія въ ихъ внутренней духовной жизни. Такое утѣшеніе пережилъ благоразумный разбойникъ, сораспятый Господу, когда услышалъ отъ Него: *днесь со Мною будешъ въ раю!*

Вы спросите: какъ достигнуть сего? Какъ удержаться на пути крестномъ и чѣмъ укрѣплять себя въ минуты внутренней борьбы и младодушія?

Отвѣщаю: укрѣпляйте себя воспоминаніемъ страстей Христовыхъ. Когда придетъ искушеніе, огради себя крестнымъ знаменіемъ, христіанинъ, и вспомни, чего стоитъ твой грѣхъ Христу Спасителю. Вспомни, что если согрѣшишь, если не устоишь противъ искушения, то нанесешь новую рану Ему, твоему Испупителю. Устыдись, ужаснись такого дѣянія. Пожалуйся Ему, твоему милосердному Господу, на себя самого, на немощь свою, призови Его въ день и часъ скорби твоей и Онъ услышитъ—непремѣнно услышитъ тѣя и изметь тебя отъ бѣды грѣха, и поможетъ тебѣ Свою всесильной благодатію. Чаще прибѣгай къ таинству покаянія, чаще соединяйся съ Господомъ въ таинствѣ причащенія тѣла и крови Его. Стой на стражѣ своего сердца и не допускай въ него помысловъ, Бога оскорбляющихъ. Гони прочь отъ себя первую мысль о грѣхѣ, не останавливайся на ней, не вступай въ бесѣду съ симъ врагомъ твоего спа-

сенія. Если подкрадется къ тебѣ искушательный помыслъ, не позволяй ему осквернять твоё сердце, гони его молитвою Иисусовою, жалуйся на него твоему Спасителю. Не смущайся и тогда, если грѣшный помыслъ будетъ настойчиво приступать къ тебѣ: Христосъ видѣтъ, что ты не соглашаешься съ нимъ, что ты гонишь его, и, видя любовь твою къ Себѣ, Самъ прогонитъ его отъ тебя, яко лающаго пса. Вѣрь, братъ возлюбленный, что чѣмъ больше будешь бороться и при помощи Божіей побѣждать сихъ духовныхъ амаликитянъ, тѣмъ больше будешь укрѣпляться въ заповѣдяхъ Христовыхъ и тѣмъ скорѣе обрѣтешь миръ душевный въ совѣсти твоей. Крестъ постепенно будетъ обращаться для тебя въ лѣстницу, на небо возводящую, въ крылья, коими наконецъ воспаришь ты къ обителямъ Отца небеснаго—туда, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сидящій!

Блаженны вы, которые несете свой крестъ за Христомъ! Нынѣ вашъ праздникъ, нынѣ Христосъ таинственно изрѣкаетъ душамъ вашимъ: *днесь со Мною будете въ раю!*

Господи Спасителю нашъ! Ты воспріялъ еси на Свои святыя рамена всѣ кресты наши и знаешь всю тяготу ихъ! Ты взялъ на Себя всѣ грѣхи наши и вознесъ ихъ на древо крестное! Ты лучше нась самихъ вѣдаешь немощи наши! Помоги и намъ нести кресты наши до конца, какъ помогъ Ты разбойнику благоразумному. Не воспомяни беззаконій нашихъ, но помяни и насть во царствіи Твоемъ! Аминь.

113.

Христосъ Воскресе! Смерти празднуемъ умерщвленіе.

(Слово на Пасху).

Скажите, братіе: гдѣ, въ какой вѣрѣ не только благовѣстуется, но уже и празднуется какъ совершившееся событие умерщвленіе смерти—“сей царицы ужасовъ”, по прекрасному выражению праведнаго Иова? Мечталъ ли древній міръ о побѣдѣ надъ смертію? Есть ли, найдете ли хотя бы въ миѳахъ древніхъ народовъ Индіи, Египта, Греціи,—не говорю уже о другихъ—что либо подобное тому, что празднуемъ сегодня мы? Даже богооткровенный ветхій завѣтъ знаетъ только *воскрешение*, но не *воскресеніе*; вставали мертвцы силою Божіей, по молитвѣ великихъ пророковъ Иліи и Елисея, но никто, никогда не вставалъ изъ мертвыхъ *свою* силою, своимъ произволеніемъ: самая мысль о такомъ чудѣ была невмѣстима для ума человѣческаго! А мы видимъ это во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, видимъ, и празднуемъ Его воскресеніе и ликуемъ Его побѣду надъ смертію. Онъ — первенецъ изъ мертвыхъ, первенецъ и—яко Свою божественною силою, а не молитвой праведниковъ воскресшій, и—яко единій и единственный побѣдитель смерти въ собственномъ смыслѣ, и—яко дарующій воскресеніе въ жизнь вѣчную всѣмъ, въ Него вѣрующимъ. Его побѣда надъ смертію есть *наша* побѣда; Его *воскресеніе* есть *наше* *воскрешеніе*; Онъ — наша глава; мы—Его тѣло; воскресла глава—воскресаетъ и тѣло; глава умертвила смерть и—всѣ члены тѣла участвуютъ въ семъ побѣдномъ торжествѣ. Вотъ почему мы праздну-

емъ сегодня не просто побѣду надъ смертію, но и полное ея *умерщвленіе*. Смерть умерщвлена: гдѣ ти, смерте, жало? Лежишь ты, по слову пѣсни церковной, бездыханная!...

И вотъ, радуются нынѣ смертные, ибо съ умерщвленіемъ смерти получили бессмертіе. Радуются Ангелы Божіи и поютъ на небесахъ воскресеніе Христово, ибо наша радость есть ихъ радость, яко братій нашихъ по творенію. Радуется вся тварь, ибо, подчинившись тѣлѣнію вмѣстѣ съ своимъ владыкою—человѣкомъ, она доселѣ совоздыхала и соболѣзновала ему: какъ же ей не сорадоваться ему, когда и она, вмѣстѣ съ нимъ, освобождается и будетъ свободною отъ рабства тѣлѣнію?

Вотъ почему нынѣ вся исполненная свѣта: небо же и земля и преисподня и празднуетъ вся тварь *востаніе Христово*!

А какъ же смерть?... Вѣдь, она и нынѣ, какъ во дни праотца Адама, косить и косить свою жатву въ юдоли земной?... Гдѣ же празднуемая нынѣ побѣда надъ нею?..

Нынѣ, братіе, для вѣрующихъ во Христа осталась только одна тѣнь смерти. И эта тѣнь есть благодѣтельница смертныхъ, служанка истинной жизни. Подумайте, возлюбленные: что было бы, если бы люди вовсе не умирали, не уходили изъ сей юдоли печали и слезъ? Ибо что такое здѣшняя жизнь съ ея гнетущею духъ суетою, съ ея многоразличными скорбями, съ ея тяжкими крестами? Можно ли такую

жизнь назвать истинною жизнью? Нынѣ скорби, завтра болѣзни, неудачи, разочарованія и лишенія, а на совѣсти все новыя и новыя язвы грѣховныя,—позднѣ бурная юность съ ея увлеченіями и—часто—паденіями, впереди дряхлая старость или преждевременная смерть: это ли та жизнь, къ которой Создатель предназначилъ вѣнецъ Своихъ твореній—человѣка? Не говорю уже о тѣхъ, у которыхъ и чрезъ золото слезы льются: о, какъ много на свѣтѣ такихъ! Не говорю и о тѣхъ, которые живутъ въ почетѣ, утопаютъ въ роскоши, а въ душѣ носятъ отраву невѣрія, змію зависти, муки совѣсти! Ихъ жизнь — одно адское мученіе! Въ такихъ условіяхъ жизни и въ древнемъ мірѣ, когда еще не было благовѣстія о побѣдѣ Христѣ надъ смертію, люди нерѣдко ждали смерти, какъ желанного гостя и взывали: „о, смерть! Отраденъ твой приговоръ для человѣка нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ, для престарѣлого и обремененнаго заботами, для потерявшаго надежду и терпѣніе!“ (Сир. 41, 3—4)... Но какъ безотраденъ былъ этотъ вопль измученной души, когда не было луча свѣта въ области по ту сторону гроба и не вѣдали люди: что ихъ тамъ ожидаетъ?!

Но допустимъ, что были и есть такие счастливцы, коихъ ничто не тревожить, которые не знаютъ болѣзней, не испытали никакихъ скорбей и неудачъ въ жизни: а кто имъ поручится, что завтра же ихъ не постигнутъ эти скорби, болѣзни, неудачи? Кто поручится, что сіи счастливцы сегодня — не станутъ завтра же самыми несчастными людьми на землѣ? Пока люди живутъ на сей землѣ, никто не свободенъ отъ грѣха: „если говоримъ, что грѣхъ не имѣемъ — обманываемъ самихъ себя“, говорить воз-

любленный ученикъ Христовъ, а гдѣ грѣхъ, тамъ и послѣдствія его—скорби и болѣзни, тамъ должна быть и смерть! И что за жизнь была бы при постоянной опасности согрѣшить, а следовательно и подвергнуться горькимъ послѣдствіямъ всякаго грѣха? Что за радость и для праведника — жить вѣчно въ этой юдоли плача и слезъ, видѣть эти слезы людскія, жить вдали отъ Бога, къ Которому стремится его душа, вѣчно тосковать о небесномъ отечествѣ, вѣчно, до самаго втораго пришествія Христова на землю, жаловаться съ Апостоломъ: бѣдный я человѣкъ! кто меня избавить отъ сего тѣла смерти? Желаніе имѣю разрѣшиться и со Христомъ бытъ! потому что это несравненно лучше“. (Рим. 7, 24. Фил. 1, 23).

Не то, не то теперь! Нынѣ Христось воскресъ, и смерть стала служанкою, отворяющею двери въ блаженную вѣчность. Нынѣ всякий, идущій за Христомъ съ своимъ крестомъ, счастливъ ли онъ или несчастенъ въ земномъ своемъ странствованіи, знаетъ — не вѣрить только, но твердо знаетъ, что когда его земное странствованіе окончится, когда сія тѣлѣнная храмина тѣла разорится, его ждеть отечество небесное, храмина вѣчная на небесахъ, куда уже отверсты для него двери Христовы крестомъ. Держись крѣпче, братъ-христіанинъ, за этотъ крестъ и предъ тобою отворятся сіи желанныя двери! Неси благодушно возложенный на тебя крестъ, и ты войдешь въ рай вслѣдъ за благоразумнымъ разбойникомъ.

Смерти нѣть больше для истиннаго ученика Христова: она умерщвлена Христомъ. Есть сонъ, послѣ котораго послѣдуетъ радостное пробужденіе въ другой—лучшей, вѣчно-блаженной жизни. Мы вѣруемъ, что аще со Христомъ страждемъ, съ

Намъ и водаримся. А посему можемъ со Апостоломъ повторить: не боимся смерти, желаніе имъемъ раз-

рѣшиться отъ узъ плоти и со Христомъ быти. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

114—118.

Берегите сокровища церковныхъ преданій.

I.

Мы живемъ въ печальное время. Идеалы приникаются, постоянно уходя изъ сознанія нашего куда-то далеко, въ область тумана и забвѣнія, чистыя понятія и возврѣнія, вѣками воспитанныя Церковю, тускнѣютъ, самая способность распознавать, въ чёмъ чистая истина, чистое, Богу угодное добро и богоподобная духовная красота—слабѣютъ въ современномъ христіанинѣ, даже и православномъ. Когда размышляешь объ этомъ, какъ-то невольно проносятся въ мысли слова незабвенного святителя Филарета Московскаго: „когда наступаетъ тьма на дворѣ, то усиливаются свѣты въ домѣ“. А тьма усилилась настолько, что люди вошли въ тьму больше, чѣмъ свѣты, и свѣты нерѣдко называются тьмою, а тьму свѣтомъ... Я не говорю уже о тѣхъ, кто сознательно лукавить въ своей совѣсти, кто бѣжитъ отъ свѣта Христова, проповѣщающаго всякаго человѣка въ нѣдрахъ Церкви—воспитаніемъ въ завѣтахъ Церкви—Христовой невѣсты, кто, возлюбивъ грѣхъ, спѣшить укрыться отъ обличеній совѣсти судіи неподкупнаго во мракѣ лукавыхъ софизмовъ. Такіе люди, сами погружаясь во тьму, влекутъ за собою и другихъ, распространяя эту тьму вовокругъ себя. И вотъ этихъ-то другихъ, стоящихъ на распутніи, колеблемыхъ вѣтрами всякихъ современныхъ мудрованій и какъ будто потерявшихъ руководящее начало

въ жизни—мнѣ искренно жаль! Мнѣ хочется крикнуть имъ: поближе къ Церкви, братія мои, подальше отъ современныхъ шатаний въ области мыслей, въ области жизни! Церковь съ материнской любовью даетъ сама это руководящее начало въ жизни, эту спасительную нить, за которую держась вы не заблудитесь въ безконечномъ лабиринтѣ человѣческихъ смысленій и всегда вѣрою будете распознавать искінній путь жизни и православнаго міровозрѣнія. Это начало, эта нить есть общецерковное преданіе, всегда вѣрою ученію слова Божія—Священнаго Писанія, всегда являющееся выраженіемъ и отображеніемъ жизни Церкви временъ минувшихъ, отъ Апостоловъ и Самого Господа Іисуса Христа даже до нашихъ позднѣйшихъ дней. Духъ Божій, присно живущій въ Церкви Христовой и ее оживляющій, въ ней присно дышущій, охраняетъ вѣрныхъ чадъ ея отъ всякаго самочинія въ области мысли, ибо всякое свое мыніе, всякую нововозникшую мысль свою они провѣряютъ мыніемъ Церкви и ея пастырей и учителей всѣхъ вѣковъ и временъ, дабы такимъ образомъ быть въ неизмѣнномъ ей послушаніи и единеніи со всему историческою Церковью и съ ея вѣчною главою Господомъ Іисусомъ. Такимъ образомъ въ основѣ отношеній православно-вѣрующаго сына къ Матери-Церкви лежитъ смиренная, сыновне-безза-

вѣтная любовь къ ней, яко невѣстѣ Христовой непорочной, яко матери нашей благодатной.

И этою любовью должны быть всепѣло проникнуты всѣ чада Церкви—и пастыри, и пасомые: всѣ должны благоговѣйно чтить ее, слушать ее, любоваться ея духовною красотой. Эта беззавѣтная любовь къ матери Церкви и будетъ ключемъ, открывающимъ предъ духовными очами ея чадъ всѣ тѣ ея свойства, ея духовныя сокровища, которые остаются прикровенными для людей, внѣ Церкви живущихъ и потому неспособныхъ ни умомъ, ни сердцемъ воспріять ихъ. Истинные носители духа церковности, съ дѣтства воспитанные на церковной, скажу больше: на церковно-славянской литературѣ, или, какъ выражаются люди простые, на божественныхъ книгахъ, являются и лучшими истолкователями самого духа церковности, живыми продолжателями церковнаго преданія, учителями Церкви. Все то, якобы, новое, что ими вносится въ жизнь соответственно новымъ потребностямъ церковной жизни, въ то же время и есть созиданіе того же непрерывнаго отъ временъ апостольскихъ преданій: въ этой новизнѣ вѣтъ тотъ же духъ, она есть новый листокъ на той же вѣтви древа церковнаго преданія. Стоить просмотрѣть, напримѣръ, чинопослѣдованія и молитвы на разные случаи, составленныя Московскимъ святителемъ Филаретомъ, который былъ типичнѣйшимъ носителемъ и хранителемъ церковныхъ преданій, ихъ истиннымъ истолкователемъ и—въ исторіи Церкви созиателемъ.

Я увѣренъ, что меня поймутъ люди церковные, не утратившіе способности—не столько умомъ, сколько сердцемъ—распознавать свое *радкое* православное отъ чужаго ино-

славнаго. Славу Богу, такихъ еще немало на Руси. Но я боюсь, что и среди нихъ есть уже такие, которые, подъ вліяніемъ вѣянія духа времени, вѣяній, постоянно отравляемыхъ масонскими идеями, безмолвно, безъ протеста, уступаютъ этимъ вѣяніямъ, стараясь умиротворить свою православную совѣсть соображеніемъ, что это—мелочь, несущественно, что цѣною такихъ уступокъ, въ сущности якобы ничтожныхъ, покупается миръ въ взаимныхъ отношеніяхъ съ людьми не строго церковныхъ воззрѣній. И бываетъ такъ: сначала терпятъ, затѣмъ привыкаютъ, а наконецъ—въ слѣдующемъ поколѣніи—дѣти уже считаютъ нормою то, что только терпѣли отцы. Такъ и отпадаетъ отъ жизни преданіе. А между тѣмъ въ этомъ забытомъ преданіи сколько было глубокаго смысла и воспитывающей поэзіи! Приведу примѣръ. Въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія, въ тѣ дни, когда на свѣтицѣ Всероссійской Церкви (не говорю—Московской—понятно почему) ярко горѣлъ св. великий святитель Божій Филаретъ, во всѣхъ церквяхъ первопрестольной наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней зимою всенощное совершалось съ рѣдкимъ звономъ, по особому разрешенію; а красный звонъ, уставной, полагался только для вечерни и утрени. И въ этомъ соблюденіи устава, недозволяющаго послѣ праздника Воздвиженія Креста Господня *бдѣній*, была своего рода поэзія. Кто немощенъ, старъ и малъ могли ити ко всенощной, но священнослужители въ силу необходимости, а прочие вѣрующіе должны были, понуждаемы были совѣстю ити къ утрени. Въ этомъ былъ иѣкотораго рода подвигъ, а въ подвигѣ—духовное освѣженіе и утѣшеніе. Теперь эти утрени остались, кажется,

только въ нѣкоторыхъ обителяхъ... Не хочу осуждать этой замѣны утрени всенощною службою,—хочу только отмѣтить, какъ отошли въ область преданія эти праздничныя утрени съ поэзіей ранняго вставанія, хожденія во тьмѣ ночной въ храмъ Божій при звонѣ колокола, который какъ-то особенно торжественно и властно звучалъ въ этой тишинѣ зимней морозной ночи... Да и въ храмъ-то Божіемъ въ часы глубокаго утра легче изливалась изъ сердца молитва молящихся. Теперь—почти всюду всенощное съ краснымъ звономъ, и эта поэзія утренняго Богослуженія отошла для насъ, ее переживавшихъ, въ область отрадныхъ воспоминаній, а для слѣдующаго поколѣнія станеть уже отдаленнымъ забытымъ преданіемъ, отмѣченнымъ развѣ въ книгахъ, а не записанныхъ личнымъ переживаніемъ на скрижалахъ дѣтскаго сердца, какъ у насъ...

Я взялъ такой примѣръ, въ которомъ проявилась уступка только немощи человѣческой въ ущербъ требованіямъ строгаго церковнаго устава. Правда, эти требованія—вставать зѣло заутра въ день Господень, чтобы съ обновленными силами посвятить начатки святаго дня молитвѣ предъ Господомъ—имѣютъ свой глубокій смыслъ, однакоже, въ виду немощей современаго намъ поколѣнія, приходится этимъ немощамъ сдѣлать уступку, чтобы не дать повода считающимъ себя немощными вовсе не посѣщать праздничныхъ богослуженій. Но такого рода уступки въ области церковнаго преданія можно допустить лишь подъ условіемъ строгаго предварительного обсужденія. Къ сожалѣнію, вотъ этого-то условія и не выполняется у насъ, и притомъ даже въ отношеніи такихъ предметовъ, которые уже теряютъ внутренній смыслъ

свой, когда происходитъ замѣна, или лучше сказать—подмѣна, древняго преданія новизною послѣдняго времени. На нашей памяти, напримѣръ, въ храмы Божіи ворвалось электричество—этотъ мертвый свѣтъ машиннаго производства. Сначала онъ появился какъ иллюминація храмовъ Божіихъ снаружи; это было даже хорошо и въ смыслѣ чистоты, и въ смыслѣ безопасности. Но этимъ не удовольствовались. Теперь электричество горитъ уже въ храмахъ—въ паникадилахъ. Здѣсь уже „обрадывается“ смыслъ церковнаго преданія. Что такое паникадило въ его символическомъ значеніи? Оно изображаетъ собою духовное небо, украшенное духовными звѣздами—ликами святыхъ Божіихъ, яко же звѣзда отъ звѣзды разнствующихъ во славѣ у Господа. Оно же, паникадило, представляетъ собою и общую лампаду предъ всеми многочисленными иконами въ иконостасѣ. А елей лампады, какъ известно, означаетъ и милость Божію къ намъ грѣшнымъ, исцѣляющую наши недуги душевныя и тѣлесныя, и дѣла милосердія, творимыя нами во славу Божію, а если въ паникадилѣ горятъ свѣчи, то сколько благодатныхъ уроковъ преподаются намъ эти плоды трудовъ Божіей мушки-пчелки работницы! Тутъ и благоуханіе цвѣтовъ, напоминающее благоуханіе добрыхъ дѣлъ, творимыхъ благодатію Духа Божія, тутъ и безкорыстіе напряженаго труда во исполненіе воли Творца, тутъ и мудрость ничтожнаго созданья, прославляющаго своимъ искусствомъ Создателя; тутъ и тихое горѣніе, напоминающее намъ тихое приближеніе къ смерти; тутъ и чистая, благоуханная жертва Богу, поучающая насъ самихъ себя уготовлять яко чистую жертву всесожженія Господу въ отсѣченіи своей воли, въ

умерщвлениі грѣховнаго ветхаго человѣка... И всѣ эти уроки, вѣка-ми скопленные, умираютъ, отходя отъ книжнаго преданія съ замѣной восковой свѣчи—электричествомъ... Мнѣ скажутъ: и электричество—Божіе твореніе... Да, не спорю, но

Есть еще двѣ области церковнаго преданія, соприкасающіяся съ поэзіей: эта церковная иконопись и церковное пѣніе. Въ этихъ областяхъ мы такъ далеко ушли отъ преданія, живаго преданія церковнаго, что во многомъ потеряли, кажется и руководящее начало. Помню, лѣтъ 20 назадъ въ Москвѣ былъ археологический съездъ. Зашла рѣчь о томъ: кто изображался на древнихъ иконахъ Рождества Христова внизу, въ уголкѣ, противъ праведнаго Иосифа Обручника, сидящаго съ закрытыми глазами? Ученые археологи высказывали разныя догадки: предполагали, напримѣръ, что это пастухъ, разспрашивающій Иосифа о мѣстѣ рожденія Спасителя. Но простой иконописецъ изъ Палеха объяснилъ, что эта фигура изображаетъ искусителя, во снѣ влагающаго Иосифу помыслы подозрѣнія противъ Пресвятой Дѣви... „Видите, сказалъ этотъ иконописецъ, у него и голова закрыта, чтобы рога спрятать, и ноги не видны, а на старыхъ иконахъ ноги кончаются коньтцами“... Вотъ наглядный примѣръ того, какъ, съ перенесенiemъ къ намъ идеаловъ западной живописи, оборвались нити роднаго преданія въ искусствѣ иконографіи.

Объ увлечениі западной живописью въ XVIII вѣкѣ и говорить болыно! Вмѣсто традиціонныхъ ликовъ святыхъ Божіихъ живописцы писали потреты съ помѣщиковъ, особенно съ ихъ женъ и дочерей, вмѣ-

мнѣ жаль церковнаго преданія, по-
чи двѣ тысячи лѣтъ (а для елея—
почти 4000 лѣтъ) жившаго въ Цер-
кви и вдругъ—умирающаго, жаль
этихъ трогательныхъ уроковъ, этой
умиляющей сердце поэзіи...

П. . . . .
сто ангеловъ—юношой писали обнаженныхъ со вздутыми щеками дѣтей, на иконостасахъ рассказывали рѣзныя фигуры этихъ дѣтей, а около престола въ св. алтарѣ ставили рѣзныхъ ангеловъ въ видѣ полуобнаженныхъ женщинъ... Такъ подмѣнены были идеалы одухотворенія изображеній святыхъ—плотяностью европейскаго натурализма. Надо еще удивляться, какъ упѣлѣло на Руси искусство иконоисанія въ древнемъ стилѣ. Надо съ благодарностью называть тѣ села Владимірской епархіи, въ коихъ кустари-иконоисцы сохранили до нашего времени поэзію иконографіи и ея преданія. Наші художники послѣднихъ двухъ столѣтій въ своеемъ увлеченіи западнымъ натурализмомъ вовсе не обращали вниманія на иконоисческую традицію и отбросили ихъ какъ ветошь. Только въ послѣднюю четверть XIX вѣка обратился къ этимъ традиціямъ и сталъ изъ нихъ черпать свое художественное вдохновеніе нашъ великий поэтъ иконографіи и церковной живописи В. М. Васнецовъ. Воспитанный подъ крыломъ матери Церкви, онъ понялъ чуткою душою, что православной иконописи совершенно несвойственъ натурализмъ, что въ нашей иконографіи идеаломъ служить одухотвореніе, идея внутренней духовной красоты, а не тѣлесной, что послѣдняя допускается постольку, поскольку она служить первой. Икона святаго не есть точный его портретъ.

хотя портреты угодниковъ, Богомъ прославленныхъ святителей послѣднихъ вѣковъ (Димитрія, Тихона, Митрофана, Феодосія, Іоасафа) и преподобнаго Серафима и стали, со временемъ прославленія, иконами, но портретное сходство и тутъ является на второмъ мѣстѣ. Икона скорѣе есть символъ или средство переносить нашу мысль и сердце въ горній міръ для бесѣды съ тѣмъ, кого она изображаетъ. Одухотвореніе изображенаго на иконѣ, подчеркиваніе, если можно такъ сказать, того, что изображаемый—не отъ міра сего, что онъ—обитатель духовнаго міра, небесный человѣкъ и земной ангель—вотъ отличительная черта иконографіи православной въ сравненіи съ западной, латинской или итальянской. Иконы—не портреты, не фотографіи міра земнаго, земной красоты: это скорѣе—символы, условныя изображенія, какъ бы іероглифы, переносящіе нашу мысль и чувство въ иной міръ духовный. Вотъ почему недопустимое въ живописи на картинахъ совмѣщеніе разныхъ моментовъ одного и того же события—такъ обычно въ иконографіи. На картинахъ, наприм. Вознесенія Господня изображеніе ангеловъ неумѣстно, пока виденье еще возносящейся Господь, ибо ангелы явились апостоламъ уже тогда, когда, Господь сокрылся отъ очію ихъ, а на инокѣ Вознесенія они вполнѣ умѣстны въ видахъ полноты и цѣлости изображенія великаго события. А иконы Воскресенія Христова въ композиціи царскаго зографа Симона Ушакова—да это цѣлая поэма, воплощающая всѣ моменты таинственной ночи Воскресенія!

Вотъ почему такой глубокій знатокъ иконографіи, какъ В. М. Васнецовъ всегда съ восторгомъ отзы- вается о старинныхъ композиціяхъ

въ церковной иконописи: „намъ нечего придумывать въ этой области: предки наши все исчерпали, намъ остается только учиться у нихъ!“ Отличительною чертою этихъ композицій является ихъ наивная простота и глубина, богатство мысли, обнимающей всѣ стороны идеи того или другаго события, изображаемаго на иконѣ. Икона—книга для безграмотныхъ. Ничего въ ней нѣтъ бьющаго на эффектъ, никакой лжи, обмана чувства, фокуса. Икона—священный предметъ, въ которомъ нѣтъ мѣста ничему подобному. Если мнѣ укажутъ на нимбы, на золотой фонъ иконы, на прозолоту въ одѣждахъ, я скажу: это не ради эффекта, эта—символика славы Божіей, окружающей святаго, блестающей на его одѣяніи, на всей обстановкѣ, въ какой онъ изображенъ. Если мнѣ скажутъ, что тѣмъ не менѣе въ нашихъ храмахъ много допущено такого, что заимствовано съ запада, что не отвѣчаетъ идеаламъ православія въ области церковнаго искусства, я скажу: да, къ сожалѣнію, послѣ Петровыхъ реформъ міръ властно ворвался въ наши св. храмы, самые храмы стали строить по образцамъ римскихъ костеловъ, украшать ихъ статуями, мірскою живописью, вносить въ нихъ чуждыя духу православія начала, да, мы комногому приныкли за двѣсті лѣтъ, приглядѣлись, такъ что эти чуждыя начала не бросаются въ глаза: вѣдь, многое такое стало уже „елизаветинской стариной“, которую нерѣдко, въ своей ревности не по разуму церковному, стараются слишкомъ усердно уберегать наши археологи новаго поколѣнія. Но все это не даетъ намъ права признавать эти чуждыя духу нашей Церкви начала—своими, родными, православными. Все это только „терпится“, но не благословляется Церковію,—рѣз-

ныя или скульптурные изображения Христа Спасителя, сидящего въ темнице, распятаго на крестѣ, лежащаго во гробѣ (и такія есть), таія же изображения ангеловъ, держащихъ ришки, свѣчи, лампады, поддерживающихъ аналогію съ Евангеліемъ или иконой, фигуры крылатыхъ, обнаженныхъ дѣтей, разсаженныхъ съ трубами или свирѣлями по карнизамъ иконостаса и въ разныхъ мѣстахъ храма—все это не наше родное, православное, все это принесено къ намъ съ латинскаго запада и вѣтъ не духомъ, а плотяностью, доходящею, напримѣръ, въ раскрашенныхъ изваяніяхъ, до грубаго реализма, нарушающаго даже законы искусства. Все это—плоды того безправія и приниженности Церкви, какое появилось на Руси, послѣ уничтоженія патріаршества. Помѣщики—строители храмовъ Божіихъ, преклонявшіеся предъ западомъ и на западѣ только видѣвшіе научный и художественный прогрессъ, не знаяше своихъ родныхъ церковныхъ идеаловъ, переносили въ свои сельскіе храмы все, что имъ нравилось въ Европѣ, не спрашиваясь, отвѣчаетъ это нашимъ идеаламъ или нѣтъ. А духовенство молчало, ибо нерѣдко видѣло, что и епископы не могли устоять въ борьбѣ съ самочиніемъ въ дѣлахъ церковныхъ этихъ властелиновъ—помѣщиковъ. Интеллигентіи правящихъ сферъ не было никакого дѣла до того, что творилось въ области церковнаго благотврія и искусства. Мало того: нерѣдко сама она вносила въ родные храмы произведенія чужаго искусства. Такъ постепенно вытравлялся изъ сознанія русской души православный идеалъ иконописи, а на его мѣсто прививался и усвоился чуждый западный идеалъ плотяности въ живописи и ваяніи. А на западѣ все болѣе и болѣе утра-

чивался идеалъ духовной красоты въ живописи и ваяніи, и на смѣну великимъ мастерамъ въ этой области выступаютъ реалисты, которые не гнушаются вносить профанацию въ эти искусства, лишь бы достичь желаемаго эффекта, не останавливаются и предъ фокусомъ, какъ это ни унизительно, казалось бы, для священнаго искусства. Примѣромъ такого фокусничества служить Максъ съ его картиной, изображающей голову Спасителя на полотнѣ. Смотрите вы на этотъ ликъ вблизи—глаза закрыты, отойдете—глаза смотрятъ прямо на насъ. Художникъ подмѣтилъ у мертвцовъ явленіе, называемое *некробіозомъ*, когда сквозь покровы вѣкъ, сдѣлавшихся у мертвца прозрачными, проступаютъ темные зрачки: на вѣкоторомъ разстояніи глаза и кажутся открытыми. Любуются на это изображеніе Христово, пока не слышали о некробіозѣ, и отворачиваются отъ картины Макса, когда узнаютъ, въ чёмъ его секретъ. На что художнику понадобилось изобразить ликъ Христовъ съ глазами мертвца? А между тѣмъ есть и у насъ на Руси увлекающіеся этой картиной. Одинъ изъ моихъ читателей, напримѣръ, пишетъ мнѣ (по поводу статьи Ушакова, помещенной въ № 96 „Троицкаго Слова“), что „условная тѣнь на извѣстной картинѣ Макса не есть фокусъ, но высокохудожественное воспроизведеніе великой христіанской идеи—плодъ долгихъ настойчивыхъ трудовъ по изученію анатоміи человѣческаго лица. Максъ, изображая ликъ Христа въ терновомъ вѣнѣ, съ выраженіемъ физического страданія, ярко выражаетъ ту глубокую мысль, что Спаситель и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ былъ любвеобильный Богъ, Который смотрѣтъ на грѣховное человѣчество и съ любовью зоветъ его къ покаянію“.

нію и исправленію. За такое тонкое, продуманное выполнение глубокой христіанской идеи, намъ кажется, художникъ далеко не заслуживаетъ презрѣнія и порицанія. Напротивъ, подобныя картины свѣтскихъ (?) художниковъ должны быть всячески одобряемы и поощряемы. Ихъ творцы служатъ великой идеѣ христіанства всѣмъ талантомъ своихъ душъ“.

Съ недоумѣніемъ читаешь эти строки...

Во первыхъ, ни я, ни авторъ разсказа не выражали „презрѣнія и порицанія“ Максу, какъ художнику: вѣдь, г. Максъ—не православный художникъ; онъ писалъ свою картину, выходя изъ міросозерцанія западнаго, не нашего православнаго. По—своему онъ, можетъ быть, и правъ, да намъ-то, православнымъ, позволительно не увлекаться его художествомъ, а видѣть въ немъ только фокусъ, съ нашей точки зрѣнія, профанирующій искусство. Во вторыхъ, какимъ образомъ ликъ Спасителя съ мертвыми глазами, вблизи закрытыми, а вдали открытыми, можетъ ярко выражать глубокую мысль, что „и страждущій Спаситель есть любвеобильный Богъ, Который смотритъ (закрытыми глазами мертвца) на грѣховное человѣчество и зоветъ его къ покаянію?“ Рѣшительно для нась, православныхъ, это неопонятно. Если авторъ письма хочетъ видѣть наше православное выраженіе этой дѣйствительно великой идеи, то пусть посмотритъ на ликъ Христы—Страдальца на иконѣ В. М. Васнецова, на могилѣ г. Мина, или на его же картинѣ Распятія. Глазъ не оторвешь отъ этихъ дивныхъ ликовъ Господа нашего! Столько въ нихъ Божественной любви къ грѣшному человѣчеству! Видишь въ нихъ и страданія пречистой плоти Его, но въ тоже время и Божественное величие

спокойствія въ самыхъ страданіяхъ. А взоръ—что за чудный, ясный, пламенѣющій любовью взоръ! Когда я, любуясь съ чувствомъ благоговѣнія лицомъ распятаго Господа, сказала художнику: „а если бы тутъ на ланитахъ Страдальца, кануть единую слезинкой“, онъ отвѣтилъ мнѣ: „чѣть, это было бы слишкомъ по человѣчески. Онъ страждеть за грѣхи міра и слеза собственныхъ личныхъ Его страданій наводила бы мысль о нѣкоемъ малодушіи“...

И тѣмъ сильнѣе возгоралось въ душѣ желаніе повергнуться въ прахъ къ подножію Креста Господня!

Кстати: авторъ письма обращаетъ мое вниманіе на то, что надъ входомъ въ Чудовъ монастырь висятъ икона—картина, изображающая Святую Троицу въ видѣ отдѣльныхъ Упостасей такъ, что если смотрѣть на нее съ одной стороны, то виденъ Богъ Отецъ, если съ другой—Богъ Сынъ, а прямо—Духъ Святый. „Здѣсь больше, говоритъ авторъ, чѣмъ на картинѣ Макса, проявлено дѣланности и выдуманности (какія странныя слова!), чѣмъ на картинѣ Макса, однако никто не считалъ эту картину фокусомъ художника“.

Соглашаюсь, что такія иконы въ Православной Церкви неумѣстны. Это остатокъ отъ увлеченія западнымъ искусствомъ XVIII вѣка. Слѣдуетъ снять эту икону—и только. Но заслонять ею изображеніе Макса съ его некробіозомъ, съ глазами мертвца у Спасителя ужъ никакъ не подобаетъ... Ошибки прошлаго должно исправлять, но вводить новшества, противныя не только духу Церкви Православной, но и—думается мнѣ—идѣи чистаго, не театрального художества, не допускающаго обмана чувствъ и иллюзій,—не слѣдуетъ.

III.

Не безъ чувства скорби приходится говорить и объ отступлениі отъ преданій церковныхъ въ области другаго церковнаго искусства—пѣнія. Въ прошломъ XIX столѣтіи было время, когда было почти забыто чтеніе *крюковыхъ нотъ*. Итальянщина завладѣла церковнымъ клиросомъ. Сначала наши композиторы ограничивались переложеніемъ и гармонизаціей для многоголосныхъ хоровъ напѣвовъ старыхъ, обиходныхъ. Въ этомъ еще не было большого отступлениія отъ церковныхъ традицій: это была попытка внести западное искусство въ область техники церковнаго пѣнія. Но потомъ стали вносить свое смышеніе, свои вкусы въ это святое искусство, и уже получалась такая *отсебятына*, особенно въ исполненіи неумѣлыми хорами разныхъ любителей, что хоть изъ Церкви Божіей бѣги вонъ. Но и этого было мало. Когда сочиняли музыку знатоки музыкальныхъ законовъ, а исполняли хорошо выдержаные хоры, можно было еще терпѣть это вторженіе мірскаго искусства во святая святыхъ, а когда каждый самозванецъ—регентъ считалъ себя въ правѣ заниматься композиціей, то дѣло дошло уже до профанаціи церковнаго пѣнія. Разъ стою всенощное въ столичномъ храмѣ. Поетъ часть одного изъ лучшихъ хоровъ *Свѣте тихій*. Прислушиваюсь. Мотивъ будто гдѣ то когда-то слышалъ, но не въ церкви. Обращаюсь къ рядомъ стоящему святителю: „что-то знакомое, но не церковное“, говорю. — Ужели не узнаете? отвѣчаетъ онъ: слыхали пѣсенку: „Ахъ подруженъки, какъ грустно“!

Такъ, такъ, припоминаю... Но что же это наконецъ?! Вѣдь, это—профанація, это—кощунство! Гово-

рять, и не мало уже переложеній въ такомъ родѣ. Народные, видите ли, напѣвы! А народъ возмущается, когда слышать, что священные пѣснопѣнія исполняются грѣшными, по его мнѣнію, напѣвами его пѣсней.

Говорить ли о такъ называемыхъ „концертахъ“, въ которыхъ одно и то же слово, одна и также фраза, повторяется, перекидывается отъ одного голоса къ другому: то реветь басъ: *услыши, услыши молитву мою*, то ему вторить дикантъ или альтъ, то подхватывается и неистово воціетъ весь хоръ... Пусть простятъ мнѣ гг. композиторы: когда я слушаю эту ревь, это гуденіе и писканіе, мнѣ кажется, что они... ну какъ бы это помягче выразиться: хотятъ досадить Господу Богу эти ми безчинными воплями въ святымъ храмѣ Его. Когда то, полстни лѣтъ назадъ, писалъ въ своихъ дневникахъ покойный В. И. Аскоченскій: „*Достоинъ еси пѣть быти гласы преподобными...* Такъ преподобными же, Господи, а не звѣроподобными, неистовыми!..“ Прошло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ, а пѣвчіе по-прежнему, да и еще хуже оскорбляютъ святыню Божія храма: стоять задомъ къ иконостасу, ревутъ, пищатъ, неистовствуютъ, а косматый (эта мода пошла по Руси отъ Рубинштейна: я видѣлъ косматаго регента въ Новороссійскѣ,—такіе же есть и въ Петербургѣ) регентъ выдѣлываетъ и руками, и головой, и всѣмъ туловищемъ такие выкрутиасы, что дѣти—школьники, стоящіе въ переднихъ рядахъ богоомольцевъ, смотрѣть на этого „комедіанта“ и не могутъ удержаться отъ смѣха. Страшно писать объ этомъ, пѣніе—дѣло Божіе, а о Божіемъ дѣлѣ говорить слово Божіе: *проклятъ всяко*

творяй дѣло Божie съ небреженіемъ!... Пѣніе есть голосъ сердца: чѣмъ же занято сердце этихъ пѣвцовъ? Въ молитвенномъ пѣніи никакіе тонкіе знаки нотные не замѣнять живой души, а ея-то и нѣть у этихъ пѣвцовъ, превращающихъ себя въ мертвый инструментъ для вокальной музыки. Слышаешь такое пѣніе, и хочется бѣжать изъ этого храма куданибудь въ монастырь, гдѣ поютъ простымъ или столбовымъ напѣвомъ простецы монахи, а не то—въ убогой сельской храмѣ, гдѣ старичекъ—дѣячекъ одинъ исполняетъ всѣ пѣснопѣнія, какъ ему Богъ на сердце положить... Помню, лѣтъ 20 назадъ пришлось мнѣ стоять литургію въ глухомъ уголкѣ Костромской епархіи, въ убогой сельской церкви. Пѣль заупокойную обѣдню одинъ старый причетникъ, церковь была пуста, ибо былъ будній день. И я заслушался этого особаго заупокойнаго напѣва, который былъ выполненъ—видимо—отъ души этимъ старымъ пѣвцомъ. Не хоры театрально подготовленныхъ голосовъ намъ нужны, нужно, чтобы душа шла. Въ старыхъ напѣвахъ вылилась святорусская душа нашихъ предковъ, и вотъ, когда слышишь эти напѣвы, то въ душѣ твоей начинаютъ звучать тѣ же струны сердца, Бога любящаго, къ Богу обращеннаго, какія звучали въ сердцахъ нашихъ предковъ. И если одинаково настроенный музыкальный инструментъ, когда играютъ рядомъ на другомъ такомъ же инструментѣ, самъ собою начинаетъ издавать тожественные звуки, то дивно ли, что этотъ законъ созвучій сердечныхъ проявляется въ живыхъ душахъ. Я—не противникъ хоровъ церковныхъ, я—принципіальный противникъ итальянщины. Не говорю уже о чуждыхъ слуху православному напѣвахъ. Даже въ

нѣкоторыхъ переложеніяхъ изъ нашихъ старыхъ „Обиходовъ“ новые композиторы вносятъ такъ много всякихъ тонкостей, что вниманіе поющіхъ всецѣло расходуется на то, чтобы не погрѣшить въ какомънибудьничтоожицѣ нотномъ значкѣ: могутъ ли эти пѣвцы молиться? Да и слушатели, увлекаемые музыкой словъ, уже не въ состояніи бываютъ сосредоточить вниманіе на словахъ молитвы. А, вѣдь, храмъ Божій, по слову Самого Господа, есть домъ молитвы, а не концертный залъ.

Послѣ этого невольно ставишь вопросъ: для чего установлено церковное пѣніе? Какъ смотрѣла на него Церковь Божія въ вѣкахъ минувшихъ? Согласно ли съ этимъ традиціоннымъ возврѣніемъ на пѣніе нынѣшнее о немъ понятіе? Не утратилось ли истинное понятіе о его назначеніи?

Пѣніе есть потребность сердца. Слова недостаточно для выраженія всѣхъ чувствъ. Пѣніе и есть голосъ чувства. Отсюда естественный выводъ: гдѣ нѣть религіознаго чувства, тамъ пѣніе, какъ бы оно искусно ни было въ исполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ, не можетъ быть голосомъ сердца; это будетъ не живой голосъ чувства, голосъ вѣрющей души, а мертвая музыка. Въ первенствующей Церкви пѣніе нерѣдко являлось импровизаціей, какъ даръ Святаго Духа. Иоаннъ Дамаскинъ записалъ напѣвы, въ его время существовавшіе, эти напѣвы, какъ проявленіе религіознаго чувства, возгрѣваемаго Духомъ Божиимъ, при ихъ повтореніи, должны были будить въ сердцахъ вѣрующіхъ это чувство, сокровенное въ тайникахъ вѣрющей души. Напѣвы являлись какъ пособіе къ возбужденію сего чувства. Но если самъ поющій оставался хладнымъ, если

онъ не старался возбудить въ себѣ соответствующее церковному пѣснопѣнію настроеніе; то и его пѣніе было безжизненно, неспособно возгрѣть душу молящагося съ нимъ въ церкви Божій. Вотъ почему иногда пѣніе старого дѣячка съ несильнымъ голосомъ глубже западаетъ въ душу и трогаетъ сердце, чѣмъ пѣніе артистического хора по всѣмъ правиламъ искусства. Напрасно думаютъ, будто центръ тяжести въ идеальномъ церковномъ пѣніи лежитъ въ красотѣ и силѣ голосовъ и въ искусномъ выполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ: въ пѣніи мірскомъ, свѣтскомъ это, можетъ быть, и такъ, но не въ пѣніи церковномъ. Вотъ почему пѣніе монастырское, простое, всегда намъ, православнымъ русскимъ людямъ, нравится больше, чѣмъ пѣніе мірскихъ хоровъ. Тамъ больше поеть живая душа, чѣмъ въ этихъ хорахъ.

Тамъ бываетъ, что иной пѣвецъ позволяетъ себѣ, подъ вліяніемъ непосредственного чувства, импровизировать одну—две нотки, и это измѣненіе не только не портить пѣлаго, но и придаетъ ему своеобразную красоту. Мнѣ пришлось слыхать отъ благочестивыхъ мірянъ: „слыхали мы не разъ ваше Троицкое Преславная днесь въ исполненіи разныхъ хоровъ на концертахъ, но нигдѣ оно не производило на насъ такого сильного впечатлѣнія, какъ въ Троицкомъ соборѣ въ Сергиевой Лаврѣ“. Я тоже скажу, что монастырское пѣніе на подобны мѣна всегда глубоко трогаетъ, а когда слышу эти подобны въ концертномъ выполненіи, то и половины впечатлѣнія отъ нихъ не получаю противъ того, что въ монастырѣ. Я не врагъ художественнаго исполненія церковныхъ пѣснопѣній, но мнѣ думается, что концертному пѣнію не мѣсто въ бого-

служеніи,—ему мѣсто, если угодно, въ концертномъ залѣ. Вѣдь, если поступиться принципомъ и признать, что самое идеальное церковное пѣніе—это концертное, итальянское, то останется одинъ шагъ до того, чтобы храмъ Божій превратился въ филармонический залъ, а Богослуженіе—въ концертъ. Когда я былъ викаріемъ въ Москвѣ, меня приглашали въ одну церковь на служеніе въ храмовой праздникъ. Вся всенощная представляла собою концертъ: стихири пропѣли только одну, зато *Свѧтѣ Тихій* выкрикивали гласы неподобными, стиховну опустили, зато *Нынѣ отпущающи*¹⁾ исполнили по-театральному, канонъ не читали, зато *Хвалите имя Господне и Отверзу уста распѣли* по какимъ-то вычурнымъ нотамъ. А *Величите душа Моя*, эту чудную пѣснь, составленную Самою Владычицею міра, пѣли только начало и конецъ.. Совѣсть потребовала по возвращеніи домой вычитать пропущенное. Пытался протестовать—староста отвѣтилъ, что таково желаніе прихожанъ, что если запретить пѣвчимъ выполнять установленныя заранѣе пѣснопѣнія, то они покинутъ клиръ и выйдетъ скандалъ... Какъ видите, и архіерей не въ силахъ одинъ бороться противъ деспотизма моды. Прибавьте къ этому безобразный ревъ спеціально приглашенного протодіакона.. А въ

¹⁾ *Нынѣ отпущающи*—не есть пѣснь, а вдохновленная молитва праведнаго старца, претруженаго старостію, радующагося, что онъ наконецъ-то получилъ отъ Бога обѣщанное, узрѣль желаннаго Спасителя, и теперь—радъ умереть, радъ уйти на покой, въ надеждѣ скоро узрѣть Его и въ будущей жизни. Вотъ почему, когда я самъ совершаю литію, я самъ и читаю эту молитву среди храма, на архіерейскомъ амвонѣ, а чтецъ—діаконъ продолжаетъ: *Свѧтый Боже.*

Петербургъ нынѣшней осенью пришлось лавскому начальству отказать театральному хору въ пѣніи литургії Чайковскаго, потому что въ прошломъ году храмъ Божій былъ оскверненъ жидами, собравшимися слушать концертъ-литургію. Вотъ до чего доводить извращеніе въ области церковнаго пѣнія! Что сказали бы наши благочестивые предки, строгіе блюстители отеческихъ преданій, если бы услышали что-либо подобное? Да прислушайтесь и теперь, что говорятъ

простецы иночі, если спросить ихъ, какъ они смотрятъ на концертное пѣніе въ храмѣ Божіемъ?

Обращать пѣніе церковное въ услажденіе только слуха—не подобаетъ. Даже и на спѣвкахъ слѣдуетъ помнить заповѣди Божіи: *не приемли имени Господа Бога твоего въсue*.—Скажутъ: ригоризмъ едавали умѣстный!—А я думаю: благоговѣйное отношеніе къ словесамъ молитвенныхъ, достойное всякаго уваженія, подражанія и похвалы!

Святая Церковь есть живой, бессмертный организмъ любви, она—тело Христово, Христосъ ея вѣчный глава, каждый изъ насъ, вѣрующихъ и вѣру свою дѣлами являющихся, есть членъ сего тѣла, или, говоря по-ученому, живая клѣточка сего организма. И живы мы постольку, поскольку живемъ въ Церкви, живемъ жизнью Церкви, въ неразрывномъ, живомъ единениіи съ нею. И каждый вѣрующей и по вѣрѣ живущій, споспѣшествуемый благодатію Духа Божія, оживотворяемый общеніемъ со Христомъ въ святѣшемъ таинствѣ причащенія Тѣла и Крови Его, проявляеть въ себѣ жизнедѣятельность Главы своей, Господа Іисуса Христа, по реченному Имъ: *яко безъ Мене не можете творитиничесоже*. Живя во Христѣ, въ таинственномъ общеніи съ Нимъ, онъ привносить въ сокровищницу Церкви все то, что черезъ него и въ немъ творить Христосъ. И сія сокровищница, чрезъ достойныхъ членовъ Церкви, Духомъ Божіимъ водимыхъ, постоянно обогащается, а Господь—глава Церкви во времена благопотребныя являеть въ Церкви Своей избранниковъ Своей благодати, чрезъ которыхъ

и даруетъ Церкви то, что ей потребно въ свое время. Явится ли ересь, лжеученіе, Онъ воздвигаетъ поборниковъ истины православія, которые съ силою и властію, отъ Бога имъ данною, обличаютъ лжеученія и раскрываютъ святую истину, и сіе становится достояніемъ сокровищницы церковнаго преданія въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Искажается ли самосмысленіемъ человѣческимъ слово Божіе, или апостольское преданіе,—промысломъ Божіимъ являются въ Церкви истолкователи истиннаго смысла искажаемыхъ мѣстъ Писанія, самого духа преданія. Ослабѣваетъ ли вѣра, оскудѣваетъ ли любовь среди христіанъ, является ли—соответственно тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ времени, состоянія общаго развитія человѣчества,—потребность облечь истины вѣры и нравственныя правила въ одежду виѣшнихъ дѣйствій (*обрядить*,—отсюда—*обрядъ*), дабы глубже запечатлѣть въ душѣ, нагляднѣе представить эти истины уму вѣрующихъ,—посылается Господь мужей мудрыхъ и святыхъ: Василія Великаго, Иоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Тихона Задонскаго, Димитрія Ро-

стовского, а въ наше время—Филарета Московского, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, и пѣлый сонмъ подвижниковъ благочестія, которые влагаютъ въ сокровищницу Церкви новыя и новыя дарованія Духа Божія во славу Христу—Главы Церкви и въ наше спасеніе. Особенно богаты эти духовные „вклады“ въ церковную сокровищницу въ области церковного богослуженія въ видѣ обрядовъ богослужебныхъ и разныхъ пѣснопѣній. Подумать только: вѣдь, древнійшія пѣснопѣнія имѣютъ свое начало въ Церкви небесной; вѣдь эти пѣсни: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳ; аллилуia; Слава въ вышнихъ Богу*—ангельскія пѣсни; вѣдь, первую пѣснотворицей новаго завѣта была Сама Пресвятая Матерь Божія: вѣдь, это Ея пѣснь: *Величить душа Моя Господа...* А въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ дивно-поетическихъ формахъ изображены и всѣ догматы нашей святой вѣры, и всѣ основы христіанской жизнедѣятельности съ такою художественною полнотою, съ такою глубокою проникновенностью, что ни въ какихъ ученыхъ сочиненіяхъ этого нельзя сдѣлать. Впрочемъ, въ сокровищницахъ церковнаго преданія имѣется достаточно и научныхъ трудовъ всѣхъ вѣковъ и временъ: это—пісанія отцовъ и учителей Церкви, начиная отъ мужей апостольскихъ до нашего времени.

Такъ собирается въ Церкви неоскѣдѣваемое сокровище преданія, которое не есть мертвый запасъ книжнаго знанія, а живой голосъ присно живущей Церкви Христовой. Всѣ сіи созидатели, учители Церкви, и по отшествію своемъ къ Богу, не умерли для Церкви, а живутъ въ ней, мы входимъ въ живое съ ними общеніе чрезъ молитву и святышее таинство Евхаристіи, и они

всегда готовы откликнуться на нашу молитву, явленіемъ Божіей силы и молитвою за насть предъ Богомъ; они бесѣдуютъ съ нами чрезъ оставленная намъ въ наслѣдіе свои пісанія. И какъ мы счастливы, что именно въ наши скучныя вѣрою времена святые Божіи какъ бы живые востаютъ среди насть въ знаменіяхъ и чудесахъ многихъ, защищая сімъ истину православія нашей матери—Церкви, ободряя нашу немощную вѣру, являя къ намъ любовь свою и призываю насть къ единенію съ Церковію, на небесахъ торжествующую, въ любви неумирающей. О, если бы мы знали, что значитъ жить въ Церкви, быть въ живомъ непрестающемъ общеніи съ небесною Церковію,—если бы знали, какое это счастіе, какое блаженство еще здѣсь на землѣ! Вѣдь это—предвкушеніе вѣчнаго райскаго блаженства, это, по выраженію Иоанна Дамаскина, величайшаго поэта церковнаго—*иного житія вѣчнаго начало!*

Увы, погрузившись въ суету суетъ, мы совсѣмъ забыли объ этомъ счастіи, сердце наше тоскуетъ по немъ, жаждетъ его, а мы думаемъ утолить эту жажду—тоску изъ кладенцевъ сокрушенныхъ, гоняясь за призраками земнаго счастья, которое всякий понимаетъ по-своему, но достигнувъ котораго всѣ одинаково и непремѣнно разочаровываются и снова начинаютъ страдать муками Тантала. А, вѣдь, истинное счастіе такъ близко: прііди и виждь! Вкусите и видите, яко благъ Господъ!

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы мой читатель спросилъ меня: съ чего же начать, чтобы найти вѣрный путь къ этому счастію—блаженству? Съ радостію отвѣтилъ бы я ему: начни съ очищенія своей совѣсти таинствомъ покаянія, соединись съ Господомъ въ таинствѣ

Причащенія и начни жить въ Церкви, во смиреніи исполняя заповѣди Господни подъ руководствомъ матери—Церкви. Если доселѣ ты пытался рожцами современной литературы, то теперь понудь себя читать духовныя книги. Если привыкъ каждый день отравлять себя чтеніемъ газетъ нехристіанского направленія, то совсѣмъ брось ихъ: это, дѣйствительно, отрава, медленно, но вѣрно убивающая духовную жизнь въ православной душѣ. Оттого и чувствуетъ себя человѣкъ духовно разбитымъ, оттого и падаетъ въ немъ энергія духовной жизни, нарушается миръ души, наступаетъ разслабленіе, что ядъ холоднаго, безсердечнаго, пропитаннаго адскою гордынею и презорствомъ отношенія ко всѣмъ и ко всему, что дорого вѣрующей душѣ,—этотъ ядъ каждый день незамѣтно, капля по каплѣ, вливается іудействующими газетами въ сердце читателя и разрушаетъ жизнь духа. Вотъ—одна изъ причинъ такого множества самоубийствъ въ наше безотрадное время! Душа голодаетъ, а ее питають отравленными рожцами—пишущими свиней! (Лук. 15, 16). Какъ не прійти въ отчаяніе! А между тѣмъ—противоядіе подъ руками: это—духовная литература. Возьмите, понудьте себя прочитать хотя одну маленьку книжечку святителя—затворника Феофана: „Что нужно покаявшемуся“, и предъ вами раскроется другой міръ, тотъ міръ, къ которому безсознательно, инстинктивно стремится ваша богоподобная душа. Вотъ признаніе одной вѣрующей души, изъ среды образованнаго общества, касательно чтенія духовныхъ книгъ: „еще въ гимназіи пріобрѣта привычку къ чтенію, мы глотаемъ русскіе и иностранные романы, слѣдимъ за периодической печатью, читаемъ „толстые“ жур-

налы и т. д... Всесѣло поглощенные этимъ свѣтскимъ чтеніемъ, мы даже и не подозрѣваемъ, мимо какихъ сокровищъ мы проходимъ, не замѣчаемъ ихъ. Спросите образованнаго человѣка, кто такой былъ Феофанъ затворникъ? Конечно, скажутъ: не знаю, да и не интересуюсь этимъ: вѣроятно, монахъ какой-нибудь. И очень можетъ быть, что я первая именно такъ отвѣтила бы лѣтъ 7 тому назадъ. А спросите—кто были Ренанъ, Вольтеръ, или Ницше, Бебель... другой иностранный писатель—вамъ безъ запинки отвѣтятъ, кто они такие и чѣмъ знамениты.

„Я нарочно выбрала имя еп. Феофана, 28 лѣтъ провѣдшаго въ затворѣ, какъ примѣръ нежеланія образованнаго общества узнать что-нибудь объ ученышемъ человѣкѣ, нежеланія знать о немъ потому, что его жизнь была всесѣло посвящена не земному, а небесному, потому что весь свой трудъ и себя самого посвятилъ онъ на служеніе Богу.—Будь это человѣкъ свѣтскій, прінеси онъ такую жертву для свѣтской науки или искусства, или для общественнаго дѣла, про него прокричали бы на весь міръ, но разъ ученый (а онъ былъ, дѣйствительно, ученый) посвятилъ свой трудъ, свое время безраздѣльно Господу Богу, то мы про него не знаемъ, да и знать не хотимъ. И еще онъ нашъ, русскій—и не извѣстенъ намъ, а иностранцевъ, заслуживающихъ и меньшаго вниманія, знать мы обязаны всенепремѣнно, своихъ же, столь замѣчательныхъ, и знать не знаемъ. И если не случайность какая-нибудь натолкнетъ на чтеніе сочиненій подобныхъ писателей—такъ и умреши, не подозрѣвая, мимо какихъ великихъ людей ты прошелъ, не обративъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Говорю это по опыту.

„Добрые люди натолкнули меня на чтеніе духовныхъ книгъ, когда я была въ сильномъ горѣ, когда душа отказывалась отъ всякаго утѣшения, и этимъ открыли мнѣ пѣлый нѣвѣдомый міръ...

„Какое богатство неисчерпаемое открылось предо мною! Какая глубина содержанія, сколько чудныхъ утѣшительныхъ истин! Я съ рвениемъ принялась за эти книги“. Назавъ нѣсколько именъ духовныхъ писателей, авторъ продолжаетъ: „Какое у нихъ знаніе сердца человѣческаго! какой даръ проникать въ глубину вашей души!... Они читаютъ ваши мысли,—вопросы, на которые вы никогда не находили отвѣта—они разрѣшаютъ легко и понятно, у нихъ все такъ ясно и просто, вся душа человѣка для нихъ какъ-бы открыта: это истинные знатоки души человѣческой, истинные мудрецы. Но—миръ ихъ не позна.

Чѣмъ больше я знакомилась съ этимъ чтеніемъ, чѣмъ больше находила въ немъ отрады и чѣмъ большимъ проникалась уваженіемъ къ нему, тѣмъ чаще въ душѣ моей возникало обидное, досадное чувство: зачѣмъ же я не знала всего этого раньше? зачѣмъ насъ не познакомили съ духовной литературой въ гимназіи? Столько въ ней чудныхъ истинъ, такъ много глубокихъ мыслей, столько интереснаго, вообще; это истинно духовная пища. Зачѣмъ же лишаютъ насъ этого истиннаго свѣта? („Отклики на жизнь“, № 2, стр. 30—31).

Что сказать на этотъ скорбный вопль русской православной души? Попытайтесь войти въ наши законосочинительныя палаты, попытайтесь обратиться къ нашимъ министрамъ съ проектомъ: ввести церковную литературу, чтеніе отцевъ и учителей Церкви въ наши среднія учебныя заведенія. Да вѣсть

сочтуть ненормальнымъ человѣкомъ. Вить міѳологію грековъ и римлянъ, похожденія прелюбодѣя Зевса и разныхъ богинь—это надо знать нашимъ „образованнымъ“ (по чьему только образу и подобию?) людямъ, а житія святыхъ, а ихъ духовныя писанія—да на что имъ? Они, вѣдь, не въ монахи готовятся! — Можно бы сказать: но, вѣдь, они и не язычники древней Эллады? — Тамъ—поэзія.—Не могутъ ли греко-римскіе міѳы сравниться съ той чудной поэзіей не измыщленныхъ, а живыхъ образовъ, какую мы находимъ въ житіяхъ святыхъ? Могутъ ли лучшія произведенія поэтовъ не только древнихъ, но и всѣхъ вѣковъ превзойти наши церковныя пѣснопѣнія, особенно на великие праздники, напаче же на св. Пасху? Увы, всего этого сокровища лишено наше юношество, не знаетъ его наше по-язычески образованное общество, съ пренебреженіемъ относятся къ нему такъ называемые передовые люди! А еще называютъ себя христіанами... Невольно вспоминается грозное слово Имѣющаго семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ: ты носишь имя будто живъ, но ты мертвъ... (Откр. 3, 1).

Говорить ли о томъ, что чины, обряды и уставы богослужебные въ православной Церкви являются наилучшою школою въ дѣлѣ воспитанія чувства идеально-прекраснаго? Напоминать ли мѣткое слово по-чичшаго Херсонскаго святителя Никанора, что наше Богослуженіе въ его сбрядовой сторонѣ замѣняетъ для насъ благороднѣйшій театръ, притомъ возвышающій не только умъ и сердце къ Богу, но и дающій полное удовлетвореніе чувству красоты?

И всѣ эти сокровища въ нашей православной Церкви, въ ея живомъ преданіи, и мимо всего этого про-

ходять наши якобы православные интеллигенты, мало сказать: проходять, иные позволяют себѣ кощунствовать надъ этою святыней, поступая въ семь случаѣ непростительнѣе язычниковъ...

А, вѣдь, если бы смирились, если бы захотѣли познать все это, то какую небесную, неотъемлемую радость, какое счастье нашли бы въ этомъ познаніи! Я знаю одного англичанина, знатока Россіи, разъ десять посѣщавшаго ее, изучившаго наше Богослуженіе такъ, какъ не многіе изъ іероевъ его изучаютъ: это известный Бирбекъ—другъ Россіи. Онъ всегда восхищается красотою нашихъ обрядовъ и говорить, что ничего подобнаго онъ не видѣлъ ни у себя, въ англиканской церкви, ни у католиковъ. Если такъ могущественно дѣйствовать наша обряд-

ность на иностранца, на неправославнаго человѣка: то какъ же она должна дѣйствовать на душу православнаго? Не напрасно же одинъ учителъ Церкви сказалъ: прекраснѣе нашей літургіи мы что-нибудь увидимъ только на небѣ.

И все это, конечно, потому, что наше сокровище, въ продолженіе многихъ вѣковъ бережно хранимое и мудро преумножаемое, не есть какой-либо музей древностей, а сама жизнь Церкви, воздѣйствующая на души вѣрующихъ непрестаннымъ благодатнымъ общеніемъ съ тѣми, кто, уходя на небо, оставилъ намъ крѣпкое завѣщаніе:

Тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь словомъ или посланіемъ нашимъ.

V.

Мои дневники о церковныхъ преданіяхъ вызвали одинъ откликъ, на который въ свою очередь полезнымъ считаю тоже отозваться. Читатель (или читательница: откликъ не подписанъ) пишетъ, что насколько порадовался онъ заглавію статьи, на столько разочаровался въ ея содержаніи. Онъ ожидалъ, что я буду говорить о томъ, что сохранилось какъ священное преданіе Церкви, какъ то, что пріемлется Церковію какъ восполненіе Священнаго Писанія, но что отвергается сектантами и еретиками. Можетъ быть, онъ, мой читатель, ожидалъ отъ меня цѣлаго изслѣдованія о церковномъ священномъ преданіи, о его важности, его исторіи, его, такъ сказать,—составѣ, внутреннемъ содержаніи... Откровенно сознаюсь: такой трудъ быль бы мнѣ не по силамъ. Да едва ли онъ быль бы по силамъ и вообще—одному лицу; развѣ при

одномъ условіи: если онъ отдастъ цѣлую жизнь свою, будетъ вооруженъ всѣми историческими и научными знаніями, но и при этомъ условіи онъ могъ бы дать не изслѣдованіе, а развѣ только краткій, сжатый очеркъ сего предмета, намѣтить пути, поставить вѣхи и программы для другихъ изслѣдованій. Мои статьи названы *дневниками* и въ самомъ дѣлѣ суть только наброски, дневники, размышленія, при томъ же и писанные мною въ постели, во время болѣзни, какъ и эти строки пишу въ вагонѣ, на пути въ мою Вологду... Посему и прошу моихъ читателей быть ко мнѣ снисходительнѣе. Мнѣ думается, что всякая добрая мысль, всякое правдивое и отъ души сказанное слово во славу и на пользу Церкви Божией въ наше время, когда большихъ ученыхъ сочиненій, если они и есть, не имѣютъ терпѣнія читать,

а довольствуются летучей печатью, газетами и—много ужъ если журналами и небольшими брошюрами, могутъ заронить въ доброй душѣ доброе сѣмячко и принести нѣкѣй плодъ. Вотъ я и пишу, что Богъ мнѣ положить на душу. Пришло мнѣ на мысль изложить на примѣрѣ—такъ сказать психологію церковныхъ преданій, какъ я ее понимаю, я и набросалъ свои дневники. А читателямъ моимъ спасибо за то, что читаютъ и откликаются. И если иной разъ побранять—не бѣда: лишь бы это была ревность о Бозѣ, а не отъ немирнаго прираженія, какъ и я иныхъ обличаю—ей, не по злобѣ, а по любви къ Матери Церкви, глубоке скорбя ея скорбями, болѣя сердцемъ о немощныхъ моихъ собратіяхъ. Вотъ и теперь хочу набросать дневничекъ въ дополненіе къ тому, что уже писалъ раньше.

Наши предки любили Богу молиться. Лѣтъ двѣсти назадъ даже бояре, тогдашняя наша интеллигентія считала зазорнымъ дѣломъходить на зѣфища, которыхъ на тогдашнемъ языкѣ и назывались „позорищемъ“; за то и въ будни долгомъ почитали посѣщать службы Божіи, а не быть въ церкви въ праздники почитали великимъ грѣхомъ. Подолгу молились и дома, для чего имѣли не только въ каждой комнатѣ благолѣпно украшенныи иконы, но и особыя моленныя, гдѣ горѣли неугасимыя лампады. Входя въ домъ, прежде, чѣмъ привѣтствовать хозяина, обращались къ иконамъ, творили крестное знаменіе и возводили имъ поклоненіе, а потомъ уже обращались къ хозяину. Выходя утромъ, въ первый разъ, изъ дома, молились на всѣ четыре стороны. Молились садясь за столъ, выходя изъ за стола; ограждали себя крестнымъ знаменіемъ предъ началомъ и по окончаніи всяко го жи-

тейского занятія. Чувствовалось, что православный русскій человѣкъ, по библейскому выраженію, ходитъ передъ Богомъ. То ли теперь? Много ли найдете бояръ, у коихъ быльбы въ домѣ особый уголокъ для молитвы? Зазираетъ ли ихъ совѣсть, когда они даже подъ праздники, даже во дни Великаго Поста просиживаютъ въ театрахъ? Многихъ ли мы видимъ изъ нихъ—не говорю уже объ утреніи, а хотя бы у всенощной? А если и бываютъ, то ищутъ какую-нибудь домовую церковь, гдѣ служба Божія идетъ какъ можно—покороче, покороче! Входите вы въ ихъ роскошныя палаты—дворцы, ищете глазами св. икону, видите художественные картины, ландшафты, портреты въ роскошныхъ рамкахъ, даже обнаженные статуи, но св. иконъ нѣть... Только послѣ долгихъ поисковъ увидите, наконецъ, иногда уже по указанію сконфуженной (и за то слава Богу: сознаніе вины не погасло) хозяйки, въ уголкѣ, гдѣ-нибудь подъ карнизомъ двухвершковый образокъ—какъ-будто жалующійся вамъ: „смотри, какъ меня стыдятся обитатели сего дома, именующіе себя православными христіанами“. Такъ гаснутъ церковныя традиціи въ домашней жизни современной русской интеллигентіи. Да и одной-ли интеллигентіи? Отъ души призовешь Божіе благословеніе на того крестьянина—извоночика, который, проѣзжая мимо храма Божія, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Увы! Что таить грѣхъ? Нынѣ и священники уже далеко не всѣ свято блюдутъ этотъ благочестивый обычай. Да и этотъ-ли только? Такъ, давноли на Руси свято исполнялся трогательный поэтическій обычай на Пасху дарить другъ другу красныя яичко дѣтямъ! Да и сердцу

взрослаго оно такъ много говорило! Это—символъ нашего воскресенія, нашего искупленія кровю Христовою, нашей радости, ожидающей насъ въ жизни будущаго вѣка. Напоминало оно и о томъ восторгѣ, съ какимъ Магдалина и вообще первые христіане несли міру вѣсть о спасеніи міра воскресенiemъ Христовыи... А нынѣ—увы—и этотъ святой обычай свято блудется развѣ въ деревенской глупи, а въ городахъ о немъ забываются! Забываютъ даже сами пастыри Церкви, считая какъ бы за ничто, за мелочь, не заслуживающую заботливаго ихъ вниманія, и являются на поздравленіе къ намъ, архиастырии, безъ этого символа пасхальной радости... Добрѣ ли сице творять? То не важно, другое—мелочь, а преданіе, а поэзія церковной жизни улетаетъ... А на мѣсто ея тоже незамѣтно врывается что-то чуждое церковнаго духа, что-то мірское, я сказаль бы—мѣщански-пошлое...

Съ болью сердца видишь въ столицахъ батюшекъ, даже украшенныхъ золотыми крестами, подстриженныхъ въ скобку, съ подстриженною же бородою, въ накрахмаленныхъ воротничкахъ и манжетахъ, съ раздушенными бѣлыми платочками... А за столицами тянется и провинція... И такъ хочется спросить ихъ: отцы и братія, къ чему это? Зачѣмъ? Или вы тѣкомъ отъ пастыри своей театры посѣщаете? Или думаете кому то понравиться? Но прочитайте вотъ въ „Новомъ Времени“, что пишеть—не строгій церковникъ, а извѣстный либераль писатель В. В. Розановъ о подобныхъ вамъ модникахъ-батюшкахъ: какъ онъ стыдить ихъ! Видно, и на этого, еще не совсѣмъ утратившаго въ этомъ отношеніи духа русскихъ церковныхъ традицій мыслителя, наши воротнички и манжеты, ваши

подстриженные волосы и бороды производятъ отталкивающее впечатлѣніе... Что же думаетъ о васъ простой русскій человѣкъ? Какое гнетущее впечатлѣніе ложится на его душу, на его совѣсть, которая воспрещаетъ ему судить васъ, а вы сами соблазняете его, вызываете его на это осужденіе! Вѣдь, не можетъ же онъ безразлично относиться къ тому, что такъ претитъ его православной душѣ... Какъ онъ, въ такомъ настроеніи скорби за нарушение вами церковныхъ традицій, въ смущеніи совѣсти за осужденіе васъ, пойдетъ къ вамъ же на исповѣдь? Помню, какъ однажды бойкая свѣтская барыня, въ вагонѣ желѣзной дороги, пыталаась убѣдить одного доброго иерея Божія въ томъ, что ходить въ театры и священникамъ не грѣхъ. Слушать батюшку ея либеральные глаголы, а когда она закончила свои изліянія словесъ, вздохнула и кротко сказала ей: „а скажите мнѣ, милостивая государыня,—извините, не знаю, какъ звать васъ,—скажите мнѣ по совѣсти, по чистой совѣсти (онъ подчеркнулъ эти слова): къ какому батюшкѣ вы скорѣе пойдете на исповѣдь: къ тому-ли, который, какъ вамъ извѣстно, ходить иногда—украдкой, конечно,—въ театрѣ, или къ тому, который считаетъ это неприличнымъ для себя?—Подумала барыня полминуты, опустила голову и какъ-то сконфуженно сказала: „сказать правду: я предпочла бы послѣдняго“.—„Вотъ то-то же и есть, милостивая государыня: сами по совѣсти, значитъ, согласны со мною, а стало быть напрасно и слова терять намъ не стоить въ спорѣ. По совѣсти, по совѣсти будемъ разсуждать, и хорошо будетъ!“—То же и о воротничкахъ, то же и о манжетахъ, и о подстриженныхъ волосахъ и бородѣ: въ глазахъ тѣхъ, кто еще не со-

вершенно утратилъ традиционно-православныхъ взглядовъ на все это, вы, честные отцы, только теряете,—охъ, какъ теряете!—и на исповѣдь къ вамъ они пойдутъ развѣ по нуждѣ, когда не будетъ близко вотъ такого батюшки-простеца, который блюдетъ свою совѣсть и въ отношеніи къ такимъ „пустякамъ“, къ которымъ вы относитесь такъ пренебрежительно. А тѣ господа, которые трунить надъ нашими „космами“, которые одобрительно улыбаются вамъ, какъ „передовыми батюшками“, на исповѣдь къ вамъ—повѣрьте—не пойдутъ уже потому, что считаютъ ее старымъ пережиткомъ, предразсудкомъ, да и вѣсъ то въ душѣ не только не уважаютъ, а смотрѣть на вѣсъ иногда какъ... на жалкихъ авгуроў! Въ наше время вы имъ нужны только какъ рясоносцы, какъ орудіе соблазна для народа, какъ своего рода „авторитетъ“, при посредствѣ коего можно скорѣе увлечь въ ихъ политику вѣрующихихъ людей. А снимите вы рясы и вѣсъ выбросяте за бортъ, какъ ненужную вещь, какъ выжатый лимонъ, какъ выбросили, отвернулись и забыли этихъ—Петрова, Семенова, Огнева и прочихъ. Вотъ куда зрять тѣ пути, на кои вы такъ неосторожно, незамѣтно для себя отклоняетесь, отцы, измѣня традиціямъ церковности нашего православнаго Русскаго народа!

Я сказалъ, что истинно-православный человѣкъ ходитъ предъ Богомъ. Это прекрасное выраженіе, примѣненное въ Библіи, между прочимъ, въ отношеніи къ праведному Эноху, взятому живымъ на небо, самую идею сего выраженія православный геній русскаго народнаго духа потщался воплотить въ своемъ бытовомъ укладѣ, въ мелочахъ своей жизни, въ церковной обрядности, въ домашнихъ благочестивыхъ обы-

чаяхъ, и все это благословила мать-Церковь, или—привнесеніемъ молитвенныхъ чинопослѣдованийъ своихъ (см. книгу „Требникъ“), или безмолвнымъ усвоеніемъ добрыхъ обычаевъ своими пастырями Церкви. Нигдѣ не писано, никакими древними правилами не указано, чтобы, напримѣръ, входя въ домъ молиться предъ иконами, проходя мимо храма осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, начиная постройку ставить крестъ у зданія и т. под.; но добрые пастыри сами выполняютъ эти благочестивые обычай и учать имъ православныхъ. И добрѣ дѣлаютъ. Чѣмъ чаще вспоминаетъ человѣкъ о Богѣ, тѣмъ меньше грѣшать. И не потому ли наши интеллигенты прячутъ въ своихъ жилищахъ св. иконы подъ карнизы потолковъ, заставляютъ ихъ растеніями, чтобы эти иконы не пробуждали въ ихъ совѣсти мысли о Богѣ вездѣсущемъ и всевѣдущемъ, и не стѣсняли ихъ въ грѣшныхъ бесѣдахъ и дѣлахъ? Вѣдь, бываетъ же, что въ присутствіи духовнаго лица міряне какъ-то невольно сдерживаютъ себя и чувствуютъ себя, наоборотъ, свободнѣе, когда батюшка уйдетъ? Бѣдные, несчастные люди! Они похожи на тѣхъ шалуновъ-школьниковъ, которые ждутъ—не дождутся, когда уйдетъ отъ нихъ „начальство“, ихъ воспитатели и наставники, чтобы предаться своимъ шалостямъ, которые обычно до добра не доводятъ. А вѣдь, какъ ни прячь св. иконы—отъ Бога-то всевидящаго и всевѣдущаго никуда не укроешься. Такъ не лучше ли, не разумнѣе ли было бы вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ говорить себѣ: буду зрѣть Господа предо мною всегда, чтобы твердо стать на Божіемъ пути!

Знаю, мнѣ скажутъ, что уклоняться отъ обычая предковъ ихъ побуждаетъ вовсе не желаніе какъ

бы укрыться отъ Бога—сердцевѣцца... Такъ что же побуждаетъ васъ къ сему, братъ мои, добрая чада Церкви—матери?—Вы молчите?— Такъ „принято?“ Но я не понимаю этого слова... *Отъ кого принято?* Кто передалъ вамъ это? Чье это преданіе? Во всякомъ случаѣ—не ваши предки благочестивы, не мать ваша — Церковь... Я скажу вамъ, отъ кого пошло это преданіе. Первые стали стыдиться св. иконъ люди, въ вѣрѣ православной поколебавшіеся, подпавшіе подъ вліяніе неправославныхъ иностранцевъ-лютеранъ и баптистовъ. Сіи сектанты, отдѣлившіеся отъ своей латинской церкви, косо смотрѣли на наши св. иконы, которыя они считаютъ идолами; замѣтили это наши интеллигенты и стали подальше ставить иконы, какъ бы оберегая святыню отъ оскорблѣнія, а на самомъ дѣлѣ угощая свсімъ гостямъ,—иославцамъ. А эти послѣдніе или лучше—ихъ духовные предки, ихъ учителя вродѣ Лютера и Меланхтона, находились въ свое время, какъ это теперь документально доказано, подъ вліяніемъ злѣйшихъ враговъ Христова—масоновъ... Вотъ и подумайте, откуда пошло это новое „преданіе“, это—„такъ принято“ у нашихъ интеллигентовъ. Можно ли, позволительно ли православному человѣку слѣдовать такому „преданію?“ А вѣдь это, какъ видите, самое настоящее преданіе, имѣющее и у нась

уже и двухвѣковую давность и настолько же твердо укрѣпившееся въ средѣ многихъ, именующихъ себя православными, что я почелъ бы себя счастливѣцемъ, если бы узналъ, что хоть одинъ изъ моихъ читателей, слѣдующихъ этому антицерковному обычаю, имѣлъ мужество, да, мужество—не въ сокровенной части своего дома, не въ спальне, а въ парадныхъ комнатахъ поставить достаточно видные кіоты съ св. иконами и возжечь передъ ними неугасимыя лампады—вотъ хоть бы такъ, какъ мы видимъ это еще во многихъ благочестивыхъ семьяхъ купеческихъ и простонародныхъ... Увы, боюсь, что не найду такого мужества!...

Такъ вотъ о чёмъ хотѣлось мнѣ и на сей разъ поговорить. И я надѣюсь, что читатели не будутъ слишкомъ ко мнѣ строги, не будутъ порицать меня, что я говорю о „мелочахъ“. Думаю, что и въ будущемъ, если Богъ поможетъ мнѣ продолжить свои бесѣды—дневники, не разъ еще придется писать на ту же тему. Эта тема неисчерпаема. Любить преданія, создавшіяся на почвѣ церковности, значитъ любить мать—Церковь, ихъ благословляющую, значитъ быть въ животрепещущемъ общеніи съ благочестивыми нашими предками, значитъ жить ихъ жизнью, продолжать ихъ жизнь, а слѣдовательно и созидать жизнь своего народа, своей *Святой Руси*.

Трудовые щепочки.

Современное человѣчество хвалится прогрессомъ, культурой, цивилизацией, а между тѣмъ постоянно слышатся жалобы, что тяжело жить въ центрахъ этой культуры, этой

цивилизациіи: въ нравственномъ отношеніи едва-ли человѣчество идетъ впередъ, по крайней мѣрѣ душою отдохнешь не тогда, когда бываешь въ средѣ этихъ культурныхъ,

просвѣщенныхъ въ высшей степени корректныхъ и деликатныхъ, но холодныхъ сердцемъ людей, а когда перенесешься мыслю къ своимъ простѣцамъ-зырянамъ или алеутамъ и колошамъ отдаленной Аляски. Среди этихъ некультурныхъ дѣтей природы скорѣе можно встрѣтить людей, которые, воспріявъ простымъ дѣтскимъ сердцемъ Христово ученіе, становятся истинными дѣтьми Божіими. Мнѣ припоминается разсказъ одного московскаго купца изъ жизни покойнаго Митрополита Московскаго Иннокентія. Святитель обѣдалъ у этого купца, церковнаго старосты, послѣ освѣщенія церкви. Въ числѣ гостей было не мало и почетнаго духовенства. Святитель вспоминалъ свое давнее прошлое, свою жизнь на Алеутскихъ островахъ. Всѣ съ большимъ вниманіемъ слушали его разсказы о далекой, невѣдомой странѣ, обитающихъ тамъ народностяхъ. Одинъ протоіерей спросилъ владыку: „а каковы были ваши Колоши, владыко?“—„Да получше меня и получше тебя“, отвѣтилъ простѣцъ Митрополитъ. Ученому протоіереко не понравился такой отвѣтъ и онъ замолчалъ. Это не скрылось отъ старца-святителя и онъ сказалъ ему: „можетъ быть, тебѣ не понравилось такое сравненіе? Такъ послушай, что я тебѣ расскажу. Разъ, когда я былъ еще попомъ, приходить ко мнѣ поздно вечеромъ издалека одинъ Колошъ исповѣдываться. Ночь была темная, когда я отпустилъ его и на дворѣ были уже спущены собаки. Чтобы оборониться отъ нихъ, Колошъ взялъ у меня въ сѣняхъ метельникъ (насадку отъ метлы). Прошло часа два—слышу: кто-то стучится. Окликнуто—это мой Колошъ! Спрашиваю: что тебѣ?—„Да вотъ, бачка: я взялъ у тебя палку отмахнуться отъ со-

бакъ, возьми ее назадъ!“—Да Богъ съ тобой, говорю: иди съ Богомъ давно-бы ужъ былъ дома.—Нельзя, бачка: я взялъ—тебя не спросилъ; велишь—такъ возьму.—„Возьми, возьми, она тебѣ пригодится, видишь, говорю: глухая полночь“.—Колошъ мой успокоился и пошелъ домой съ моимъ метельникомъ.—„Ну, вотъ“, заключилъ полуушутя щекой Архипастырь: „согласись, братъ: мы съ тобой такъ, вѣдь, не сдѣлали бы?“

Я вспомнилъ эту разсказъ о простѣцѣ—Колошѣ потому, что недавно получилъ изъ далекой Аляски слѣдующее письмо:

„Ваше преосвященство, милостивый архипастырь! Благоволите и принять и прочесть сіе письмо.

„Всякому мила своя сторона—любить и ницій свое хламовище.

„Мои прихожане по просьбѣ моей собрали, при великой нищетѣ и скучности своей на построеніе храма въ Барградѣ святителю Христову Николаю, на пріютъ Царицы Небесной въ Петербургѣ и на голодающихъ въ тѣ губерніи, гдѣ голодъ заставилъ пастыря послать своихъ дѣтей вечеромъ просить хлѣба. Попылались на имя ваше для передачи: на построеніе храма въ Барградѣ 15 долларовъ, на пріютъ—5 долларовъ, и на нуждающихся въ пропитаніи 5 долларовъ, а всего 25 долларовъ. Благоволите напечатать о сей жертвѣ хотя въ „Приходскомъ Чтеніи“, не упоминая моего имени, душевно не желаю быть означеннымъ, а нужно отпечатать потому, что на Аляскѣ есть священнослужители съ болѣе состоятельными приходами, чѣмъ нашъ приходъ, это—первое, а второе—мои алеуты православные, но еще яко младенцы, сущіе млеко: попадеть это чтеніе въ руки алеутовъ—кто знаетъ?—можетъ быть

и еще соберутъ, а главное алеуты очень дорожатъ святительскимъ, хотятъ и заочнымъ, благословенiemъ. Они часто спрашиваютъ: поступать ли наша жертва на дѣло, на которое мы даемъ? Я имъ говорю: вашу посильную жертву Господь милостиво принимаетъ. Но они возражаютъ: не остается-ли она въ рукахъ нашего пастыря?... Въ теченіе трехъ лѣтъ я замѣчаю, что посылаемъ мы собранныя на какое либо богоугодное дѣло жертвы, а о полученіи ихъ на мѣстѣ отвѣта не получаемъ.

„Вамъ, можетъ, быть покажется страннымъ, что деньги эти собраны—щепками, которыми просвѣщенные американские, а иногда, по ихъ примѣру, и русскіе купцы платятъ алеутамъ и эскимосамъ за ихъ труды. Напилить, напримѣръ, алеутъ или эскимосъ сажень дровъ для купца, купецъ беретъ щепку, пишетъ на ней стоимость работы и платить этой щепкой работнику. Тѣми же щепками платятъ и за дорогие бобровые и другіе мѣха. Рѣдко поблагороднѣе—пишутъ чекъ на толстой сахарной оберточной бумагѣ. Съ этой щепкой или лоскуткомъ бумаги идетъ алеутъ (а не рѣдко случается ходить и мнѣ) къ тому же купцу въ лавку брать провизию въ семь разъ дороже другихъ лавокъ: волей-неволей берешь мѣшокъ муки въ 50 ф. за 9 или 10 долларовъ (18—20 р.). Вотъ такими-то щепками и собраны прилагаемые 25 долларовъ, причемъ, конечно, я влагаю американские кредитки, вымѣнявъ на нихъ щепки.

„Нашъ архиастырь какъ-то выразился, что алеуты вымираютъ. Еще бы не вымирать, когда они по полгоду и болѣе хлѣба не видаютъ, питаются сушеної рыбой, морскими червями, и разнаго рода чудовищами. Стоить посмотретьъ на

ихъ пищу, какъ и у тебя станетъ на желудкѣ боль... Казалось бы: улучшить бытъ этихъ полудикихъ народцевъ—прямой долгъ американцевъ, но они смотрятъ на нихъ какъ на рабовъ. Много вымираетъ алеутовъ и эскимосовъ отъ спаивания водкой (виской), чѣмъ также усердно занимаются культурные американцы и японцы безъ зазрѣнія совѣсти”....

Согласно желанію, автора не привожу его подписи и адреса. Яувѣдомилъ его о полученіи 25 долларовъ письмомъ, въ коемъ писалъ, между прочимъ: „Глубоко тронуло меня усердіе въ простотѣ вѣрующихъ душъ тѣхъ алеутовъ, которыхъ нѣкогда такъ любилъ въ Бозѣ почившій благодѣтель мой, московскій митрополитъ Иннокентій. Храни и благослови Господи, яко сокровище бездѣнное, эти Богу преданныя души! Ихъ щепочки въ очахъ Божіихъ дороже крупныхъ пожертвованій, приносимыхъ добрыми богатыми людьми отъ избытокъ ихъ, какъ лепта евангельской вдовицы была дороже всѣхъ сокровищъ храма Іерусалимскаго. А для меня получение такой жертвы на Божіи дѣла—сущій праздникъ: душа моя возврадовалась, что слышать меня добрыя души и въ далекихъ странахъ Великаго океана!

„Пишете, о. Н. о тяжелой долѣ пасомыхъ вашихъ: вѣрьте, что если ихъ сердца способны откликаться вътакъ на добрыя дѣла, то она много счастливѣе тѣхъ сытыхъ и богатыхъ интеллигентовъ, которые мнить себя людьми просвѣщенными и себя считаютъ господами, а ихъ—рабами... Вѣдь, царствіе то Божіе—въ добрыхъ вѣрующихъ сердцахъ!

„Скажите имъ, что я, грѣшный архиерей, призываю на всѣхъ ихъ Божіе благословеніе. Вѣрую, что святитель Христовъ Николай чудо-

творецъ, на храмъ коему они привнесли свои трудовые щепочки, благословить ихъ съ высоты небесной и сторицею воздастъ имъ за ихъ любовь къ нему и во имя его — къ тѣмъ странникамъ, которые приходятъ на поклоненіе его святымъ мощамъ. Вѣрю, что и Господь, рекшій пречистыми устами Своими: что сдѣлали вы единому изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ — Мнѣ сдѣлали, — Онъ милосердый и утѣшилъ ихъ утѣшениемъ райскимъ, и благословить ихъ благами земными... *En. Ніконъ*.

Можетъ быть, кто-либо, прочитав эти строки, подумаетъ, а можетъ быть и другимъ скажетъ: „сторѣли писать въ журналѣ о такихъ мелочахъ? Въ наше гуманное время жертвуютъ сотнями тысячъ на дѣла просвѣщенія, на помошь голодающимъ, на больницы, богадѣльни... Прочитайте въ газетахъ, сколько собрано на „бѣлый цвѣтъ“, на „колосья ржи“... А то — собрали алеуты какихъ-то 25 долларовъ на добрая дѣла и кричать о нихъ на весь свѣтъ!“...

Жертвуютъ... жертвуютъ и на театры, на народные дома, народные университеты... Мало-ли еще на что жертвуютъ! Увы, лучше бы не жертвовали! И язычники — идолопоклонники дѣлали добро и притомъ такое, которое привлекало къ нимъ спасающую Божію благодать: вспомните Корнилія сотника и другихъ, ему подобныхъ. И это ихъ добро, какъ видите изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, имѣло свою пѣну въ очахъ Божіихъ, но пѣну лишь относительную, и для спасенія имъ необходимо было войти въ лоно Церкви Христовой и стать ея живыми членами — такъ, чтобы въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствовалъ Христосъ. А тому, кто именуетъ себя христіаниномъ, да еще православ-

нымъ, какъ будто и стыдно стоять въ опѣнкѣ добра ниже Корнилія сотника, который, творя добро по мѣрѣ силы и умѣнія, не забывалъ и Бога призывать въ молитвахъ своихъ. Оттого и сказано ему: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. 10, 4). Судите сами: можно ли сказать это о тѣхъ „жертвахъ“, какія собираются нашими интеллигентами не во имя Христова, а во имя туманнаго гуманизма, не подъ сѣнью животворящаго креста, а подъ сѣнью „бѣлага или синяго цвѣтка, колоса ржи“ и подобныхъ сему эмблемѣ? Привлекутъ ли эти жертвы благодать спасающую къ жертвователямъ, стыдящимся знаменія нашего спасенія — креста Христова? Можно ли сказать и о тѣхъ „пожертвованіяхъ“, которыя приносятся съ пѣллю, недостойной христіанина; не грѣшно ли вѣрующему во Христя строить дома зрѣлицъ, дома увеселеній, развлеченій?... Не позволяетъ моя совѣсть называть и „народные университеты“ добрымъ христіанскимъ дѣломъ, ибо кто же не знаетъ, для чего они устроются и что тамъ народу читается? Нельзя истинному христіанину измѣрять пѣнность добродѣлія и мѣрою утилитарною: съ этой мѣрою римская церковь дошла до іезуїзма, до индульгенцій... Богу нужно наше сердце: *сыне, глаголетъ Онъ: да жесть Ми твое сердце!* Нужно, чтобы добро шло отъ сердца, чтобы мысль о немъ лежала *у сердца* (отсюда — *усердіе*), чтобы оно исходило отъ любящаго, милующаго сердца (отсюда — *милосердіе*), было совершено безкорыстно, чисто отъ всякаго себялюбиваго побужденія. — „*Такъ Христосъ велиль, такъ Онъ заповѣдалъ!*“ — вотъ единствено-непогрѣшное побужденіе, единственно-вѣрная мѣра пѣнности bla-

готворенія. А какъ Христосъ заповѣдалъ?—Да не увѣстъ шуйца, что творитъ десница твоя. Дѣлай добро и тотчасъ же забывай, что его сдѣлалъ: дѣлай и говори: я тутъ не при чемъ: это Богъ такъ устроилъ. Богъ послалъ случай, средства, силы, добрую мысль, доброго человѣка, который мнѣ подсказалъ это; дѣлай и благодари Бога, что тебѣ поручилъ это дѣло, тебѣ помогъ, тебя осчастлишилъ быть Его рукою въ добродѣланіи. И благо тому, у кого этотъ законъ добродѣланій лежить у его сердца, въ самомъ сердцѣ, какъ дыханіе жизни, какъ біеніе этого сердца!

Но ужели такъ и не имѣть никакой цѣны то добро, которое творится по другимъ побужденіямъ, помимо этого закона?

У Бога ничто не останется безъ награды. Кто чего ищетъ, тотъ и получаетъ. Дѣлаютъ люди добро изъ тщеславія: и ихъ прославляютъ за то. Дѣлаютъ изъ корысти: они и достигаютъ цѣли своей. Земное добро на землѣ же и вознаграждается. *Воспrijялъ еси благая въ животъ твоемъ*, сказано въ притчѣ богатому Авраамомъ. *Воспrijя-*

лъ: получилъ въ уплату, значитъ, было кое-какое добро, за которое и уплачено ему въ земной жизни. Но на небѣ уже не жди онъ вѣчной награды. Но имѣтъ ли для христіанина какое-либо значеніе, какуюнибудь цѣнность земное благо, если оно не открываетъ пути къ вѣчному небесному блаженству?...

Не велики крупицы добра, содѣланаго во имя Христово младенцами вѣры—алеутами, но онѣ—безцѣнныя жемчужины въ очахъ Божіихъ. Можетъ быть и значительныя суммы, собранныя на голодающихъ или жертвуемыя на дѣла просвѣщенія нашими интеллигентами, но безъ Христа и креста, это—грошевыя бусы, коими играютъ и потѣшаются дѣти...

И съ утѣшениемъ можно отмѣтить, что такія крупицы добра еще есть въ нашей церковно-народной жизни, еще блестятъ—то тутъ, то тамъ, какъ дорогіе брилліанты сверкаютъ въ мусорѣ житейской суеты, и какъ бываешь радъ, когда замѣтишь хоть одну такую искорку бладати Божіей, свѣтящуюся въ русской православной душѣ!...

ОСКУДЪНІЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНІ.

Еще царственный пророкъ Давидъ жаловался въ свое время, что оскудѣлъ преподобный. Но послѣ пришествія въ міръ Христа Спасителя, когда расцвѣла полнымъ цвѣтомъ Церковь Божія, пустыни наполнились преподобными, а изъ пустынь духовная жизнь проникла въ города, и были такие благословенные грады, въ которыхъ насчитывали тысячи монашествующихъ, добрымъ подвигомъ подви-

завшихся и своею жизнью прославившихъ Господа. Таковъ былъ нѣкогда въ Верхнемъ Египтѣ городъ Оксиринхъ, развалины коего открыты въ недавнее время. Въ наше грѣшное время приходится опять повторять жалобу Царя Давида: *оскудѣлъ преподобный!*.. Монастырей много на святой Руси, немало и черноризцевъ, но—оскудѣлъ преподобный, ослабѣла жизнь монашествующихъ, настоятели жалуются:

некого постричь, посвятить во діакона, во іеромонаха; архіереи жалуються: некого поставить въ настоятели—хоть закрывай монастыри!..

Удивляться нечему. Монахи, вѣдь, приходятъ въ монастыри изъ того же міра а каковъ нынѣ міръ—всѣмъ намъ хорошо извѣстно. Въ послѣдніе годы будто пронесся по Русской землѣ какой-то ураганъ нѣвѣрія, безбожія, всякаго отрицанія; люди перестаютъ уважать всякий авторитетъ: будуть ли они признавать авторитетъ Церкви, да еще православной, которая и всегда-то была, по сравненію святителя Димитрія Ростовскаго—яко кринъ въ тернії: всегда въ скорбяхъ, въ принижнії, если не въ полномъ пренебреженіи въ глазахъ міра сего лукаваго и прелюбодѣйнаго. Надъ нею сбывалось и всегда слово Господа: *въ мірѣ скорбни будете,—якоже Мене изгнаша, и вѣстъ ижденутъ...* Сказалъ Господь о послѣдніхъ временахъ: будетъ предъ Его прішествіемъ проповѣдано Евангеліе царствія по всей вселенной, но Онъ же сказалъ, что когда придетъ Онъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ, то едва обрящетъ вѣру на земли... Значитъ: много будетъ христіанъ по имени, но мало—очень мало на дѣлѣ. На нашихъ глазахъ оскудѣваетъ вѣра въ средѣ вѣрующихъ, гаснетъ духовная жизнь, утрачивается самое понятіе о сей жизни, и притомъ, что особенно горько отмѣтить: не только у мірянъ, живущихъ почти исключительно жизнью плоскую и душевную, но и у духовныхъ лицъ, у нашего пастырства, и не только у бѣлаго духовенства, но и у самихъ монашествующихъ, этихъ—такъ сказать по ідеѣ присяжныхъ носителей идеала духовной жизни... Конечно, и всегда среди монашествующихъ были немощи—пороки пьянства, рабства

плоти, сребролюбія; конечно, и нынѣ въ св. обителяхъ нашихъ есть истинные подвижники—сѣмѧ свято, но, къ сожалѣнію, нынѣ къ прежнимъ немощамъ присоединился еще какой-то духъ противленія, духъ самости, безграницаго честолюбія, своеолія, который обуялъ обитающихъ въ монастыряхъ... Даже самое подвижничество получило какой-то своеобразный характеръ: есть носящіе вериги, но зараженные духомъ гордыни; есть постники, но одержимые нестерпимымъ самомнѣніемъ; есть строгіе къ себѣ, но и беспощадные къ другимъ... Въ послѣдніе время появляются въ обителяхъ личности, кои даютъ поводъ подозрѣвать ихъ въ сектантствѣ, въ хлыстовщинѣ, одной изъ самыхъ гибельныхъ, антихристіанскихъ сектъ... Отвергнувъ смиреніе, какъ основное начало духовной жизни, увлекшись вѣшнимъ подвигомъ, такіе неразумные „дѣлатели“ монашеской жизни попадаютъ въ сѣти вражбы, въ духовную прелестъ, начинаютъ надмѣваться высокимъ о себѣ мнѣніемъ, самозванно выступаютъ на поприще учительства и гибнутъ сами, увлекаютъ въ цогибель съ собою и другихъ, особенно же довѣрившихъ имъ себя мірянъ. И среди мірянъ являются самочинные подвижники: все чаще слышишь о разныхъ „братцахъ“, о „юродивыхъ“, о „блаженныхъ“, которые или бродятъ по градамъ и весямъ и лѣто и зиму босые, косматые, безъ шапокъ, или же вьють себѣ гнѣздо у „благодѣтелей“: благо не мало еще на Руси людей въ Бога вѣрующихъ... И одни изъ такихъ подвижниковъ—самочинцевъ, покинувъ путь самоотверженія и смиреннаго богоугодженія, льстятъ и обманываютъ добрыхъ людей сознательно, наживая деньги, другіе, сами находясь въ прелесті, влекутъ

за собою и мірянъ въ прощаль по-
гильбельную, въ хлыстовщину и срод-
ная съ нею секты. Въ жизни духа
есть законъ, въ силу коего „Божіе“,
то есть благодатное состояніе, „о
себѣ“, само собою „пріидеть, тебѣ
не ощащающему, но аще будеть мѣ-
сто чисто, а не скверно“, а такіе
самочинные подвижники не хотять
знать этого закона, и, не заботясь
объ очищеніи „мѣста“, то есть
сердца отъ страстей, дерзновенно
стремятся вторгнуться въ ту область
духа, которая для нихъ еще не
можетъ быть, безъ вреда для нихъ,
открыта, и за такое дерзновеніе
взойти въ чертогъ брачной безъ
одежды брачной, бывають оставляе-
мы благодатію Христовою и стано-
вятся посмѣшищемъ врага Божія—
діавола. Овладѣвъ ихъ вообра-
женіемъ, врагъ внушаетъ имъ все,
что ведеть къ ихъ погибели: дѣ-
лаетъ ихъ якобы прозорливыми,
обольщаетъ видѣніями и ложными
мечтаніями, они читаютъ мысли лю-
дей, съ ними бесѣдующихъ, отвѣ-
чаютъ на вопросы, какіе имъ еще
только хотять предложить, подни-
маются даже на воздухъ во время
молитвы, испытываютъ якобы bla-
годатныя, на самомъ же дѣлѣ пси-
хофизіологіческія состоянія и пр.
Я зналъ такихъ несчастныхъ:
вразумить ихъ чрезвычайно трудно
и безъ особенной благодатной по-
мощи Божіей невозможно. Это—
одержимые злымъ духомъ, духомъ
пытливости (Дѣян. 15, 16), по-
мѣщанные на своей святости. И вотъ
что замѣчательно: Божіимъ попу-
щениемъ врагъ, издѣваясь надъ та-
ковыми, нерѣдко ввергаетъ ихъ въ
страдіи безчестія: они сочиняютъ
для себя и своихъ послѣдователей
особую теорію, оправдывающую
даже неестественный развратъ...
Вотъ почему такіе святоши крайне
опасны. Вотъ почему надо предо-

стерегать отъ ихъ вліянія народъ,
который они увлекаютъ еще и про-
повѣдью трезвости, воздержанія отъ
мяса, табаку, зрелицъ, даже отъ
законнаго супружескаго сожитія.
Измученный невзгодами жизни,
пьянствомъ и другими грубыми по-
роками простой народъ охотно идетъ
къ нимъ въ сѣти: вѣдь, они тол-
куютъ о святыи словѣ Божіемъ, о
доброй трезвой жизни, они якобы
помогаютъ пьяницамъ избавиться
отъ погибельной страсти... Несча-
стные люди не могутъ разобраться
въ томъ, съ кемъ имѣютъ дѣло.
Тысячами идутъ къ этимъ прель-
щеннымъ...

Такъ на нашихъ глазахъ заро-
ждаются самыя опасныя секты—
мистическая. Съ теченіемъ временъ
онѣ, объединяясь около одного-двухъ
именъ своихъ вождей, начинаютъ
съорганизовываться, выяснять основ-
ные положенія своего упованія, и,
не встрѣчая должныхъ обличий
со стороны православія, крѣпнуть
въ своеемъ лжеученіи. Такъ на на-
шихъ глазахъ появилась и секта
киселевцевъ. Ея основатели вос-
пользовались досточтимъ именемъ
отца Иоанна Кронштадтскаго, благо-
говѣйною любовью къ нему народа,
и теперь раскинули свои сѣти по
всей Россіи: однихъ книгоноши
имѣютъ они до 5000 человѣкъ, ко-
торые распространяютъ ихъ лите-
ратуру, а съ нею и лжеученіе. Дѣло,
повидимому, началось съ того, что
простые люди, искренно чтившіе
о. Иоанна, читая его дневники, пре-
исполненные духовной мудрости, во
многихъ мѣстахъ описывавшіе вы-
сокія духовныя переживанія обла-
годатствованаго состоянія (на что
указываетъ самое заглавіе сихъ
дневниковъ: „Моя жизнь во Христѣ“),
неправильно поняли эти мѣста, стали
по своему ихъ перетолковывать, не-
правильно прилагать къ своей лич-

ной жизни, и вотъ, въ ихъ пониманіи явилось ложное представлѣніе объ о. Іоаннѣ, какъ человѣкъ, въ которомъ обитаетъ Божество, какъ о Христѣ Спасителѣ. Отсюда одинъ шагъ до хлыстовщины, до обожанія человѣка. А въ такихъ случаѣахъ является потребность приспособить къ ихъ теоріи и толкованіе текста священнаго Писанія, и всю исторію первобытной Церкви. Отсюда и лжебогородицы, и лжеапостолы, и лжеепророки... Увлечь темную массу не трудно: вѣдь, нашъ простой народъ—младенецъ въ дѣлахъ вѣры: иная баба не умѣеть отличить Пр. Троицу отъ Пр. Богородицы. А имя о. Іоанна, какъ извѣстнаго молитвенника и чудотворца, слишкомъ авторитетно въ глазахъ русскихъ вѣрующихъ людей. Развѣ лжеученіе прикрыто имъ—дается полная вѣра лжеучителю.

И вотъ, нашлись люди съ сожженою совѣстью, которые рѣшили использовать это явленіе въ религіозной жизни нашего народа съ корыстной цѣлью. И корысть тутъ была двоякая: ревнителемъ вѣры, чуть не пророкомъ прослыть, а затѣмъ ужъ и капиталъ легко нажить. Благо во главу стали люди коммерческіе. Они сумѣли найти себѣ помощниковъ изъ людей того же нравственнаго ценза, но болѣе или менѣе интеллигентныхъ, владѣющихъ первомъ въ достаточной степени, чтобы и брошюры писать, и въ газетахъ вести пропаганду своего дѣла, и, если понадобится, бумаги сочинять по адресу разныхъ учрежденій. Вѣдь, стоило пріѣхать въ писаніяхъ о. Іоанна нѣсколько мѣстъ, гдѣ онъ говорить о благодатномъ общеніи съ Господомъ въ таинствѣ Причащенія, чтобы люди фанатически предавные о. Іоанну сдѣлали изъ нихъ свои выводы, а затѣмъ уже, какъ по наклонной плоскости.

дошли и до богохульныхъ ересей въ духѣ хлыстовщины. Само собою разумѣется, интеллигентные руководители новой секты лично сами готовы отрещиваться отъ конечныхъ выводовъ этихъ ересей. А невѣжды продолжали въ средѣ безграмотной и полуграмотной массы искажать даже и то, что неправильно было понято въ сочиненіяхъ о. Іоанна и—должно сказать истину—не безъ участія самого отца лжи—сатаны—дошли до ученій самыхъ нетерпимыхъ: напримѣръ, что дѣти, рожденныя отъ законнаго брака—бѣснанта, и ихъ слѣдуетъ расталпывать до смерти под... Это удостовѣрено въ моей епархіи официальными документами относительно извѣстнаго лжеучителя уже умершаго Курепина. Не можетъ быть, чтобы руководители ереси ничего объ этомъ не знали, но имъ было выгодно молчать объ этомъ, и они молчали. А когда говорили имъ о томъ, чѣму учать ихъ единомышленники, они самымъ рѣшительнымъ образомъ все отрицаютъ. И теперь отрицаютъ.

Пока такимъ образомъ шло броженіе, въ которомъ какъ бы намѣчалась организація секты, это явленіе было замѣчено тѣми, кто стремится всю міровую исторію направить по своему пути. Я говорю о врагахъ человѣчества, о врагахъ Церкви—масонахъ и ихъ руководителяхъ—іудеяхъ. Они рѣшили использовать новое сектантское броженіе для своихъ цѣлей. На первый разъ рѣшено не раскрывать въ печати всего этого вреда, какои грозить Церкви отъ такъ называемаго „іоаннитства“. И вся печать, находящаяся подъ командой іудеевъ, молчить... А когда признаетъ нужнымъ, то говорить о киселевцахъ покровительственно. Не молчать только немногіе органы правой печати, въ родѣ

„Колокола“, который и безъ того подвергается оплеванію всей лѣвою печатью за свою ревность о пользахъ Церкви. А киселевцы успѣли обзавестись своимъ печатнымъ органомъ, который сталъ въ непримиримое отношеніе къ высшей церковной власти и ея представителямъ. Номера не выходить безъ того, чтобы этотъ кисилевскій органъ не издѣвался надъ С. Синодомъ и оберъ-прокуроромъ его В. К. Саблеромъ, надъ тѣми миссіонерами, которые смѣло принялись за разоблаченіе новой секты и ея тайнъ. Понятно, какъ все это радуетъ злѣшихъ враговъ Церкви—масоновъ и іудеевъ. Иногда приходитъ мысль: ужъ не эти ли закулисные друзья киселевцевъ подсказали имъ такъ усердно распространять мысль о близкой кончинѣ, міра? Вѣдь сектанты понимаютъ второе пришествіе Господа не въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ его мы, православные: у нихъ дается всему свое толкованіе, подобное тому, какое существуетъ у адвентистовъ—еретиковъ. А это такъ выгодно для іудеевъ.

Къ сожалѣнію, мы, православные, все еще не рѣшаемся повѣрить въ нѣсомнѣнныи фактъ, что эта новая явно хлыстовская секта руководится іезуитскимъ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства. Для ея послѣдователей ложь, обманъ, клевета, клятвопреступленіе, всякое притворство—все не только позволительно, но и въ нѣкоторыхъ случаѣахъ прямо обязательно. „Никому не смѣй открывать нашихъ тайнъ: ни отцу, ни матери, ни даже своему духовному отцу“—вотъ, между прочимъ одно изъ правилъ, ихъ жизни и дѣятельности. И какъ широко они имъ пользуются! Страшно становится, когда подумаешь, что ихъ уличный листокъ читаютъ простые

люди, которые вѣрять всякой печатной строкѣ! Отвратительно читать ихъ явно злостныя безпощадныя, безсовѣстныя клеветы на оберъ-прокурора, на миссіонеровъ и всѣхъ, кто становится имъ поперекъ дороги въ обманѣ простаго народа. Вѣдь, они прикрываютъ себя одеждой ревностныхъ защитниковъ вѣры православной, родной Русскому народу Церкви; они стараются убѣдить народъ, будто на ихъ сторонѣ даже нѣкоторые святители; они особенно подчеркиваютъ свое мнимое благочестіе, не жалѣютъ денегъ даже на построеніе храма въ Воронцовской женской обители, где свили себѣ гнѣзда. Послѣдователи секты киселевцевъ, какъ и другіе хлысты, часто ходятъ въ церковь, говѣютъ, причащаются Христовыхъ Таинъ, соблюдаютъ посты и, что особенно характерно для всякой хлыстовщины—учатъ воздерживаться отъ мяса, хотя пока не ставятъ это еще на премѣнныи требованіемъ, а лишь въ качествѣ ихъ идеала. Они осуждаютъ куреніе табаку, посѣщеніе зрѣлишъ—словомъ, во всемъ стараются показать свое благочестіе. И тутъ же рядомъ—крайне пренебрежительное отношеніе къ церковной власти, прямое надъ нею издѣвательство... Сей часъ, напримѣръ, подали миѣ послѣдній № ихъ „Грозы“, въ которомъ Святейшій Синодъ называется „увядшимъ розаномъ, который совсѣмъ—де выдохся“, и газета ехидно изволить шутить: „не собирается ли старичекъ умирать?“ И это о высшей церковной власти! Дозволить ли себѣ это вѣрный сынъ Церкви, православный человѣкъ?

Я уже сказалъ, что въ мистическихъ сектахъ, а въ томъ числѣ и въ киселевщинѣ, проявляется какая-то страстная наклонность къ разврату. Явленіе это съ точки зренія

аскетизма совершенно естественное. Зараженные гордынею, такие люди сами лишают себя Божией благодати, охраняющей человѣка, и впадают въ страсти плотскія. И чѣмъ болѣе сні стремятся къ настроеніямъ якобы духовнымъ, тѣмъ ближе къ нимъ эта опасность. Этому прямо содѣствуетъ то возбужденное, экзальтированное состояніе, въ какое приводятъ себя искусственно хлысты такъ называемыми радѣніями, и которое они считаютъ якобы благодатнымъ. Есть признаки, что и киселевцы уже начинаютъ прибѣгать къ чему-то въ родѣ радѣній. Если, помилуй Богъ, эта прелесть распространится въ массѣ народной, то можно ожидать чего-либо въ родѣ „подгорновщины“, „иннокентьевщины“ и подобного безумія. Вотъ почему весьма желательно не останавливаться на полути, а разоблачить наращающуюся ересь во всей ея наготѣ, дабы предостеречь простой народъ отъ увлеченія ею...

Все, что я здѣсь сказалъ, невольно побуждаетъ насъ, пастырей Церкви, задуматься и спросить себя: кто больше виновенъ въ самой возможности такихъ уродливыхъ явленій, какъ юаннитство, киселевщина, да и вообще всѣ эти секты, не только мистической, но и рационалистической? Народъ, наши пасомые, или мы, ихъ пастыри? Не говорить ли намъ совѣсть наша, что если волки врываются въ стадо и расхищаютъ его, то значитъ пастыри спятъ, или плохо стерегутъ вѣренное имъ стадо? Вѣдь, если наши

пасомые неравнодушно относятся къ разнымъ лжеученіямъ, то значитъ, въ нихъ еще жива душа, созданная по образу Божию, она ощущаетъ духовную жажду, ищетъ, чѣмъ ее утолить, а мы, хранители водъ благодатныхъ, мы идемъ ли на встречу симъ душамъ жаждущимъ? Готовы ли утолять ихъ жажду? Да и сами-то—утоляемъ ли свою собственную жажду? Или ужъ наши души такъ и не ощущаютъ ея? Ужели мы такъ погрузились въ суету суетъ, что забываемъ о единомъ на потребу—не только для насъ самихъ, но и для пасомыхъ нашихъ?..

И грозно раздается въ совѣстѣ нашей слово древняго пророка Божія Іезекіиля: „такъ говорить Господь Богъ: горе пастырямъ Израилевымъ, которые пасли самихъ себя! Вы ѣли тукъ и волною одѣвались, а стада не пасли, слабыхъ не укрѣпляли, болѣной овцы не врачевали, и пораненой не перевязывали и угнанной не возвращали, и потерянной не искали... И разсѣялись онѣ безъ пастыря, и разсѣявши сдѣлались пищею всякому звѣрю полевому. Блуждаютъ овцы Мои во всѣмъ горамъ и никто не развѣдываетъ о нихъ, никто не ищетъ ихъ. Посему, пастыри, выслушайте слово Господне: „Живу Я, говоритъ Господь Богъ: вотъ Я на пастырей, и взыщу овецъ Моихъ отъ руки ихъ!.. (Іез. 34, 1—10).

Господи! Не вниди въ судъ съ нами, грѣшными! Аще бо беззаконія назриши—кто постоитъ?...

121.

Страницка изъ современного патерика.

I.

Хотите ли, добрые читатели мои, отдохнуть душой, перенестись въ

иной міръ, грѣшному міру невѣдомый?.. Или думаете, что это уже стало на Руси невозможно, что

этотъ міръ уже отлетѣлъ въ область преданій и легендъ, въ которыхъ нынѣ больше видѣть поэзія, чѣмъ дѣйствительной жизни, больше навидательныхъ примысловъ, чѣмъ дѣйствительныхъ фактovъ?.. Было бы великимъ несчастіемъ для насъ, для нашего народа, если бы было это такъ. Это значило бы, что исторія нашего отечества кончилась, что приговоръ Божественной правды надъ нами уже произнесенъ, что мы исключены изъ той книги жизни, въ которой пишется перстомъ Божіимъ исторія домостроительства спасенія рода человѣческаго, и записаны въ ту книгу смерти, въ которой едва замѣтными штрихами видны имена когда-то великихъ народовъ Азіи, Африки и Европы: имена Египтянъ, Ассириянъ, Финикиянъ, Вавилонянъ, имена древнихъ Эллиновъ и Римлянъ, всѣ тѣ имена, носители которыхъ давно исчезли съ лица земли или же ихъ потомки едва влачать свое жалкое въ сравненіи съ великимъ ихъ прошлымъ существованіе...

Слава Богу: это — не такъ! Еще жива наша русская православная душа. Еще искрятся кое-гдѣ искорки Божій, есть кое-гдѣ невѣдомые смиренные рабы Божіи, молитвами которыхъ и міръ стоитъ! Кто читалъ мою книжку „Чѣмъ жива наша русская православная душа“, тотъ знаетъ, что какъ ни узокъ круговоръ моихъ наблюдений, но и мнѣ Богъ привѣлъ на свое мѣсто вѣку видѣть воочію такихъ Божіихъ рабовъ, видѣть дивныя явленія Божія Промысла и живой вѣры русскихъ людей, живущихъ въ нѣдрахъ родной Церкви Православной, смиренно текущихъ путемъ Божіимъ и паче всѣхъ добродѣтелей украшающихъ себя красотою ангельскаго смиренія. То правда, что нынѣ не то, что было во дни оны древніе, на

старой Руси; нынѣ не составиши большаго патерика изъ сказаний о современныхъ подвижникахъ, но и то должно сказать: вѣдь, о нашихъ то временахъ и есть пророчество у святыхъ отцевъ, что послѣдніе монахи будутъ спасаться больше всего смиреніемъ, и тѣ изъ нихъ, которые спасутся, превзойдутъ великихъ чудотворцевъ древнихъ временъ... Отъ того-то и не видны они, эти современные намъ рабы Божіи, что вся жизнь ихъ сокровенна со Христомъ въ Богѣ, что почитая себя отребіемъ міра, послѣдними грѣшниками, они тщательно прячутся отъ взоровъ людскихъ, и только развѣ святая дружба, взаимность молитвы да любовь къ собратіямъ иногда въ концѣ ихъ жизни пріоткрываютъ завѣсу смиренія, покрывающую ихъ внутренняго человѣка.

И удивительное дѣло: какъ вотъ въ житіяхъ святыхъ повѣствуется, что такихъ рабовъ Божіихъ считали какъ бы отбросами общества, не обращали на нихъ никакого вниманія, иногда относились къ нимъ даже презрительно, поносили и обижали ихъ неповинно, такъ и на сихъ рабовъ Божіихъ, смиренно Богу работающихъ въ наши дни, никто не обращаетъ вниманія, считаютъ ихъ какъ бы едва терпимыми: „ну — что! даромъ хлѣбъ есть! на-
прасно келью занимаетъ!“ А что онъ первый является въ храмъ Божій къ утруни, становится въ отдаленномъ уголкѣ, выставляетъ, никакъ незамѣчаемый всѣ службы Божіи, внимая церковному чтенію и пѣнію — этого никто не замѣчаетъ: вѣдь, на то и монахъ, чтобы въ церковь ходить да Богу молиться! Еще бы онъ этого не дѣлалъ!..

Почти тридцать лѣтъ прожилъ я въ обители преподобнаго Сергія и видѣлъ такихъ, и зналъ ихъ, и любовался именно ихъ смиреніемъ. О

нихъ даже и сказать много-то нечего: ихъ виѣшняя жизнь слишкомъ однобразна: всѣ дни какъ одинъ, молитва, трудъ послушанія — вотъ и все... Изрѣдка замѣтишь, какъ иной съ такою любовью отнесется къ скорбящему собрату, съ такою нѣжностью скажетъ слово вразумленія юношѣ-послушнику, а затѣмъ будто и опять уйдетъ въ самого себя, и снова трудъ и молитва, молитва и трудъ... А для иного и въ церковь то пойти, при его глубокой старости и недугахъ ея, уже великій трудъ. Помню старишку, дѣдушку Гордія: ползеть, бывало, въ храмъ Божій во всякую непогоду въ два часа утра и весь день проводить въ храмѣ Божіемъ. Отстоить утреню — стоять раннюю литургію у преподобнаго Нікона; затѣмъ тамъ же и пригрѣться на чугунныхъ плитахъ пола, согрѣваемыхъ духовою печью — и отдохнетъ, а затѣмъ стоять — молится за поздней литургіей, бредеть въ трапезу, но тамъ не обѣдаетъ, а береть съ собою хлѣбца да кувшинчикъ квасу и идетъ подъ монастырскую ограду, къ своей коечкѣ (тамъ была для такихъ старишковъ богадѣльня). Отдохнетъ, а къ вечернѣ уже опять въ церкви, отъ вечерни пройдетъ къ Зосимѣ и Савватію — ко всенощной, а тамъ спѣшитъ къ великомученицѣ Варварѣ на правило... и снова къ своей коечкѣ на покой... Такъ текла его труженическая жизнь въ послѣдніе лѣтъ десять-пятнадцать въ нашей обители. Стала шести лѣтъ отошоль онъ ко Господу, только за три-четыре дня прекративъ хожденіе къ службамъ Божіимъ. Помнилъ онъ и 1812-й годъ, но не любилъ пускаться въ воспоминанія: все молитвою Господу занимался. И она такъ дѣйствовала въ его чистомъ дѣтскомъ сердцѣ, что даже во снѣ онъ двигалъ устами, повторяя

ее. Обѣ его умиленномъ состояніи свидѣтельствовали его дѣтскія, свѣтлые очи, всегда орошенныя слезами.

Вотъ еще старецъ-простецъ, отецъ Маркелль страннопитатель.

Вся его жизнь была воплощеніемъ заповѣди о трудѣ и смиреніи, о любви и молитвѣ въ простотѣ сердца. Грамоты онъ не зналъ, а между тѣмъ быть одинъ изъ тѣхъ рабовъ Божіихъ, которые часто представляютъ истинную закваску евангельской притчи въ той средѣ, въ какой живутъ: незамѣтно, но неотразимо они своимъ личнымъ примѣромъ воздѣйствуютъ на окружающихъ и, сами того не подозрѣвая, дѣлаютъ великое дѣло; они воспитываютъ этихъ, постоянно съ ними соприкасающихся людей для царствія Божія. Много лѣтъ трудился онъ въ обители Преподобнаго Сергія и все на одномъ послушаніи — въ страннопріимной палатѣ. Каждый день можно было видѣть его въ Троицкомъ соборѣ лавры у заутрени, а еще раньше за тихимъ братскимъ молебномъ, который ежедневно совершается о здравіи братіи и благотворителей у гроба чудотворца Сергія: около шестопсалмія онъ зажигаетъ свой фонарикъ изъ лампады отъ мощей преподобнаго и идетъ въ монастырскую кухню, чтобы отъ этого огня затопить печь для приготовленія пищи, и цѣлый день, съ утра до ночи, проводить въ трудѣ, всѣми силами стараясь успокоить странниковъ, которыхъ онъ такъ ласково-привѣтливо величалъ „рабами Божіими“, „дорогими гостями преподобнаго Сергія“. Начальство монастырское было спокойно за это столь важное послушаніе: о. Маркелль всякаго сумѣеть приласкать, всякаго накормить и успокоить... И такъ изо-дня въ день, въ продолженіе лѣтъ тридцати, въ молитвѣ и трудахъ, въ

трудахъ и молитвѣ прошла вся жизнь о. Маркелла. Беззавѣтный послушникъ, безотвѣтный труженикъ по мѣрѣ силъ, онъ на своеемъ немаловажномъ послушаніи дѣлалъ свое дѣло такъ, какъ дай Богъ дѣлать всякому, кто къ чему приставленъ. На странную посылаютъ обычно новоначальныхъ для послушанія: для такихъ о. Маркелль былъ добрымъ старцемъ-руководителемъ, хотя никто его въ этомъ смыслѣ старцемъ и не называлъ. Кто проходилъ послушаніе на странней, тотъ съ любовью вспоминаетъ его доброе, благодушное обхожденіе, но вспоминаетъ и то, что онъ много воли не давалъ своимъ послушникамъ: умѣть и смирить, и вразумить. О. Маркелла знали многие и странники и шли къ нему какъ къ родному. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я каждый праздникъ самъ раздавалъ свои „Троицкие листки“ на странней и всегда любовался этимъ простецомъ — радушнымъ гостепріимцемъ, истиннымъ ученикомъ преподобнаго Сергія. Сматря на него, невольно думалось: вотъ бы побольше такихъ иконокъ въ нашихъ обителяхъ: какъ бы хорошо жилось въ монастырѣ! Что до того, что о. Маркелль былъ неграмотный мужичекъ? Онъ послужилъ преподобному Сергію побольше многихъ-многихъ изъ нась, грамотѣевъ. На такихъ иконахъ воочию мы видимъ ту истину, что не ученье, не такъ-называемое образованіе воспитываютъ въ человѣкѣ образъ Божій, а простота и незлобіе, смиреніе и чистота сердца дѣлаютъ истиннымъ мудрецомъ. И такие-то мудрецы не отъ міра сего сколько свѣта и добра разливаютъ вокругъ себя! Такіе иконы живо напоминаютъ намъ тѣхъ простецовъ, что собрались когда то къ преподобному Сергію въ его смиренную

пустыню и подвизались съ нимъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и смиреніи... Отрадно бываетъ и помолиться за такого покойника: сердце вѣруетъ, что преподобный Сергій упокоитъ въ небесной своей обители того, кто въ простотѣ сердца смиленно потрудился въ его земной обители, потрудился особенно въ исполненіи его святаго завѣта, начертанного въ хартии на древнихъ его иконахъ: *страннолюбія не забывайте*. И какъ отрадно было бы, если бы о такихъ рабахъ Божіихъ по смерти ихъ не молчали: авось, ихъ примѣръ заставитъ задуматься иного и много-ученаго грамотѣя надъ истиннымъ смысломъ жизни христіанской, надъ тѣмъ: для чего мы живемъ на этомъ свѣтѣ и что нужно намъ припасти на тотъ свѣтъ?.. Кто знаетъ? Можетъ быть, иному читателю и придется благая мысль: вѣдь, вотъ такие-то простцы и *войдутъ впереди меня въ царство небесное...* Имъ дано немного, но они сумѣли малое пріумножить при помощи благодати Божіей, а мнѣ дано больше — съ меня больше и взыщется. И смирится гордая мысль, и легче вздохнетъ грѣшная душа...

О. Маркелль скончался 2 февраля 1898 г.

Не забуду я и монаха Григорія, который нѣсколько лѣтъ лежалъ безъ ногъ въ старой бѣгдѣльни, которая была подъ оградой Лавры. Когда-то проходилъ онъ послушаніе въ Троицкомъ соборѣ при записи въ синодикъ и продавалъ книги. Когда его ноги отказались ему служить, ему пришлось лежать все время въ постели; не часто перевязывали ему раны на ногахъ, и онъ терпѣль свою болѣзнь такъ благодушно, что, бывало, идешь къ нему не для того, чтобы его утѣшить, а чтобы себѣ отъ него по-

лучить утѣшениѣ: такой онъ былъ всегда жизнерадостный! Часто посѣщалъ его покойный о. Варнава, геесиманскій старецъ.

Встаетъ предо мною милый „старчикъ“ о. Іоиль, запутанный игуменъ. Въ его молодости повторилась, говорить, исторія Павла прещростаго: заставилъ свою молодую жену въ грѣхѣ съ пріятелемъ, онъ, недолго думая, сбѣжалъ на Аeonъ, постригся тамъ, а впослѣдствіи, по приглашенію знаменитаго Иннокентія Херсонскаго, былъ настоятелемъ въ одномъ изъ возстановленныхъ имъ монастырей въ Крыму... Помню, какъ онъ пришелъ въ больницу послѣдній разъ, предъ смертію своей.

— Ну вотъ, говоритъ: и на мою капусту морозъ пришелъ: покажите койку: умирать пришелъ!.. Пособоровался, причастился Св. Таинъ и чрезъ нѣсколько дней Богу душу отдалъ. Его духовныя дѣти свидѣтельствовали потому, что онъ всю жизнь со дня постриженія носилъ власяницу и сохранилъ себя въ совершенной чистотѣ, ни разу не испытавъ и во снѣ такъ называемаго искушенія.

Рассказываютъ, что съ нимъ было одно поразительное событие: разъ одно высокопоставленіе властное лицо такъ на него разгневалось, что вышло изъ себя, бранило его, топало ногами... Вдругъ о. Іоиль падаетъ въ обморокъ... Полагали, что старецъ перепугался отъ гнева начальника, а въ самомъ дѣлѣ было такъ, какъ повѣдалъ о семъ самъ онъ въ назиданіе своимъ духовнымъ дѣткамъ: онъ внезапно увидѣлъ позади того властнаго лица ангела Божія съ огненнымъ мечемъ, и отъ страха упалъ... А то лицо на другой же день скончалось внезапно...

II.

А вотъ передо мною небольшая

рукописная тетрадка, особенно поучительная для нашего грѣшнаго времени. Надписана она въ старинномъ, такъ сказать, стилѣ: „Блаженная кончина 86-лѣтняго старца Божія, повара великия лавры Сергіевы, скимонаха Исаака“.

Хорошо я зналъ этого старца; почти тридцать лѣтъ жили мы такъ близко, почти въ одномъ корпусѣ: онъ внизу, я вверху. И ничего подвижническаго я въ немъ не замѣчалъ. Такъ себѣ: простой, добрый, не безъ нѣкой немощи, но не помню я, чтобы онъ когда-нибудь кого нибудь осудилъ. Но вотъ пришла старость, и въ немъ какъ-то незамѣтно произошла перемѣна: онъ сталъ вдумчивѣе, внимательнѣе къ себѣ... Но едва ли кто изъ собратій могъ предполагать, что пошлетъ ему Господь такую кончину, какую описываетъ упомянутая тетрадка. Вотъ ея содержаніе:

„Мѣсяца за два до смерти старецъ, по крайней слабости ногъ, пересталъ ходить въ церковь. А до сего времени былъ великій любитель службъ церковныхъ. Удивительно было, что въ такомъ преклонномъ возрастѣ онъ вимало не ослабѣлъ ни памятью, ни умомъ. Наизусть читалъ онъ молитвы, псалмы, ирмосы. Больше всего любилъ онъ повторять слова: „Господи! Ты премудростю Твою со-здалъ меня отъ чрева матери моей. Господи! Ты вся вѣси: прошедшее мое, настоящее и будущее, и въ книзѣ Твоей еще и несодѣянная мною написана Тебѣ суть. Тебѣ извѣстны, Господи, всѣ мои грѣхи: прости меня!..“

И когда онъ читалъ молитвы, то часто ограждалъ уста свои крестнымъ знаменіемъ: „а то—говорилъ онъ—врагъ не даетъ выговаривать“.

Святыхъ Христовыхъ Таинъ при-

чащался часто, а за послѣднее время чутъ не каждый день. Пиши принималъ самую малость, въ послѣдніе дни—изъ рукъ служителя. Недѣли за двѣ до своей кончины онъ находился въ какомъ-то удивительномъ настроеніи духа—настроеніи покаянія и непрестанной молитвы. Дней за пять до кончины онъ пришелъ въ какое-то восхищеніе ума, пребывалъ въ какомъ-то созерцаніи, съ кѣмъ-то бесѣдовалъ, къ кому-то простирая руки. Въ день своего ангела, 28 января, призывалъ преподобнаго Исаака Сирина и просилъ навѣстить его.

За три дня до кончины, въ два часа ночи, подзываетъ онъ къ себѣ служащаго ему монаха Даниила и говоритъ: „не знаю, отець Даниилъ, воображеніе ли мое представило мнѣ отъ болѣзни, или то было истинное видѣніе: сейчасъ я въ раю былъ“.

— Хорошо тамъ, батюшка? спросилъ Даниилъ.

— О, несказанно хорошо! отвѣтилъ старецъ.

— А ты будешь въ раю? спросилъ въ простотѣ о. Даниилъ.

— Это еще неизвѣстно, сказалъ старецъ: опредѣленія еще не было, я, вѣдь, еще живъ.

Чрезъ часъ опять подзываетъ о. Даниила и говоритъ:

— О. Даниилъ, сейчасъ я въ аду былъ и видѣлъ всѣ мученія.

— Что, батюшка: страшно тамъ?

— О, ужасно, сказалъ старецъ.

Потомъ взялъ себя за волосы и говоритъ:

— Тамъ вотъ такъ-то рвутъ на себѣ волосы и все стонутъ.

Пропшелъ еще часъ и снова подзываетъ старецъ Даниила и говоритъ:

— Господа Саваофа видѣлъ.

Еще чрезъ часъ опять говоритъ:

— На страшномъ судѣ Божиемъ былъ.

— Что же, батюшка: какое опредѣленіе о тебѣ?

— Это будетъ по смерти, сказалъ старецъ: вѣдь, я еще не умеръ.

Потомъ говоритъ:

— Всѣ эти видѣнія, отець Даниилъ, отъ Бога ли были или отъ болѣзненнаго состоянія—Богъ вѣсть, а я не знаю. И хочешь—говори о нихъ, по смерти моей, кому, хочешь не говори—дѣло твое.

Послѣ этого старецъ находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи, крѣпко молился, простирая руки и призывалъ своего ангела по монашеству: „преподобнѣ отче Исаакіе, что же ты оставилъ меня въ такой страшной часѣ? Пріди ко мнѣ, посѣти меня, утѣши меня!“

Утромъ уже подзывалъ старецъ о. Даниила и говоритъ:

— Что же мнѣ дѣлать? Я очень грѣшенъ!

— Ничего, батюшка, успокой-
валь его о. Даниилъ: Господь ми-
лосердъ.

— Я знаю, что Онъ милосердъ, сказалъ со стечаніемъ старецъ: да тамъ-то Онъ будетъ правосуденъ, будетъ судить каждого по дѣломъ его.

О. Даниилъ сталъ напоминать ему слова священнаго Писанія: „Господь чрезъ пророка сказалъ: *хотѣніемъ не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему.* Господь и на землю пришелъ—не праведники, а грѣшники спасти. А св. Апостоль Павель про себя говоритъ: *отъ нихже первый есмь азъ*“.

Потомъ старецъ сказалъ:

— Отець Даниилъ, я очень грѣшенъ, и грѣхи меня смущаютъ; бывалъ я и на исповѣди, но всего высказать никакъ не могъ: то время не позволяетъ, то духовника бы не смутить и не задержать, то боявшись, какъ бы наружу не вышло:

такъ все и утаивалъ. Теперь слушай ты и я буду исповѣдывать тебѣ. Въ св. Писаніи сказано: исповѣдайте другу другу согрѣшенія.

И началъ старецъ исповѣдывать грѣхи свои отъ семилѣтняго возраста, перебралъ всю свою жизнь, говорилъ цѣлый часъ, а о. Даниилъ все время стоялъ и слушалъ.

Потомъ видѣть старецъ, что о. Даниилъ за эту ночь очень утомилъся, отпустилъ его и самъ успокоился. Ночь провелъ спокойно, молился, воздѣвалъ руки и часто повторялъ: „это все опредѣленіе Божіе“. Разъ о. Даниилъ спросилъ:

— Батюшка, для чего ты поднимашь руки?

Старецъ отвѣтилъ:

— Въ это время я воображаю, что предстою суду Божію.

Въ ночь предъ кончиной, въ 2 часа, призываетъ онъ насконо о. Даниила и говорить:

— Что мнѣ дѣлать? Я умираю... Кому мнѣ молиться?

Видимо, старецъ былъ въ искушеніи отъ духа унынія.

— Молись Божіей Матери, отвѣчалъ ему о. Даниилъ: Она, наша Заступница и въ часъ смертный скорая Помощница.

— Да какъ молиться-то?..

— Просто: призываи только Ея имя: „Матерь Божія, Матерь Божія, Матерь Божія!“

Потомъ старецъ былъ на какомъ-то невидимомъ истязаніи и преніи: онъ говорилъ вслухъ: „лжешь ты: простить! Знаю, что я грѣшенъ, но Сынъ Божій пролилъ кровь Свою Божественную за мои грѣхи“.

И опять скажетъ: „лжешь ты: простить!“

Какъ будто діаволъ приводилъ его въ отчаяніе. Это преніе продолжалось долго. Потомъ отецъ Исаакъ возымѣлъ какое-то дерзновеніе на діавола и, читая молитву

Да воскреснетъ Богъ, когда доходитъ до словъ: тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменующихъ крестнымъ знаменіемъ... силою во адѣ Сщедшаго и Поправшаго всю силу діавола... произносилъ эти слова съ такимъ дерзновеніемъ, что даже плеваль въ лѣвую сторону, какъ будто на самихъ бѣсовъ; потомъ ограждалъ крестнымъ знаменіемъ уста, глаза, уши, всего себя и даже стѣны кельи.

Утромъ 2-го февраля (1911 г.), въ послѣдній день своей жизни, въ 6 часовъ лежалъ съ простертymi руками минутъ 20 и дышалъ отрадно. По его желанію, о. Даниилъ подалъ ему три ложечки святой воды съ антидоромъ.

Во время поздней литургіи старецъ подозвалъ о. Даниила и говорить:

— Видиши: самъ князь тьмы со всѣмъ полчищемъ обступили меня, пасты разинули, готовы пожрать меня, но я ихъ не боюсь: Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій пострадалъ за меня, умеръ и воскресъ, и сидитъ одесную Отца.

И опять повторилъ свое любимое слово: „это все опредѣленіе Божіе“.

Послѣ сего языкъ у него притупился и нельзя было разобрать слова. Въ 3 часа дня попросилъ еще святой воды три ложечки. Въ 5 часовъ вечера о. Даниилъ подошелъ къ его постели, а онъ даетъ знакъ, что желаетъ причаститься св. Христовыхъ Таинъ. О. Нифонтъ, смотритель, онъ же и духовникъ, спасибо ему, сейчасъ же началъ приготавляться. Въ половинѣ 6-го причастили, хорошо проглотилъ и запилъ, и больше уже ничего не говорилъ.

Тутъ пришелъ и я, описавшій сю кончину іеромонахъ Порфирій. Случилось такъ: смынлся я отъ

гроба преподобнаго Сергія, пришелъ въ келью, и что-то понудило меня идти къ о. Исааку. Прихожу, а о. Даніїль и говоритъ мнѣ: „Самъ Богъ тебя прислалъ, смотри-ка, старецъ-то умираеть“.

Смотрю—лежить онъ недвижимо, тихо дышитъ, глаза хоть и открыты, но потемнѣли. Хотѣль было я прочитать отходную, но требника тутъ не нашлось, да и подумалъ: вѣроятно, уже читали ему не одинъ разъ. Взялъ я икону, которою нѣкогда благословилъ его намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній при его постриженіи и освѣнялъ ею умирающаго, а онъ сталъ дышать тише и рѣже, а потомъ и совсѣмъ пересталъ, отдавъ душу въ руки ангельскія и духъ свой Богу, отъ Него же и пріялъ его... Правый глазъ онъ самъ закрылъ, а лѣвый закрылъ ему я, на вѣчную мнѣ память...

Удивила насъ давная, святоотеческая кончина сего старца потому именно, что всѣ мы знали его жизнь, знали его слабую сторону, и вдругъ—кончина праведническая показала намъ, что подъ этой „чумицой“ крылась глубокая духовная мудрость, внутренняя молитва, крѣпкая вѣра и горячая любовь ко Господу. Въ послѣдніе дни жизни онъ могъ даже чистымъ умомъ богословствовать, созерцать тайну Пресвятой Троицы и постигать Божію премудрость въ дѣлахъ Божескихъ и человѣческихъ. Однажды остановился онъ вниманіемъ на словахъ Священнаго Писанія: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столпъ седмъ.* Послѣ глубокаго размышленія, онъ спросилъ меня:

— Ты понимаешь ли, что такое седмъ столпъ?

Я говорю: сѣмъ столпъ есть сѣмъ таинствъ церковныхъ и сѣмъ вселенскихъ соборовъ, которыми

стоитъ и утверждается православная вѣра.

Старецъ остался доволенъ отвѣтомъ, потомъ всплеснулъ руками и опять сказалъ:

— Премудрость созда Себѣ домъ и утверди столпъ седмъ!..

И эти слова произносили онъ въ какомъ-то самоуглубленіи и съ какою-то особленною любовью ко Господу. Видно было, что онъ понималъ всю сущность въ этихъ словахъ.

Спрашивалъ я иногда старцевъ общимъ вопросомъ: что бы это значило, какая святость открылась у о. Исаака передъ смертію? Нѣкоторые говорили, что покаяніе все можетъ сдѣлать, а о. Исаакъ, дѣйствительно, въ послѣдніе время, день и ночь находился въ покаяніи. Другіе говорили: стало быть, были у о. Исаака добрые задатки въ душѣ; вѣдь, онъ полагалъ начало въ Оптиної пустыни. Для спасенія всего нужно смиреніе. А онъ быть очень смиренъ сердцемъ.

Въ житіяхъ святыхъ читаемъ, какъ преподобный Агафонъ, подвизавшійся въ Египетскомъ скиту, предъ смертію своею три дня лежалъ съ открытыми глазами, предстои душою предъ судилищемъ Христовыемъ. Нѣчто подобное повторилось и съ нашимъ о. Исаакомъ. Иисусъ Христосъ вчера и днѣсь, Той же и во вѣки. Аминь.

Скончался старецъ въ Срѣтеніе Господне въ 7 часовъ вечера.

Воистину—*нынѣ отпущаши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!..*

Такъ кончается тетрадка.

Не правда ли: когда читаешь подобныя сказанія, то кажется будто переносишься въ иной міръ, во времена давно минувшія? А между тѣмъ—это самая современная дѣйствительность... О. Исаакъ скончался въ прошломъ 1911 году. Зна-

чить: еще не погасли искорки той таинственной жизни, какою жива была наша старая Русь. А если такъ, то нельзя терять надежды на

то, что и для современной Руси возможно спасеніе.

Вопросъ только въ томъ: въ чёмъ это спасеніе?

123.

Дѣло миссии—дѣло пастырей.

Мое обращеніе къ пастырямъ Вологодской епархіи.

(Вмѣсто резолюціи на журналѣ съѣзда духовенства).

Четыре мѣсяца лежалъ предо мною журналъ съѣзда духовенства о мѣрахъ борьбы съ сектантствомъ; не разъ я перечитывалъ его, и каждый разъ такъ мнѣ становилось грустно, что перо выпадало изъ рукъ и я отлагалъ резолюцію до завтра... Казалось бы, написать одно слово: „утверждается“ и конецъ. Но совѣсть архіерея говорила: это значитъ—только формально очистить бумагу и забыть живое дѣло. Мнѣ болѣло читать эти строки: „священники, при своихъ многосложныхъ обязанностяхъ не имѣя времени и обязанности отдавать себя миссионерской дѣятельности, какъ напримѣръ епархіальный и окружной миссионеры, должны имѣть при себѣ достаточно подготовленныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ“...

Вдуматься только: „священники не имѣютъ времени и возможности отдавать себя миссионерской дѣятельности“... Да развѣ идеть рѣчь объ обращеніи язычниковъ, къ ихъ стаду не принаадлежащихъ? Вѣдь, по духу Христова ученія пастыри должны и сихъ овецъ вводить во дворъ Христовъ, но рѣчь идеть объ овцахъ ихъ же стада, о бывшихъ ихъ же прихожанахъ, о борьбѣ съ расколомъ и сектами въ предѣлахъ ихъ же приходовъ! Волки врываются въ ихъ стадо, а пастыри говорятъ: „не имѣемъ времени и воз-

можности отдавать себя миссионерской дѣятельности“, то есть, не имѣемъ времени вступать въ борьбу съ этими волками, отбивать у нихъ похищенныхъ и похищаемыхъ ими словесныхъ овецъ нашего стада! Простите мнѣ, отцы и братія: въ моей совѣсти, при чтеніи сихъ строкъ, прозвучали слова Господа нашего Іисуса Христі: *а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть и нерадитъ о овцахъ...* Правда, вы еще не бѣжите съ приходовъ; но вы уклоняетесь отъ прямой обязанности вашей—не только оберегать овецъ отъ волковъ, не только съ ревностіс апостольскихъ преемниковъ обличать этихъ волковъ, но и душу свою полагать за овецъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы!* Слава Богу: мы живемъ не въ языческой странѣ: намъ, какъ служителямъ Христовымъ не грозить еще опасность для жизни, много—много, если иной отступникъ, отъ вѣры станетъ поносить нась или причинить какой-либо вредъ нашему имуществу. Но мнѣ думается, что и сего вы не боитесь: вы уклоняетесь отъ труда „самостоятельно изучить сектантство“ по рекомендованнымъ вамъ пособіямъ; вы боитесь непривычки вступать въ открытое состязаніе съ этими „волками“—сектантами; вы сознаете свою неподготовленность къ такимъ состязаніямъ; вамъ хотѣ-

лось бы—что грѣхъ таить?—какъ нибудь сложить тяготу борьбы съ сектами на другихъ—на миссионеровъ, на ихъ помощниковъ, впрочемъ такихъ же священниковъ, какъ вы—приходскихъ, которые такъ же (кромѣ двухъ епархиальныхъ) обременены „многосложными обязанностями“ и такъ же, если бы не ихъ добрая воля, могли бы, если бы, подобно вамъ, пожелали, сложить съ себя нелегкое бремя миссионерства. Нѣтъ, не такъ, отцы и братя! Священникъ и есть первый миссионеръ въ своемъ приходѣ; хочетъ ли онъ, или не хочетъ, но онъ долженъ—слышите? *обязанъ долгомъ*, самымъ служениемъ своимъ зорко слѣдить за появленiemъ въ средѣ его паствы всякой пропаганды раскола, сектантства, политического распутства, безбожія и всяческой духовной смуты. Пастырь Церкви долженъ помнить, что грѣхи мысли судятся строже, чѣмъ грѣхи воли: вотъ почему Церковь еретиковъ отъ себя отлучаетъ, отсѣкаетъ, какъ неисцѣльно больныхъ, какъ зараженныхъ духовно-смертоносною язвою, а простыхъ грѣшниковъ терпитъ, ожидая ихъ покаянія. Вотъ почему надо наипаче беречь чадъ Божіихъ отъ зараженія еретіями, особенно въ наше грѣшное время, когда дана свобода всякимъ еретіямъ открыто исповѣдывать свое упованіе, когда онѣ эту свободу поняли какъ свободу пропаганды своего лжеученія, а мірская власть еще не установила точно тѣхъ рамокъ, въ какихъ должна дѣйствовать свобода. Зло ересей, сектантства и раскола вреднѣе, душегубнѣе пьянства, распутства въ другихъ порокахъ воли, поработленной грѣху. Какъ ни странно это кажется, но вспомните слова Христя Спасителя фарисеямъ и книжникамъ, этимъ представите-

лямъ тогдашней гордой интеллигентціи, изобрѣтателямъ всѣхъ тонкостей талмудистическихъ ересей: аминь глаголю вамъ, яко мытари и прелюбодѣе варяютъ вы—впереди вастъ войдутъ въ царствіе Божіе! (Мо. 21, 31).

Согласенъ, что нужно имѣть священнику достаточно подготовленныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ въ дѣлѣ миссии. Одинъ въ полѣ не воинъ. И журналъ съѣзда намѣчаетъ такихъ помощниковъ въ лицѣ діаконовъ и даже псаломщиковъ и нѣкоторыхъ грамотныхъ религіозно-настроенныхъ прихожанъ. Казалось бы: вотъ и прекрасно; такъ возьмите же за дѣло, приготавляйте сами себѣ такихъ помощниковъ, работайте съ ними сами, вѣдь, и самимъ вамъ нужно основательно изучить это дѣло, вѣдь, вамъ же придется и руководить своими помощниками. Дружными усилиями сей Божіей дружины—Богъ дастъ—и будутъ разсвѣяны козни враговъ Церкви Божіей въ предѣлахъ вашихъ приходовъ. Но вы говорите: „сю подготовку, какъ спеціально-миссионерскую, такъ и общеобразовательную, эти помощники должны получать на особыхъ миссионерскихъ курсахъ“. Опять, какъ будто, все дѣло хотите вы сложить на плечи миссионеровъ, какъ будто сами-то вы такъ ужъ ничего и не можете сдѣлать. Но во-первыхъ: вѣдь, для этого пришлось бы, по меньшей мѣрѣ, въ каждомъ уѣздѣ устраивать такие курсы, а у насъ, вѣдь, только два миссионера на всю епархію; во-вторыхъ: на эти курсы нужны особыя средства, а у насъ ихъ нѣтъ, и съѣздѣ не озабочился изыскать ихъ; въ третьихъ: вы знаете лучше меня составъ нашихъ псаломщиковъ и много ли среди нихъ найдется способныхъ на это великое дѣло. Пока мы собираемся такимъ обра-

зомъ организовать миссію по приходамъ, врагъ свое дѣло будетъ дѣлать...

Опять говоритъ, что всякое благое начинаніе должно начинать тотчасъ же, какъ только пришла благая мысль. Не отлагай дѣла до завтра, если можешь хоть малую часть его сдѣлать сегодня. Богъ послалъ тебѣ добрую мысль: Онъ поможетъ тебѣ и исполнить ее. Только усердіе приложи, только свое произволеніе Ему покажи. Начало доброе—половина дѣла. Да оно такъ и должно быть: вѣдь, не мы дѣлаемъ добро, а Богъ въ насъ и чрезъ насъ. Развѣ мы отдали Ему свою волю, свое сердце, разъ Онъ началъ въ насъ и чрезъ насъ дѣйствовать—Онъ же и совершилъ начатое. Лишь бы мы не ослабѣвали въ усердіи. Держите постоянно въ мысли, въ сердцѣ, что мы—только работники Христовы, и не только работники, но и соработники—сотрудники Его: можетъ ли быть, чтобы Онъ оставилъ насъ безъ Своей благодатной помощи? И мы видимъ на опытѣ добрыхъ пастырей, какъ у нихъ все добре спѣется: и средства находятся, и сотрудники являются, и они имѣютъ утѣшени—и какое сладостное утѣшеніе,—видѣть плоды трудовъ своихъ ради Господа и славы Церкви Его святой! Смотрите на этихъ полуграмотныхъ сектантовъ—пропагандистовъ, этихъ новомодныхъ народныхъ непривзанныхъ учителей, вродѣ Чурикова,—къ нимъ идутъ тысячи простецовъ слушать якобы слово Божіе—ихъ бредни: ужели у васъ, большою частію, кончившихъ курсъ богословскихъ наукъ въ семинаріи, не найдется, что сказать жаждущей душѣ народной? Ужели такъ мудрено по готовымъ уже руководствамъ изучить лжемудрованія еретиковъ пашковцевъ, бап-

тистовъ, лжеевангеликовъ и прочихъ враговъ Церкви, гдѣ какіе появляются, чтобы отражать ихъ еретическія мудрованія и глумленія надъ святою Церковью? Журналъ съѣзда говоритъ: „то обстоятельство, что сектантскіе проповѣдники получаютъ самую тщательную подготовку въ заграничныхъ семинаріяхъ, университетахъ и прекрасное содержаніе и располагаютъ (въ по-длинникѣ: располагая) притомъ громадными средствами на организацію своей миссіи, налагаетъ и на православную миссію тѣ же задачи“. Не совсѣмъ ясно вложена мысль, но, конечно, отцы съѣзда хотѣли сказать, что у сектантовъ есть и подготовка, и громадные средства для борьбы съ Церковью, а у насъ ничего или почти ничего нѣтъ. Это правда, къ великому нашему сожалѣнію и стыду. Но грѣшно намъ забывать, что не съ ними, а съ нами Господь, что не у нихъ, а у насъ святая истина, что при помощи Господа, Который Самъ есть воплощенная Истина, истина нашего православія всемогуща и, если бы мы, ея немощные служители, отдали ей все наше сердце, если бы мы сами и въ личной нашей жизни всегда ходили во истинѣ, то наша истина была бы и всепобѣждающа, и предъ нею давно склонились бы многіе враги ея, болѣе или менѣе искренно заблуждающіеся. Помните дивное, ободряющее немощь нашу слово Христово: *сила Моя въ немощи совершается*. Носите въ себѣ сердцѣ крѣпкую вѣру, что въ жизни каждого православнаго вѣрующаго сына Церкви, а тѣмъ паче въ жизни пастыря Церкви, іерея Божія, облеченаго на свое служеніе особою благодатю рукоположенія апостольскаго, руководителемъ нашей жизнедѣятельности является Самъ Глава Церкви—Господь нашъ

Иисусъ Христосъ. И если мы всецѣло, съ смиренною молитвою само-преданія въ волю Его, ищемъ вни-мателно познанія сей святой воли Его, то Онъ и будетъ уже Самъ творить волю Свою въ насть: Онъ и обстоятельства будетъ благопріятно располагать для дѣла Своего, Онъ и сотрудниковъ — иногда для насть самихъ неожиданно пошлетъ, и пута укажетъ и подскажетъ... Надо же больше вѣрить Христову о насть промышенію, чѣмъ своему собственному смыщенію. Скажете: какъ стяжать такую крѣпкую вѣ-ру? — Молитесь съ Апостоломъ Пет-ромъ: Господи! приложи намъ вѣру! Вѣра стяжавается исполненіемъ заповѣдей Господнихъ, понужденіемъ себя къ сему подвигу добруму, въ смиренномъ сознаніи своей немощи. Богъ увидить ништу нашу духов-ную и скажится надъ нами. Жа-луйтесь Ему на самихъ себя, бѣ-гите отъ самооправданія, будьте къ себѣ безпощадны, и тогда Богъ по-щадить васъ. У Него — кто себя больше обвиняетъ, тотъ и болѣе достоинъ оправданія предъ судомъ Его нелѣцепріятнымъ.

Въ страшное время живемъ мы, от-цы и братія! Тучи гнѣва Божія висятъ надъ нами. Прошло то время, когда еще можно было, еще терпимо было быть паstryемъ — требонисправите-

лемъ: нынѣ долгъ властно требуетъ отъ насть — быть и миссионеромъ, и подвижникомъ въ личной жизни, и неумолчнымъ проповѣдникомъ истины Божіей во спасеніе душъ че-ловѣческихъ. Кто можетъ — грѣхъ ему молчать! Кто не умѣеть — учишь благовѣстовать! Горе намъ — не-благовѣствующимъ! Горе, если хоть едину овцу похитить волкъ изъ нашей паstry, Богомъ намъ вру-ченной!.. А сколько уже такихъ овецъ погибло на Руси отъ недостатка ревности въ паstryяхъ! И взыщеть ихъ Господь отъ рукъ такихъ нерадивыхъ паstryей.

Я не отрицаю пользы курсовъ миссионерскихъ, я желаю только, чтобы паstryи прониклись убѣждѣ-ніемъ, что одни курсы безъ рев-ностнаго участія самихъ паstryей въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ и расколомъ, будуть почти безно-лезны, а ревностная дѣятельность самого паstryя и безъ курсовъ можетъ сдѣлать многое, при помо-щи благодати Христовой, облека-ющей паstryя силою и духомъ рев-ности апостольской, которую, яко даръ Божій, намъ заповѣдано не-престанно возгрѣвать. Душою при-ходской миссіи долженъ быть не-премѣнно паstry, яко преемникъ апостольского служенія и носитель Божіей всепобѣждающей благодати.

124.

ГНѢВЪ КИСЕЛЕВСКАГО ОРГАНА.

Въ то время, какъ открытые вра-ги Церкви Божіей, іудеи и ихъ призлужники, наши безбожники всѣхъ ранговъ, въ своихъ печат-ныхъ органахъ открыто издаваються надъ нами, служителями Церкви, всячески стараясь подорвать въ днѣ нашемъ авторитетъ самой

Церкви, — другіе, болѣе опасные со-враги ея, закутываясь въ тогу ея ть, ревнителей и благочестія блюсти-телей, дѣлаютъ то же самое въ сво-ихъ органахъ, выставляющихъ на своеь знамени православіе. Я уже говорилъ въ своихъ дневникахъ о „Грозѣ“, открытомъ органѣ „іоан-

никовъ", нынѣ разжалованныхъ въ „хлыстовъ киселевскаго толка“. Теперь приходится говорить о другомъ ихъ органѣ, о коемъ лишь вскользь я упомянулъ въ своей замѣткѣ „Нашимъ читателямъ“ въ № 113 „Тр. Слова“. Это— „Свѣтъ истины“, издаваемый нѣкимъ И. Алексѣевымъ. Я счѣль долгомъ предостеречь своихъ читателей отъ подписки на это изданіе, какъ явно сектантское. Моя замѣтка вызвала столь неприличную, можно сказать прямо — площадную брань, что я вынужденъ быть въ „Колоколѣ“ напечатать слѣдующее „открытое письмо г. Алексѣеву, издателю этого якобы „Свѣта истины“.

Милостивый государь, Илья Алексѣевичъ!

Въ №№ 16—17 издаваемаго вами „Свѣта истины“ вы напечатали открытое мнѣ письмо, вызванное мою замѣткою въ „Троицкомъ Словѣ“ о вашемъ изданіи. Очевидно, эта замѣтка нарушила ваше „наслажденіе духовнымъ самочувствіемъ“, которое вы переживали послѣ причащенія св. Таинъ Христовыхъ, но которое, по законамъ духовной жизни, должно бы помочь вамъ болѣѣ благодушно перенести то искушеніе, какое явилось при чтеніи моей замѣтки. Однакоже, сего не случилось и вы написали, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Какой-то негодяй, подписавшись вашимъ архипастырскимъ именемъ, осмѣлился назвать мое возлюбленное дѣтище „Свѣтъ истины“ сектантскимъ журналомъ, якобы издаваемымъ „киселевцами“, прилагавшими къ нему (и паки реку „якобы“) специальный органъ „іоаннитовъ“— „Кронштадтскій Маякъ“, а меня, единоличнаго редактора-издателя „Свѣта истины“—сектантомъ, еретикомъ и даже безбожникомъ“.

„О песь, безмысленно лающій!

Знай, что отецъ твой—діаволъ, ибо ты—лжесцъ, иль, можетъ быть, ты сатана, преобразившійся въ ангела свѣтла... Я тебя, все равно, не боюсь, но Богомъ живымъ заклинаю, отвѣтствуй—кто ты?“...

Хотя вы и заявляете, что не боитесь подписавшагося подъ замѣткой, однако въ вашихъ строкахъ слышится тревога: какъ бы православные не услышали голосъ пастыря Церкви и не отвернулись отъ васъ; вамъ очень бы хотѣлось, чтобы я отрекся отъ своей замѣтки; но напрасно вы, подражая Каифѣ, прибѣгааете къ заклинанію именемъ Бога живаго и тѣмъ нарушаете великую заповѣдь Божію: *не приемли имени Господа Бога твоего всуе.* Вы прекрасно знаете, кто писалъ замѣтку; вы измышляете „негодяя“ лишь для того, чтобы *безнаказанно* назвать этимъ и другими неподобными ругательными словами православнаго епископа; на вашъ грозный, но въ сущности трусливый вопросъ: „кто ты?“ ясно отвѣтаетъ моя подпись подъ замѣткой: это— я, *Ніконъ, Божию милостію, епіскопъ Вологодскій и Тотемскій*, и не кто другой, и всѣ ругательные эпитеты, разсыпанные вами въ открытомъ письмѣ—это послѣ причащенія то св. Таинъ!—относятся никакъ къ кому иному, какъ ко мнѣ, подписавшему замѣтку, ко мнѣ, аще и недостойному, но все же *епіскопу Православной Церкви*. Ваши эпитеты такого свойства, что имъ не подобало бы исходить изъ устъ и изъ сердца православнаго христіанина, притомъ—только-что пріявшаго св. Таины. Вы даже и прямо клевещете на меня своимъ читателямъ, будто я допускаю въ своей замѣткѣ „площадную брань“: укажите въ чёмъ вы изволили ее усмотрѣть? Не обрѣтается ли она въ вашемъ „открытомъ письмѣ“

какъ это видно изъ приведенной выше выписки изъ него? Ни еретикомъ, ни безбожникомъ я васъ лично не называлъ:вольно же было вамъ принимать на свой счетъ мои слова: „не входимъ на сей разъ въ сужденіе: на что и кому понадобилось разрѣшать всякому сектанту, всякому еретику и даже безбожнику печатать все, что онъ захочетъ, и духовно развращать въ простотѣ вѣрующихъ“. Вѣдь, вы считаете себя православными: зачѣмъ же принимаете эти слова на свой счетъ? Я имѣлъ въ виду явно еретическую „Виѳезду“ и другія изданія, а вы въ моихъ словахъ узнали себя, забывъ, что въ одномъ Петербургѣ издается одиннадцать журналовъ еретиками, а сколько скрытыми безбожниками—и не сочтешь. Правда, я называлъ и называю вашъ журналъ сектантскимъ, ибо вы защищаете хлыстовъ киселевскаго толка, и знайте, что нашъ пастырскій долгъ властно повелѣваетъ намъ, архипастырямъ, предупреждать православныхъ отъ выписки сомнительныхъ въ смыслѣ православія изданій, — слышите, долгъ, а не какая то конкуренція: гдѣ ужъ намъ „конкурировать“ съ киселевцами, у коихъ имѣется до 5000 бесплатныхъ книгоношъ, несчастныхъ людей, ослѣпленныхъ руководителями секты и работающіхъ съ ревностю, достойною лучшаго дѣла! Ваше изданіе принадлежитъ къ числу такихъ сомнительныхъ, ибо С. Синодъ не призналъ возможнымъ удовлетворить ваше прошеніе о снятіи его неодобренія съ „Кр. Маяка“, приложенного вами къ своему „Свѣту истины“. И я не перестану исполнять мой долгъ, какъ бы вы меня ни величали: „негодялемъ“, „лающимъ

псомъ“, „діаволомъ“, „сатаною“ и под. Пусть православные знаютъ, что подъ заголовкомъ „Свѣту истины“, на ряду съ выписками изъ св. отцевъ и писаній о. Иоанна Кронштадтскаго, распространяется *мракъ лжи* и клеветы на православныхъ архипастырей и возвеличеніе угодныхъ киселевцамъ лицъ вымыслами, оскорбляющими память о. Иоанна.

Весьма сомнѣваюсь, чтобы „многіе“ святители поддерживали вашъ журналъ не только нравственно, но и материально, — это клевета на святителей, чтобы ввести въ заблужденіе читателей лже-„Свѣта“ вашего: въ началѣ изданія могло случиться, что кто-либо изъ нась, архіереевъ, обманутый названіемъ журнала, выписалъ его на свое имя. Вѣдь, и моя редакція имѣла неосторожность по сей же причинѣ дать мѣсто вашему объявленію. Посему напрасно и пытается вы опереться на авторитетъ святителей: они васъ не поддержатъ.

А вотъ, въ заключеніе, я позволю себѣ предложить вамъ — конечно, безъ заклинанія именемъ Божіимъ — одинъ только вопросъ: если вы ничего общаго не имѣете съ хлыстами киселевскаго толка, то пріемлете ли съ сыновнею покорностю распоряженіе Высшей Церковной Власти о томъ, чтобы не совершались никакія моленія на могилѣ Матроны Киселевой, которую упомянутые хлысты называютъ „Порфирией“, великой праведницей и даже „богородицей“? За кого вы почитаете эту женщину, ставшую предметомъ культа для хлыстовъ, по ея имени называемыхъ нынѣ? Всякій уклончивый отвѣтъ съ вашей стороны будетъ мною принятъ за признакъ, что вы — киселевецъ.

125.

Отклики на выходку г. Алексеева.

Почтенная редакция „Колокола“ не удовольствовалась помещением моего письма: возмущенная выходкой Алексеева, она горячо высказалась и съ своей стороны.

„Помните-ли, какъ мучители преклоняя колъна предъ Божественнымъ Страдальцемъ, говорили: „Радуйся, Царь Іудейскій“, и при этомъ били Его, заушали и плевали Лице Его.

И нынѣ такъ-же поступаютъ дѣти: заушая и заплевывая Христа и Его Церковь Святую, они съ той же злобою насмѣшкой восклицаютъ: „Радуйся, Царь Іудейскій“...

И сугубо ненавидятъ строителей Тайны Божиихъ—святителей Церкви, ибо они есть стражи Церкви, хранители истины и носители священной хиротоніи, низводящей на совершаемыхъ ими таинства благодать Св. Духа, дающую оживляющую и спасающую силу.

И вотъ, развернувъ юанитскій органъ „Свѣтъ Истины“, мы видимъ... видимъ, какъ у насъ, у насъ, на Святой Руси, заушаютъ, заплевываютъ хиротонисанного, имущаго апостольское преемство святителя нашей православной святой Христовой Церкви, восплютъ и при семъ „радуйся!“

Вы не повѣрите, православные русские люди? Не повѣрите, но увы, это истина, это печальная, позорная для насъ истина. Мы не можемъ, мы не смѣемъ замолчать, утаить отъ той православной Руси, которая чутко прислушивается къ звону нашего „Колокола“, какимъ оскорблениемъ, какимъ поношениемъ, оплеваніемъ подвергаются тѣ святители православной Церкви, которые, „право права слово истины“, стоятъ на недреманной стражѣ своей паства.

Итакъ, слушайте.

Далѣе „Колоколъ“ приводить выдержки изъ открытаго письма комѣ Алексеева и очень характерное, въ фарисейскомъ духѣ, заключеніе этого письма:

„Преосвященнѣйший владыко! Какъ редакторъ-издатель журнала „Свѣтъ Истины“, на обязанности котораго ле-

жить нравственный долгъ проповѣданія великихъ Христовыхъ истинъ въ духѣ матери нашей, св. православной каѳолической Церкви, непрестанно призывающей всѣхъ насъ къ всепрощающей любви, братству и единенію, я вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ истинный глубоко-вѣрующій христіанинъ, всѣ, нанесенные мнѣ злостныя обиды и клеветы, происшедшия изъ-за очевидной конкуренціи, прощаю вамъ, съ любовью во Христѣ, прощаю вамъ, допустившему на страницахъ вашего „Троицкаго Слова“ площадную брань.

Итакъ, уступая вашей общечеловѣческой слабости, свойственной, какъ земнородному, я все же почитаю вашъ святительскій сантъ и прошу вашихъ святыхъ молитвъ и благословенія.

О, Боже, восклицаетъ газета: гнусный защитникъ юанитства, хиротонисанного святителя, совершиителя Тайны Божиихъ называетъ „сатаной“, „негодаемъ“, „псомъ“, и, оплевывая и заушая глумится: „прошу вамъ съ любовью во Христѣ, прошу допустившему площадную брань“... „Владыка святый, прошу вашего святительского благословенія и молитвъ“.

Развѣ это не то же сатанинское глумлѣніе, которое заставляло мучители Христы, бія Его тростю, восклицать: „радуйся, Царь Іудейскій“?

Но какъ горько, какъ позорно, что не въ языческой Японіи, не въ мусульманской Турці, а у насъ,—у насъ, въ православной Россіи позорятся, и заушаются, и предаются на глумлѣніе архипастыри Церкви Христовой. Нужели уже отъять „мечъ удерживающаго“ и враги Христа получили возможность безбоязенно и безпрепятственно отрыгать всю гнусную злобу сердца своего?

Въ другой статьѣ „Колоколъ“ пишетъ:

„Вожаки хлыстовства притворяются вѣрющими христіанами и даже ревнителями православія, но стоятъ обличить ихъ, какъ маска лицемѣра спадаетъ, и адскимъ клубкомъ вырывается злоба и освѣщаетъ всю глубину злобы змѣиной души, хотя стремление лице-мѣрить не оставляетъ и здѣсь...

Съ хитростью ехидны хлысты, видя великое уважение народа къ кронштадтскому великому молитвеннику, задумали и это чистое народное чувство, и эту любовь къ пастырю обратить въ оружие противъ Церкви Христовой, и хотя самъ почившій пастырь неоднократно публично обличалъ и налагалъ проклятие на совращающихъ его именемъ народъ, хлысты не оставляли своего дѣла, ибо они именно есть хлысты, и облыжно принали на себя имя почитателей о. Иоанна, чтобы сдѣлать "это читомое имя примакой въ хлыстовскую западню".

И вотъ вырастаетъ т. н. "юаннитство", которое, подъ личину преданности православію, стремится оторвать отъ него вѣрующія души.

Это дѣлается такъ: подъ видомъ ревности о вѣрѣ православнымъ людямъ внушается сначала недовѣріе, а затѣмъ вражда къ пастырямъ Церкви, а затѣмъ, когда цѣль эта достигнута, юаннитскіе лжеучители становятся полными распорядителями воли и мысли сорванныхъ, и они слѣпо идутъ туда, куда первые ихъ ведутъ, и слѣпо дѣлаютъ то, что ихъ заставляютъ дѣлать.

Обирая довѣрившихся имъ людей, юаннитство собираетъ громадныя средства и потому имѣть возможность дѣйствовать не только посредствомъ устной пропаганды, но и печатной, заполучивъ къ своимъ услугамъ и сочинителей отдельныхъ брошюрокъ, посвятившихъ себя на службу юаннитамъ, и периодическая изданія, задача которыхъ, съ одной стороны, восхваленіе юаннитовъ, а съ другой, клевета и поносная брань на всѣхъ вступающихъ въ борьбу съ распространителями хлыстовской ереси въ формѣ "юаннитства".

Наиболѣе характерный образчикъ, обрисовывающій вождей и апологетовъ юаннитства, представлять приведенное "открытое письмо" редактора-издателя „Свѣта Истины" Алексѣева къ епископу Никону Вологодскому.

Преосвященный Нікоѳъ подъ овѣчью шкурою узрѣлъ грядущихъ волковъ на расхищеніе его пастыри и, какъ истинный пастырь добрый, желомъ архипастыря оградилъ свою пастырь, обличивъ, кто скрываеся подъ манимъ одѣждою читателей о. Иоанна.

Это возбудило къ нему страшную злобу, силу которой можно измѣрить по содержанию письма.

Извергая хульную брань на епископа, гнусно клевеща на него, будто его обличенія вызываются даже корыстными цѣлями, ради устранинія конкуренціи издаваемаго Алексѣевымъ журнала „Троицкому Слову", Алексѣевъ подчеркиваетъ, что онъ "православный христіанинъ".

Что же дѣлаетъ этотъ "православный христіанинъ"?

Извѣстно православное ученіе о значеніи епископа въ Церкви.

— Церковь въ епископѣ и епископъ въ Церкви,—такъ говоритъ св. Киприанъ Карагенскій.

Св. Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ трапезцамъ пишетъ:

"Будьте покорны епископу, какъ заповѣди Божіей, равно и пресвитеру" (стр. 401).

Въ посланіи къ филадельфійцамъ св. Игнатій пишетъ: "Которые суть Божіи и Иисусъ Христовы, тѣ съ епископомъ" (стр. 411). "Я не зналъ о томъ отъ плоти человѣческой, а Духъ возвѣстилъ мнѣ, говорю такъ: безъ епископа ничего не дѣлайте" (стр. 414). Въ посланіи къ смирянамъ св. Игнатій пишетъ: "Всѣ послѣдуйте епископу, какъ Иисусъ Христосъ Отцу, а пресвитерству, какъ апостоламъ. Діаконовъ же почитайте, какъ заповѣдь Божію. Безъ епископа никто не дѣлай ничего, относящагося до Церкви".

А "православный христіанинъ" Алексѣевъ говоритъ епископу, о которомъ Игнатій Богоносецъ пишетъ: "будьте покорны ему, какъ заповѣди Божіей";—"сатана, негодай, песь". Правда, онъ употребляетъ хитрость, прибавляя: "какой-то негодай, подписанавшись вѣшимъ архипастырскимъ именемъ"... и употребляетъ ругательства, какъ бы, по адресу этого неизвѣстнаго. Какая никакая, и глупая вмѣсть съ тѣмъ, хитрость! Кто же можетъ подпісаться ложно именемъ епископа Нікона въ журнале, редактируемъ самимъ епископомъ Нікономъ? Конечно, никакого сомнѣнія у Алексѣева, что онъ осыпаетъ отвратительную бранью именно святителя быть не могло, но и тутъ онъ думаетъ извернуться, обмануть. Вотъ онъ весь юаннитъ съ его нравственной сущью—въ этой уловкѣ.

Но, впрочемъ, есть въ этомъ письмѣ и другое характерное мѣсто. Свидѣтельствуясь, что онъ именно "православный христіанинъ" и что издаваемый имъ „Кронштадтскій Маякъ" есть православный журналъ, Алексѣевъ

приводить къ тому слѣдующія доказательства: „Кронштадтскій Маякъ“ — говорить онъ — ничего общаго ни съ какими сектами и ересями не имѣеть, что было засвидѣтельствовано даже свѣтской столичной печатью; свидѣтельствуется и понятъ моими читателями, крайне возмущенными тяготѣющимъ на „Кронштадтскомъ Маякѣ“ осужденіемъ Святѣшаго Синода, злоумышленно обманутаго врагами православія.

Въ 1910 и 1911 году „Кронштадтскій Маякъ“ редактировался мною подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ истинно — православнаго и глубоко — вѣрующаго апостола русской печати — редактора „Вѣдомостей Спб. Градоначальства“

Михаила Григорьевича Кривошлыка, которому, въ моментъ св. причащенія, великий праведникъ, о. Иоаннъ Кронштадтскій, богохоновано въ Царскихъ вратахъ предъ всѣмъ народомъ, пророчески открылъ: „Ты печатью воз величишь Россію!“

Вотъ лучшій отвѣтъ о направленіи журнала „Кронштадтскій Маякъ“ такъ какъ, если не повѣрить этимъ словамъ всемирно читамаго свѣтильника православія, котораго самъ Помазанникъ Божій назвалъ праведникомъ, то значить перестать вѣрить Господу нашему Іисусу Христу, ибо это было засвидѣтельствовано предъ св. Чашею съ пречистымъ Тѣломъ и Кровью Его“.

Итакъ, „свѣтская печать“ (ужъ не „Биржевка“ ли?) и невѣдомые читатели „Кронштадтскаго Маяка“ болѣе компетентные судьи въ вопросахъ догматовъ христіанской Церкви, чѣмъ Св. Синодъ. Таковъ первый тезисъ „православія“ г-на Алексѣева.

2-й тезисъ: „Кронштадтскій Маякъ“ редактировался подъ руководствомъ редактора „Вѣдомостей С-Пет. Градоначальства“ Кривошлыка, а онъ г. Кривошлыкъ, по авторитетному заявлению самого г-на Алексѣева, имѣеть нѣчто, вродѣ божественнаго посланничества, такъ какъ ему о. Иоанномъ въ торжественной обстановкѣ, при раскрытыхъ Царскихъ вратахъ и предъ св. чашей изречено, что онъ, — г-нъ Кривошлыкъ, „возвеличить Россію“.

Какъ скроменъ г. Алексѣевъ, что уступилъ миссію возвеличения Россіи г. Кривошлыку, а самъ удовольствовался второстепенной ролью! Но какъ бы то ни было, а не повѣрить въ апостольское посланничество г. Криво-

шлыка, значить, по заявлению г. Алексѣева, не повѣрить Самому Христу. Вотъ какое откровеніе изложилъ намъ „православный“ редакторъ „Свѣта Истины“. Но, почтеннѣйший „православный христіанинъ“, вѣдь, вы изложили типичное хлыстовское ученіе: вѣдь оно въ томъ и состоитъ, что тотъ или другой изъ общества хлыстовъ объявляется имѣющимъ благодать апостольства или пророчества, или даже воплощеннымъ „христомъ“, и затѣмъ уже всякое слово, всякое ученіе, исходящее отъ сего „апостола“, „пророка“, тѣмъ паче „христа“, становится непрекаемой истиной, хотя бы оно отвергало совершенно православное ученіе, исповѣдуемое христіанской Церковью.

Мы не знаемъ, какъ самъ г. Кривошлыкъ относится къ этому возведенію себя въ чинъ апостольскій, но „православіе“ редактора „Свѣта Истины“ уже достаточно опредѣляется этой, приведеною нами цитатой изъ „Свѣта Истины“.

„Московскія Вѣдомости“ также глубоко возмущены выходкой г. Алексѣева. Въ передовой статьѣ № 117-го, подъ заглавіемъ: „Неслыханное безобразіе“, онѣ говорятъ:

„Казалось бы, въ нашей современности, освобожденной отъ всякаго стыда предъ людьми и страха предъ Господомъ, нѣть уже безобразій еще не сдѣланныхъ и неслыханныхъ. И однако, нашелся нѣкто Алексѣевъ, превзошедший все доселѣ въ этой области содѣянное. Вотъ что сообщаетъ Колоколъ (№ 1.831).

Приведя по „Колоколу“ выдержки изъ письма Алексѣева, газета продолжаетъ:

„Далѣе слѣдуютъ увѣренія въ своеѣ якобы православіи, о которомъ, какъ видно изъ его поступка, Алексѣевъ не имѣеть и понятія. Дѣло, однако, не въ томъ, а въ фактѣ совершенаго Алексѣевымъ нестерпимаго надругательства надъ епископомъ Русской Церкви.

Глупая увертка, будто бы онъ полагаетъ, что въ журнале преосвященнаго Никона кто-то другой, а не самъ владыка, подписался его именемъ — разумѣется, составляетъ лишь способъ усугубить оскорблѣніе.

Итакъ, у насъ епископа теперь мож-

но печатно и публично называть „негодяемъ“. Епископу можно говорить: „о, песь, безмысленно лающій“ и т. д. И для такого хитровского безобразія нѣтъ у насть кары, для епископа—нѣтъ у насть защиты. Въ какой же кабакъ превращаетъ себя Россія, какой Содомъ съ Гоморрой намѣревается она затмить?

Можно ли, однако, это допустить? Если совѣсть и чувство уваженія къ святынѣ еще существуютъ у насть, то мы заявляемъ, что Алексѣевъ, редакторъ *Свѣта Истинѣ*, долженъ понести за свою дерзость примѣрное наказаніе, и на будущее время долженъ быть лишенъ возможности развралцать и охулиганивать Россію.

Пусть не говорять, что прямой текстъ нашихъ уголовныхъ наказаній для оскорбителей не даетъ мѣста государственному преслѣдованію. Пусть не говорять, что преосвященный Ніконъ имѣть вѣзможность преслѣдовать своего оскорбителя только въ порядкѣ частнаго обвиненія. Разумѣется, преосвященный этого не сдѣлаетъ. Да и незачѣмъ ему это дѣлать. Онъ получитъ благодать отъ мученически Распятаго Господа, не менѣе его оплѣвываемаго и заушенаго. Позоръ оскорблений падаѣтъ на насть, на всю ту часть Россіи, которая еще не превратилась въ стадо хулигановъ, и на власть, имѣвшую обязанность охранять святыню отъ поруганія.

А власть, даже при явной неполнотѣ существующихъ законовъ, имѣть возможность защитить епископа и наказать безстыдныхъ ругателей.

Мы полагаемъ, что только по недостатку precedentовъ прокуратура не возбуждаетъ обвиненій въ этихъ случаѣахъ безъ всякой частной жалобы. Судъ не долженъ руководиться только буквой закона, а обязанъ принимать во вниманіе и самый духъ его. Вся же вторая глава дѣйствующаго Уголовнаго Уложенія преслѣдуетъ разныя формы оскорблений святыни, при чѣмъ, даже за оскорблѣніе материальныхъ предметовъ почитанія—при совершенніи преступленія въ произведеніи печати, виновный наказуется *ссылкою на поселеніе*. Но развѣ же санъ епископа не составляетъ самъ по себѣ святыни, не составляетъ предмета почитанія? Можно ли оправдать бездѣйствіе власти только потому, что „украшенія на иконахъ“ упомянуты въ буквахъ закона, а „санъ“ епископа не отмѣченъ?

Украшенія на иконахъ нельзя безнаказанно похулиить и оскорбить, а епископа можно? Дозволительно ли такимъ способомъ понимать духъ закона объ „огражденіи вѣры“?

Мы утверждаемъ, что прокуратура имѣть полную возможность привлечь Алексѣева къ суду и въ случаѣ надобности довести дѣло до Правительствующаго Сената, котораго разъясненіе положить, наконецъ, предѣль безнаказанному надругательству надъ епископами.

Но если прокуратура бездѣйствуетъ, почитая себя не въ правѣ охранять священный санъ, то отчего же бездѣйствуетъ власть административная, снабженная въ Петербургѣ почти безграничными полномочіями? Почему оскорблѣніе частнаго пристава не пройдетъ никому безнаказанно, а оскорблѣніе епископа—можетъ происходить невоизбранно? Мы не сторонники административныхъ расправъ, но если неясность и неполнота закона не даетъ способовъ преслѣдованія судебнѣмъ порядкомъ, то государство должно какими бы то ни было способами, въ его распоряженіи находящимися, не допустить преступленія, совершенное ясно опирающаго духъ закона, который объявляетъ оскорблѣніе святыни дѣяніемъ преступнымъ.

Мы, къ несчастью, не можемъ ничѣмъ защитить преосвященнаго Нікона, кроме выраженія негодования по поводу грубаго оскорблѣнія, жертвою котораго сталъ онъ. Но мы, отъ имени, конечно, очень и очень многихъ, требуемъ отъ власти, охраняющей судьбы нашего государства, принятія мѣръ противъ Алексѣева. Если у насть такія преступленія противъ святыни будутъ происходить безнаказанно, то остается только ждать грозной кары Божией для развращенной страны, до такой степени отрекающейся отъ уваженія къ святынѣ.

Мнѣ нѣть нужды прибавлять, что, конечно, въ судѣ я не пойду, жаловаться на г. Алексѣева не стану. Бываютъ времена, о коихъ приходится говорить: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше. Чѣмъ больше сектанты будутъ бранить насть, тѣмъ скорѣе спадетъ съ нихъ сама собою маска лицемѣрія, тѣмъ виднѣе будетъ во всей непріглядности ихъ духовный

обликъ, тѣмъ скорѣе отъ нихъ отшатнусь ослѣпляемые ими несчастные... Да и мы, откровенно говоря, мы, пастыри Церкви, скорѣе проснемся отъ своего усыпленія, увидимъ надвигающуюся на Церковь Божію темную силу вражію. Наконецъ и власть наша — авось, наконецъ, увидитъ великую опасность для покинутаго ею — въ отношении духовной жизни — народа и приметъ свои мѣры. Горько слово сіе о власти имущихъ, но дѣло показываетъ, что въ немъ много горькой правды. Жаль народъ православный!..

Лишь бы Господь потерпѣлъ еще и еще грѣхамъ нашимъ. Лишь бы не грянулъ на насть тотъ громъ небесный, о коемъ говорять „Московскія Вѣдомости“...

Этотъ дневникъ былъ уже набранъ, когда получена слѣдующая телеграмма: „ХАБАРОВСКЪ. Ознакомившись по „Колоколу“ съ безпрѣмѣнодерзкимъ выступленіемъ редактора журнала „Свѣть Истины“, столь тяжко оскорбившимъ ваше преосвященство, ревностнѣйшаго стража православія, мы, участники первыхъ на Дальнемъ Востокѣ миссионерскихъ курсовъ, священники и церковнослужители, въ числѣ

120 человѣкъ, двухъ сосѣднихъ епархій, Владивостокской и Благовѣщенской, вмѣстѣ съ своими руководителями, протоіереемъ Ioannomъ Восторговымъ и другими, съ благословеніемъ и при добромъ сочувствіи присутствующаго на курсахъ высокопреосвященнѣйшаго Владивостокскаго Евсевія, выражаемъ и шлемъ свои искреннія благопожеланія вамъ, владыко, возсыпая усердную молитву ко Господу, да даруетъ Онъ вамъ крѣпость и впредь ревностно стоять за родное православіе и терпѣливо сносить незаслуженные оскорблѣнія со стороны враговъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ васъ, владыко, помолиться о насть и привезти на наши труды Божіе благословеніе.

Протоіерей Восторгъ.

Слушатели курсовъ.

Я немало получилъ писемъ отъ лицъ разнаго общественнаго положенія и званія, выражавшихъ мнѣ сочувствіе по поводу выходки г. Алексѣева. Приношу всѣмъ мою благодарность и прошу: предупреждать своихъ друзей и знакомыхъ отъ выписки киселевскихъ изданій, каковы: „Свѣть Истины“, „Гроза“ и подобныя. Они способны вливать тонкій ядъ вражды противъ Церкви и ея служителей незамѣтно, подъ видомъ ревности о той же Церкви и православіи...

126.

Долго ждалъ я воли Божіей о себѣ... Постоянныя болѣзни не давали мнѣ возможности служить моей епархіи такъ, какъ требовала того моя совѣсть, но я не рѣшился упорно настаивать и на моемъ увольненіи. Наконецъ, С. Синодъ благосклонно внялъ моей просьбѣ, и въ 29 день мая Государю Императору было благоугодно утвердить его докладъ о назначеніи меня постояннымъ членомъ С. Синода съ освобожденіемъ отъ управлѣнія епархіей. Не безъ смущенія приемлю

столь высокое назначеніе, относя всецѣло это вниманіе высшей Власти къ тому святому дѣлу, коему я послужилъ, при помощи Божіей, въ теченіе 33-хъ лѣтъ — служенію Церкви Божіей путемъ печатныхъ моихъ трудовъ. Слава Богу за все! Если Господу угодно, чтобы я чѣмъ-либо послужилъ еще святой Церкви Его, то уже буду служить только словомъ печатнымъ. А съ своею Вологдою я уже прощаюсь, и вотъ мое послѣднее слово, обращенное къ бывшей паствѣ моей, слово прощальное...

Мое прощальное посланіе къ Вологодской паству.

БОЖІЕЮ МІЛОСТІЮ,

смиренный Епископъ Ніконъ—
влюбленнымъ о Господѣ чадамъ
Церкви Вологодской миръ и Божіе
благословеніе!

Шесть лѣтъ прошло, какъ я, мно-
гогонемощный, волею Божіей былъ при-
званъ служить спасенію вашему въ
санѣ архіерея. Слава Богу, помо-
гавшему мнѣ въ великомъ служеніи
семь, посылавшему мнѣ добрыхъ
сотрудниковъ, подерѣцлявшему слабыя
силы и вразумлявшему ме-
ня въ трудныхъ обстоятельствахъ
моего служенія! Но въ усилившихся
въ послѣднее время немощахъ моихъ
вижу волю Божію, указующую мнѣ
иной путь служенія св. Церкви Бо-
жіей. Епархіальная служба стала
мнѣ не по силамъ. Пусть займетъ
мое място болѣе меня сильный и
дукомъ и тѣломъ, и разумомъ и
опытомъ духовной жизни. По-чело-
вѣчески говоря—скорблю, что раз-
стаюсь съ паствою, которую полю-
биль отъ души: немнога на Руси
еще такихъ уголковъ, какъ епархія
Вологодская, въ коихъ еще живо
ощущается вѣяніе старой Руси, еще
умѣютъ люди православные жить
по-православному, строить и укра-
шать храмы Божіи и хранить за-
вѣты отеческіе. Но нынѣ время тре-
вожное, время, когда мы, пастыры,
должны бодро и неустанно стоять
на стражѣ: всюду рыщутъ волки
хищные, еретики и раскольники, по-
литические агитаторы, а я слишкомъ
немощенъ сталъ, чтобы исполнить
мой долгъ паstryрскій во всей пол-
нотѣ его требованій. И я радуюсь,
что на мое място грядетъ къ вамъ
архипастырь, болѣе меня сильный
и бодрый: помоги ему Господи вос-
полнить то, чего я не могъ или не

сумѣлъ сдѣлать для Церкви Воло-
годской!

А теперь, отцы и братія и чада,
услышьте мой послѣдній вамъ архи-
паstryрскій завѣтъ!

Всѣмъ сердцемъ смиреннымъ лю-
бите вашу святую матерь Церкви
Православной: нѣтъ ея въ мірѣ кра-
ше, нѣтъ любвеобильнѣе, нѣтъ ея
смиреннѣе! Она—невѣста Христова
прекраснѣйшая, она — наша любя-
щая матерь. Хорошо чадамъ ея—ча-
дамъ послушнымъ ей—на лонѣ ея!
Благодать Христова согрѣваетъ ихъ
и просвѣщаетъ ихъ сердца. И чѣмъ
проще, чѣмъ смиреннѣе сердце, тѣмъ
сладостнѣе ощущеніе благодати Хри-
стовой въ душѣ вѣрющей: смирен-
нымъ бо, глаголеть Господь, дается
благодать. Вѣдайте, возлюбленные,
что смиреніе есть отличительная
черта нашего святаго православія,
и если любовь есть верхъ совер-
шенства: то смиреніе есть матерь
самой любви. *Научитесь отъ Мене,*
глаголеть Господь Иисусъ Христосъ,
яко кротокъ есмь и смиренъ серд-
цемъ, и обрящете покой душамъ
вашимъ. Всѣ ереси и расколы, всѣ
секты и лжеученія происходятъ отъ
гордыни и дышать гордынею: одно
наше родное Православіе благо-
ухаетъ смиреніемъ.

Пребывайте же въ единеніи съ
Церковю небесною, съ Церковю вѣковъ минувшихъ, — въ единеніи
вѣры, мысли и жизни, въ об-
щеніи молитвы, которая есть дыханіе
любви. Въ этомъ единеніи,
въ этомъ общеніи съ небесною Цер-
ковю вы и ощутите всю животвор-
ность христоподражательного сми-
ренія, а смиреніе оградить васъ отъ
всякаго самочинія въ вѣрѣ и жизни.

по вѣрѣ, отъ всякой ереси и ложныхъ мудрованій. Само же смиреніе рождается отъ исполненія животворящихъ заповѣдей Господнихъ, имѣющихъ чудную силу не только смирять наше сердце, но и животворить въ нась самую вѣру, почemu и говорить Апостолъ Христовъ, *вѣра безъ дѣлъ мертваго есть. Всѣми силами души своей понуждайте себя къ исполненію Христовыхъ заповѣдей, внимательно прислушивайтесь къ голосу своей совѣсти, въ которой говорить намъ Ангель Хранитель нашъ, и тогда вы опытомъ сердца познаете, какое сокровище намъ далъ Господь въ вѣрѣ православной, — сердцемъ ощутите, что такое вѣра живая, спасающая, и какое благо въ общеніи съ Господомъ чрезъ молитву и таинства церковныя, напиache же чрезъ святѣшее изъ таинствъ — Причащеніе пречистаго Тѣла и Крови Господнихъ. О если бы все люди жили по вѣрѣ, если бы исполняли заповѣди Господни во смиреніи! Тогда не было бы ни ересей, ни расколовъ, не было бы никакихъ смятений на землѣ!..*

Возлюбленные мои! Берегитесь всякихъ лжеучителей! Много ихъ появилось въ послѣднее время. Прежде, чѣмъ они будутъ говорить вамъ, вопрошайте ихъ, по заповѣди Апостола Иоанна Богослова: исповѣдуютъ ли они Господа Иисуса Сыномъ Божиимъ Единороднымъ, воплотившимся, пострадавшимъ за нась и плотю Свою воставшимъ изъ мертвыхъ? Вѣрють ли, что грядеть Онъ судить живыхъ и мертвыхъ, что создалъ Онъ Церковь Свою и врата ада не одолѣютъ ей, что должно повиноваться сей Церкви Божией, яко Самому Христу? Если станутъ уклоняться отъ прямого отвѣта, то это — вѣрный признакъ, что они не отъ Бога. Если позволяютъ себѣ дерзновенно су-

дить Церковь Божію, ея ученіе и уставы, — они не отъ Бога. Если дерзко поносятъ Помазанника Божія, Царя Самодержавнаго, — они не отъ Бога. Если проповѣдуютъ ученіе, противное заповѣдямъ Господнимъ, если подучаютъ на грабежи и поджоги чужого достоянія, — они не отъ Бога. Если рѣчи ихъ, приправленныя лестью, дышать злобою противъ людей неодинакового съ ними образа мыслей, — они не отъ Бога. Ради Бога — берегитесь ихъ, гоните ихъ прочь отъ себя, какъ зараженныхъ, бѣгайте ихъ, какъ зачумленныхъ! Въ гордынѣ своей она не станутъ слушать васъ, если бы стали увѣщевать ихъ, а своими хульными, кощунственными рѣчами они могутъ осквернить ваши простыя души, смутить вашъ, въ простотѣ сердца вѣрующій умъ и соблазнить слабыхъ въ вѣрѣ. Святые Апостолы давно пророчествовали о нихъ: прочтите во второмъ посланіи Апостола Петра главы 2 и 3 и посланіе Апостола Іуды, брата Господня по плоти: вы увидите тамъ точное изображеніе всѣхъ этихъ новыхъ лжеучителей, изображеніе, сдѣланное почти за двѣ тысячи лѣтъ до ихъ появленія. По пророчеству Апостола Петра, они „введутъ пагубныя ереси, отвергаясь искушившаго ихъ Господа, и многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины (христіанская вѣра) будетъ въ поношении. Изъ любостяжанія они будутъ удовлять васъ, пишетъ первозванный другъ Христовъ, лѣстивыми словами. Злословія то, чего не понимаютъ, они въ растѣніи своемъ истребятся. Срамники и сквернители, они наслаждаются обманами своими. Глаза у нихъ исполнены любострастія и непрестаннаго грѣха, они прельщаютъ неутвержденныя души, сердце ихъ пріучено къ любостяжанію:

это—сыны проклятия! Они обещаютъ другимъ свободу, будучи сами рабами тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣженъ, тотъ тому и рабъ“. О, какъ эти слова, это пророчество близко напоминаютъ намъ нашихъ соціалистовъ, и всѣхъ именующихъ себя „освободителями!“ „Горе имъ, восклицаетъ другой Апостолъ—Гуда: горе имъ, потому что идутъ путемъ Кайновыимъ, предаются обольщению мзды, какъ Валаамъ, и въ упорствѣ погибаютъ, какъ Корей! Это—бездонныя облака, носимыя вѣтромъ, осенняя деревья, дважды умершія, истогнутыя,—свирыпые волны, пѣнящіяся срамотами своими, звѣзды блуждающія, которымъ блюdetъ мракъ тьмы на вѣки! Это—ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ нечестиво и беззаконно, усталихъ произносить надутыя слова, они оказываютъ лицепріятіе для корысти, это—люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры, душевные, не имѣющіе духа. Предостерегая отъ таковыхъ, Апостолъ Павелъ запрещаетъ раздѣлять съ ними даже трапезу (1 Кор. 5, 11), а святый Апостолъ Иоаннъ Богословъ, сей великий апостолъ любви, почившій на персахъ возлюбившаго его паче всѣхъ Господа, называетъ ихъ обольстителями, слугами антихристіа и даже антихристами, и не позволяетъ привѣтствовать ихъ, ибо, „привѣтствующій такового, говорить онъ, участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его“ (1 Иоан. 4, 1—4; 2 Иоан. 7, 10, 11). Съ однимъ изъ таковыхъ возлюбленный ученикъ Христовъ не захотѣлъ даже оставаться подъ одною крышею и бѣжалъ изъ того дома, гдѣ встрѣтилъ еретика. Умоляю васъ и я, возлюбленные мои, берегитесь таковыхъ! Святая Церковь дала вамъ пастырей, благодатію священства облеченныхъ: ихъ и

слушайтесь! Правда, немало среди нихъ немощныхъ, много заботами земными удрученныхъ, но Господь не позволяетъ судить даже книжниковъ и фарисеевъ, а повелѣвалъ слушаться ихъ, пока они возвѣщали законъ Божій: вся елка рекутъ вамъ блести—соблюдайте и творите, по дѣламъ же ихъ не творите! (Мате. 23, 3). Тѣмъ паче слово это слѣдуетъ соблюдать въ отношеніи къ немощнымъ пастырямъ Церкви Христовой. Идите къ нимъ за святое послушаніе Церкви—матери, паче же Самому Христу Спасителю, рекшему: слушай васъ Мене слушаетъ и отмечайтесь васъ Мене отмечается (Лк. 10, 16). Молите Главу Церкви, Господа нашего Иисуса Христя, да речеть Онъ вамъ волю Свою чрезъ тѣхъ, кого Онъ же поставилъ пасти Церковь Свою, искупленную Его честною кровью. И сіе будетъ дѣломъ послушанія, и въ семъ проявится достолюбезное христоподражательное смиреніе ваше, во исполненіе реченнаго Господомъ устами Его Апостола: по-винуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь, ибо они пекутся о душахъ вашихъ.

И вамъ, бывшіе сотрудники мои на нивѣ Господней, служители алтаря Христова, мое слово прощальное: пасите во смиреніи души, вамъ вѣренныя, помните, что за нихъ отвѣтъ дадите во второе страшное пришествіе Господа нашего Иисуса Христя. Пасите любовью, кротостью, но безъ человѣкоугодничества, кротко, но твердо обличая заблуждающихъ, словомъ любви увѣщевая согрѣшающихъ, плача съ грѣшниками о грѣхахъ ихъ—и своихъ. О, любовь святая! Она можетъ творить чудеса. Если вы со своими семьями въ хлѣбѣ наступномъ будете нуждаться, любовь сотворить чудо умноженія хлѣбовъ Божіимъ

благословеніемъ; если восчувствуете свою немощь, она подастъ вамъ притокъ новыхъ благодатныхъ силъ; если разумомъ оскудѣете, по неопытности своей въ духовной жизни, она откроетъ уста ваши и будетъ говорить за васъ во время благопотребное. Помните, что Богъ — Самъ Богъ — любы есть. Христосъ всеблагостный не оставитъ въ безпомощномъ состояніи Своихъ сотрудниковъ — пастырей Его возлюбленной Церкви! Слышите, что глаголеть Онъ: *се Азъ съ вами есмъ до скончанія вѣка, аминъ!* Исполняйте же Его святые завѣты — заповѣди, дабы и другихъ опытомъ своимъ научить сему великому дѣланію, дабы восчувствовать въ смиренномъ сердцѣ своемъ, что это — Онъ въ васъ и черезъ васъ исполняетъ Свои же заповѣди. И сіе общеніе съ Господомъ въ исполненіи Его воли святой укрѣпить вашу волю въ добродѣланій, оживотворить вашу вѣру, содѣлаетъ васъ способными всѣмъ своимъ существомъ ощущать, что вы — живые члены тѣла Христова, которое есть Церковь, освѣтить небеснымъ свѣтомъ вашъ жизненный путь, наполнить ваше сердце радостю, ея же никто же возметъ отъ васъ! Но все сіе возможно только при частомъ благоговѣйномъ общеніи съ Господомъ въ святѣшемъ Его таинствѣ при-

частенія. Се — источникъ духовной бессмертной жизни! Се — единый истинный источникъ нашего благобытія!

Да поможетъ вамъ Господь въ великомъ и многотрудномъ служеніи вашемъ! Да понесетъ Онъ Самъ на ременахъ Своихъ иго ваше вмѣстѣ съ вами!

Азъ же, недостойный, отходя изъ града Вологды и передавая епархію другому святителю, умоляю любовь вашу: простите мнѣ всѣ мои немощи, всѣ мои предъ вами прегрешенія, да и Богъ милосердный простить вамъ все, въ чёмъ, яко чловѣцы, согрѣшили предо мною! Всѣхъ, кто оскорблялъ меня, отъ всей души прощаю; всѣхъ священнослужителей, коихъ запретилъ я въ священнослуженіи по суду архіерейской совѣсти, властію, отъ Бога мнѣ данною, разрѣщаю и всѣхъ, всѣхъ умоляю: молитесь о немощахъ моихъ, да укрѣпить сія молитва союзъ любви, для которой нѣть предѣловъ пространства и времени, которая всѣхъ единить во Христѣ и со Христомъ, объединяя нась въ таинственное тѣло Христово, еже есть Церковь, невѣста Христова непорочная!

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами! Аминь.

127.

Тяжелое бремя архіерейского омофора.

Великій учитель смиренія христо-подражательного, святитель Христовъ Тихонъ, чудотворецъ Задонской, когда его спрашивали: что побудило его уйти на покой, кротко отвѣчалъ: „омофоръ, который носять архіереи на плечахъ своихъ,

очень тяжель, не могъ я носить его, и потому оставилъ каѳедру“. Конечно, не вещественный омофоръ разумѣль угодникъ Божій, а то тяжелое бремя, бремя заботъ и трудовъ пастырскихъ, бремя скорбей пастырскаго сердца и сознаніе тяж-

кой ответственности предъ Богомъ за врученную ему паству при немощахъ его — вотъ что разумѣлъ смиренный святитель Христовъ.

Прости мнѣ, угодниче Божій, что оставляя каѳедру по многимъ немощамъ моимъ, я невольно вспоминаю твои смиренныя слова! Немощенъ былъ и ты плотю, но силенъ духомъ, и немощи твои — были крестомъ, возложеннымъ на тебя Богомъ отъ самого твоего рожденія. А я немощенъ отъ себя самого, отъ грѣховъ моихъ многихъ, и мнѣ ли повторять твои словеса?..

Но не о себѣ хотѣлось бы сказать, а по поводу того, что пережито мною, что переживаютъ особенно нынѣ, во времена тяжкія дни Церкви Божіей, всѣ тѣ святители, которые хотятъ вѣрно ити путемъ, Христомъ имъ указаннымъ!

Были времена лютыхъ гоненій на Церковь Христову, когда называть себя христіаниномъ значило приговорить себя почти на вѣрную смерть. Тогда архіереевъ Божіихъ преслѣдовали какъ вождей христіанства; ихъ головы были опѣниваемы дорогою пѣною и они постоянно должны были готовиться къ смерти. Страшно подумать: чтосталось бы съ нами, если бы мы, нынѣшніе архіереи, жили въ тѣ времена! Быть можетъ, многие изъ насъ давно преклонили бы колѣна предъ Зевесомъ и Юноною... Но тогда, если бы не замерла въ насъ совѣсть, мы проклинали бы свое малодушіе, свою измѣну своему Господу и Спасителю.

Нынѣ не страхомъ мукъ смертныхъ искушаетъ насъ духъ времени; онъ подкрадывается къ намъ съ другой стороны. Во имя гуманности, прогресса, свободы совѣсти, всякаго рода терпимости онъ пытается заставить насъ войти въ сдѣлку съ совѣстью, въ компро-

миссъ съ требованіями долга, давать уступку за уступкой, якобы не поступаясь въ существенномъ, а потомъ и существенное подмѣнявая въ нашемъ нравственномъ сознаніи такъ, что если бы на него взглянули наши предки, пожалуй, и не узнали бы его... И вотъ, снисхожденіе къ немощамъ человѣческимъ обратилось у насъ въ поблажку перокамъ: грѣшникъ еще и не думалъ каяться, а мы уже предписываемъ, по исполненіи епитиміи, разрѣшить ему то и то... Какъ будто навѣрное знаемъ, что грѣшникъ и епитимію примѣтъ, и выполнить усердно: какъ будто епитимія — простая формальность, не требующая нравственного подвига отъ епитимійца. И приходится, скрѣпя сердце, закрывъ глаза, писать на опредѣленія консисторіи: „утверждается“ или „исполнить“. Такъ велѣть консисторскіе уставы и разныя циркуляры: сопротивленіе безполезно. Не рѣдко сами пастыри не знаютъ точно: да въ чемъ же епитимія? Развѣ только въ томъ, что епитиміецъ не можетъ приступить къ св. Тайнамъ Христовымъ? Но во-первыхъ, нынѣ и безъ епитиміи многіе христіане сами себя лишаютъ сего таинства, а во-вторыхъ: кто наблюдетъ, чтобы таковый не пристился гдѣ-нибудь въ монастырѣ? Нынѣ многіе и за грѣхъ не считаютъ такое по существу святотатство. И скорбить душа архіерея, неимѣющаго возможности лично воздѣйствовать на грѣшника — епитимійца; вѣдь, у него въ епархіи миллионы — да тысячи полторы — двѣ священниковъ, а священники не имѣютъ достаточнаго авторитета у своихъ пасомыхъ... Да и то надо сказать: большинство епитимійцевъ — блудники и прелюбодѣи: отбивъ чужую жену, добившись развода съ нею мужа, винов-

ный и въ качествѣ епитиміца продолжаетъ съ нею прелюбы творити: страшно подумать, до чего въ такихъ людяхъ исказились всѣ нравственные понятія! Пройдетъ извѣстный срокъ (минимальный для прелюбодѣевъ вмѣсто 7 — 2 года), подаютъ прошеніе архіерею, съ заявленіемъ священника, что виновный „проходилъ епитимію съ усердіемъ“, показалъ искреннее раскаяніе, и архіерей долженъ разрѣшить его отъ епитиміи... Провѣрить показаніе священника нѣтъ возможности, хотя въ совѣсти чувствуешь, что исполнена только формальность, въ которой духа и не было...

Даже такое святое дѣло — показаніе грѣшника обращалось въ пустую формальность! Какъ же не болѣть душой епископу?

А если бы рѣшилъ онъ испытать произволеніе грѣшника, если бы отказалъ въ снятіи епитиміи, то пусть ждетъ жалобы въ С. Синодъ... Пойдетъ переписка, непріятности и пр...

Груды дѣлъ судныхъ: жалобы духовенства — одинъ на другого, жалобы прихожанъ на духовенство, дознанія по пустымъ поводамъ, слѣдствія, въ коихъ — это чувствуешь — такъ много бываетъ нарушенія святости присяги: извѣстно, какъ нынѣ стали смотрѣть на это священное дѣло; безчисленные дѣла бракоразводныя, въ коихъ архіерью приходится спускаться на самое дно скотоцодобной жизни пасомыхъ, читать самыя циничныя показанія свидѣтелей, нерѣдко закупленныхъ... Сказать только, что послѣ извѣстнаго рѣшенія С. Синода — разрѣшать вступленіе въ бракъ виновной сторонѣ послѣ понесенія ею епитиміи число бракоразводныхъ дѣлъ едва ли не удесятерилось, и станеть понятно, какъ много бремени возложено на епископовъ, бремени — безплоднаго въ духовномъ

смыслѣ, крайне тяжелаго по самой сущности такихъ дѣлъ. Нужно ли перечислять другія „дѣла?“ Довольно сказать, что по моей, сравнительно небольшой епархіи, мнѣ приходилось писать до 7000 резолюцій, слѣд. перечитывать столько же бумагъ, а не рѣдко цѣлыхъ дѣлъ. Увы, для дѣланія въ собственномъ смыслѣ пастырскаго у епископа немногого остается времени. Вѣдь, епископъ долженъ на дѣлѣ осуществлять преемство апостольскаго служенія: онъ долженъ бы пребывать непрестанно въ апостольскомъ подвигѣ: въ путешествіяхъ по епархіи, посѣщеніи не только городовъ и селеній, имѣющихъ храмы Божіи, но и захолустныхъ уголковъ епархіи, заброшенныхъ деревушекъ, всюду неся съ собой миръ Божій, свѣтъ ученія евангельскаго, въ духѣ любви, въ простотѣ сердца, входя во всѣ нужды пасомыхъ, въ ихъ скорби, бесѣдую не только въ собранияхъ вѣрующихъ, но и по домамъ, получаю, назидая, предостерегая, ободряя и утѣшая... Нѣтъ нужды для такихъ путешествій возить съ собою большую свиту: довольно секретаря, миссіонера и келейника. Гдѣ можно, тамъ совершать служенія, гдѣ нѣть къ тому возможности, тамъ ограничиваться служеніемъ молебновъ, но непремѣнно вездѣ проповѣдывать и сѣять слово жизни вѣчной!

Епископъ долженъ быть всѣмъ доступенъ и дома, но принимать съ разсужденіемъ, иначе его возьмутъ въ плѣнъ люди, неумѣющіе цѣнить архіерейскаго времени, непонимающіе требованій архіерейской совѣсти. По понятію такихъ людей, архіерей на то и созданъ, чтобы обращаться къ нему съ просьбами: нарушь законъ, обойди законъ, наложи на законъ и все это — во имя человѣкобудія, гуманности, личныхъ интересовъ того или дру-

гого просителя. Это — положительная пытка для архіерея! Онъ заботиться долженъ объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ епархіи, а отъ него требуютъ удовлетворенія вотъ этихъ ихъ личныхъ нуждъ, объ облегченіи ихъ личной скорби, ихъ семейныхъ нуждъ... Всегда ли можно совмѣстить то и другое въ одномъ распоряженіи? Большею частію, волей-неволей приходится входить въ компромиссъ, дѣлать нѣкоторую уступку такимъ просыбамъ въ ущербъ строгимъ требованіямъ архипастырскаго долга... Просмотрите послужные списки священниковъ: много ли нынѣ такихъ, которые служатъ 30—40 лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не мѣня прихода? А это что значить? То, что батюшки не срослись духовно съ своимъ приходомъ, что для нихъ не больно отрываться отъ своихъ дѣтей духовныхъ, ради чего?.. Чтыдъ да разумѣеть! И не хочу строго судить ихъ за то: вѣдь, это стало повсюднымъ явленіемъ, причины коего слишкомъ сложны, чтобы сейчасъ говорить о нихъ. И вотъ, на каждое мало-мало порядочное мѣсто десятки прошеаі о переводаѣ, а на бѣдныхъ приходахъ пустуютъ вакансіи священниковъ иногда по году: кандидатовъ нѣтъ! Гдѣ ихъ взять? Прихожане умоляютъ прислать священника, архіерей мучается въ совѣсти, а горюю помочь не въ силахъ...

Растутъ секты, расколы; въ народѣ пробуждается жажда духовнаго назиданія, питомцы нашихъ современныхъ семинарій въ большинствѣ повидимому — просто не способны удовлетворять этой потребности такъ, какъ бы слѣдовало... И удивительное дѣло: полуграмотный сектантъ увлекаетъ за собою сотни, тысячи, а священникъ учившійся все же лѣтъ десять, не только не влечетъ за собою народъ, своихъ

пасомыхъ, какъ бы подобало, но и не умѣеть, если не сказать — не хо-
четь обличить этого сектанта: про-
сто обидно становится за такихъ! А, вѣдь, именно такихъ священниковъ
большинство; именно ревностныхъ
пастырей, способныхъ отогнать и
отгоняющихъ волковъ хищныхъ отъ
своего стада — очень, очень не-
много!..

Прежде хотя мірская то власть признавала православную вѣру еди-
ною истинною, почитала ее основою
русской жизни, оберегала отъ на-
шествія волковъ — раскольниковъ и
сектантовъ — православныхъ просте-
цовъ и не давали имъ воли... Нынѣ...
да простятъ имъ носители сей власти:
нынѣ они будто стыдятся вступиться
за малыхъ сихъ и на мольбы священ-
никовъ — помочь имъ оградить право-
славныхъ отъ богохульной, кощун-
ственной пропаганды, отъ соблазна,
оградить, по крайней мѣрѣ, ихъ, свя-
щенниковъ, отъ издѣвательствъ сект-
антовъ — отвѣчаютъ молчаніемъ...
И мнится: покинули насть власть
имущіе, предаютъ на поруганіе вра-
гамъ Церкви, а эти враги лакаютъ
въ своихъ печатныхъ листахъ, про-
должая издѣваться надъ нами: „Су-
ды суть и анеицати суть!“ отвѣ-
чаютъ намъ представители власти:
подавайте жалобы, если вѣстъ оскор-
бляютъ: тамъ разберутъ дѣло, а мы,
администрація, не можемъ васъ за-
щищать: такого закона нѣтъ... Но,
господа администраторы, какъ же
намъ быть, когда наша совѣсть
повелѣваетъ намъ именемъ Господ-
нимъ подставлять лѣзвищу врагу,
когда онъ ударить насть въ правую?
А нынѣ враги дерзко слѣдуютъ ло-
гикѣ Іуліана отступника: Христосъ
заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ
такъ поступать, такъ ихъ можетъ
бить всякий, кому хочется! Право-
славный священникъ не можетъ ни-
отвѣтить на брань бранью, на ос-

корблениe оскорблениe, не можетъ по совѣсти жаловаться ни на кого, онъ какъ бы виѣ закона: „бей его, издѣвайся надъ нимъ, сколько хочется, топчи въ грязь доброе имя его!.. Если онъ вѣренъ ученію Христову, то въ судѣ не пойдетъ, если пойдетъ, то мы же его предадимъ осмѣянію въ печати такъ, что впередъ ему не повадно будетъ!.. А суды... да въ нихъ, вѣдь, сидятъ такие же, большею частю, „интелигенты“, какъ и мы, и попамъ не будутъ миролить...“

Много ли способныхъ на такой подвигъ мученичества? Имѣть ли право — не только христіанская, но даже и языческая власть, не упразднія самого понятія о власти, требовать отъ насть, служителей Церкви, такого подвига? Повторю, подвижники есть и нынѣ, но смѣеть ли власть оставлять ихъ беззащитными?...

На дніяхъ двухъ добрыхъ пастырей избили подъ самыи Петербургомъ новые сектанты — чуриковцы: посмотримъ, воздѣвствуетъ ли власть на этихъ безумцевъ — фанатиковъ, чтобы охладить ихъ пыль противъ пастырей — ихъ же духовныхъ отцевъ! Дѣло въ томъ, что исполненіе Христовой заповѣди лично христіаниномъ — одно, а дѣло власти пресѣкать зло — другое, но и это — также исполненіе заповѣди Божіей... Пусть и власть носятцій — вѣдь, онъ тоже христіанинъ — лично на себѣ исполняетъ ту же заповѣдь: пусть и онъ подставляетъ лѣвую щеку подъ ударъ хулигана, когда тотъ его ударить въ правую, но пусть въ то же время помнить свой долгъ: *сущіи власти отъ Бога учинени суть... власть не безъ ума мечъ носитъ, Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвѣ злое творящему...* Если это писано о власти языческой, то тѣмъ паче приложимо

къ христіанской. Не ея дѣло толковать Евангеліе: ея дѣло исполнять свой долгъ по ученію Евангелія. Или ужъ пустъ, по отношенію къ намъ, православнымъ, прямо объявить она, что отнынѣ для нея всѣ вѣры равны, и повторить слова исторического Галліона аноніата: „когда идетъ споръ обѣ ученій... разбирайтесь сами!“... (Дѣян., 18, 12). Такъ могъ говорить язычникъ, но христіанская власть не можетъ же равнодушно смотрѣть, какъ разные сектанты, фанатики, изувѣры отторгаютъ православныхъ отъ Церкви, не давая пастырямъ никакой возможности возражать имъ. Истина сильнѣе неправды, но когда ей насилиемъ закрываютъ уста, когда криками, издѣвательствомъ, руганью, угрозами заставляютъ проповѣдника истины молчать: то ужели власть православная должна смотрѣть спокойно на это поруганіе истины, на это насилие надъ совѣстю православно вѣрующихъ младенцевъ вѣры, на это издѣвательство надъ пастырями Церкви?..

Душа изболѣлась при видѣ всего этого. И все это приходится большевѣхъ переживать своимъ сердцемъ намъ, архіереямъ. Вѣдь, къ намъ простираютъ умоляющіе взоры наши чада о Господѣ, насть умоляютъ пастыри приходекіе: помогите намъ! Оградите отъ изувѣровъ-сектантовъ, пришлите миссионера, попросите власть мірскую защитить насть отъ издѣвательствъ... хотя бы ради части святой Церкви нашей... Но наши обращенія таѣ мало обращаются вниманія! Какъ часто приходится узнавать, что низшіе органы власти больше озабочены охраною свободы для сектантовъ, чѣмъ охраною православныхъ отъ пропаганды сектанства... .

Миссионеры... Я недавно писалъ о нихъ. Мои читатели знаютъ, что,

по моему убѣжденію, каждый пастырь долженъ быть миссионеромъ. Но въ наше время такъ развѣтилось сектанство, что и для самихъ пастырей нужны миссионеры какъ руководителя, какъ знатоки сектанства. Но увы... гдѣ ихъ взять? Вѣдь, это—не прислуга, которую можно найти по публикаціи! Гдѣ у насъ институтъ миссионерскій, о коемъ, помнится, мечталъ еще великий миссионеръ святитель Иннокентій Московскій? Есть какіе-то захудалые курсы въ Казани, устраиваются и по епархіямъ каждый годъ курсы... но развѣ это нужно? Нуженъ специальный институтъ или академія миссионеровъ; нужно нѣчто подобное, конечно не по духу, а по пѣли, латинской *Collegiae de propaganda fide*, нужно учрежденіе, которое выпускало закаленныхъ бойцовъ за православіе...

Можно ли надѣяться, что мы дождемся этого?

Увы, хотя бы семинаріи-то наши

поставить такъ, чтобы изъ нихъ не бѣжали въ ветеринары, а шли бы въ пастыри, и за то бы слава Богу! Но я никогда не кончилъ бы, если бы сталъ перечислять всѣ скорби пастырскаго сердца, все то тяжелое бремя омофора пастырскаго, которое нести могутъ лишь люди сильные не духомъ только, но и плотью... А я изнемогъ, я лежу недѣлями въ постели, и въ сихъ болѣніяхъ моихъ вижу волю Божію: передать епархію иному, болѣе меня сильному, его же избереть Господь. И паче мѣры моей, паче всякихъ заслугъ, ковхъ не было у меня, я взысканъ милостію власти церковной, и ухожу съ епархіи, не лишенный возможности еще послужить Церкви Божій, но уже въ мѣру немощей моихъ... За все слава Богу! Утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжалъ еси честною Твою кровью! Изведи сильныхъ и добрыхъ дѣлателей на ниву Твою на мѣсто наше, уходящихъ и многонемощныхъ!...

128.

Небесная заступница Русской земли.

Когда читаешь наши старыя лѣтописи, когда вспоминаешь давно минувшія судьбы родной нашей земли, то вѣрующее сердце невольно исполняется благодарнымъ чувствомъ умиленія предъ тѣми дивными явленіями материаго покрова и заступленія Матери Божіей, какіе мы видимъ во всей девятивѣковой исторіи нашего отечества, со днія крещенія Руси княземъ Владиміромъ и даже до нашихъ дній... Воистину, возлюбила Она, Матерь Божія, нашу землю Русскую, православную, и нигдѣ въ мірѣ нѣть столько чудотворныхъ иконъ Ея, какъ у насъ въ Руси: ихъ насчитывается до 300

только общеизвѣстныхъ, а сколько ихъ мѣстно читается по разнымъ градамъ и весямъ обширной Русской земли! Нѣть, кажется, ни одного отдаленного уголка въ Россіи, гдѣ не было бы особенно чтимаго образа Богоматери; не говорю уже о храмахъ православныхъ: нѣть ни одной православной семьи, въ коей не нашлось бы Ея лика пречистаго! Съ дѣтской любовью, въ простотѣ смиреннаго сердца прибѣгаютъ къ Ней и старые и малые, и богатые и бѣдные, и простецы и люди, истинною наукою просвѣщенны, и несутъ къ Ея стопамъ и скорби и радости свои, и на всѣхъ взираетъ

Она, воистину, съ материнскою любовью, всѣхъ ласкаетъ благодатнымъ взоромъ Своимъ, всѣхъ утѣшаетъ, благословляетъ, всѣмъ помогаетъ въ ихъ нуждахъ! И тепло русскому въ простотѣ вѣрующему сердцу подъ благодатнымъ покровомъ Ея, и называется оно Матерь Божію самыми трогательными именами: Она—заступница усердная, Она—грѣшныхъ споручница, Она—скоропослушница, Она—радость скорбящихъ, утоленіе въ печали сущихъ, взысканіе погибшихъ. Она—благодатная исцѣлительница и небесная домостроительница, Она—града Москвы вратарница неусыпная, а для всего воинства христолюбиваго—воевода небесная... Ея святыя иконы сопутствовали всѣмъ нашимъ благовѣрнымъ князьямъ и Царямъ, и благочестивѣшимъ Императорамъ во всѣхъ ихъ походахъ на враговъ и супостатовъ Руси православной; Ея заступленіемъ не разъ спасалась Москва, да и другіе грады страны Российской отъ нашествія иночлененныхъ. И какъ трогательны лѣтописныя сказанія о сихъ дѣлахъ Божіихъ, явленныхъ нашимъ предкамъ по молитвамъ Заступницы нашей усердной! Вотъ одно такое сказаніе: насталъ 1395-й годъ. Русь стонетъ еще подъ игомъ злой татарщины. А съ дальніаго Востока, изъ глубинъ Монголіи, надвигается страшная туча. Тамъ, гдѣ-то въ Синей Орѣ, появился „нѣкій царь, горѣ давняго и пуще прежняго лютъ губитель и разбойникъ“... И онъ идетъ, онъ надвигается съ своими полчищами на Русь... Его имя—Тимуръ Ленгъ или Тамерланъ; онъ задумалъ покорить всю вселенную. Заслышавъ привычный крикъ воїда, завида взмахъ его кривой сабли, его воины бросались какъ тигры, почувшіе кровь. Страшные разсказы о его нечеловѣческой свирѣпо-

сти леденили кровь въ жилахъ. На его пути вмѣсто цвѣтущихъ городовъ, окруженнѣхъ роскошными засѣянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, оставались только развалины да прочныя, на цементѣ, пирамиды изъ человѣческихъ головъ... Граждане одного города чтобы умилостивить этого зѣбра, выслали ему наавстрѣчу всѣхъ своихъ дѣтей. При видѣ малютокъ, одѣтыхъ въ бѣлые одѣжды и шедшихъ съ пальмами въ рукахъ и пѣвѣмъ священныхъ гимновъ, въ немъ внезапно проснулся губительный демонъ и онъ помчался впередъ на своемъ конѣ... „За мной!“ крикнулъ онъ своей конницѣ... И несчастные родители съ ужасомъ увидѣли со стѣнъ города, какъ ихъ дѣти были растоптаны конскими копытами... И вотъ, такой-то губитель явился въ предѣлахъ напѣшего отечества. Великій князь Василій Димитріевичъ, сынъ Донскаго героя, собирая войска, готовился къ бою... Но что значили ничтожныя дружины князя въ сравненіи съ несметными полчищами Тамерлана? Не ждали себѣ спасенія ни князь, ни народъ. По всей Русской землѣ возносились пламенныя молитвы: всѣ церкви были открыты съ утра до глубокой ночи. Народъ проливалъ слезы, постылся, всѣ готовились къ смерти... Въ это ужасное время вспомнилъ князь о дивной иконѣ Богоматери, находившейся во Владимірѣ. То была, теперь извѣстная подъ именемъ „Владимірской“, икона, писанная, по преданію св. Евангелистомъ Лукою. И послалъ Великій Князь за тою иконой, и со слезами и многою скорбю проводили владимірцы великую свою святыню въ стольный градъ Москву, гдѣ у всѣхъ была въ то время одна мысль, одно желаніе—увидѣть поскорѣе пречистый ликъ Царицы не-

бесной, заступники усердной рода христіанского. И весь городъ вышелъ навстрѣчу ей, всѣ, отъ мала до велика, и не было человѣка, который не плакалъ бы, и отовсюду слышалось умильное моленіе: „не предай же насть, Заступница наша, надежда наша, не предай насть въ руки татарамъ!“.. Это было 26 августа того же 1395 года.—И вияла Матерь Божія воплемъ русскихъ людей. Въ ту же ночь, подъ 26-е августа, самъ грозный „владыка міра“, какъ величалъ себя Тамерланъ, почивалъ въ великолѣпной ставкѣ своей, въ окрестностяхъ Ельца, среди необозримыхъ полчищъ своихъ. Безсмѣнино, не сморгнувъ глазомъ, князья и ханы Азіи окружали ставку, охраняя сонъ грознаго повелителя. Но ему нѣть сна отъ страшныхъ видѣній... Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы съ златыми жеалами въ рукахъ, грозящіе ему... Сѣть ярче солнечныхъ лучей, и въ свѣтѣ томъ дивная Царица, въ багряныхъ ризахъ, сияющая паче солнца молнѣзрачными лучами... А въ лучезарной небесной выси—безчисленныя воинства, готовыя устремиться по первому мановенію той Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горѣ. И вдругъ, грозно взглянувъ на него, Тамерлана, Царица повелѣваетъ всѣмъ тьмочисленнымъ воинствамъ обрушиться на него... Отчаянныи крикъ раздается въ царской ставкѣ. Вѣжавшіе вельможи находять своего владыку въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда не видали. Неустршимый въ бояхъ, онъ теперь лежалъ и стоналъ въ полномъ изнеможеніи... На утро свирѣпый заеватель отдастъ приказъ немедленно сниматься и быстро отступать.

Можно ли описать радость нашихъ предковъ, когда они узнали, что страшный врагъ самъ, никѣмъ не

гонимый, ушелъ въ степи Азіи! Митрополитъ Кипріанъ, и великий князь и народъ съ слезами восторга возносили благодарныя молитвы предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери, а на томъ мѣстѣ, где встрѣтили св. икону, построили церковь во имя ея срѣтенія, да не забудутъ людіе дѣлъ Божіихъ. Тогда же было установлено празднованіе въ честь Владимирской иконы 26 августа.

А что же Тамерланъ? Онъ излилъ свою злобу на улусахъ Кипчакской орды, на татарскихъ городахъ — Астрахань и Азовѣ; онъ испепелилъ ихъ. И что грозило святой Руси страшной гибелью, то принесло ей величайшую пользу: Тамерланъ нанесъ смертельный ударъ не ей, а ея вѣковому врагу—Золотой ордѣ...

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ заступленія Матери Божіей за Русь православную! Всѣ эти татарскіе ханы и паревичи—Мазовша, Ахматъ, Махметъ—Гирей, Казы—Гирей и др. испытали на себѣ грозный гнѣвъ и вышній покровъ и заступленіе за Русскую землю небесной Воеводы—Матери Божіей. Исторія свидѣтельствуетъ, что во всѣхъ походахъ Царя Алексія Михайловича, Петра Перваго и др. нашихъ Императоровъ при войскахъ ихъ находилась икона Богоматери—явленіе Преподобному Сергию. Уже самое изображеніе склоненного предъ Пречистою въ молитвенномъ положеніи старца—печальника Русской земли, эта икона располагала воиновъ прибѣгать къ заступленію Матери Божіей, призываю на помошь и великаго молитвенника Сергія преподобнаго. И росла наша Русь православная подъ мощнымъ крыломъ небесной Заступницы рода христіанского; и сильна была вѣрою своей, и непобѣдима для враговъ—дотолѣ, пока

крѣпка была вѣра русскихъ людей, пока не стали люди русскіе отравляться разными модными лжеученіями, пока гнали отъ себя прочь всякихъ искусствителей, въ родѣ штундистовъ, баптистовъ, и другихъ сектантовъ, пока не подпускали къ себѣ русскіе воины и особенно рабочій людъ разныхъ политическихъ развратителей, соціалистовъ, революціонеровъ и всѣхъ этихъ слугъ антихристя, іудейскихъ наемниковъ... Но стали проникать къ намъ на Русь всѣ эти слуги сатаны, стали русскіе люди къ нимъ прислушиваться, и пошла духовная отрава въ народѣ, и стали размножаться секты и расколы, появились разные „соціалы“ да „демократы“, а за ними и революціонеры-безбожники, и отвратила отъ насть пречистый ликъ Свой Царица Небесная, и понесли мы тяжкое униженіе отъ японцевъ-язычниковъ, и пронеслись по лицу родной земли всѣ невзгоды революціи, и пролилось не мало крови русской во дни смуты и усобицъ...

Увы, стыдъ долженъ бы покрывать лица наши! Изстрадалась за послѣдніе годы душа русская, каждый изъ насть готовъ бы сложить голову своя у ногъ Царя—батюшки, только бы избыть горькую бѣду, только бы не видѣть того позора, какой мы переживали въ послѣдніе годы! Куда прибѣгнуть? Гдѣ искать помощи благодатной, укрѣпленія духовнаго?.. Да гдѣ же, если не у Матери Божіей? Она всегда заступала землю Русскую. Она и теперь неотступна съ нами. Вѣдь, это толь-

ко — мы отступаемъ отъ Ней, убѣгаемъ изъ подъ Ея крова благодатнаго! Итакъ, скорѣе — подъ благодатный кровъ Матери Божіей, православные русскіе люди! Поучимся у малыхъ дѣтей: когда провиняются они въ чемъ — либо предъ матерью, то къ ней же бѣгутъ со слезами, и не смѣя смотрѣть ей прямо въ лицо, укрываются на груди ея. Прибѣгнемъ и мы, припадемъ къ благодатной Заступницѣ рода нашего въ покаяніи, восплачемся предъ Ню о нашихъ тяжкихъ грѣхахъ, и Она забудетъ наши вины и укроетъ насть отъ гнѣва Божія.

Не имамы иныхъ помощи, не имамы иныхъ надежды, развѣ Тебѣ, Владычице! Ты насть помози, Ты нась заступи, и какъ дрѣвле спасала отъ безбожныхъ татарь, отъ всѣхъ этихъ Тамерлановъ, Батыевъ, Мазовшай, Казы и Мехметъ-Гиреевъ, такъ и нынѣ спаси землю Русскую отъ лютыхъ враговъ ея — богоотступниковъ! Много развелось ихъ по лицу родной земли нашей; всюду проникаютъ они съ своими безбожными книжками и газетами; отправляютъ они молодежь нашу, расхищаютъ сокровища православной русской души своею пропагандою среди рабочихъ, среди крестьянъ, и даже — страшно сказать — среди войскъ нашихъ христолюбивыхъ: не попусти, Царица Небесная, окрадывать души наши, души простецовъ вѣрующихъ, и покрый насть отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ!..

Даръ царственнаго смиренія смиренному отшельнику.

Не терялъ я надежды, выѣзжая изъ Петербурга, принять участіе

въ торжествахъ освященія въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ трехъ

престоловъ выгорѣвшаго въ 1909 году храма и дивной,—драгоцѣнной раки, пожертвованной отъ щедротъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы; но Богъ не судилъ быть мнѣ тамъ: прибывъ въ Вологду, я разболѣлся; къ обычнымъ немощамъ моимъ прибавилась еще слабость сердца, и докторъ рѣшительно запретилъ мнѣ поѣздку по проселочнѣй дорогѣ съ больною печенью, а главное—предстоявшее переутомленіе въ служеніяхъ. Пришлось подчиниться, тѣмъ болѣе, что небольшой опытъ—прощанія съ духовенствомъ показалъ, что я на такой подвигъ не гожусь...

Не имѣя возможности отправиться въ Павловъ монастырь, я послалъ туда свое привѣтственное слово-посланіе, которое было прочитано преосвященнымъ Антониемъ Вельскимъ предъ поліеемъ на всеночномъ бдѣніи. Вотъ это посланіе:

Возлюбленные о Господѣ отцы и братія и чада!

Миръ вамъ и Божіе благословеніе!

Привѣтствуя васъ въ свѣтлый день праздника обители преподобнаго Павла привѣтствіемъ любви и радости о Господѣ.

Скорблю, что по немощамъ моимъ не могу принять личнаго участія въ вашей радости, но сердцемъ сорадуюсь вамъ, духомъ раздѣляю молитвы ваши у гроба чудотворца Павла и не могу оставаться безмолвными въ день вашей радости. Отъ избытка сердца глаголю уста. А при невозможности бесѣдоватъ усты къ устамъ — сердце повелѣваетъ бесѣдоватъ хотя письменнымъ посланіемъ.

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Дивенъ Онъ въ явленіяхъ благодати Своей во дни земнаго ихъ странствованія, дивенъ и по бла-
женному преставленію ихъ на небо!

Сегодня мы творимъ память преподобнаго отца нашего Павла, Обнорскаго чудотворца, празднѹя освѧщеніе храма его и священной раки, принесенной отъ щедротъ Благочестивѣшаго и Богомъ возлюбленнаго Царя нашего и Его Благочестивѣшайшей Супруги. Сегодня мысль наша невольно переносится за пять столѣтій, когда жилъ сей великий въ своемъ смиреніи угодникъ Божій, въ тотъ благословенный вѣкъ, когда около великаго печальника родной нашей земли, преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца, собирались ревнители богоугожденія, когда съ его благодатнаго благословенія сіи ревнители устремлялись въ сѣверные предѣлы Россіи, всюду зажигая благодатные огоньки духовной жизни, всюду разнося свѣтъ и тепло, коими и доселѣ жива наша русская православная душа.

Девяносто лѣтъ подвізился по-
двигомъ иноческимъ преподобный Па-
вель! А всего житія его было 112
лѣтъ. И отличительнѣйшою чертою
его подвига было дивное, воистину
христоподражательное смиреніе. 22-
лѣтнимъ юношемъ ушелъ онъ въ ка-
бой-то, нынѣ невѣдомый, приволжскій
монастырь св. Феодора „на низу“; от-
туда, уже достигнувъ высокой мѣры
духовнаго совершенства, пришелъ онъ
учиться смиренію у своего младшаго
сверстника, преподобнаго Сергія; здѣсь проходилъ онъ труды и
въ поварнѣ, и въ трапезѣ; замѣтивъ,
что на него обращено вниманіе,
какъ на ревностнаго инока, онъ, съ
благословеніемъ великаго аввы, ухо-
дитъ къ преподобному Авраамію
Чухломскому, затѣмъ идетъ въ пу-
стынныя дебри Обноры и тутъ по-
селяется, воистину, наединѣ съ Бо-
гомъ—въ дуплѣ старой липы, весь
отдавая себя молитвѣ и бесѣдѣ съ
Богомъ... И достигъ онъ такого со-
стоянія, что въ его присутствіи ді-

кіе звѣри забывали свою свирѣпость: и волѣть, и медвѣдь паслись около него вмѣстѣ съ кроткимъ зайцемъ, и хищные орлы не трогали малыхъ пташекъ, садившихся на руки и плечи великаго подвижника... А его смиреніе было столь велико, что мы не видимъ изъ его житія даже того: имѣть ли онъ благодатный санъ священства? По крайней мѣрѣ, и по основаніи имъ обители ея настоятелемъ былъ не самъ онъ, а ученикъ преподобнаго друга его Сергія Нуромскаго—Алексій...

Такъ въ глубокомъ смиреніи про текла вся жизнь великаго подвижника. Онъ отошелъ къ Богу, и Господь исполнилъ надъ нимъ святое слово Свое: въ память вѣчную будеть праведникъ. Изъ вѣка въ вѣкъ православные русскіе люди прите кали къ его гробу, искали спасенія души въ его обители, просили себѣ его молитвенной помощи; а онъ смиренно почивалъ въ мѣстѣ своего упокоенія и даже не позволилъ коснуться мощей своихъ, когда одинъ изъ игуменовъ его обители самочинно вздумалъ было открыть его могилу... Для святыхъ Божіихъ и грядущее видимо яко настоящее, и кто вѣдѣаетъ пути ихъ? Не предзрѣль ли угодникъ Божій того бѣдствія, которое испытала обитель его въ наши дни? И чтосталось бы съ его священными останками, если бы всенестрѣбляющій огнь коснулся ихъ? Мы не можемъ отъ Господа требовать чудес по нашему разумѣнію: мы вѣдаемъ, что, напримѣръ, св. мощи преподобнаго князя Іоасафа Спасокаменскаго, попущеніемъ Божіимъ, подверглись сожженію во время пожара въ Спасокаменскомъ монастырѣ и мы имѣемъ только малыя косточки отъ нихъ. А нынѣ мы вѣруемъ, что святые мощи преподобнаго Павла, къ утѣшенію нашему, въ мирѣ почиваютъ въ нѣдрахъ

земныхъ неприкосновенныи... И не знаменіе ли это, для насъ особенно утѣшительное, что въ самомъ изображеніи угодника Божія, вычеканенномъ изъ серебра, дивнымъ образомъ въ пламени пожара уцѣлѣлъ благолѣпный ликъ его и изображеніе рукъ? Хранить Господь не токмо вся кости Своихъ избранниковъ, но и самыя изображенія ихъ, все обращая во славу Свою и въ назиданіе наше.

И паки реку: дивень Богъ во святыхъ Своихъ! Дивно являеть Онъ славу Свою и величіе Церкви Православной не только въ ихъ прославленіи, но и въ самомъ смиреніи ихъ! Ибо въ смиреніи и слава ихъ, смиреніе есть ихъ златотканная одежда, смиреніе есть толь воздухъ, коимъ дышать всѣ ихъ добродѣтели,—толь ароматъ, который свидѣтельствуетъ о благоугожденіи ихъ Богу... Въ нашей Церкви Православной все проникнуто симъ благодатнымъ ароматомъ: нѣтъ ни одного подвига, нѣтъ ни одного доброго дѣла, не говорю уже о добродѣланіи вообще, что Церковь признала бы богоугоднымъ безъ духа христоподражательного смиренія. И въ семъ—отличіе нашего православнаго исповѣданія отъ всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Смиреніе есть основа истинно-христіанской жизни; въ немъ—духовная красота нашего православновѣрующаго народа. И какъ счастливъ этотъ народъ, когда онъ видитъ высочайшій примѣръ этой боголюбезной добродѣтели въ лицѣ своего Богоизбѣннаго Царя и Его Августѣйшей Супруги, Которые Своимъ русскимъ сердцемъ всесовершенно воспріяли эту добродѣтель и являютъ ее всюду, гдѣ видять наши родныя святыни: вмѣстѣ съ простымъ вѣрующимъ народомъ они склоняли Свои вѣнчанныя главы и у святыни Кіев-

ва, и въ Саровѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Черниговѣ и многажды у свя-
тыхъ мощей великаго печальника
Русской земли Преподобнаго Сер-
гія и всѣхъ московскихъ чудотвор-
цевъ... Не видимъ мы Ихъ здѣсь:
дѣла государственныя удержали Ихъ
отъ путешествія въ наши дѣри Об-
норскія; но се—Ихъ Царственное
приношеніе, сія священная рака—
не есть ли свидѣтельство того, что
духомъ Они и нынѣ съ нами, не
есть ли это проявленіе Ихъ глубо-
чайшаго, воистину Царственаго,
смиренія Ихъ предъ однимъ изъ
смиренѣйшихъ носителей духа и
завѣтовъ родной нашей Церкви Пра-
вославной, на коей, какъ на несо-
крушимомъ основаніи, зиждется отъ
вѣковъ древнихъ наша Святая Русь
и ея краса и величіе—Престолъ Са-
модержца?.. Подумайте только: По-
мазаникъ Божій, въ сердцѣ Кото-
раго сосредоточены заботы о благо-
дѣствіи полутораста миллионовъ под-
данныхъ, въ рукахъ Котораго судь-
бы народовъ, населяющихъ шестую
часть земного шара, внемлеть скор-
би смиренной обители, посѣщенной
бѣдствіемъ пожара, и въ утѣшеніе
ей плѣть Свой Царственный даръ,
приемля въ соучастницу Себѣ и Свою
Боговѣнчанную Супругу, въ самомъ
дарѣ Своемъ проявляя глубокое зна-
ніе благочестивой народной души,
ея завѣтныхъ идеаловъ, ея любви
къ роднымъ угодникамъ Божіимъ...
Какъ не восхлинутъ изъ глубины
сердца: радуйся, Русскій православ-
ный народъ! Радуйся о Царѣ сво-
емъ: Онъ—съ тобою, Онъ вмѣстѣ съ
тобою чтить святыни твои, благо-
вѣтъ предъ ними, Онъ—вѣрный
Сынъ и Первенецъ твоей матери
Церкви; Онъ—ея защитникъ и по-
кровитель... Пусть мятутся разные
хулители Церкви Православной: съ
нами Царь нашъ Боговѣнчанный,
Онъ въ Церкви Православной и она

молится за Него, за всю Царствен-
ную Семью Его, а съ нею молятся
всѣ великие печальники наши предъ
Богомъ—всѣ святые Божіи, на не-
бесахъ Богу предстоящіе...

Вознесемъ же и мы, возвлюблен-
ные братіе, въ сей нареченный и
великій для обители преподобнаго
Павла день, вознесемъ свои смирен-
ные молитвы за Богомъ возвлюблен-
наго, Богомъ вѣнчанаго и превоз-
несенаго, но и на высотѣ Трона
Своего сердцемъ смиренаго Сына
Церкви Православной, нашего воис-
тины Благочестивѣшаго Государя, и
Его Августѣшую Супругу, съ Ихъ
благословеннымъ Отрокомъ-Наслѣд-
никомъ и благовѣрными Дочерьми—
Царевнами: да благословить Го-
сподь всѣхъ Ихъ миромъ, здравіемъ
и благоденствіемъ на многія лѣта.

Ты же, о преподобнѣ отче нашъ
Павле, благоспѣшствуй смирен-
ной и немощной молитвѣ нашей тво-
ю крѣпкою къ Богу молитвою, мно-
го бо можетъ молитва праведнаго
поспѣшствуема! Аминь.

Слава Богу: несмотря на холод-
ную, совсѣмъ осеннюю погоду, тор-
жества прошли благополучно. На-
роду было множество. Крестные
ходы изъ Грязовца, изъ Спасо-Ну-
ромскаго прихода и отъ другихъ
церквей прошли въ добромъ поряд-
кѣ. Новоосвященная серебряная рака
и сънъ надъ нею поражаютъ
своевобразною красотою: они пере-
носятъ зрителя въ XIV вѣкъ. Рака
представляетъ какъ бы древній ла-
рецъ изъ оксидированнаго серебра,
вызолоченнаго, съ тонкими узорами;
на верху ея—удивительно сходно
съ древними иконами сдѣлано из-
ображеніе преподобнаго во весь
ростъ, покрытое слюдою съ пере-
городками по складкамъ одежды.
Половина верхней крыши откры-
вается въ головной части; кромѣ
того и вся верхняя часть раки от-

крывается; въ головахъ и положено то изображеніе, о коемъ я говорю въ своемъ словѣ. Это изображеніе—чеканное, художественной работы, сохранившееся, какъ и обѣ руки, въ пламени пожара въ то время, когда вся остальная часть раки частію расплавилась, частію исковеркана до неузнаваемости,—поражаетъ какою-то особеною красотою лика преподобнаго, чего прежде, до пожара, не замѣчалось.

На телеграмму, посланную по случаю торжества освященія храма и Высочайше пожертвованной раки въ Павло-Обнорскомъ монастырѣ, участники торжества были осчастливлены слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ Его Императорскаго Величества:

Балтійскій портъ 27 іюня.

Вологда, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

„Въ молитвенномъ единеніи со всѣми присутствующими на обновленіи соборнаго храма обители преподобнаго Павла Обнорскаго и освященіи новой раки благодарю всѣхъ за выраженныя чувства“.

„НИКОЛАЙ“.

Телеграмма на имя Его Императорскаго Величества была слѣдующаго содержанія:

Балтійскій портъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Смиренная обитель Преподобнаго Павла Обнорскаго чудотворца, несказанно утѣшеннага послѣ посѣтившей ее судьбами Божіими великой скорби Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ Вашего Величества и Августѣйшей Супруги Вашей, празднѹя нынѣ обновленіе своего сгорѣвшаго соборнаго храма и освященіе дивной раки, принесенной отъ щедротъ Вашихъ, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ видѣть въ сѣмъ

приношеній поучительное для народа свидѣтельство глубочайшаго, воистину Царственнаго смиренія Вашего Величества предъ однимъ изъ смиренѣйшихъ подвижниковъ-носителей духа и завѣтовъ родной нашей Церкви Православной, на коей, какъ на несокрушимой скалѣ зиждется отъ вѣковъ древнихъ Святая Русь и ея краса и величие—Престоль Самодержца. Дерзаемъ уповать, Благочестивѣйшій и Возлюбленѣйшій Первенецъ матери нашей Церкви, что въ сей столь знаменательный для обители Павловой день и Вы и Августѣйшая Супруга Ваша съ Богомъ данными Чадами Вашими, Своимъ вѣрующимъ сердцемъ съ нами, и вознося сердечныя молитвы у мощей Преподобнаго Павла вмѣсть съ многотысячнымъ народомъ Вашимъ о здравіи и благоденствіи Вашемъ и Августѣйшей Семьи Вашей, а также и всей, Богомъ врученнай Вамъ Державы Россійской, повергнемъ свои вѣрноподданническія чувства къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Епископъ Ніконъ.

Епископъ Антоній.

Владиміръ Саблеръ.

Михаилъ Шрамченко.

Отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Марії Феодоровны получена слѣд. телеграмма.

Гатчина, 27 іюня.

Грязовецъ, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

Искренно благодарю Обитель Преподобнаго Павла Обнорскаго за молитвы и благожеланія.

„МАРІЯ“.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, телеграммою на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода bla-

годаря за молитвенную о Ней память и сожалѣя, что Ей не пришлось помолиться у раки Преподобнаго Па-

вла Обнорскаго Чудотворца, выразила надежду въ этомъ году поклониться Угоднику Божию.

130.

МОИ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ ВОЛОГДѢ.

Я простился съ бывшою моей паствою...

Духовенство города собралось ко мнѣ 24 числа, въ воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Глубоко тронулъ меня адресъ, который мнѣ было стыдно слушать: такъ много было въ немъ—не льстиваго сужденія, столь обычнаго въ подобныхъ слucha-яхъ, а видимо искренняго ко мнѣ расположенія, но въ то же время и—совершенно мною незаслуженныхъ похвалъ. Спасибо имъ, моимъ бывшимъ сотрудникамъ въ служеніи Церкви Христовой! Такъ тепло было на душѣ переживать эти минуты моего послѣдняго съ ними общенія!

Мнѣ поднесли на молитвенную память изящную въ древнемъ стилѣ панагію. Я отвѣтилъ имъ словомъ сердечной благодарности за ихъ любовь. Еще разъ—въ послѣдній разъ—напомнилъ имъ, какое тяжелое время мы переживаемъ, какая ответственность лежитъ на насъ, пастыряхъ Церкви, гдѣ и въ чемъ искать намъ опоры и утѣшения въ скорбяхъ. По болѣзни вынужденъ былъ сократить свою бесѣду и простился со всеми растроганный до слезъ¹⁾...

29 июня я въ послѣдній разъ слу-
жилъ въ каѳедральномъ соборѣ ли-
тургію. Разоблачившись послѣ моле-
бна, на который вышло много ду-
ховенства, я вышелъ изъ алтаря въ
мантии и сказалъ народу послѣднее

слово. Я взялъ текстъ изъ прощаль-
ной бесѣды Спасителя: „миръ оста-
вляю вамъ, миръ даю вамъ“... Я сказа-
лъ, что сіи слова Господа я могъ
примѣнить только въ смыслѣ моли-
твенного пожеланія и послѣдняго за-
вѣта къ бывшой моей пастѣ: мир-
ствуйте, храните миръ въ себѣ, въ
своей совѣсти, храните миръ—будь-
те всегда въ мирѣ съ ближними,
исполняйте Господни заповѣди и
блюдите миръ съ Богомъ... Я осо-
бенно настаивалъ быть въ мирѣ и
единеніи съ Церковью, ибо въ семъ
основаніе всякаго мира. Я указалъ
на самое существенное въ христіан-
ской жизни, въ православномъ міро-
созерцаніи, въ самомъ усвоеніи док-
матовъ вѣры нашей—смиреніе, безъ
коего нѣтъ никакой цѣны подви-
гамъ, такъ называемымъ добродѣте-
лямъ. Я говорилъ, что смиреніе во-
спитывается послушаніемъ Церкви,
вѣрностью ея завѣтамъ, подчине-
ніемъ себя руководству пастырей
Церкви во имя послушанія Христу
Господу. Я особенно предостерегъ
отъ тѣхъ, кто позволяетъ себѣ осу-
ждать служителей Церкви и тѣмъ от-
вращать вѣрующихъ отъ послуша-
нія имъ. Еще разъ я напомнилъ
слова Господни: если даже пастыри
живутъ не добрѣ, и тогда—всѧ елика-
ище рекутъ вамъ бласти, соблюдай-
те и творите, по дѣламъ же ихъ
не творите. Мы, пастыри, такие же
грѣшники, какъ и вы, можетъ быть,
еще грѣшнѣе васъ, но мы возвѣ-
щаемъ вамъ путь спасенія, Христомъ
преданный: такъ Господу было угод-
но, чтобы и чрезъ недостойныхъ па-

1) Къ удивленію моему, адресъ спол-
на напечатанъ въ „Церк. Вѣдомо-
стяхъ“: я не ожидалъ такой чести!
Тамъ же описано и мое прощаніе...

стырей изливалась благодать Его въ таинствахъ Церкви, ибо, если судить по-Божи, то есть ли въ міръ хотя одинъ человѣкъ, достойный быть носителемъ сей благодати?..

Въ заключеніе я просилъ у всѣхъ прощенія и преподалъ именемъ Господнимъ всѣмъ прощеніе и благословеніе.

Отъ лица всѣхъ кратко отвѣтилъ мнѣ о. ректоръ семинаріи, взаимно прося за всѣхъ у меня прощенія.

Долго потомъ я благословлялъ православныхъ: судя по количеству розданныхъ книжекъ („Среди пасомыхъ“), народа было не менѣе полуторы тысячи, но многіе изъ немощныхъ ушли, не дождавшись очереди. Грустно мнѣ было это прощанье, въ коемъ чувствовалось сердечное отношеніе сихъ чадъ Церкви къ ея пастырямъ, яко носителямъ благодати. Вотъ почему такъ хотѣлось предостеречь ихъ отъ разныхъ модныхъ лжеучителей, отъ сихъ хищныхъ волковъ, вторгающихся въ стадо Христово. А волки эти, будто по чьему-то тайному мановенію, врываются въ Церковь отовсюду: и рационалистическая, и мистическая секты растутъ и множатся изо дня въ день. И что особенно опасно: мистическая проникаютъ въ нѣдра Церкви, ихъ послѣдователи не хотятъ быть отлученными, напротивъ, какъ-то особенно льнутъ вѣнчаниемъ образомъ къ Церкви, тщательно исполняютъ ея обряды, причащаются св. Таинъ... И въ то же время разрушаютъ Церковь погибельными ученіями...

Простился я и со всѣми вологодскими святынями: былъ во Всеград-

скомъ соборѣ, поклонился иконѣ Спасителя, былъ въ Прилуцкомъ монастырѣ, поклонился св. мощамъ угодниковъ Божиихъ Димитрія и Игнатія, въ Духовомъ монастырѣ у преподобныхъ Галактіона и князя Иоасафа, въ Троицкой церкви у преподобнаго Герасима.

Въ воскресеніе, съ поѣздомъ, отходящимъ по мѣстному времени въ 2 съ четвертью часа, я отбылъ изъ Вологды. На вокзалѣ собрались добрые вологжане проводить меня. Были губернаторъ, вице-губернаторъ, другіе представители власти, городской голова и масса народу. Народъ пѣлъ *Спаси, Господи, люди Твоя и многая лѣта многажды, пѣли величаніе преподобнымъ Сергію и Нікону, Радонежскимъ чудотворцамъ*. Долго мнѣ пришлось благословлять народъ изъ окна вагона, ибо вятскій поѣздъ задержалъ напѣтъ поѣздъ на полчаса.

Наконецъ, при пѣніи многолѣтія, поѣздъ тихо отошелъ въ путь свой и сердце какъ-то сжалось, при мысли, что я навсегда уже покинулъ градъ Вологду, съ его святынями, съ его добрыми, вѣрующими, простосердечными жителями. Благослови ихъ, Господи, спаси ихъ и помилуй! Благослови съ миромъ пришествіе къ нимъ доброго святителя и да будетъ служеніе его боялье благоплодно во спасеніе душъ ихъ, чѣмъ мое служеніе, да будутъ связаны союзомъ любви и пастыри вологодскіе съ своимъ архиепископомъ и да трудятся съ нимъ на нивѣ сердца народнаго во славу Церкви родной!..

Отчество Царской власти.

Сегодня открылъ „Моск. Церк. Вѣдомости“ и сразу прочиталъ сло-

ва въ запискахъ архиеп. Леонида: „Русскіе смотрѣть на государство

патріархально: государство—семья, Царь—Отецъ".

Я прибылъ въ родную лавру, когда она была полна свѣтлыхъ воспоминаній о посѣщенія ея Царскою Семьей. Иночі съ умиленіемъ разсказывали разныя подробности этого посѣщенія. Болѣе десяти лѣтъ прошло съ того дня, какъ Государь посѣщалъ обитель Преподобнаго Сергія; многое скорбей пережила бѣдная Русь за это время, а съ нею скорбѣла и святая лавра. Вѣдь, если Москва есть сердце Россіи, то обитель Сергіева есть одинъ изъ жизненныхъ нервовъ этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена тою проклятою революціей, которая пыталась убить нашу матерь—Русь православную... Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!... И горячо молились иночі о мирѣ всего міра, о Царѣ своемъ, о родной землѣ, молились и у гроба чудотворца, и во всѣхъ храмахъ, и по кельямъ своимъ... „Какъ будто наступило затишье, говорять они: дай-то, Господи! Помоли миръ людемъ Твоимъ!"...

Не стану повторять то, что въ свое время описано въ газетахъ. Отмѣчу лишь то, что ускользаетъ обыкновенно отъ зоркихъ глазъ газетныхъ описателей.

Говорятъ, были предприняты нѣкоторыя мѣры, чтобы массы народныя не переполняли улицъ посада. Но народъ проникъ въ посадъ такими путями, о коихъ полиція не думала: чрезъ посадскіе лошницы или овраги, и всѣ улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь предъ лаврой пестрѣла отъ головныхъ уборовъ крестьянокъ, у вокзала всюду, где только было возможно, тѣснился народъ. Когда Цесаревичъ показался изъ вагона и направился прямо въ Царскую коляску, то буря на-

роднаго восторга не поддавалась никакому описанію. Государь въ эту минуту находился въ царскомъ павильонѣ: Онъ взглянуль въ открытое окно павильона, и радостнымъ чувствомъ озарилось Его лицо... Восторженными громовыми перекатами гремѣло „ура“ по всему пути до лавры, а лаврская колокольня привѣтствовала Царя чудными звуками четырехъ-тысячно-пудового царя-колокола и его сорока мѣдныхъ дѣтей. Съ крестнымъ ходомъ лавра встрѣтила Помазанника Божія у св. воротъ. Митрополитъ привѣтствовалъ Его сердечнымъ словомъ. И вотъ Государь въ древнемъ соборѣ Живоначальной Троицы, у нетѣлѣнныхъ мощей великаго печальника Русской земли, Преподобнаго Сергія. Онъ, Самодержавный Обладатель шестой части сѣта, яко единъ отъ простыхъ бого-мольцевъ, смиренно склоняетъ вѣнчанную главу Свою предъ гробомъ смиреннаго отшельника лѣсовъ Радонежскихъ, молитвенно поручаетъ ему Своего Сына — Наслѣдника и всю Свою Царственную семью. Торжественно идетъ молебенъ Преподобному и горячо молится Царь, молится Царица, молятся ихъ дѣти у гроба чудотворца. Говорятъ, трогательно было видѣть, какъ Государь Цесаревичъ благоговѣйно принялъ икону изъ рукъ Митрополита и поцѣловалъ ее, истово оградивъ Себя крестнымъ знаменіемъ.

Государь съ Царевнами посѣтилъ келліи Митрополита, а Государыни съ Своимъ Царственнымъ Отрокомъ изволила оставаться въ это время въ притворѣ, именуемомъ келліей Преподобнаго Сергія. Здѣсь Царица земная горячо молилась Царю Небесной, явившейся нѣкогда на семъ мѣстѣ преподобному Сергію и речешай: „неотступна буду отъ мѣста сего“. Государь еще разъ по-

сътиль эту келейку, милостиво и просто бесѣдоваль съ братіей, разспрашивая объ иконахъ и иконописной школѣ. Съ умиленіемъ повѣдаютъ иночи, какъ Государь Наслѣдникъ выходя изъ келліи Преподобнаго, еще разъ обратился назадъ и протянулъ ручки, чтобы принять благословеніе Владыки Митрополита. Невольно хотѣлось сказать Царственному Дитяти: „Ты испрошень у Бога молитвами новоявленнаго чудотворца преподобнаго Серафима: да будутъ же всегда, во всѣ дни жизни Твоей угодники Божіи съ Тобою, и Божіе благословеніе да будетъ надъ Тобой!“...

Государь съ Свою Царственной Семьей отбылъ изъ святой обители; праздникъ кончился, но свѣтлыя воспоминанія о Его пребываніи здѣсь живы и надолго будутъ одушевлять сердца. Ему преданныя, горячей любовью къ Божію Помазаннику и всему Дому Его. Вотъ телеграмма, которую Государь порадовалъ обитель и всѣхъ жителей посада послѣ Своего отѣзда. Она прислана на имя губернатора и въ ответѣ на телеграмму жителей посада:

„Вмѣстѣ съ Моей Семьей сохраню радостныя чувства отъ посѣщенія святой обители и совмѣстной молитвы съ жителями Сергиева посада, которымъ поручаю передать Мою благодарность за выраженные чувства преданности“.

НИКОЛАЙ.

Каждый разъ, когда мы приводилъ Богъ быть свидѣтелемъ и участникомъ встрѣчи Государя, я переживалъ какое-то особое чувство, особое, такъ сказать—мистическое настроеніе... Думаю, меня поймутъ православные русскіе люди, сердцемъ преданные завѣтамъ родной земли. Какъ выразить сло-

вами это чувство?.. Я сказалъ бы: это ощущеніе всѣмъ существомъ русской души того отчества Верховной Власти, которое выражается въ беззавѣтной, а слѣдовательно и безусловной любви и преданности народа къ своему Царю и такой же любви Царя-Отца къ народу, когда всякая мысль о какой-то конституціи, о какомъ-то договорѣ Царя съ народомъ является кощунствомъ, непростительнымъ оскорблениемъ не только Царя, но и Бога, Которымъ Царь царствуетъ. Наше русское Самодержавіе носитъ характеръ чисто религіозный: „Богъ, по образу Своего Вседержителя, дасть намъ Царя Самодержавнаго“, говорить великий учитель Русской Церкви Митрополитъ Филарѣтъ, и Царь нашъ царствуетъ по образу Божія о насть промышленія, какъ слуга Божій, какъ уполномоченный Имъ, Царемъ Небеснымъ, и только Имъ едінымъ: Онъ — нашъ беззавѣтно любимый, нашъ родной Отецъ, и никогда, пока Русь стоять, пока она Русь православная, народъ Русскій не допустить и мысли о какомъ-либо ограниченіи Его самодержавной власти, ибо не можетъ допустить и той мысли, чтобы Благочестивѣшій Божій Помазанникъ когда-либо позволилъ Себѣ поступить вопреки велѣніямъ Своей Царской совѣсти, руководимой благодатію Духа Божія, дарованною Ему въ священномъ таинствѣ муропомазанія. Пожелаетъ ли отецъ недобраго своимъ дѣтямъ? Мыслимо ли отъ отца требовать отчета въ его дѣлахъ? Возможно ли, не будетъ ли нарушеніемъ всякихъ законовъ и божескихъ и человѣческихъ вторгаться въ права отца, ограничивать ихъ, ставить ему какія-то условія, кромѣ тѣхъ, въ какія онъ поставленъ Богомъ въ его совѣсти? Народъ есть единый цѣлый организмъ,

организмъ живой, возглавляемый Царемъ, яко Главою своею: что тѣло безъ головы—то государство безъ Царя, что семья безъ отца, то и царство безъ Царя. Когда была наша Русь наиболѣе сильна и славна и могущественна среди народовъ земныхъ? Тогда, когда наиболѣе сознавала эту истину: примѣръ—царствованіе незабвенного Носителя идеала Царя Миротворца Александра III-го. Онъ воплотилъ въ Себѣ, въ Своемъ царствованіи, въ Своей личной жизни народный идеалъ Царя, и никогда Россія не стояла такъ высоко въ глазахъ всего міра, какъ во дни—благословленные дни Его царствованія. Мы переживаемъ иные дни, когда идеалъ нашъ тускнѣеть, меркнеть въ нашемъ сознаніи, и вотъ—плоды этого на нашихъ глазахъ. Но въ душѣ народной онъ, этотъ идеалъ, живъ: народъ беззавѣтно любить самое имя Царя, чтить въ Немъ Божія Помазанника и беззавѣтно преданъ Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговѣйное отношеніе къ Царской власти, къ личности Царя и всѣхъ членовъ Его Августѣйшей Семьи, Богъ дастъ, спасетъ Россію, если только врагамъ ея не удастся поколебать самой основы отчества Царской Власти. И они, наши супостаты, видѣть это, сознанье, быть можетъ, лучше многихъ изъ нась, отлично понимаютъ и то, на чёмъ все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни — въ Церкви, въ вѣрѣ православной, и посмотрите, какъ они стараются расшатать эти основы! Ни іудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никакихъ сектъ не трогаютъ, на-противъ: готовы всѣми мѣрами имъ содѣйствовать въ укрѣплѣніи и расширѣніи.—на одно только православіе устремлены всѣ ихъ нападе-

нія, противъ него всюду и вездѣ строятся козни, ведутся подкопы, составляются „блоки“ и—какой по-зорь! въ этомъ всеобщемъ походѣ враговъ нашихъ противъ Церкви православной принимаютъ едва ли не главное участіе, по крайней мѣрѣ по количеству членовъ этого „блока“, люди, именующіе себя русскими, даже православными! Что за ослѣпленіе! Что за безуміе, граничащее съ самоубийствомъ! Ужъ пусть бы прежде совсѣмъ отреклись отъ православія, отъ русской народности, открыто заявили, что перешли... ну хотя бы въ іудейство, магометанство, буддизмъ, во что угодно, только бы не обманывали народъ именемъ русскихъ людей! Но—увы! имъ эта-то маска и нужна: безъ нея они бессильны, они знаютъ это и только подъ маскою благодѣтелей народа надѣются достигнуть своихъ преступныхъ цѣлей. Вѣрится, что народъ своимъ здравымъ умомъ сумѣеть наконецъ распознать ихъ и съ чувствомъ грознаго для нихъ негодованія отвернется отъ нихъ, заклеймивъ ихъ именами, имъ свойственными...

Все міросозерцаніе нашего народа построено на началахъ нравственныхъ, церковно-религіозныхъ, въ противоположность міросозерцанію народовъ западныхъ. Тамъ, на-противъ, все строится на началахъ правовыхъ, юридическихъ. Если мы хотимъ, чтобы нашъ народъ занималъ подобающее ему мѣсто въ средѣ народовъ земныхъ, то мы не должны насиливать его міросозерцанія, а всѣ законы строить въ народномъ духѣ. И если бы наши образованные классы усвоили себѣ это основное начало русской жизни, то не надѣли бы тѣхъ ошибокъ, въ коихъ—увы!—они и теперь не каются. Призваніе Царемъ „лучшихъ людей“, народомъ избран-

ныхъ, они поняли какъ открытие „парламента“, тогда какъ Царь—Отецъ хотѣлъ видѣть при Себѣ со-вѣтниками дѣтей, а не парламент-скихъ говоруновъ, людей дѣла, лю-дей опыта жизненнаго и, по воз-можности, разума государственного. А Ему въ первую же думу послали большинство самыхъ негодныхъ лю-дей—разныхъ „эсъ-эротовъ“ и „эсдековъ“. Кто послалъ? Конечно, не народъ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вотъ эта „интеллигентія“, кото-рая, пропитавшись западною отра-вою масонскихъ ученій, хотѣла и Русь передѣлать на западный шаблонъ. Царь распустилъ негодную думу. Собралась вторая, но не луч-ше первой. Тогда Царь измѣнилъ выборный законъ и получилась ду-ма... сносная. По крайней мѣрѣ, ее терпѣли до конца срока ея пол-номочій. Желательна ли 4-я дума такая же? Конечно, нѣтъ. Будетъ ли опять измѣненъ избирательный законъ или же будутъ приняты мѣ-ры къ болѣе строгому его исполне-нию путемъ разъясненій, какъ это недавно было сдѣлано въ отноше-ніи къ іудеямъ—мы не знаемъ; зна-емъ одно: Царь есть высшій источ-никъ законовъ и никто не смѣеть отнимать у Него права не только измѣнять, но и отмѣнить законы, если Онъ сіе признаетъ за благо. Онъ можетъ и вовсе отмѣнить за-коны о Думѣ: вѣдь, Онъ далъ ихъ, и если найдеть, что законы не отвѣчаютъ благу Его народа, то кто же посмѣеть запретить Ему и от-мѣнить ихъ? Отецъ устанавливаетъ порядки въ семье, и если эти по-рядки оказываются непригодными, отмѣняетъ ихъ. Законъ можетъ быть хороши по идеѣ, но не отвѣчать жизни: ужели слѣдуетъ держаться его неотмѣнно, хотя бы онъ ока-зался вреднымъ для государства?

Да, наконецъ: дѣти не исполняютъ воли отца: присылаютъ ему не „лучшихъ“, а худшихъ избранни-ковъ: ужели нельзя лишить такихъ дѣтей (для ихъ же пользы, какъ неразумныхъ, непонимающихъ на-мѣреній отца) и того права, какое подарилъ имъ отецъ? Богъ—источ-никъ благости, но и Онъ караетъ грѣшниковъ, лишая ихъ Своей ми-лости. Раскройте страницы всемир-ной исторіи, читайте исторію избран-наго народа. Мы, христіане, вѣру-емъ слову Божію и видимъ изъ него, видимъ изъ нашей родной исторіи, какъ Богъ лишалъ народы Своей ми-лости, когда они переставали быть вѣрными исполнителями Его святой воли... Даже съ юридической точки зрењія, когда одна сторона, заключившая условіе, бываетъ невѣрна своимъ обязанностямъ, то другая освобождается отъ принятыхъ ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и вѣрною имъ... Въ самомъ дѣлѣ: Царь хочетъ, чтобы Ему вы-брали въ Его Думу „лучшихъ“, а Ему присылаютъ худшихъ людей: что же, развѣ Онъ не въ правѣ сказать: „такіе Мы не нужны“? И мы признали бы только дѣломъ муд-рой справедливости, если бы тѣ области, тѣ учрежденія, которыхъ и въ 4-ю Думу прислали бы „эсъ-эротовъ“ и „эсдековъ“, были лишены, впредь до новой думы, на пять лѣтъ, права имѣть своихъ избран-никовъ въ Г. Думѣ или Г. Совѣтѣ, а эти негодные люди были изгнаны изъ сихъ поченныхъ учрежденій немедленно. Худая трава изъ поля вонъ: нечего ей и сорить поле. Чи-стая пшеница будетъ только бла-годарна, если ее прополять въ этомъ смыслѣ, если среди ней не окажется открытыхъ враговъ Церкви и оте-чества. И при нравственныхъ осно-вахъ государственной жизни это было бы только естественнымъ явле-

ніемъ, и народъ, вѣрный этимъ началамъ, только горячо поглаголи бы Верховную Власть за такую прочистку...

Въ исторіи бываютъ моменты, когда люди, понимающіе смыслъ совершающихся событий, должны всячески прояснить въ сознаніи народномъ тѣ жизненные начала, которыя заложены въ духовный обликъ народа, и къ такимъ святымъ началамъ—въ церковной жизни нашего народа должно отнести—обще-

ніе наше съ Церковію небесною, съ Церковію вѣковъ минувшихъ—общеніе въ мысли, въ вѣрѣ и жизни, а въ государственной жизни—сознаніе отчества Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а съ нами и всѣ просвѣщенные русскіе люди, вѣрные этимъ началамъ, должны стоять на стражѣ ихъ, зорко слѣдя за всѣми покушеніями на нихъ со стороны нашихъ враговъ...

133.

Мое доброе слово къ православному духовенству.

Время всякой вещи подъ небесемъ, сказалъ Премудрый, время молчани и время глаголати.

Настало время, когда намъ, пастырямъ Церкви, предстоитъ великое дѣло—послужить нашей православной Руси и нашему Богомъ избранному Самодержцу Царю вѣрою и правдою. Въ нынѣшнемъ году предстоять выборы въ четвертую Государственную Думу. Воля Самодержавиѣшаго Государя нашего намъ хорошо известна. Онъ хочетъ, чтобы въ это высокое государственное учрежденіе были избраны лучшіе русскіе люди, русскіе по духу, чтобы здѣсь работали богоятели русской мысли, носители родныхъ завѣтовъ русского народнаго духа, люди дѣла и опыта не только житейскаго, но и государственного. Имъ поручается разсмотрѣніе, исправленіе и даже составленіе новыхъ законовъ; они отвѣчаютъ и предъ народомъ за то, хороши или плохи будутъ эти законы, худо или хорошо будетъ русскому православному человѣку жить подъ этими законами.

Отцы и братія, сослужители и

работники на нивѣ сердца народнаго! Вы знаете, что творится на нашей, когда-то святой, а нынѣ столь грѣшной Руси! Вы знаете, сколько развелось у нея враговъ внутреннихъ, враговъ святой матери нашей Церкви Православной, враговъ завѣтныхъ нашихъ святынь и родныхъ преданій. Они и сейчасъ всюду работаютъ, подкапываясь подъ самые устои нашей народно-государственной жизни. Нужно ли называть ихъ сообщества, или партіи, по именамъ? Народъ въ массѣ своей мало знакомъ съ этими прозвищами, дикими для его слуха; зато онъ отлично умѣетъ различать ихъ по ихъ дѣяніямъ, по ихъ пропагандѣ; кто идетъ противъ матери Церкви, не слушая ея внушеній, ея голоса; кто хочетъ ограничить Царское Самодержавіе; кто навязываетъ Русскому народу братство и равенство съ іудеями и другими враждебными вѣрѣ православной ино-племенниками, отнимая у нашего народа право быть хозяиномъ въ родной землѣ: всѣхъ таковыхъ народъ считаетъ врагами своими, все равно, какъ бы ихъ ни называли:

кадеты ли, эсъэры ли, эсдеки ли или еще какие политические сектанты... Вспомните, отцы и братя, съ какою непримиримою злобою всѣ эти господа относились въ Государственной Думѣ именно къ Церкви Православной. Вспомните, какие вѣроисповѣдные законы проводили они и кто своимъ большинствомъ помогалъ имъ въ этомъ. Вспомните, какъ они отнеслись къ нашему родному дѣтищу — церковно-приходскимъ школамъ, глубоко оскорбивъ не только память въ Бозѣ почившаго незабвеннаго ихъ воскресителя-императора Александра III, но и, милостю Божіей, нынѣ царствующаго Его Державнаго Сына, Который назвалъ эти школы дорогими Его сердцу наслѣдіемъ отъ Державнаго Отца. Вспомните, съ какою желчью отзывались они о нашихъ святыняхъ, о нашемъ церковномъ управлѣніи, съ какимъ презорствомъ трактовали большой вопросъ обѣ обеспеченіи духовенства... За то съ какою нѣжностью отстаивали они интересы сектантовъ и раскольниковъ, разныхъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ!... Сердце изболѣлось за эти пять-шесть лѣтъ; будто кошмаръ какой давилъ душу.

Но зато мы многому и научились за это время. Мы научились распознавать враговъ отъ друзей, какими въ первые дни третьей думы притворялись, напримѣръ, такъ называемые октябристы. Не захотѣли они въ думскомъ адресѣ назвать нашего возлюбленнаго Отца народа Самодержцемъ, и тутъ открылось, что они враги Царскаго Самодержавія. Ясно стало, что на такихъ друзей полагаться нельзя, что и довѣрять имъ обѣщаніямъ не слѣдуетъ. Дѣло показало, что они явились врагами и церковной школы, да и во всѣхъ вопросахъ, касавшихся пользы и нуждъ Церкви,

они становились на сторону такъ называемыхъ кадетовъ. Такіе друзья хуже открытыхъ враговъ.

Съ дѣтства, отъ отцовъ своихъ мы приняли, какъ неоспоримую истину, что умъ и совѣтъ не измѣряются какъ величины ариометрическія, что истина и добро не распредѣняются по большинству голосовъ ихъ оцѣнщиковъ. „Большинство голосовъ есть великая ложь нашего времени“, сказалъ одинъ умный государственный мужъ. Но опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что приходится считаться и съ этою ложью: иначе ложь возьметъ верхъ въ законодательствѣ надъ истиной, злонадъ добромъ. Ясно, что въ законосоставительная учрежденія надо собирать побольше людей умныхъ и честныхъ, чтобы и большинствомъ голосовъ они брали верхъ надъ людьми неу碌ными и нечестными. Понятно, что если бы въ Государственной Думѣ составилось большинство изъ людей, преданныхъ Церкви, беззаконно любящихъ Самодержца и родину — мать, то и смутъ давно бы положенъ конецъ, и пынству народному — должны предѣлы, и школьнѣе дѣло процвѣтало бы въ истинно-народномъ, православномъ духѣ, и Церковь Божія стояла бы на высотѣ, ей подобающей, да духовенство наше не нуждалось бы въ кускѣ насущнаго хлѣба. Видите, какъ ни противно нашему нравственному чувству признавать въ жизни принципъ решенія столь важныхъ вопросовъ большинствомъ голосовъ, но разъ этотъ принципъ допущенъ въ законы, намъ необходимо противопоставить ему такое же, но совершенно нравственное средство — тоже большинство голосовъ, но подаваемыхъ людьми достойными, разумными, честными, а слѣдовательно только такихъ и избирать въ будущую Госу-

дарственную Думу. Русский народъ искони жилъ въ любви къ Церкви, всегда прислушивался къ ея материнему голосу, къ ней обращался въ своихъ нуждахъ и невзгодахъ политическихъ. Грѣшно намъ, пастырямъ Церкви, оставить его безъ руководства и въ настоящую трудную для него историческую минуту. Нашъ долгъ указывать ему грозящія опасности, разъяснять, что такое всѣ эти политическія партіи, всѣ эти кадеты, октябристы, эсъ-эры и эдеки, обличать лживость ихъ обѣщаній, ихъ тайные замыслы. Напримеръ: партія кадетовъ назвала себя „партіей народной свободы“, а когда въ эта лживая кличка была разоблачена, теперь называются себя „безпартійными прогрессистами“... А на дѣлѣ ихъ стремленія ясны, какъ Божій день: они хотятъ лишить Помазанника Божія Его самодержавія, сдѣлать Его игрушкой въ своихъ рукахъ, чтобы Онъ не могъ распоряжаться на Руси, яко Самодержецъ, по вѣлью Своей Царской совѣсти, а только подписывалъ бы то, что Ему подложатъ эти господа кадеты. Захватить Державную Власть въ свои нечистыя руки—вотъ ихъ цѣль! Понятно, что съ негодованіемъ слѣдуетъ отвергать всякую мысль о выборѣ въ Государственную Думу какихъ бы то ни было лицъ, принадлежащихъ къ этой измѣннической партіи, которую было бы справедливо называть, какъ и называютъ умные люди, партіей народнаго обмана, а не народной свободы.

Нашъ пастырскій долгъ и предъ Богомъ и предъ отечествомъ предостерегать народъ отъ всякой возможности выбора такихъ представителей въ Г. Думу. Само собою понятно, что и все духовенство должно всенепремѣнно использовать свои права такъ, чтобы ни одной

десятины земли не осталось безъ представительства на выборахъ. Смотрите, какъ заботятся наши враги, враги Церкви Божіей, заботятся о томъ, чтобы всячески отвести глаза намъ, духовенству, отъ выборовъ, отъ участія въ нихъ. Они нарочито и газету затѣяли якобы церковную, для недалекихъ батюшкъ, и назвали ее именемъ когда то, лѣтъ 30 назадъ, существовавшаго „Церковно-Общественаго Вѣстника“, издававшагося г. Поповицкимъ: имъ страстно хочется внушить всѣмъ намъ мысль, будто участіе духовенства въ выборахъ въ Государственную Думу и въ ея трудахъ—есть вмѣшательство Церкви въ политику. Они и слова Спасителя не прочь привести—воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божія Богови. Но какъ разъ эти слова и обличаютъ ихъ: вѣдь, и сказаны-то они были не Апостоламъ, а вотъ такимъ же, какъ наши кадеты, лицемѣрамъ, которые хотѣли уловить Господа, обвинивъ Его въ политикѣ. Господь и разъяснилъ, что всѣ мы должны исполнять свой долгъ какъ въ отношеніи къ Богу, въ исполненіи Его заповѣдей, такъ и въ отношеніи къ Государю, въ исполненіи Его законовъ и повелѣній. Знаютъ іудеи и ихъ приспѣшники, разные кадеты и прочая челядь іудейская, что печать способна перевоспитывать неглубокихъ людей, что она можетъ гипнотизировать массы, внушать имъ то, что хотятъ внушить руководители печати: и вотъ, денегъ не жалѣютъ, чтобы воздѣйствовать на духовенство черезъ печать, чтобы внушить ему, если не прямо революціонныя мысли, то хотя бы только вотъ эту мысль: „политика—не дѣло духовенства“... Да скажите же наконецъ, Бога ради: что такое „политика“? Ужели проповѣдь любви къ отечеству—политика? Ужели

горячій призывѣ къ защите родныхъ святынь отъ поруганія ихъ іудеями и измѣнниками—политика? Ужели истолкованіе идеала Царскаго Самодержавія по разуму Православной Церкви—политика? Ужели твердое и рѣшительное требование—да, требование! — чтобы театры не строились, напримѣръ, рядомъ съ храмами Божіими, чтобы подъ великие праздники, по крайней мѣрѣ вблизи храмовъ Божіихъ, молчала плясовая жидовская музыка, чтобы дѣтимъ въ школахъ не смѣли дарить толстовскія богохульныя книжонки, чтобы въ великие праздники, какъ Богоявленіе Господне, Входъ въ Іерусалимъ да и въ воскресные дни іудеи-профессора не назначали для православныхъ дѣтей экзаменовъ, а гг. земскіе начальники, мировые судьи и другіе служители Фемиды не назначали по праздникамъ заѣданій своихъ въ часы Богослуженія, да мало ли еще что—ужели все это политика? Вѣдь, выходитъ, что все, что не нравится іудеямъ и нашимъ измѣнникамъ — ихъ союзникамъ, все это политика? Вотъ и теперь мы, пастыри, должны открыто и повсюду призывать Русской

народъ выбирать въ Царскую думу лучшихъ, православныхъ русскихъ людей и не давать своихъ голосовъ тѣмъ, кто не хочетъ служить вѣрой и правдой, по совѣсти и присягѣ, Царю Самодержавному, Церкви Православной и родной Русской землѣ—что же, гг. кадеты, и это по вашему будетъ тоже политика? О, если бы мы отдали теперь всѣ силы ума и сердца, призывая Бога на помощь, такой политики! . Если бы Богъ вразумилъ русскихъ людей собрать Царю такую Думу, какою Онъ представлялъ ее Себѣ, когда писалъ Свой манифестъ о первой Думѣ! Если бы эта Дума думала съ Царемъ своимъ воедино, какъ бывало когда-то встарь, при Царяхъ Московскихъ!..

Помолимся, отцы и братія, пастыри Русской Церкви, да поможетъ Господь народу нашему, изстрадавшемуся за послѣднія шесть-семь лѣтъ отъ всяческихъ смути, встать на старый славный историческій путь единенія и въ мысли и въ дѣлѣ и въ государственной жизни съ Царемъ своимъ, Божіимъ Помазанникомъ!

Ей, буди, буди!!!...

О ТОМЪ, КАКЪ ІУДЕИ ОТРАВЛЯЮТЪ НАШУ РУСЬ ПРАВОСЛАВНУЮ.

Несчастная Россія!.. Не нужно быть мудрецомъ, чтобы видѣть, что ты гибнешь,—не надо быть пророкомъ, чтобы провидѣть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границъ той необузданной свободѣ, какую захватили себѣ іудеи и ихъ наемники и приспѣшники, измѣнники вѣрѣ родной изъ сыновъ твоихъ! Мы, русскіе люди, дожили до того, что насть насильственно отравляютъ духов-

нымъ ядомъ, намъ не даютъ самой возможности имѣть здоровую духовную пищу: іудеи нагло смѣются надъ нами, подсовывая намъ вмѣсто этой пищи ядъ, всюду—только ядъ и никакого противоядія...

Отъ чтенія хорошихъ книгъ отучили, все заполонила газета, а вся газетная печать—почти вся, за немногими рѣдкими исключеніями—въ рукахъ іудеевъ, и мы, читатели, должны или читать непремѣнно

только ихъ — извините за выражение — зловонные листки, или же совсѣмъ не знать, что на свѣтѣ Божиѣмъ творится. Когда сидишь еще дома — можно выписать кое-что изъ патріотической печати, — надо правду сказать: по неимѣнію достаточныхъ къ тому средствъ — какой-то захудалой, тощей свѣдѣніями, сообщающей не рѣдко то, что въ іудейскихъ газетахъ напечатано уже два-три дня назадъ; но когда судьба заставитъ вѣсъ путешествовать, то вы уже обречены на плѣнъ іудейской, горшій вавилонскаго. Ни на пароходѣ, ни на станціяхъ жел. дорогъ, ни въ вагонахъ — ни одной патріотической газеты. Спросиши „Моск. Вѣдомости“ или „Колоколь“ — отвѣчаютъ: „нѣть“ — „Почему же не имѣете?“ — „Спроса нѣть“. — „Да, вотъ я спрашиваю!“ — „Извините, не имѣемъ“. Или: „вышли всѣ“ — Да у васъ и не было ихъ!..

Загляните въ сумку продавца и предъ вами запестрѣютъ всѣ іудейскія изданія: и „Рѣчъ“, и „Руль“, и „Биржовки“, и „Копѣйки“, не говорю уже о „Русскомъ“ (когда-то дѣйствительно — *Русскомъ*, въ которомъ и мнѣ не стыдно было, на-противъ — почетно сотрудничать!) Словѣ, „Современномъ Словѣ“ и т. д. А если заглянете какъ-нибудь неосторожно въ изданія иллюстрированныя, то краска стыда покроетъ ваше лицо: такая тамъ печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцѣлѣть тутъ простому читателю? А, вѣдь, газета въ послѣдніе годы стала на-сущной потребностью массы полу-интеллигентовъ, что-то вродѣ папиросы или чашки чаю. Иудеи, прикрываясь заманчивымъ для недалекихъ людей словомъ „свобода“, захватили въ свои цѣпкія руки печатное слово, захватили, говоря коммерческимъ языкомъ, газетный рынокъ,

поставили настъ въ невозможность противостоять имъ, и вотъ мы — въ плѣну у нихъ: чѣмъ хотятъ, тѣмъ настъ и питають, особенно во время нашихъ путешествій: точь въ точь какъ содергатели буфетовъ: или ъшь скромное, или голодай въ дорогѣ. И это называется у настъ *свободою* печатнаго слова! О, конечно, свобода — свобода злу, свобода отравлять русскихъ людей, свобода издѣваться надъ нами, надъ всѣмъ, что для настъ дорого и священно! Но, гг. вѣсть имущіе: вѣдь, это плѣнъ, худшій плѣна японскаго, нѣмецкаго, какого угодно, это плѣнъ жидовскій: ужела это не видно вамъ?.. Или погибни Русь, лишь бы былъ неприкосновенъ принципъ свободы печати, свободы слова и т. д.?

Намъ говорятъ: и вы пользуетесь тою же свободою, — кто вамъ запрещаетъ?

Совѣсть, господа, запрещаетъ! Мы не можемъ допустить тѣхъ способовъ отравленія народа, какія допускаютъ и на какія способны іудеи. Мы не имѣемъ и тѣхъ средствъ, какими располагаютъ для сей цѣли іудеи. У настъ нѣть фондовъ, подобныхъ кагальному, нѣть миллиардеровъ, бросающихъ миллионы на завоеваніе нашего народа, въ надеждѣ пить его кровь... Нѣть, если вамъ жаль русскаго человѣка, если жалѣете родную Русь и хотите, чтобы она еще жила среди народовъ земли, то гоните отъ нея прочь этихъ чужеядныхъ наскѣко-мыхъ... *отъ анатоміи до стоматологіи*

На эти мысли навѣтъ меня недавній случай. Щду я въ вагонѣ, одинъ изъ спутниковъ подаетъ мнѣ № московскаго іудейскаго „Руля“ и говорить: „почитайте“. Говорю ему: „охота и вамъ брать въ руки этотъ листокъ: развѣ не чувствуете, что отъ него несѣть чеснокомъ?“ — „Да

нѣтъ, говоритъ: посмотрите, любопытная статья... Одно заглавіе чего стоитъ! „Новое религиозное сознаніе!“ А въ скобкахъ: „Что же такое голгоѳское христіанство?“ И тутъ же реклама автора, будто какой знаменитости: „Статья Іоны Брихничева“. А подъ статьей опять стоитъ это же, столь милое редакціи имя: „Іона Брихничевъ“.

Взялъ я листокъ, пробѣжалъ статьку, писанную извѣстнымъ разстригою. Что же проновѣдуетъ сей отступникъ отъ ученія Церкви? А вотъ, послушайте, чѣму онъ поучаетъ читателей іудейской газеты. „Христіане, видите ли, на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ не усвоили себѣ христіанского ученія о благодати (милости) хочу, а не жертвы“.— Замѣтимъ: даже текстъ словъ Спасителя искаженъ: вмѣсто милости стоитъ милостины, что, конечно, не одно и то же.— „До сихъ поръ члены этихъ церквей называютъ себя рабами Господа, забывая о Богосыновствѣ, а слѣдовательно абсолютной свободѣ отъ заповѣдей—пережитыхъ временъ рабства“.— Что-то не складно, по-іудейски: „пережитыхъ временъ рабства“, но не въ томъ суть. Какъ видите, г. Брихничевъ, бывшій православнымъ священникомъ, какъ будто не читалъ никогда молитвы Господней, начинающейся словами: *Отче нашъ...* Совсѣмъ не помнить и словесъ Господа и Спасителя нашего: *если любите Меня, заповѣди Мои соблюдите.* „Но рабство есть зло, поучаетъ онъ, — слѣдовательно, и заповѣди не добро“... Слышите, читатель, что проповѣдуетъ іудейскій прислужникъ? — „Проповѣдую личное спасеніе каждого человѣка, говорить онъ, какъ довѣршющую цѣль и ишу (?!), которую каждый человѣкъ только и можетъ понести, всѣ современные христіанскіе учи-

тели и нехристіанскіе законодатели учатъ исключительно самоспасанію (?!). *Все для себя, для спасенія своей души*... Не правда-ли: писать такъ значитъ вовсе не понимать самаго духа ученія о спасеніи. Какъ это неизрѣдѣльно бывшему священнику—говорить-ли объ этомъ? Очевидно, ему и въ голову не могло притти общее правило спасенія: „спасайся въ Церкви, и ты будешь содѣйствовать спасенію многихъ душъ“.— Однако, г. Брихничевъ изрекаетъ уже свой судъ на ученіе Церкви: „это жестокое (курсивъ автора) ученіе, по которому „праведникъ“ (знаки вносящіе показываютъ, что авторъ изволить иронизировать надъ этимъ словомъ) можетъ покойно блаженствовать „въ раю“ (опять тѣ же знаки), когда грѣшникъ томится муками адскаго пламени, проводить послѣдовательно, что и въ общественной жизни здѣсь, на землѣ, проводится, благодаря ему, въ большей или меньшей степени система самоспасанія, личной святости, дрожанія только за свою шкуру („моя хата съ краю“, поясняетъ онъ въ скобкахъ).“ Поймите тутъ: что онъ хочетъ сказать? „Христіанство подлинное, голгоѳское, религія свободнаго человѣка, учить иному: не самоспасанію и рабскимъ добродѣтелямъ, а иному—*Спасенію Цѣлаго* (прописныя буквы автора). *Не все для себя, а все—для всѣхъ* (для тѣла и души всего человѣчества)“.— Дальше авторъ развиваетъ свою мысль въ видѣ молитвы, размышленія, патетически говоритъ о томъ, что „Скорбь (опять почему-то съ прописной буквы) Христѣ не прекратится и руки и ноги Его не перестанутъ кровоточить, доколѣ не отдельныя лица будутъ подносить Ему ненавистный оиміамъ—личного самоспасанія, личной „чистоты“ (опять въ лапкахъ), личной

доброты, а пока весь міръ, воскresнувъ, не прійдетъ въ свободу чадъ Божихъ, нравственными усилиями отдельныхъ его членовъ"... Забылъ несчастный экс-священникъ слова Господа, что на небесахъ бываетъ радость великая и о единомъ грѣшнику кающемуся, забылъ страшное пророчество Господа о томъ, что во второе Его пришествіе нераскаянные грѣшники будутъ отосланы въ муки вѣчныя, а слѣдовательно и всеобщаго спасенія міра не будетъ... Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лѣтъ назадъ и не г. Брихничеву ее реставрировать... Далѣе г. Брихничевъ уже прямо богохульствуетъ, говоря, что „Христосъ не искупилъ міра, а положилъ начало совмѣстному съ нами искуплению“, что „всякія обѣщанія спасенія за чужой счетъ, хотя бы по вѣрѣ — есть злая и опасная шутка“, что покаяніе состоить „въ отверженіи всѣхъ своихъ старыхъ вѣрованій, въ безповоротномъ и неуклонномъ (даже до смерти) осужденіи рабской религіи заповѣдей“ и что это покаяніе „должно вылиться въ какой-то свободной жизни, свободномъ усовершенствованіи, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очистить личность, Онъ же спасеть міръ“... Что же это за огонь? Авторъ отвѣчаетъ: тотъ Огонь, о которомъ Христосъ сказаълъ: „Огонь Я принесъ на землю и какъ бы хотѣлъ, чтобы Онъ разгорѣлся!“ Авторъ намѣренно уклоняется отъ церковнаго толкованія словесъ Господнихъ и придаетъ имъ какой-то, видимо, особенный смыслъ, ибо вездѣ слово Огонь съ прописной буквы... Онъ говоритъ: „Огненій горящій, пламенѣющій сердца человѣческія, обединенныя однимъ общимъ желаніемъ воскрешенія всего (курсивъ автора), составлять

изъ себя то Вселенское Пламя, въ которомъ земля и вся старая тѣла сгорятъ“...

Едва ли найдется какой мудрѣцъ, который смогъ бы разобраться въ этомъ богословствованіи г. Брихничева; вѣроятно, онъ и самъ не вѣдѣтъ, не даетъ себѣ полнаго и яснаго отчета о томъ, что говорить. Но читатели іудейской газеты твердо запомнятъ, что „заповѣди — не добро,“ что, стало быть ихъ и не нужно, что гдѣ заповѣди, тамъ рабство и проче безумные глаголы... А іудеямъ только-то и нужно, чтобы такими бреднями отравлять христіанъ. И вотъ, къ ихъ услугамъ является разстриженный іерей г. Брихничевъ. И листы газетные съ его бреднями (хотѣлось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилию) разносятся по лицу бѣдной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за православіе, что такому господину не поздоровилось бы... сидѣть бы гдѣ нибудь въ Суздалѣ или въ Соловкахъ. А нынѣ все можно: издѣлывая сколько угодно надъ вѣрою Апостольской, сочиняя ереси, продавай не только перо, но и душу врагамъ Христовымъ!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь православная терпи поношеніе, поруганіе отъ такихъ отверженцевъ, а если кто изъ насъ вступится за ея поруганную честь, если кто назоветъ ея поносителей ихъ собственнымъ именемъ, того имя проносится яко зло... Но мы больше вѣримъ слову Христову: радуйтесь и веселитесь въ такихъ случаяхъ, съ радостью несемъ поношеніе Христово и крѣпко вѣруемъ, что истина Господня пребываетъ во вѣкъ, а все враги ея, исчезая, исчезнутъ яко дымъ, яко прахъ, его же возметасть вѣтъ отъ лица земли... Жаль толь-

ко собратій нашихъ, отравляемыхъ этими бреднями и отторгаемыхъ

отъ матери Церкви...

135—137.

Голосъ смиренной науки въ защиту вѣры.

Въ 1909 году я напечаталъ не- большую брошюруку: „Всѣда отъ мѣста, откуда пошла наука и вѣрять ли въ Бога люди ученые?“ Недавно вышла книга г. А. Г. Табрума: „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“, переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Тема, какъ видите, та же, но авторъ сосредоточилъ свое вниманіе на ученыхъ не прежнихъ поколѣній, а на современныхъ намъ, и притомъ почти исключительно на представителяхъ математическихъ и естественныхъ наукъ. Въ книгѣ собраны непосредственные отвѣты самихъ воїдѣй новаго точнаго знанія на опредѣленный, предложенный имъ по двумъ пунктамъ вопросъ: 1) усматриваются ли они дѣйствительное противорѣчіе между фактами, установленными наукой, и основными ученіями христіанства? и 2) считаются ли они современныхъ ученыхъ людей вѣрующими или же относящимися отрицательно къ христіанству?—Въ моей книжкѣ я привелъ мысли о вѣрѣ людей науки временъ прошедшихъ: въ книгѣ г. Табрума приводится до ста писемъ мужей науки нашего времени, это голосъ людей науки самаго послѣднаго времени, единогласно свидѣтельствующихъ, что истинная наука, какъ таковая, не переходящая своихъ границъ и ресурсовъ, не можетъ отрицать Бога, потому что она не въ состояніи доказать Его отсутствія: *научное, доказательное обоснованіе атеизма невозможно.* Но именно поэтому для науки нѣтъ

и препятствій къ признанію Бога, къ принятію вѣры рядомъ съ наукой, точно—за *предѣлами* доступнаго силамъ науки. Правда, авторъ опрашивалъ только англійскихъ и американскихъ ученыхъ, но результаты этого опроса, въ главныхъ чертахъ, совпадаютъ съ данными, собранными другими учеными относительно французскихъ, немецкихъ и иныхъ выдающихся ученыхъ.

Мы живемъ въ такое время, когда враги вѣры готовы пойти на всякую ложь, на всякій обманъ, чтобы только подорвать вѣру въ сердцахъ вѣрующихъ, готовы на всякую поддѣлку въ наукѣ, готовы самую ничтожную посредственность возвести въ геніальнаго ученаго за то только, что этотъ полуученный станетъ на ихъ сторону въ отрицаніи вѣры. Вотъ почему надо быть особенно благодарными тѣмъ истиннымъ представителямъ науки, которые со всѣмъ авторитетомъ научнаго знанія обличаютъ скоросѣйныхъ прислужниковъ лже-науки, открыто исповѣдую немощь человѣческаго ума постигнуть непостижимое въ дѣлахъ Божіихъ и смиренно склоняя свой умъ въ послушаніе вѣрѣ. Авторъ отмѣчаетъ, что масоны ежегодно распространяютъ массу дешевыхъ книгъ, наполненныхъ усиленіями доказать, что вѣра въ Бога вымираетъ. Какъ недобросовѣстно пишутъ въ этихъ книгахъ ихъ авторы, достаточно привести одну цитату изъ такихъ изданій: „въ высшей степени сомнительно, говорить самоувѣренно такой авторъ, чтобы

какой-либо ученый или философъ действительно придерживался въ наше время дохристианской личного Бога".... Судите сами, читатель: попадетъ такая фраза въ якобы научной книжѣ молодому человѣку, и онъ смущенъ: „говорить-де наука“, а того, бѣдный, и не знаетъ, что представители истинной-то науки говорять какъ разъ обратное... Какъ же дорого предложить такой смущенной душѣ и порекомендовать прочитать книгу, въ которой болѣе ста ученѣйшихъ авторитетовъ, безъ всякихъ колебаний, предъ лицемъ всего научного міра заявляютъ, что сама вселенная является уже свидѣтельствомъ бытія Божественного Разума, доказательствомъ Бога, что, по мѣрѣ расширенія знанія природы и ея силъ, тѣмъ болѣе крѣпло въ нихъ убѣжденіе въ необходимости существованія творческой Причины — Бога. Джорджъ Стоксъ, профессоръ математики, справедливо говоритъ, что „крупная ошибка предполагать будто ученый нерелигиозенъ, на основаніи того только, что онъ обыкновенно не говоритъ (кромѣ развѣ въ кругу своей семьи) на религиозныя темы. Есть пословица: „глубокія воды текутъ спокойно“, и мнѣ думается, что когда религія глубоко ощущается, о ней говорятъ не-много“. Слѣдовательно, если многіе ученые не говорятъ о религіи, то это не значитъ, что они и въ Бога не вѣруютъ. Истинный ученый бережливъ на слово, и если его специальная наука не близко касается вѣры, то онъ и не позволяетъ себѣ вторгаться своимъ умомъ въ область, гдѣ онъ не специалистъ...

Приведу изъ книги Табрума нѣсколько отвѣтовъ на его запросы. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, упомянутый ученый профессоръ Дж. Стоксъ: „что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія

показали, что Библія и религія ложны, то на это отвѣчу прямо: этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи. Быть можетъ, и есть кое-какія дикія научныя предположенія, высказываемыя, главнымъ образомъ, людьми второрядного знанія, выдаваемыя за хорошо обоснованныя научныя заключенія и которые по свойствамъ своимъ могутъ вызывать нѣкоторыя затрудненія, если эти предположенія признать за истину; но я не зайду настолько далеко, чтобы говорить о противорѣчіяхъ науки и религіи другъ другу, такъ какъ въ главныхъ частяхъ онъ движутся въ разныхъ плоскостяхъ и едва ли есть поводы для ихъ сопоставленія. Противорѣчія эти только кажущіяся: истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ“.

Лордъ Кельвинъ (скончавшійся въ декабрѣ 1907 г.), котораго прозвали „Наполеономъ науки“ и „королемъ ученыхъ“, и который былъ болѣе полустолѣтія профессоромъ физики въ Глазговскомъ университѣтѣ, пишетъ: „истинная религія и истинная наука вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ“.

Лордъ Листеръ, знаменитый хирургъ, признанный за одного изъ величайшихъ людей нашего времени, пишетъ: „безъ колебаний скажу, что, по моему мнѣнію, антагонизма между религіей Іисуса Христа и какимъ бы то ни было научнымъ фактамъ нѣть“.

Лордъ Редлей, о коемъ говорили ученые люди, что онъ былъ „человѣкъ міроваго знанія въ наукахъ“, первоклассный физикъ и математикъ, писалъ: „истинная наука и истинная религія не противорѣчатъ другъ другу, да и не могутъ быть противополагаемы“.

Лордъ Эвбери, болѣе извѣстный подъ именемъ сэра Джона Леббока, всѣми признанный за одного изъ величайшихъ ученыхъ не только въ области антропологии, но и вообще въ наукѣ, взятой въ ея цѣломъ, въ своей книгѣ „Пользованіе жизнью“ пишетъ: „Безконечное и Абсолютное никогда не могутъ быть ни объяснены, ни отринуты путемъ объясненія... Помни твоего Творца въ дни юности! Чтобы умереть такъ, какъ было бы желательно, надо жить, какъ должно. Добродѣтельному смерть не страшна. Любовь къ Богу лучше всего обнаруживается въ любви къ человѣку. Есть благородныя мысли у Платона, Аристотеля, Эпиктета, Сенеки и у Марка Аврелия; но у нихъ вы не найдете Евангелія любви, высказанного такъ, какъ въ Новомъ Завѣтѣ. Истинно сказаълъ Иисусъ, что Его религія—религія новая: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“. Пытаться прибавить что-либо къ ученію Христова или улучшить его есть суетная и дѣрзкая попытка“.

Вильямъ Рамзай, самый выдающійся химикъ нашего времени, также утверждаетъ, что между существенными истинами христіанства и установленными фактами науки дѣйствительно антагонизма нѣть.

Вильямъ Круксъ, другой извѣстный химикъ нашего времени, пишетъ: „я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными ученіями Священнаго Писанія, между научной истиной и религіей Иисуса Христа“.

Джонъ Г. Гладстонъ, создатель такъ называемой физической химіи, указывая на многія имена великихъ представителей наукъ, рѣшительно заявляетъ, что „тѣ, которые занимаютъ высокое положеніе въ наукѣ, оказываются вѣрными учениками Христа“.

Бальфуръ Стюартъ, скончавшійся въ 1887 г., извѣстный въ Англіи профессоръ физики, говоритъ: „отношеніе между наукой и религіей неправильно было называемо отношениемъ враждующихъ сторонъ; этого нѣть и никоимъ образомъ быть не можетъ“. Обсуждая достовѣрность воскресенія и вознесенія Христова, онъ замѣчаетъ: „сохранялось ли въ неизмѣнности дѣйствіе извѣстныхъ намъ силъ природы въ этихъ событияхъ, или же оно было иногда пре-возмогаемо высшою силой? Несомнѣнно, превозмогалось! Конечно, мы обязаны изслѣдовать очевидность этихъ великихъ событий, и это уже исполнено самимъ совершеннымъ образомъ: исторія, повѣствующая объ этихъ событияхъ, выдержала испытаніе насколько хорошо, что всякое предположеніе о нереальности ихъ, несомнѣнно, приведетъ насъ къ величайшей нравственной и духовной цутаницѣ... Я не вижу основанія не доцуксать возможности измѣненія обычныхъ силъ силами высшими, при тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось пришествіе Христа“.

П. Г. Тэтъ, математикъ, профессоръ физики, пишетъ: „предполагаемая несогласимость религіи и науки настолько часто и увѣренно провозглашалась за послѣднее время, что стала считаться положеніемъ общепринятымъ у публицистовъ и, разумѣется, преподносится ими въ качествѣ завѣдомой истины своимъ чрезчуръ довѣрчивымъ читателямъ. Но это предвзятое мнѣніе всецѣло ошибочно, настолько ошибочно, что ни одинъ настоящій ученый не рискнетъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, впасть въ эту ошибку“.— Назвавъ имена великихъ мыслителей послѣдняго времени: Брюстера, Фарадея, Фороса, Грэхмана, Роуана, Гамильтона, Гершеля и Тальбота, ученый Тэтъ спрашиваетъ: „кто же

изъ этихъ великихъ людей отказывался отъ убѣженія, что природа доказываетъ бытіе Высшаго, направляющаго къ цѣли Разума?“

Вильямъ Эбней, докторъ наукъ, авторитетъ по фотографированию неба, президентъ многихъ ученыхъ обществъ, пишетъ: „Я занимаюсь науками и долженъ, по совѣсти, сказать, что не только неѣть вражды между Библіей и естествознаніемъ, но что мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука говорить намъ, что существуютъ известные законы въ природѣ; тамъ же, где есть законы, тамъ долженъ быть и Законодатель-Богъ. Изучающій естественные науки, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкомъ, проникнутымъ благоговѣніемъ, такъ какъ эти науки вѣщають намъ, сколь далеки мы отъ познанія такого Законодателя“.

Профессоръ Джемсъ Гейки, докторъ правъ, проф. геологіи, минералогіи пишетъ: „къ Библіи мы обращаемся не съ желаніемъ научиться астрономіи, геологіи или химіи. Самъ міръ—біблія природы, откровеніе намъ Бога, какъ Творца. Смиренно и благоговѣйно изучая дѣла природы, мы получимъ возможность постигнуть кое-что изъ всемогущей силы Великаго Промыслителя. И какъ Богъ, Творецъ *видимой* вселенной, открываетъ Себя чрезъ природу, такъ и Богъ, Божественный Творецъ и Правитель *невидимаго*, раскрываетъ намъ Себя въ Библіи и въ житіяхъ и писаніяхъ великихъ мыслителей... Говорить, будто руководящіе наукой ученые нерелигіозны или что они враждебны христіанству, просто-на-просто—невѣжественная нелѣпость. Такое утвержденіе могло быть сдѣлано только какимъ-нибудь сумасбродомъ или же ревностнымъ фанатикомъ“.

Джозефъ Прествичъ, умершій въ

1896 г., величайшій изъ современныхъ геологовъ, пишетъ: „Религія и наука составляютъ двѣ опредѣленныя вѣти человѣческаго знанія и изслѣдованія. Онѣ движутся по параллельнымъ линіямъ и, по моему мнѣнію, не могутъ, во всякомъ случаѣ, не должны, сталкиваться. Одна вѣдаетъ вопросы нравственныя, другая—вопросы естествознанія“. Сэръ Джозефъ умеръ добрымъ христіаниномъ.

Джемсъ Вильямъ Доусонъ, умершій въ 1896 г., считавшійся главнымъ авторитетомъ по геологіи, пишетъ: „природа и христіанство, правильно понимаемыя, становятся частями одного великаго плана творческаго Духа, плана, по которому кажущіяся аномалии и недостатки въ человѣкѣ и его естественныхъ союзникахъ будутъ, въ концѣ-концовъ, исправлены милосердіемъ и справедливостью, такъ, что и сама природа восполнится и усовершится только при послѣдней побѣдѣ Евангелия Христова“.

Дж. Силей, умершій въ 1908 г., профессоръ геологіи, географіи и минералогіи, пишетъ: „Науки—сестры религіи, въ томъ смыслѣ, что онѣ раскрываютъ часть законовъ, управляющихъ вселенной и жизнью человѣка. Такимъ образомъ это—ступени, возводящія къ вѣрѣ“.

Эдуардъ Холлъ, тоже известный геологъ, пишетъ: „Библія и наука движутся по параллельнымъ линіямъ. Предметы, доступные разслѣдованію человѣческаго разума, предоставлены его вѣдѣнію, тогда какъ Библія трактуетъ нравственные и духовныя стороны человѣческой природы, которыхъ разумъ не въ состояніи раскрыть безъ посторонней помощи. Что же касается истиности и достовѣрности историческихъ книгъ Св. Писанія, то ежедневная открытия клонятся къ под-

твржденію ихъ. Недавнія изслѣдованія въ Египтѣ, Палестинѣ и др. восточныхъ странахъ показали, до какой степени, даже въ мелкихъ подробностяхъ, документы Ветхаго Завѣта могутъ быть принимаемы съ глубокимъ довѣріемъ. Осуществленіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христѣ, пророчествъ, изреченныхъ за пѣлые вѣка до Его появленія, такъ же, какъ и тѣхъ пророчествъ, что относятся къ судьбамъ націй, въ особенности еврейской,—убѣдительное доказательство того, что эти пророчества были произносимы подъ вліяніемъ Божественного вдохновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ высоконравственное ученіе Библіи несомнѣмо съ мыслю, что пророчества могли исходить отъ прибѣгавшихъ къ обману. Ученіе Господа нашего и Его Апостоловъ въ самомъ себѣ носить отпечатокъ Божественной истины".

Александръ Мэклелстеръ обращаетъ наше вниманіе на лекціи Манлея, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующія строки: "изъ моего опыта я вынесъ убѣжденіе, что невѣріе въ Божественное Откровеніе, дарованное въ жизни, трудахъ, въ смерти и воскресеніи нашего Спасителя, преобладаетъ болѣе среди тѣхъ, которыхъ я позволю себѣ назвать обознѣмъ аррѣвергадомъ при лагерѣ науки, нежели среди тѣхъ, для кого активный научный трудъ составляетъ истинную жизненную задачу".

Джонъ Макъ-Кендрікъ, известный физиологъ, говоритъ: "ни наука, ни богословіе не сказали еще своего послѣдняго слова о тайнахъ, окружающихъ человѣческую жизнь. Мы можемъ быть увѣрены, что если бы мы больше понимали тайны, лежащія въ конечныхъ выводахъ научнаго размышленія, мы

напшли бы, что неѣтъ ничего несомнѣмѣстаго между научной истиной и вѣрою въ Бога, въ бессмертіе и нравственный долгъ. Только поверхностный взглядъ на вселенную приводить человѣка къ утвержденію, будто наука объяснила или можетъ объяснить все, или, что ея ученія противоположны высшимъ и глубочайшимъ вѣрованіямъ, столь дорогимъ человѣческому роду".

Джемсъ Кричтонъ Броунъ, авторитетъ по душевнымъ болѣзнямъ, говоритъ: "Библія и наука дополняютъ другъ друга и каковы бы ни были ихъ поверхностныя расхожденія, все же сами они остаются въ глубокомъ согласіи и обѣ являются обнаружениемъ Божественного Начала, раскрывающаго Себя не сразу, не во всей полнотѣ, но постепенно и постепенно, подобно тому, какъ ночная тьма смыкается сначала зарю, а потомъ полнымъ дневнымъ свѣтомъ".

Дайсъ Дэвортъ, докторъ медицины, пишетъ: "не разстраивайте себя изъ-за безбожниковъ! На свѣтѣ слишкомъ много слабыхъ, тщеславныхъ и невѣжественныхъ болтуновъ! Можете быть увѣрены, что большинство лучшихъ и наиболѣе откровенныхъ ученыхъ не находить трудностей въ примиреніи христіанской религіи съ непрерывающимися добавленіями къ науцѣ, точно такъ же, какъ не считаются они и Библію за камень преткновенія для принятія новыхъ точекъ зрѣнія на старую истины. Всякая истина бого-подобна, и Богъ, очевидно, позволяетъ, чтобы новая обнаружениѣ Его творенія и мудрости были разъясняемы добросовѣтными трудомъ и человѣческими разслѣдованіями. Благовѣйное изученіе и полное признаніе Бога, какъ Отца и какъ вѣздѣ и во всемъ Сущаго—вотъ то, что намъ всегда необходимо! Суще-

ствующее не само создалось и можно все прослѣдить, восходя до великаго Зодчаго вселенной. Милостивое обнаружение Имъ Самаго Себя, „Ко-го ни одинъ человѣкъ не видѣлъ и видѣть не можетъ“, свершилось въ Божествѣ единственнаго соверши-наго Человѣка, Его Сына, Иисуса Христя. Единственное разрѣшеніе всѣхъ нашихъ затрудненій состоить, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы поддерживать въ себѣ смиренную и дѣтскую вѣру и довѣрчивое упова-ніе на совершенную любовь къ Богу, Который знаетъ, изъ чего мы со-творены, и помнить, что мы не болѣе, какъ прахъ. Съ этимъ убѣ-жденіемъ и съ совершенной любовью нѣть мѣста для страха: все свер-шится должнымъ образомъ въ Имъ опредѣленное, Ему подвластное вре-мя. Вотъ вѣра, въ которой должно жить и съ которой должно умирать. Счастливѣшіе изъ живущихъ и счастливѣшіе изъ умирающихъ тѣ, которые твердо держатся этой вѣры“.

Сэръ Оливѣръ Лоджъ, первоклас-сный физикъ, говоритъ въ своемъ „Катехизисѣ“: „вѣрую во Единое Безконечное и Вѣчное Существо, въ любящаго Отца - Руководителя, въ Которомъ все сущее имѣеть основу своего бытія. Вѣрую въ то, что Божественная Природа особымъ от-кровеніемъ раскрыла Себя чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, жив-шаго и страдавшаго въ Палестинѣ 1000 лѣтъ тому назадъ, Которому съ тѣхъ поръ христіанская Церковь поклоняется, какъ бессмертному Сы-ну Божію, Спасителю міра. Вѣрую, что человѣку предоставлено пре-имущество постигать Божественный цѣлі на землѣ и содѣйствовать имъ; вѣрую, что молитва есть средство общенія человѣка съ Богомъ, что Духъ Святый всегда готовъ помочь намъ на пути нашихъ стремлений къ добру и истинѣ и что безкорыст-

нымъ служеніемъ мы постепенно можемъ достичнуть жизни вѣчной, общенія со святыми и пріять миръ Божій“.

Такъ благоговѣйно исповѣдуется свою вѣру истинно-ученый мужъ; а вотъ какъ сама наука, устами од-ного изъ своихъ достойнѣйшихъ представителей, профессора физики Дж. Дж. Томсона, смиряется въ са-мыхъ успѣхахъ своихъ предъ вели-чиемъ Творца вселенной: „Въ исто-рии развитія науки никогда не за-мѣчалось признаковъ приближаю-щагося конца знаній. Въ то время, какъ мы въ этой сферѣ завоевыва-емъ вершину за вершиной, передъ нашими взорами раскрываются но-вые области, полныя интереса и красоты; но нашей конечной цѣли мы, все таки, не видимъ, не видимъ еще горизонта; въ отдаленіи гро-моздятся одна на другую еще болѣе высокія вершины, съ которыхъ поднявшимся на нихъ открываются дали, еще болѣе широкія, еще болѣе углубляющія наши ощущенія и сознаніе истины, подтверждаемой каждымъ новымъ успѣхомъ науки: величавы творенія Господа!“...

У насъ въ Россіи страстно лю-бятъ переводить на русскій языкъ все, что идетъ противъ вѣры, про-тивъ христіанства; тамъ, на Западѣ, давно уже научно опровергнута та или другая безбожная гипотеза или теорія, а у насъ еще только ввод-дять ее въ моду и распространяютъ ея ядъ среди молодежи, какъ по-слѣднее слово науки. Такъ, у насъ сравнительно недавно стали увле-каться писаніями Гексли и Геккеля. А вотъ, послушайте, что говоритъ из-вѣстный въ Англіи ученый Франкъ Кэверсъ, профессоръ біологіи: „на-учные теоріи Геккеля фактически оказываются устарѣлыми во многихъ отношеніяхъ, благодаря новѣйшимъ работамъ, настолько, что его имя

въ современныхъ трактатахъ по вопросу объ эволюціяхъ упоминается лишь для указанія полной отсталости его взглядовъ отъ настоящаго положенія знанія и что, напримѣръ, его биогенетической законъ не выдержалъ жестокой критики детальнаго эмбріологического разслѣданія послѣдняго времени и является, следовательно, не больше, какъ безплоднымъ обобщеніемъ. Его монистические взгляды стали предметомъ насмѣшки для современныхъ философовъ. Научная работа Гексли, стоить, разумѣется, несравненно выше, но что касается теоріи эволюціи, то и онъ былъ только популяризаторомъ дарвинизма, не давшимъ ему ничего новаго". Та наука, которую хотѣть использовать агностики и атеисты, на много, много лѣтъ отстала отъ нашего времени и эти писатели и лекторы имѣютъ лишь поверхностное представлениe о биологии, полученное изъ вторыхъ рукъ и относящееся къ биологии не современной, а той, что существовала лѣтъ 40—50 тому назадъ. Въ наши дни наука движется впередъ довольно быстро и, напримѣръ, въ вопросѣ объ эволюціи многія теоріи Дарвина пали... Тотъ, кто рѣшается выступать съ догматическими заключеніями на такія темы, тотъ не возбуждаетъ да и не можетъ возбуждать серьезнаго вниманія къ себѣ въ мірѣ свѣдущихъ мужей знанія; а тѣ, что отваживаются отрицать разумную первопричину или какія-либо иныхъ христіанскія ученія, эти люди отнюдь не въ правѣ дѣлать это во имя науки".

А у насъ какой-нибудь фельетонистъ, вродѣ Меньшикова, позволяетъ себѣ печатать все, что взбрѣдетъ ему въ голову, отъ имени науки: онъ готовъ доказывать, что и христіанство есть не больше какъ великая экспропрація у буддистовъ,

и самозарожденіе въ наукѣ будто бы доказано, и много-много подобнаго вздора онъ не стѣсняется выдавать за научныя открытия...

Извѣстный зоологъ Джорджъ Карпентэръ, между прочимъ, говоритъ: „Христіанство есть опытная религія и въ этомъ обнаруживается ея согласіе съ научнымъ ученіемъ. Тотъ, кто желаетъ выполнить волю Христову, тотъ и познаетъ Его учение. Личный опытъ, переживаніе на самомъ себѣ спасающей и вспомоществующей силы Христовы—вотъ высшее свидѣтельство о Немъ".

И ужъ конечно, всѣ наши отрицатели, всѣ эти публицисты, съ такимъ апломбомъ все отвергающіе, и краемъ перста не касающіе исполненія воли Христовой: понятно, что, какъ слѣпцы, они и судить о семъ свѣтѣ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, не могутъ...

Профессоръ В. К. Паркеръ, котораго Карпентэръ назвалъ „великимъ сравнительнымъ анатомомъ“, оставилъ намъ слѣдующее смиренное признаніе: „въ продолженіи 50 лѣтъ радость о Господѣ была мою силою; четыре Евангелія, выдаваемыя кое-кѣмъ за старческія бредни или за хитро придуманные обманы, которымъ, по мнѣнию нѣкоторыхъ, безнравственно вѣрить,—эти предполагаемые вымыслы служили мнѣ поддержкою въ жизни и сообщали подъемъ душѣ моей и уму моему. Что касается знанія, доступнаго современной наукѣ, то оно пока еще не болѣе, какъ нѣвѣжество съ открытыми глазами!.. Сущность любой вещи, напримѣръ, этого первоцвѣта я познаю дѣйствительно тогда только, когда увижу ее во свѣтѣ лица Творца ея, а пока это только чудесное звено въ безконечной цѣпи естественно-чудесныхъ живыхъ существъ“.

Уайндль говорить: „каждый слы-

халь о лучахъ Рентгена и большинство людей видали ихъ, но, вѣроятно, лишь немногимъ извѣстно, что открывшій эти лучи—вѣрный сынъ церкви" (католической). О Пастерѣ тотъ же ученый пишетъ: „ни одинъ изъ знающихъ что-либо о немъ не сомнѣвается въ искренности его приверженности къ католической вѣрѣ“.—Менедель, великий біологъ, былъ монахъ.

Извѣстный ученый профессоръ анатоміи Уэндъль Хольмсъ сказалъ: „Наука представляетъ собою мысль Бога, открытую человѣкомъ; изучая естественные законы, человѣкъ относить слѣдствія ихъ къ ихъ Первоначальнѣмъ, къ волѣ Творца, или, по поэтическому выражению Гете, „природа есть живое одѣяніе Бога“.

Профессоръ патологіи Г. Симсъ Вудхэдъ пишетъ: „что касается утвержденія, будто недавнія научные изслѣдованія показали, что Біблія и религія ложны, то нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ фактической дѣйствительности, какъ это положеніе: чѣмъ больше изучаютъ Біблію, тѣмъ больше находять, что она состоить изъ документовъ историческихъ. Мало того: признано, что Біблія, какъ повѣсть о бывшемъ, никогда не оказывалась не-правой предъ судомъ науки въ поискахъ истины со стороны послѣдней“.

Докторъ медицины Патрикъ Мансонъ, извѣстный авторъ изслѣдова-нія о москитахъ, говоритъ: „изъ всѣхъ людей настоящій ученый, какъ неизбѣжно смиренный изъ смертныхъ, есть вѣдѣтъ съ тѣмъ и религіозный изъ“.

Джорджъ С. Боульдъжъ, профессоръ ботаники и геологіи, пишетъ: „Вы ссыаетесь на лектора, который сказалъ, что ученыхъ-христіанъ въ настоящее время не существуетъ. Это—ложь, чудовищная

ложь!.. Въ философіи, физикѣ и астрономіи я чрезвычайно радъ стоять на одной и той же сторонѣ съ Бэкономъ, Ньютономъ и Наполеономъ. Вмѣстѣ съ Бэкономъ я вѣрю въ то, что „малая“ (поверхностная) философія склоняетъ человѣческій разумъ къ атеизму, тогда какъ—„глубокая философія“—приводить умы людей къ религіи. Съ Ньютономъ я согласенъ „казаться“ маленькимъ мальчикомъ, играющимъ на берегу моря и развлекающимся отъ времени до времени нахожденіемъ болѣе гладкихъ камешковъ или болѣе красивой раковины, чѣмъ обыкновенно, тогда какъ „великий океанъ истины продолжаетъ пребывать неизслѣдованнымъ передо мною“. Съ Наполеономъ, не ученымъ, но за то человѣкомъ міровой дѣятельности, я сказалъ бы нашимъ неоэпікурейцамъ то же, что онъ молвилъ своимъ скептически настроеннымъ офицерамъ, указывая на звѣзды: „господа, вы можете говорить всю ночь, что хотите, но я все таки спрашиваю васъ: кто же сдѣлалъ все это?“ Вмѣстѣ съ Джономъ Ремъ я назвалъ бы изученіе природы благоговѣйною обязанностію, благочестивымъ занятіемъ, вполнѣ пригоднымъ для воскреснаго дня; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно именно и станетъ дѣломъ дней отдыха въ безконечномъ будущемъ“.

Александръ Р. Симпсонъ, докторъ медицины, говоритъ: „Богъ по-знается не телескопомъ и микроскопомъ, и, къ счастію для вождей науки, многие изъ нихъ достигали Богопознанія путемъ вѣры“.

Г. Лангхорнъ Орчардъ, профессоръ философіи и этики, пишетъ: „Чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше встрѣчаю доказательствъ полнаго согласія между Бібліей и наукой. Въ особенности умножились въ наши

дни археологической доказательства, какъ непрерывное поясненіе истины Св. Писанія. Библія не только находится въ согласіи съ установленными выводами науки; она содержитъ даже замѣчательныя предваренія такихъ научныхъ истинъ, которыхъ сдѣлялись извѣстны ученымъ лишь значительно позднѣе; таковы напримѣръ научныя открытия въ книгѣ Іова 26, 7: „Онъ (Богъ) рас- простеръ сѣверъ надъ пустотою, повѣсила землю ни на чѣмъ“.

Горасъ Ламбъ, профессоръ математики, говоритъ: „насколько мнѣ довелось наблюдать, никто изъ настоящихъ ученыхъ не относится къ нападеніямъ на религию иначе, какъ съ величайшимъ отвращеніемъ“.

Франсисъ Тарльтонъ, профессоръ физики и математики, пишетъ: „въ наукѣ, какъ и въ религіи, отрекаться отъ вѣры потому только, что съ нею связаны нѣкоторыя затрудненія, было бы настоящимъ сумасбродствомъ. Каждый здравомыслящий ученый вѣрить еще въ свѣтоносный эфиръ, хотя до сихъ поръ еще никому не удавалось дать удовлетворительное и связное объясненіе его природы“.

Докторъ Андрей С. Д. Кроммелинъ, извѣстный астрономъ, говоритъ: „для объясненія происхожденія жизни нѣкоторые писатели сочиняютъ настоящія волшебныя сказки, выдавая ихъ за науку; Геккель въ этомъ отношеніи отличается особенною задорностью“.

Джонъ Флѣмингъ, профессоръ электротехники, имя коего неразрывно связано съ многими примѣненіями этой науки, пишетъ: „въ Библіи, взятой въ ея совокупности, мы имѣемъ трудъ, вѣрнѣе сказать,—цѣлую литературу, которую невоз- можно признать за произведеніе од-ного только человѣческаго разума“.

Но довольно выписокъ. Въ книгѣ

г. Табрума все звучатъ имена, для нашего русскаго слуха незнакомыя, исключая развѣ немногихъ. Но все это имена поченныиихъ представителей науки: психологіи, философіи, физики, химіи, геологіи, біологіи, физіологіи, филологіи, зоологіи, анатоміи, патологіи, ботаники, антропологіи, гинекологіи и др. науки. Все это люди въ своей странѣ уважаемые, а многіе изъ нихъ не безизвѣстны и среди нашихъ ученыхъ людей. Это—не то, что наши псевдоученые говоруны газетные, позволяющіе себѣ безъ всякой пропѣрки оглашать всякую тенденціозную, якобы научную, гипотезу, выдавая ее за послѣднее, и притомъ рѣшительное, слово науки. Это поистинѣ—„обозный аррѣвергадъ прилагерь науки“, какъ ихъ называлъ Александръ Мэклелістеръ. И пусть бы это были обычные газетные писаки, работающіе или просто изъ-за пятачка, или же въ угоду іудеямъ и масонамъ: жаль, что у насъ на Руси развелось немало такихъ говоруновъ въ угоду духу времени, изъ моды, чтобы не казаться отсталыми въ глазахъ недалекихъ читателей, уже достаточно отравленныхъ ядомъ отрицанія. Есть, конечно, такие второразрядные ученые и на Западѣ, и въ самой Англіи: о такихъ именно и говоритъ докторъ Кроммелинъ: „что касается равнодушія и враждебности къ религіознымъ вѣрованіямъ со стороны нѣкоторыхъ людей, занятыхъ научными изслѣдованіями, то это про-исходитъ отъ гордости ума: наука во многихъ отношеніяхъ увѣнчалась такими изумительными успѣхами, что нѣкоторые приходять слишкомъ поспѣшно къ заключенію, будто она можетъ объяснить все“.

Гордость ума—вотъ причина заблужденій нѣкоторыхъ „занимающихъся научными изслѣдованіями“.

И хорошо сказалъ о нихъ настоящій ученый, что это—только „занимающіеся изслѣдованіями“, но не рѣшился назвать ихъ настоящими учеными. При всемъ ихъ трудолюбіи, ихъ умъ бѣжитъ впередъ и дѣлаетъ умозаключенія, основывая ихъ не на добытыхъ фактахъ, а на фантастическихъ предположеніяхъ, которыя, при провѣркѣ ихъ настоящими учеными, оказываются ошибочными. А, между тѣмъ, соблазнъ безбожія уже вносится въ среду довѣрчивыхъ людей и отравляетъ ихъ. А газетные поденщики, вродѣ г. Меньшикова, не задумываются разносить ядъ соблазна повсюду, подслащая его своимъ искусствомъ церомъ.

Мы живемъ въ такое время, когда въ область науки вторгаются лженаучники, имѣющіе совсѣмъ не научныя пфли. Это—слуги масонства, продавшіе имъ и умъ и совѣсть. Ихъ цѣль—разрушеніе христіанства. Отсюда—цѣлая школа всякаго рода критики на Св. Писаніе, отрицанія его подлинности; отсюда и всѣ эти лженаучныя теоріи безбожія; отсюда своего рода гипнозъ въ печати, въ обществѣ, какое-то внушеніе, будто христіанство уже стало достояніемъ

исторіи, будто теперь наука то и то доказала, то и то опровергла, будто теперь уже стыдно открыто признавать себя христіаниномъ, что это—де признакъ отсталости. А врагамъ Церкви все это и на руку: вѣдь, іудеямъ и масонамъ только это и нужно. Къ глубокому сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, какъ будто никому и дѣла вѣтъ до этой разрушительной работы враговъ вѣры и Церкви, враговъ христіанства и человѣчества. Тѣмъ цѣннѣе появленіе книги, воплощающей въ себѣ смиренный голосъ истинной науки за вѣру противъ невѣрія. Пусть это наука пока не русская: въ вопросахъ вѣры нѣсть іудей и еллинъ... Честь и хвала добромъ человѣку, который потрудился собрать отзывы вѣрующихъ ученыхъ; честь и хвала симъ ученымъ, которые не постыдились открыто исповѣдать Христя; спасибо и русскимъ образованнымъ людямъ, которые перевели эту книгу на родной языкъ и дали ее въ руки нашей молодежи, да и молодежи ли только?.. Ее съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ, искренно ищущіе истины Божіей въ средѣ нашихъ интеллигентовъ.

138.

ВЪРНЫЙ ПОСЛУШНИКЪ МАТЕРИ БОЖІЕЙ.

Въ наше скучное вѣрою и духомъ время какъ отрадно сознавать, что еще не совсѣмъ погасъ свѣточъ духовной жизни на Руси, что еще не иссякъ источникъ воды живой, текущей въ жизнь вѣчную, въ душахъ православныхъ, что кое-гдѣ,—увы, какъ рѣдко!—есть люди, духомъ живущіе, Богу работающіе, люди, въ коихъ свѣтится огонекъ благодатной жизни, искрится вѣра,

какъ алмазъ чистая и твердая, и они напоминаютъ намъ, что человѣкъ не есть животное, а есть носитель образа Божія, предназначенный къ богоподобію, къ жизни въ Богѣ и съ Богомъ въ вѣчности. Когда встречаешь такихъ людей на жизненномъ пути, то невольно какъ-то исторгается изъ сердца вздохъ благодарности къ Богу, что не укрылись отъ тебя сіи Божіи трудники, что ты не

только былъ ихъ современникомъ, но отчасти и собесѣдникомъ, слышалъ отъ нихъ много поучительнаго, хотя по лѣнности своей, слышалъ не во спасеніе души, а въ судъ себѣ и осужденіе... И скорбю сжимается сердце, что вотъ — сіи рабы Божіи совершили уже свой жизненный путь и ушли въ путь всея земли, въ отечество небесное, самыи отшествіемъ своимъ поучая нась, своихъ лѣнивыхъ современниковъ, искать единаго на потребу...

Одного изъ такихъ смиренныхъ свѣточей монашества Матерь Божія звала къ Себѣ наканунѣ Своего великаго праздника — Успенія, яко вѣрнаго Своего послушника, всю жизнь свою Ей посвятившаго, ради Ея земнаго жребія — св. горы Аeon-ской-отечество свое оставльшаго, но, по Ея же указанію, за святое послушаніе, въ иной Ея жребій, къ предѣламъ древней Иверіи, посланнаго, чтобы тамъ, у подножія Кавказскихъ горъ, омываемаго волнами моря Эвксинскаго, создать Новый Аeonъ — пречуднук обитель, въ отвѣтъ миру на его многопытливый вопросъ: на что монастыри? — и во славу Церкви Православнай...

Кто изъ русскихъ иноковъ, внимающихъ судьбамъ русскаго иночества, не слышалъ имени о. Иерона, какъ строителя новой обители — дщери старого Аенона? Но и иноки не все знаютъ, какой крѣпкій адамантъ дѣятельной вѣры былъ этотъ старецъ Божій. Теперь, когда онъ ушелъ къ Богу, можно вѣчно поувѣдать во славу Божію, не смущая его смиренія.

Онъ все, что дѣлалъ, приписывалъ Богу и молитвамъ отцовъ, воля которыхъ была для него священна, какъ воля Божія. За послушаніе пошелъ онъ на Кавказъ; въ совершенномъ отсѣченіи воли своей совершалъ свой многотрудный подвигъ строительства; всякую свою

мысль онъ спѣшилъ повѣрить духовно-опытнымъ совѣтомъ старцевъ, и за такое всецѣлое послушаніе они не оставили его таинственнымъ руководствомъ и изъ загробнаго міра. Вотъ что въ дружеской бесѣдѣ однажды повѣдалъ онъ мнѣ: покойный старецъ о. Иеронимъ заповѣдалъ ему построить на Иверской горѣ храмъ въ честь Матери Божіей. Гора эта подходитъ съ сѣверо-запада къ тому ущелью, въ которомъ заключенъ горный потокъ плотиною для водопада. Время шло, мысль о храмѣ на горѣ не оставлялась, но и не приводилась въ исполненіе: были все неостложныи нужды по постройкѣ главныхъ зданій и соборнаго храма обители. Наконецъ, года два или три назадъ, является отецъ Иеронимъ во снѣ о. Иерону и говорить: „попа тебѣ, Иеронъ, строить храмъ“ — „Средствъ еще, батюшка, недостаетъ“ — „Ну, Богъ пошлетъ“.

Проснувшись, о. Иеронъ задумался: о какомъ храмѣ говорить старецъ? На Иверской ли горѣ, или иномъ какомъ? И вотъ, батюшка ему снова является, какъ будто уже на самой горѣ, въ той кельѣ, где принимаютъ посѣтителей, и снова говорить: „не отлагай, строй Божій храмъ!“

О. Иеронъ опасался, не мечта ли эти явленія, но его небесный авва явился и въ третій разъ и уже строго приказалъ приниматься за постройку. И послушный старецъ не усомнился исполнить волю своего аввы: храмъ начать постройкой. Въ прошломъ году, когда я посѣтилъ эту гору, старецъ весь занятъ былъ заботою о висячей электрической желѣзной дорогѣ на эту гору, чтобы подвозить материалы для храма. Посыпаетъ Царица Небесная и средства для Своего храма. Такъ, въ бытность мою у о. Иерона, когда не было у него ничего, нѣкто изъ по-

сѣтителей вручилъ ему триста рублей совершенно для него неожиданно.

Постройку величественной обители онъ также началъ безъ средствъ, за святое послушаніе. Разъ приходить къ нему неизвѣстный богомолецъ и просить денегъ на дорогу. Старецъ, отдавая ему послѣднія, сказалъ: „Господь велѣлъ: просящему у тебя дай: вотъ, бери, что есть, но знай, что это—послѣднія“. Тогда посѣтитель вынимаетъ изъ пазухи документъ и подаетъ о. Іероніму: „возьмите, батюшка, на построеніе обители: такъ Богу угодно!“

Это была жертва столь щедрая, что ея достало на всѣ капитальная постройки! Прося на дорогу, благотворитель испытывалъ монашескую совѣсть старца Божія и былъ тронутъ его глубокою вѣрою въ Божій Промыселъ.

Тамъ, гдѣ онъ былъ правъ въ своей монашеской совѣсти, онъ умѣлъ настяять на своемъ, никого не обижая, не задѣвая ничьего самолюбія. Долго тянулся споръ о томъ: строить ли монастырь на той полугорѣ, на коей онъ теперь красуется, или же—на старомъ мѣстѣ, на берегу моря. Повидимому, колебались и аеонісіе аввы, можетъ быть, подъ вліяніемъ толковъ о тѣхъ громадныхъ расходахъ, какие были потребны при уравненіи мѣстности и другихъ трудностяхъ дѣла. О. Іеронімъ доказалъ „батюшкѣ“ своему, о. Іероніму, что всѣ удобства въ будущемъ на сторонѣ горы и что ради ихъ не слѣдуетъ ничего жалѣть, чтобы по-томъ будущіе обитатели монастыря не упрекали строителей его. При бывшихъ въ недавнее время изысканіяхъ побережной желѣзной дороги, инженеры намѣтили было линію ея въ разрѣзъ всѣхъ владѣній монастырскихъ, такъ что весь прекрасный масличный садъ былъ бы уничтоженъ и многолѣтніе труды

иноковъ по воздѣлыванію дикаго участка земли пропали бы напрасно, а монастырь былъ бы лишнѣ не только наилучшаго своего украшенія, но и доходности. Старецъ рѣшительно возвсталъ противъ такого безжалостнаго отношенія гг. изыскателей и сказалъ: „ведите, господа, дорогу по берегу, а сада нашего и не думайте касаться: до Государя дойду, къ стопамъ Его припаду, умолять буду, чтобъ обитель не даваль въ обиду, и надѣюсь: Его Величество милостиво выслушаетъ и исполнитъ просьбу старика!“—И старца послушали, и дорогу предполагается провести по самому берегу моря.

Говорить о томъ, какой о. Іеронімъ былъ хозяинъ, какой техникъ-самородокъ, администраторъ, если угодно, въ нѣкоторомъ смыслѣ политикъ—не стану. Все это—придаточное, а главное—это крѣпость его монашескаго духа, его постоянно живой примѣръ, коимъ онъ, подобно всѣмъ великимъ отцамъ иноковъ, управлялъ братіей: онъ первый являлся въ храмъ Божій на всѣ службы Божіи, первый шелъ онъ на работы; съ любовью онъ оберегалъ душу каждого молодого послушника, посыпая его туда и къ тому, гдѣ были всѣ благопріятныя условія его духовнаго воспитанія. Онъ, какъ духовно-спытный старецъ, умѣлъ утѣшить печальнаго, умиротворить не-мирнаго, указать Божій путь залуждающемуся. Онъ былъ всѣмъ вся, по выраженію Апостола Христова. Онъ особенно чтилъ Матерь Божію и имя Ея произносилъ съ благоговѣніемъ. Въ день Ея всечестнаго успенія и онъ почилъ въ Бозѣ, упокоился отъ трудовъ и подвиговъ, среди которыхъ такъ ярко, такъ увлекательно горѣла предъ Богомъ его дивная душа...

Уже получаются отклики скорбнаго чувства изъ разныхъ угол-

ковъ родной земли по поводу кончины о. Ерона. „Съ кѣмъ же мы теперь остаемся? пишеть мнѣ, напримѣръ, одинъ добрый пастырь: кто замѣнить намъ тѣ духовные маяки, тѣ магниты, къ которымъ такъ любили тянуться многія тысячи душъ?...“

Да, мы сиротѣемъ... Но если мы будемъ въ покаянномъ чувствѣ поѣдѣать Богу свое сиротство, то Господь и смируется надъ нами, и призоветъ новыхъ дѣятелей на ниву Свою, и пошлетъ намъ добрыхъ наставниковъ и руководителей въ жизни духовной... Развѣ возможно, чтобы Господь не послалъ таковыхъ, если мы будемъ искать—искренно, нелицемѣрно, ради славы имени Его и ради спасенія душъ нашихъ? Не можетъ быть, чтобы Тотъ, Кто сказалъ: просите и дастъ...

Кончина и погребеніе о. архимандрита Ерона.

О. Архимандритъ Иларіонъ сообщаетъ мнѣ съ Нового Аеона нѣкоторыя подробности послѣднихъ дней жизни и кончины въ Бозѣ почившаго старца, о. архимандрита Ерона.

„Въ среднихъ числахъ апрѣля о. Еронъ сдѣлалъ поѣздку на вершину Иверской горы для нѣкоторыхъ распоряженій по заготовкѣ матеріаловъ и всего необходимаго къ постройкѣ тамъ новаго храма въ честь Иверской иконы Божией Матери. Храмъ этотъ проектируется соорудить недалекѣ отъ развалинъ на горнаго древняго храма. Возвратиться оттуда къ вечеру въ обитель онъ не успѣлъ и принужденъ былъ заночевать тамъ, въ домикѣ, устроенномъ для инока, надѣзающаго за часовней и принимающаго поѣстителей Иверской горы. Недомогая предъ этимъ немнogo, онъ, должно быть, еще простудился и возвратился оттуда больнымъ, и притомъ настолько серьезно, что мы вы-

ся вамъ, ищите и обрящете, можетъ ли быть, чтобы Онъ отказалъ намъ въ единомъ на потребу—въ томъ, ради чего Онъ и на землю къ намъ приходилъ, и кровь Свою пречистую пролилъ, и вся, яже ко спасенію, намъ Духомъ Своимъ даровалъ?..“

Господи, призри на немощь нашу, не попусти волкамъ расхищать стадо Твое, посыай намъ мужей вѣры и духа, да, окормляемые ими, минуемъ пучину искушеній отъ плоти, мира и діавола; и вслѣдъ за ними, хоть самыми послѣдними, войдемъ туда, гдѣ далъ Ты мѣсто показавшемуся разбойнику, блудницамъ, грѣшникамъ и всѣмъ, кто въ сознаніи своего ничтожества, своей беспомощности духовной, ищетъ и жаждетъ Тебя, нашъ Спаситель и Искупитель!..“

нуждены были извѣстить о его опасномъ болѣзnenномъ состояніи преосвященнѣйшаго Андрея, Епископа Сухумскаго. Благостный владыка не замедлилъ прибыть въ Новый Аеонъ и, 20 апрѣля, самъ совершилъ надъ болѣющимъ таинство святаго елеосвященія, послѣ которого безнадежно, казалось, захворавшему батюшкѣ стало замѣтно легче; онъ началъ оправляться въ здоровью. Но преклонный лѣтъ батюшки и преутруженій годами жизни организмъ не надолго позволили намъ радоваться улучшенію его здоровья: послѣднее вскорѣ же стало клониться къ худшему, и вслѣдъ мы были въ тревожныхъ опасеніяхъ. Видимо для всѣхъ таялъ нашъ батюшка, какъ горящая свѣча, хотя до конца духомъ былъ бодръ. При общемъ упадкѣ силъ, страданія его, главнымъ образомъ, были въ области сердца, отказывавшаго работать и требовавшаго постоянно медацін-

ской помощи. Къ августу упалъ во-
все и аппетитъ. Раньше изрѣдка
батюшка вставалъ, ходилъ по ком-
натѣ, а тутъ суровый недугъ сталъ
держать его уже неотходно въ по-
стели. Двѣ послѣднихъ предъ кончи-
ною недѣли онъ почти ничего не
кушалъ, принималъ только иногда
пель-чашки чаю и понемногу мин-
дального молока. Между тѣмъ пре-
освященный Андрей былъ въ отп-
ускѣ, и угасающій старецъ съ нетер-
пѣніемъ ждалъ его возвращенія; все
справлялся у окружающихъ о вре-
мени его прїѣзда. Въ августѣ ба-
тишка пріобщался св. Таинъ еже-
дневно, послѣ ранней літургіи, и, от-
казываясь послѣ 10 числа уже и
отъ миндального молока, сталъ пить
лишь изрѣдка св. воду. Когда же,
раннимъ утромъ 13 августа, дежу-
рившій, почти неотходно, при батюш-
кѣ фельдшеръ сказалъ ему, что при-
былъ владыка въ Новый Аeonъ,
большимъ своимъ, истовымъ, какъ
и всегда, крестомъ сталъ обѣнять
себя старецъ, радостно повторяя:
„Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ,
Господи!“... Преосвященный не за-
медлилъ, сраду же по прїѣздѣ, при-
быть къ больному. Послѣ обычныхъ
взаимныхъ привѣтствій, старецъ пря-
мо сталъ просить прочитать ему
отходную. Эта просьба не могла
быть преждевременно: фельдшеръ,
незадолго предъ этимъ, на вопросъ
батюшки о состояніи его здоровья,
предупредилъ его откровенно, что
всѣ сильно дѣйствующія медицин-
скія средства становятся уже без-
полезными. Преосвященный на нѣ-
сколько минутъ входилъ помолить-
ся въ храмъ, гдѣ въ это время
оканчивалось утреннее богослуже-
ніе; потомъ оставался нѣкоторое
время со старцемъ, по его желан-
ію, наединѣ, и уже послѣ того
прочиталъ канонъ на исходъ души
и разрѣшительную молитву. Когда

кончились въ храмахъ раннія ли-
тургіи, владыка отбылъ въ Сухумъ.
А батюшка весь этотъ и слѣдующій
день лежалъ въ кровати, какъ буд-
то, въ полузыбѣ; но, должно быть,
его не оставляло молитвенное горѣ-
ніе духа: онъ изрѣдка истово кре-
стился. Утромъ 14 августа онъ прі-
общился; вечеромъ выслушалъ ве-
черню и акаѳистъ Царицѣ Небесной;
а когда уже въ обители совершалось
бдѣніе Успенію Божіей Матери, въ
началѣ 11-го часа ночи, очевидно,
предчувствуя кончину, сталъ про-
сить, чтобы для него служили ран-
нюю літургію въ Вознесенской цер-
кви, откуда въ его комнаты имѣется
слуховое окно. Но когда ему сказ-
али, что раньше полуночи начинать
літургію неудобно, и предложили
пріобщиться запасными св. Дарами, онъ и на это согласился.
Предъ этимъ, по его желанію, одѣтъ
онъ былъ въ великую схиму и епи-
трахиль. Негласное постриженіе въ
схему онъ давно уже имѣлъ, но но-
силъ ее, какъ принято по нашему
уставу, скровенно, подъ рясой, вы-
полняя лишь особое, обычное для
схемниковъ келейное правило. Прі-
общившись, батюшка принялъ не-
много размоченного въ св. водѣ анти-
дора и запилъ св. Дары; перекре-
стился, попросилъ снять епітрахиль,
легъ въ постель... Но духовникъ
не успѣлъ еще докончить благода-
рственныхъ молитвъ, послѣ „Нынѣ
отпущаещи раба Твоего“ (знамена-
тельно: и въ храмѣ, за бдѣніемъ, въ
это время эту молитву пѣли) уми-
рающій старецъ совсѣмъ слабѣлъ,
едва слышнымъ голосомъ попросилъ
опять посадить его на кровати и въ
такомъ положеніи, обратившись ли-
цомъ къ востоку и устремивши со-
средоточенный взоръ на св. крестъ,
бывшій въ рукахъ его духовника, ти-
хо и мирно уснуль вѣчнымъ сномъ...

Погребеніе батюшки торжествен-

но совершилось 18 августа, послѣ заупокойной литургіи. Служилъ преосвященный Андрей, Епископъ Су-хумскій, (наканунѣ служившій и бдѣніе заупокойное) съ сонмомъ свя-щеннослужителей, при большомъ стеченіи дѣтей духовныхъ, почитателей батюшки и сосѣднихъ рус-скихъ поселянъ и туземцевъ. Въ монастырѣ, послѣ отпѣванія, гробъ обнесенъ былъ вокругъ собора.

День былъ чудный, ясный. Тихо рѣяли въ воздухѣ предносимыя хоругви. Не смолкало протяжное надгробное пѣніе, сливаясь съ колокольными звуками храмовъ: соборнаго, Покровскаго и св. Апостола Симона Кананита. Погребальная процесія по дорогѣ, масличнымъ садомъ, медленно направлялась, спускаясь длинною вереницею, отъ нагорнаго монастыря къ нижнему, а оттуда къ храму св. Апостола Симона, близъ коего, въ приготовленной, по указанію самого покойнаго батюшки, могилѣ и нашло вѣчное упокоеніе его преутруженное многолѣтними безпримѣрными трудами тѣло. Литургія началась въ этотъ день въ 6 часовъ утра; погребеніе окончилось въ 12 часовъ.

Медленно, съ тихою грустью рас-ходилась отъ могилы своего доро-гого аввы братія, умиротвореная духовно-свѣтлымъ воспоминаніемъ о блаженной кончинѣ старца, утѣ-шеннай совершившимся честнымъ его погребеніемъ.

На литургіи сказана была рѣчъ однимъ изъ сосѣднихъ съ обителю священниковъ о значеніи батюшки, какъ устроителя обители для православной вѣрующей Россіи и для

мѣстнаго края. Предъ отпѣваніемъ прочувствованное слово говорилъ владыка о батюшкѣ, какъ старцѣ духовномъ; а мое слово сказано по 6-й пѣсни канона.

Батюшка былъ изъ государствен-ныхъ крестьянъ Костромской губер-ніи; родился въ 1835 году. Въ моло-дыхъ годахъ жилъ въ Шетербур-гѣ; былъ довѣреннымъ приказчи-комъ у одного богатаго человѣка. Благодаря книжному чтенію, по-лучивъ неодолимое влеченіе къ иноческой жизни, 27 лѣтъ ушелъ на старый Аeonъ, и въ 1862 году по-ступилъ въ Пантелеимоновъ мона-стырь. Тамъ былъ онъ уже іеромо-нахомъ и казначеемъ; но блажен-ной памяти старцы: архимандритъ Макарій и іеросхимонахъ Іеронимъ, въ 1876 году, послали его въ Но-вый Аeonъ, обязанный ему нынѣш-нимъ благоустроемъ. Во вни-маніе къ его безпримѣрнымъ тру-дамъ, изъ высшихъ наградъ онъ имѣлъ ордена св. Владимира 3-й ст. и св. Анны 1 ст. “.

Такъ свято почилъ великий ста-рець-подвижникъ нашего времени! Какъ трогательно это совпаденіе момента его кончины съ чтеніемъ въ его келліи, у его постели, и пѣ-ніемъ въ храмѣ, на всенощномъ бдѣніи, дивной молитвы великаго евангельскаго старца-Богопріимца: *Нынъ отпущаеши раба Твоего, Владыко!* Подобно оному дивному старцу, о. Іеронѣ въ сей великой мо-ментъ воспріялъ въ святыхъ Тай-нахъ Господа Іисуса, и самъ душою своею былъ воспріять Имъ въ руцѣ Его, срѣтаемый, вѣруемъ, Его Пре-чистою Матерію...

Кто культурніе: они или мы?

Мы, русскіе люди, привыкли съ дѣтства считать западныхъ сосѣдей

своихъ народами передовыми, куль-турными, просвѣщенными, хотя са-

мый взглядъ этотъ єдва ли намъ не внушенъ самими же европейцами, съ самаго появленія нашего въ исторіи смотрѣвшими на нась свысока, какъ на варваровъ. Причиною этого было не только наша славянская кровь,—чехамъ, полякамъ и др. народцамъ нашего же славянскаго корня это если не совсѣмъ простили, то въ значительной степени этому снисошли,—а наше святое православіе: вотъ этого намъ они никогда не простятъ! А, вѣдь, если ближе посмотретьъ, поглубже вдуматься въ суть дѣла, то гораздо больше имѣли бы мы право „гордиться“ предъ господами европейцами, чѣмъ они предъ нами: у нихъ понятія нѣтъ о томъ духовномъ сокровищѣ, какимъ мы владѣемъ и за которое они нась ненавидятъ какою-то стихійною ненавистью, часто даже безсознательною, слѣпою, безсмысленною! Да, мы могли бы гордиться своимъ православіемъ, если бы только само православіе допускало хотя тѣнь такой гордости.

И, вѣдь, вотъ что достойно вниманія: гордясь и унижая нась, наше православное міропониманіе, люди западной культуры только сами себя унижаютъ въ нашихъ же глазахъ, и съ жалостью смотришь на эту вознесенную гордыню западнаго человѣка, который, къ сожалѣнію, часто просто не способенъ отнестись безпристрастно, вдумчиво къ нашему православному міросозерцанію, что, казалось бы, ужъ и не къ лицу тому, кто считаетъ себя культурнымъ и яко бы просвѣщеннымъ человѣкомъ. Какъ-то вчужѣ жаль такихъ людей, когда, по мѣрѣ ближайшаго съ ними знакомства, ихъ культурность постепенно линяетъ, золото обращается въ мишуру, а вмѣсто сознанія своего истиннаго достоинства являетъся вотъ именно превознесенная гордыня...

Не знаю, какъ другое, а скажу про себя: мнѣ какъ-то не хотѣлось разстаться съ тѣмъ представлениемъ о латинской вѣрѣ, въ какомъ, смѣю думать, воспитала меня мать моя—Церковь Православная, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, пастырей и учителей, въ родѣ нашего великаго Филарета. Мнѣ все думалось, что если мы относимся къ латинству съ нѣкоторымъ уваженіемъ, если мы не рѣшимся никогда оскорблять святыни его, хотя и не чтимъ ихъ сами за святыни, (если только это не общія наши святыни), то мы въ правѣ ожидать и отъ нихъ такого же уваженія къ нашимъ православнымъ святынямъ. Я не стану лобзать латинское Распятіе, не только потому, что оно не освящено молитвою моей матери—Церкви, но и потому, что лобзаніе латинской святыни могло бы быть принято за обѣщеніе въ молитвѣ, чѣмъ Церковь мнѣ не дозволяетъ. И однаже я не допущу и мысли о поруганіи надъ изображеніемъ моего Господа и долгомъ почту, если бы встрѣтилась надобность, защитить его отъ такого поруганія. Я не буду молиться на латинскій костелъ, но и не стану плевать на него. Если угодно, я пропстру мой „фанатизмъ“ до того, что плону на тѣ изображенія Будды, которая, говорятъ, привезли въ нашу несчастную столицу, благодаря трогательнымъ заботамъ строителей идолъскаго капища, среди коихъ есть даже нѣкій князь,—плону на эти бездушныя вещи, чтобы выразить мое презрѣніе къ самой идѣи идолопоклонства, подобно тому, какъ дѣлали это св. мученики Христовы, какъ поступила наши предки—кіевляне, бросившіе Перуна въ волны Днѣпра: но оскорблять вещественную святыню латинянъ я себѣ не позволю. Вѣдь, многіе ихъ святыни могли бы быть и нашими святынями. Вѣдь

изображеніе Господа моего Іисуса Христы, писано ли оно для латинянъ или для православныхъ, напоминаетъ мнѣ не кого другого, какъ именно Его, моего и всего мира Спасителя. И такое мое отношеніе къ инославной, латинской святынѣ—не будетъ недостаткомъ ревности о православіи съ моей стороны, равно какъ и мой плевокъ на идоловъ Будды ве будетъ фанатизмомъ въ отношеніи къ языческому предмету почитанія...

Что такое, въ своей сущности, фанатизмъ? Это есть искаженіе ревности по вѣрѣ, ревности, лишенной разума и любви. Гдѣ нѣтъ разума, тамъ является безуміе; гдѣ нѣтъ любви, тамъ живеть ненависть. Я почту грѣхомъ кощунства, если позволю себѣ издѣвательство или кощунство надъ латинскимъ Распятіемъ, и строго осужу латинянина, если онъ дерзнетъ оскорбить нашу святыню. Въ идѣѣ и у меня, и у него святыни одна и та же. Мы и должны оба относиться къ ней разумно, хотя въ исповѣданіи вѣры не сходимся. Такъ, кажется, когда-то и было: латины, отбирая у православныхъ ихъ святыни, напримѣръ, Ченстоховскую икону Богоматери, и сами почитали ихъ за святыни. И въ нашихъ храмахъ не мало иконъ и распятій, отобранныхъ у латинянъ и читимыхъ въ нашей Церкви. Другое дѣло—идолы: я не могу забыть словъ Апостола Павла, что язычники, принося жертву идоламъ, бѣсамъ приносятъ жертвы, а слѣдовательно, идолъ уже не простая кукла, по идѣѣ, а „бѣсъ“, относительно котораго Церковь, при самомъ крещеніи, намъ заповѣдуетъ: и дуни и плюни на него. Я не желалъ бы даже имѣть предъ своими глазами изображеніе его, всего того, что мнѣ можетъ напоминать этого врага Божія, и потому ненавижу идоловъ, пллюю на нихъ... Такъ разсуждаю я, православный архіерей. И

мнѣ всегда казалось, что западные христіане, гордящіеся своею культурой, всюду проповѣдующіе гуманизмъ, терпимость, и считающіе нась варварами, некультурными дикарями, должны намъ давать примѣръ, если ужъ хотятъ удержать за собою репутацію культурныхъ и просвѣщенныхъ людей, примѣръ терпимости въ отношеніи къ нашимъ православнымъ святынямъ. Мы не оскорбляемъ и не можемъ, по нашимъ убѣжденіямъ, оскорблять ихъ христіанскихъ святынъ: пусть и они относятся къ нашимъ православнымъ святынямъ, къ нашей православной вѣрѣ съ такою же терпимостью, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, они все предъ нами хвалятся, будто лучше нась понимаютъ духъ христіанства.

Увы! Чѣмъ дольше живешь, чѣмъ больше знакомишься съ духомъ пресловутыхъ западныхъ христіанъ, тѣмъ больше разочаровываешься въ нихъ. И наоборотъ; чѣмъ глубже вникаешь въ духъ и сущность нашего святаго православія, тѣмъ больше любишь его, любуешься его величиемъ, духовною красотою, неспорочною чистотою и отъ всего сердца благодаришь Бога, что родился православнымъ, что съ колыбели обладаешь этимъ неопѣненнымъ сокровищемъ, и исповѣдуешь, что воистину только наша чистая, бого-преданная вѣра, при Божіей благодати, ей содѣствующей, ее просвѣщающей, есть носительница въ совершенствѣ завѣтовъ Христовыхъ, воспитательница духа Христова въ тѣхъ, кто носитъ на себѣ имя Христово.

И слава Богу за все это! Минувшей весной въ Г. Думѣ и въ Г. Совѣтѣ проходилъ законъ о Холмской Руси. Положеніе этой древнейшей части Русскаго народа обсуждалось со всѣхъ сторонъ. Вопросы исповѣданій, конечно, были

также глубоко затронуты. И поверьте ли, читатель? Пришлое ознакомиться съ такими невѣроятными явленіями кощунства, изувѣрства со стороны латинянъ по отношенію къ православію, о коихъ не было возможности не только говорить съ каѳедры, но даже и излагать на бумагѣ всѣми буквами... Въ рукописи во многихъ мѣстахъ среди словъ стояли точки, а по оставленнымъ буквамъ представлялось читателю самому угадывать опущенные буквы... Думаю, этого довольно, чтобы понять, какою злобою, непримиримою ненавистью диктовались нетерпимыя даже бумагою слова поношенія латинянъ по отношенію ко всему, что благоговѣйно читится православными. Я могу удостовѣрить, что всѣ эти кощунства заевидѣтельствованы въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій того многострадального края, о коемъ шло дѣло въ нашихъ законосоставительныхъ учрежденіяхъ. Я отмѣтилъ у себя даже №№ этихъ дѣлъ. Каково же бываетъ искренно преданнымъ сынамъ православной Церкви слушать всѣ эти поношенія! Я, конечно, не стану выписывать здѣсь тѣхъ обрывковъ непечатныхъ словъ, коими ревностные латины поносятъ наши святыни, но не могу, для иллюстраціи, не привести нѣсколько примѣровъ того издѣтельства надъ православными, на какое такъ щедры истовые „католики“ по отношенію къ православнымъ.

Извѣстно, что нашу вѣру православную они называютъ „цѣа вѣра“, собочья вѣра, говорятъ, что она—паршивая, произошла отъ куколя, который посыпалъ ч..., а католическая—изъ пшеницы, которую посыпалъ Богъ“. Она вонюча, какъ деготь... Православные священники—собаки, люциферы, кадѣтъ лошадиныхъ пометомъ, „мируютъ“ тѣмъ, что на-

харкаютъ и насморкаютъ, причащаются... нѣтъ, не могу повторить этого богохульства! Рука отказывается выписывать даже то, что изображено въ судебныхъ актахъ полными буквами!...

Но не словами только, но и дѣломъ проявляютъ свои издѣтельства латины. Такъ, одинъ нанесъ кнутомъ ударъ въ лицо православному священнику, другой направилъ лошадь прямо на несшаго хоругвь крестьянина; тамъ латины лаются по собачьи на православныхъ, здѣсь пляшутъ подъ звонъ православныхъ колоколовъ... Въ одной православной церкви, въ великую пятницу нынѣшняго года, выкради плащаницу и подмѣнили ее... дохлою собакою!

Скажутъ, можетъ быть, что все это—некультурные люди продѣлывали: съ нихъ нельзѧ строго и взыскивать. Но, во-первыхъ, я вотъ о томъ-то и говорю, что у насть, у православныхъ, все это немыслимо, хотя мы сплошь „некультурные“, а тамъ руководящіе слои, сливки общества считаются, по крайней мѣрѣ среди поляковъ, людьми болѣе нашихъ интеллигентовъ религіозными, и могли бы воздѣйствовать воспитательно на массы простыхъ людей, но дѣствуютъ, какъ извѣстно, въ обратную сторону, разжигая безумный фанатизмъ; во-вторыхъ, развѣ „некультурные“ люди травили лисицу въ православномъ храмѣ? Развѣ некультурный человѣкъ, напримѣръ графъ Тышкевичъ, заставълъ ишеницей мѣсто православнаго алтаря и не позволялъ православнымъ даже осмотрѣть это мѣсто? Развѣ не представители западной культуры ставятъ православныхъ въ безвыходное положеніе, требуя отреченія отъ православія, ради полученія куска наущнаго хлѣба? Допустятъ, ли что-нибудь подобное наши простые

християне въ отношении къ латинамъ? Позволять ли себѣ, напримѣръ, стрѣлать въ латинскій крестъ, какъ стрѣлять одинъ полякъ въ крестъ православный, приговаривая: „говори, какой ты богъ: русскій или польскій“, и далѣе слова, коихъ я опять таки не рѣщаюсь здѣсь приводить?

И невольно думаешь: не въ этой ли невозможности приводить въ печати разныя нестерпимыя богохульства и кощунства латинъ и заключается ихъ темная сила? Когда начинаешь говорить съ людьми не знающими дѣла, имъ просто кажется невѣроятнымъ то, что говоришь. Мне самому казалось невозможнымъ допустить, чтобы именующіе себя христіанами позволяли себѣ такія кощунства, казалось дотолѣ, пока я документально не убѣдился въ подлинности показаній изъ документа официального происхожденія со всѣми ссылками на подлинные судебніе акты. И мнѣ невольно припомнился нашъ безбожникъ графъ Толстой; никакая цензура не могла пропустить его богохульныхъ выходокъ въ печать; мы, вѣрные сыны Церкви, читая ихъ въ подпольныхъ изданіяхъ, возмущались ими, ужасались, страшась гнѣва Божія не только на богохульника, но и на тѣхъ, кто имѣетъ у себя его богохульныя писанія, а большинство русскихъ людей, слѣпо покланяющіеся его художественному таланту, вовсе не зная о его богохульствахъ, удивлялись намъ, за что мы его осуждаемъ, за что Церковь отлучила его отъ общенія съ собою. Когда же мы указывали имъ, въ словесныхъ объясненіяхъ, на богохульныя выходки изувѣра-графа, намъ не вѣрили, готовы были обозвать настѣ клеветниками на графа. Явилась, наконецъ, известная брошюра миссіонера И. Г. Айвазова:

„Кто такое графъ Толстой?“ Но цензура ее конфисковала и сожгла, какъ содержащую въ себѣ богохульства, а автора едва не сослали въ Сибирь... Спасло его, кажется, только то, что брошюра предварительно напечатана была въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“: для мірскихъ представителей правосудія стало яснымъ, что повтореніе иѣкоторыхъ — и то только иѣкоторыхъ — хуленій Толстого, съ цѣлію ихъ изобличенія, не есть богохульство. Тѣмъ не менѣе брошюра и теперь запрещена, хотя лучшаго отрезвляющаго поклонниковъ Толстого средства едва ли можно найти... Вотъ тоже могло бы случиться, если бы кто выбралъ изъ упомянутыхъ выше актовъ издавательства и кощунства латинъ, а поискать — такъ найдется немало издавательствъ надъ православіемъ и у баптистовъ, молоканъ, вообще лютеранъ и всякихъ сектъ рационалистическихъ, и кто напечаталъ бы ихъ съ цѣлію обличенія; его несомнѣнно привлекли бы къ отвѣтственности, а его брошюру сожгли бы, несмотря на всю свободу печати...

Не то, не то, къ счастію нашему, мы видимъ въ нашемъ православномъ народѣ. Я не говорю уже о вѣротерпимости нашей власти въ отношеніи ко всѣмъ исповѣданіямъ: Невскій проспектъ тому доказательство. Лучшая улица столицы украшена храмами всѣхъ исповѣданій христіанскихъ: тутъ и армянская, тутъ и католическая, тутъ и реформатская церкви... А наши храмы, за границей, говорятъ, кроются гдѣ-то въ предметахъ и переулкахъ... Я хочу сказать, что въ простотѣ нашемъ народѣ вѣротерпимость его прямо поражаетъ безпристрастныхъ иностранцевъ. Мне приходилось слышать отъ сихъ послѣднихъ удивленіе: какъ нашъ народъ радушно и гостепримно встрѣчаетъ инострѣн-

цевъ, коимъ приходится искать ночлега въ деревнѣ. Не только пріютъ дадутъ, но и позаботятся: съть ли гость дорогой, да и что онъ кушаетъ. „Знаю, говорилъ мнѣ одинъ англичанинъ, что у васъ посты, да еще Великій; не только мяса, но и молока не ъѣдѣть; а мнѣ предлагаютъ: „ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовимъ... Правда, у насть посты, ну, а по твоей вѣрѣ видно не грѣшно—кушай на здоровье!“ И это говорять тѣ, которые и въ мясоястіе сами-то курочекъ не кушаютъ никогда. Станутъ ли эти рабы Божіи издѣваться надъ латинскимъ распятіемъ, надъ костеломъ, кирхой и под.? Въ Западной Европѣ, да и въ Америкѣ, даже намъ, архіереямъ, не вѣдѣ удобно показаться въ своеи духовномъ своеобразномъ одѣяніи, а у насть и латинскіе патеры, и даже татарскіе муллы ходятъ свободно, и никто не позволитъ себѣ ни малѣйшей шутки надъ ними. Въ пресловутой Финляндіи плюютъ на насть, на духовныхъ: слыхано ли что-нибудь подобное на насть, на Руси, въ отношеніи къ инославнымъ духовнымъ лицамъ?... И достойно особеннаго вниманія вотъ что: въ то время, какъ инославные смотрѣть съ пренебреженіемъ на насть, съ какою то брезгливостью духовной, какъ на еретиковъ, мы, православные, смотримъ на нихъ съ снисходительной любовью, какъ на заблуждающихся: „не вѣдѣть, что творять!“ Не знаютъ истины, а если бы познали, если бы захотѣли познать, то давно бы стали православными.

Итакъ, кто же культурніе? Кто глубже воспринялъ духъ Христова ученія: мы или они, гордые своею просвѣщенностью, своимъ прогрессомъ европейцы? И стоять ли намъ, владѣя такимъ сокровищемъ, какъ

нашѣ православіе, гоняться за ихъ культурой? Не слѣдуетъ ли намъ ревностнѣе приняться за изученіе и усвоеніе того сокровища, какое намъ Богъ далъ съ колыбели, но коего мы, къ стыду нашему, не знаемъ во всей его духовной красотѣ и благодатной силѣ даже до селѣ?

А вѣдь если глубже вдуматься въ дѣло, то окажется, что вся эта ненависть, все это презрѣніе культурнаго европейца и обращены именно на православіе: за православіе не принимаютъ въ свою семью европейцы и нашихъ братьевъ по вѣрѣ—славянъ: вѣдь и поляки, и чехи и др. народы славянскіе, измѣнившіе православію, давно считаются народами культурными, а вотъ мы, русскіе, болгары, сербы, даже греки—ужъ, кажется, на что еще древнѣе, по культурѣ, народъ?—мы всѣ, за то, что мы православные, считаемся среди европейцевъ за какихъ-то полудикарей, коихъ, видите ли, надо еще просвѣщать, въ вѣру христіанскую обращать, и вотъ, латины хотятъ насть обратить къ папѣ римскому, а лютеране—къ своему Лютеру... Они не понимаютъ, не могутъ понять, что въ православії лежитъ основа новой, иѣмъ невѣдомой культуры, заключаются начала нового, или лучше сказать, древнаго христіанскаго міропониманія и міросозерцанія въ области какъ догмата, такъ и нравственнаго ученія. И въ то время, какъ у нихъ, западныхъ, все основано на началахъ человѣческой правды, началахъ юридическихъ, у насть—все строится на началахъ нравственныхъ, Божественныхъ. Оттого все у нихъ пропитано, въ самыхъ основахъ своихъ, гордынею и самоцѣніемъ, а у насть—все зиждется и расцѣнивается началомъ смиренія и духомъ любви во имя Христово.

Апостолъ Павель говоритьъ о тайнѣ беззаконія, которая уже совершается въ мірѣ. Кто инициаторъ этой тайны, этой гибельной дѣятельности ея? Конечно, сатана, исконный врагъ Бога и людей. Человѣконенавистникъ и человѣкоубийца искони, онъ питается злобою и ненавистю и всюду сѣть ихъ, обольщая людей якобы ревнотью о вѣрѣ, о правдѣ, о благѣ людей. Извѣстно изъ слова Божія, что первый грѣхъ сатаны—его гордыня. Ею онъ стремится заразить и людей. И конечно, тамъ, где царить въ душахъ гордыня, тамъ не можетъ быть духа христоподражательного смиренія, тамъ не быть и духа любви, Христомъ заповѣданной. По симъ признакамъ мы можемъ познавать: отъ духа ли Христова исходить эта мнимая ревноть о вѣрѣ, выражаящаяся въ фанатическомъ издѣвательствѣ инославцевъ надъ нашими святынями, надъ нашою вѣрою? Не дѣется ли и тутъ тайна беззаконія, Апостоломъ усмотрѣнная, и не смигается ли врагъ рода человѣческаго надъ тѣми, именуемыми христіанами, ослѣпляя ихъ ненавистью къ чистой истинѣ Христова

ученія и не допуская познать ее, а напротивъ стараясь отвратить отъ нея, если возможно, самыхъ ея исповѣдниковъ? И вотъ, вмѣсто того, чтобы ити къ язычникамъ и магометанамъ, чтобы проповѣдать имъ Христово ученіе, латины и всякаго рода протестанты спѣшить посыпать къ намъ своихъ миссіонеровъ, будто мы язычники, и воображаютъ, будто великое дѣло дѣлаютъ, соврашая православныхъ въ свои заблужденія... Если бы эти неразумные ревнители своихъ вѣрованій строже въ своей совѣсти отнеслись къ своимъ поступкамъ, ко всему своему поведенію въ отношеніи къ православію, то,—кто знаетъ?—можетъ быть совѣсть пробудила бы въ нихъ и духъ смиренія, и они стали бы способны воспріять и духъ православія и полюбили бы нась какъ братьевъ, и рядомъ съ нами стали бы на борьбу съ дѣятелемъ тайны беззаконія. А теперь, увы, они не во имя Христово работаютъ, понося наше святое православіе и, повторяю, только себя унижаютъ въ нашихъ же глазахъ, ибо намъ-то видно ясно, чьимъ духомъ руководятся они...

141.

ТАИНСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТЪ.

По рукамъ ходить и разсылается—преимущественно купцамъ, фабрикантамъ, богатымъ аристократамъ, вообще людямъ состоятельный брошюра: „Научный институтъ въ Москвѣ“. На нѣкоторыхъ экземплярахъ заглавіе отъ руки исправлено: „Московскій научный институтъ въ камять 19 февраля 1861 г.“ Послѣ краткаго предисловія она содержитъ „Проектъ устава общества Московскаго научнаго института“. „Про-

ектъ физического института на 25 человѣкъ, занимающихся самостоятельными научными изслѣдованіями“, и двѣ примѣрныя сметы на постройки и оборудование біологической лабораторіи и химического института на 25 человѣкъ. Въ предисловіи заявляется, что задача института исключительно ученая, а не учебная. „Это—основная мысль задуманнаго учрежденія, закрѣпленная въ проектѣ устава особою стать-

еї, недопускающей измѣненія выполненія. Это — учрежденіе типа академіи наукъ, подобное институту Пастера въ Парижѣ".

Казалось бы остается только сказать: „Богъ въ помощь умнымъ русскимъ людямъ въ добромъ дѣлѣ!“ Тѣмъ болѣе, что они, эти пока неизвѣдомые предприниматели, настойчиво заявляютъ, что ихъ начинаніе есть „первая попытка въ нашемъ отечествѣ создать учрежденіе, ставшее своею цѣлью исключительно поддержаніе науки. Чуждое по самой своей природѣ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій, оно предназначено служить только чистому знанію“... Но...

Мы живемъ въ такое время, когда всюду и вездѣ приходится подозрѣвать это „но“. Нынѣ время широкой гласности, такъ, по крайней мѣрѣ, насытъ увѣряютъ представители этой гласности: ничего не должно быть секретнаго, особенно всякое доброе начинаніе должно быть широко оглашаемо, дабы каждый могъ принять въ немъ участіе. Но въ даниомъ случаѣ предприниматели что-то слишкомъ скромничаютъ: разсылаютъ проекты свои только людямъ состоятельныймъ, и невольно думается: не ловятъ ли ихъ на удочку, тщательно прикрывая тайныя цѣли свои? Да и газеты о такомъ важномъ предпріятіи что-то упорно молчатъ, будто по соглашенію какому...

Далѣе. Кто инициаторы дѣла? Обычно, призываю общество къ участію въ такомъ начинаніи, добрые люди, коимъ скрывать нечего, не скромничаютъ, а прямо ставятъ свои имена. Тутъ, въ брошюре, нѣть ни одного имени, не только сколько-нибудь извѣстнаго ученаго русскаго, но и никакого — ни подъ предисловіемъ, ни подъ уставомъ. Все какое-то таинственные незнаком-

цы... Впрочемъ, будто нечаянно, проскользнуло одно, только одно имя участника, и то не подъ устройствомъ, не подъ проектомъ, а подъ проектомъ смѣты, и это — имя извѣстнаго забастовщика-іудея въ московскомъ университѣтѣ, нѣкоего профессора, (а можетъ быть и не профессора) Мензбира. Подъ его предсѣдательствомъ составлена группой, можно предполагать, его единомышленниковъ, смѣта на лабораторію по біологіи. Для насы, русскихъ людей, достаточно этого имени, чтобы угадать, откуда вѣтеръ дуетъ: кто сіи радѣтели чистой науки...

Я уже отмѣтилъ, что почему-то предприниматели особою статьей подчеркиваютъ якобы „основную мысль“, что это учрежденіе ученое, а не учебное. Вотъ, буквально, что говорить эта бронированная статья: „Общество московскаго научнаго института имѣть задачей разработку научныхъ вопросовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и оказаніе содѣствія лицамъ, желающимъ производить научныя изслѣдованія въ какой-либо области“. Невольно спрашиваешь: если по всѣмъ отраслямъ знанія, то значить и по богословскимъ? А что, если во главѣ всего дѣла будутъ стоять гг. Мензбира? Насъ увѣряютъ, что это учрежденіе будетъ служить только чистому знанію, что оно „чуждо по самой своей природѣ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій“; но... можно ли поверить, что гг. Мензбира, „пожертвовавшіе“ своимъ положеніемъ и даже своимъ казенныемъ жалованьемъ во имя своихъ политическихъ убѣжденій, отрекутся отъ „политики“? Не приложимо ли, напротивъ, именно къ такимъ господамъ слово Писанія: „еда єеопъ“ измѣнить кожу свою или рѣсъ престроты своя?... И невольно возни-

каеть новое предположеніе: да не для вѣтъ такихъ ли господъ Мензбировъ, потерявшихъ мѣсто въ университетахъ и оставшихся не у дѣлъ, благодаря нашему неустрешимому г. министру просвѣщенія, и затѣвается „ученый“ институтъ?... Къ такому предположенію приводить и то соображеніе, что институтъ предполагается устроить какъ бы независимо отъ государственного надзора, на средства частныя, такъ сказать, въ складчину, какъ-будто само государство у насть скупится на ученыя учрежденія: давно ли оно дало цѣлыхъ 16 миллионовъ на новый Саратовскій университетъ, польза коего пока очень сомнительна?.. Нѣтъ, нужна, видите ли, независимость...

И сказалъ, что, согласно забронированного параграфа устава, въ силу коего институтъ будетъ заниматься всѣми отраслями знанія, возможно, что анонимные „ученые“ займутся и богословіемъ, въ духѣ г. Брикнічева, который объявилъ, что „религія заповѣдей есть рабство“, что „заповѣды суть зло“, а можетъ быть пойдутъ и дальше: будутъ изслѣдовать спиритизмъ, всякое колдовство, вѣдь нынѣ чего не покрываютъ наукой, клевеща на нее, бѣдную, всячески?.. Нынѣ, по свидѣтельству авторитетнаго ученаго, А. А. Тихомирова, въ результатѣ де-христіанізациіи науки проявляется въ ней даже и хулиганство. „Что такое, — говорить онъ, — въ самомъ дѣлѣ, какъ не актъ хулиганства — изданіе іенскімъ профессоромъ Геккелемъ его книжки „Міровыя загадки“, книжки одновременно и кощунственной, и невѣжественной? Сей Геккель на одномъ изъ международныхъ „научныхъ“ конгрессовъ поставилъ въ заслугу наукѣ то, будто бы она уже ниспровѣргла идею личнаго Бога и идею свободной во-

ли человѣка: такое утвержденіе нельзѧ, конечно, иначе назвать, какъ дерзкой безсмыслицей“. Однако же, было невозбранно сказано Геккелемъ предъ лицомъ конгресса, на который, замѣтимъ, онъ былъ приглашенъ въ качествѣ почетнаго докладчика, воззрѣнія котораго, несомнѣнно, хорошо были извѣстны тѣмъ, отъ кого послѣдовало приглашеніе. „Мнѣ кажется, говорить почтенный А. А. Тихомировъ, сказанаго достаточно, чтобы видѣть, какое ужасное время переживаетъ наука и въ какой опасности въ этомъ отношеніи находится школа“.

Видите: цѣлый „научный“ конгрессъ не посмѣлъ остановить безумца, несмотря на всю нелѣпость его утвержденій. Кто же, какіе „ученые“ были на этомъ конгрессѣ? Да вотъ, не эти ли, что хвалятся: „мы затронули юрисдикцію, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное, образованіе и воспитаніе, какъ краеугольные камни свободнаго бытія. Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредствомъ воспитанія въ завѣдомо для насть ложныхъ, но наими внушенныхъ принципахъ и теоріяхъ“...

Мы многому научились за послѣдніе годы. Мы рѣшительно теперь не вѣримъ — мы были бы глупы, если бы повѣрили представителямъ якобы науки изъ лѣваго лагеря, особенно какимъ-то анонимамъ, которые, кажется, чують, что ихъ имена откроютъ весь секретъ ихъ масонской затѣи... Мы уже видѣли немало „лигъ“, подъ разными наименованіями, возникшихъ у насть, въ Россіи въ послѣднее время. Мы знаемъ хорошо, кто устраиваетъ эти лиги на гибель Россіи. Почему мы не можемъ не предположить, что и тутъ дѣло нечистое? Пусть откроютъ свои забрала гг. учредители,

путь не скрываютъ своихъ именъ! Будутъ ли то имена русскія, или иностранныя, мы, можетъ быть, узнаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, кто такъ усердно заботится о

чести русскаго имени, о русской наукѣ...

А пока, русскіе люди, берегите свои капиталы: зачѣмъ ихъ бросать на вѣтеръ?

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Извѣстный моимъ читателямъ редакторъ - издатель еженедѣльнаго листка „Свѣтъ истины“, обругавшій меня „псомъ, безсмысленно лающімъ“, „сатаною“, „сыномъ діавола“, Илья Алексѣевъ, повѣдаетъ теперь своимъ читателямъ, что „судъ Божій наказалъ обидчика (т.-е. меня) пожизненнымъ лишеніемъ трудоспособности, а судъ человѣческій наказалъ обижденаго (т.-е. его, г. Алексѣева) заключеніемъ подъ стражу на 6 недѣль“.

Что разумѣть онъ подъ „лишеніемъ, да еще пожизненнымъ, трудоспособности“—Богъ его вѣдаетъ. Вѣроятно то, что я, по слабости моего здоровья, просилъ С. Синодъ уволить меня отъ управления епархией, на что С. Синодъ милостиво и соизволилъ, но тогда же ему было благоугодно не только засвидѣтельствовать о моей „трудоспособности“, но и использовать оную назначеніемъ меня постояннымъ членомъ сего высшаго церковнаго учрежденія. Милостю Божіей укрѣпившись силами, я возвращаюсь въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ занятіяхъ С. Синода и Г. Совѣта, и надѣюсь, при помощи Господа, посвятить свои силы, на свободѣ отъ дѣла епархиальнаго управления, служенію Церкви Христовой тою „трудоспособностью“, которой, милостю Божіей, я еще не лишенъ, какъ говорить г. Алексѣевъ. Съ свойственною только сектантамъ нетерпимостью и

дерзостью онъ предвосхищаетъ себѣ „судъ Божій“ и — смѣю сказать— дерзаетъ клеветать на Самаго Господа Бога, якобы лишившаго меня трудоспособности въ наказаніе за мое предупрежденіе читателей относительно его, г. Алексѣева, котораго и С. Синодъ, въ своемъ опредѣленіи отъ 13—23 апрѣля сего года за № 3089, призналъ однимъ изъ „главныхъ распространителей киселевской секты“. Будемъ надѣяться, что „молодой іерей“, котораго, по словамъ г. Алексѣева, „Господь прислалъ къ нему“, разъяснить ему, какъ опасно становиться на сторону сектантовъ и предвосхищать судъ Божій, да еще надѣть епископомъ...

Прошу моихъ читателей и сотрудниковъ „Троицкаго Слова“ всѣ письма, касающіяся литературной стороны изданія, съ 10 октября направлять по адресу моему: *Петербургъ, Александро-Невская лавра*, а касающіяся хозяйственной стороны сего дѣла (т. е. подписки, высылки журнала и др. изданій Сергиевой лавры)—въ редакцію „Троицкаго Слова“, *Сергиевъ посадъ, Моск. г., лавра*.

Кстати: контора редакціи просить меня предупредить читателей, чтобы желающіе возобновить подписку на будущій годъ благоволили высыпать оную заблаговременно, во избѣженіе замедленія въ высылкѣ, вслѣдствіе скопляющихся въ концѣ года требованій. Условія подписки—тѣ же.

142—143.

Съ чего начинается измѣна роднымъ завѣтамъ?

I.

Я закончилъ свой дневникъ о томъ, „Кто культурнѣе: они или мы?“ и уже послалъ рукопись въ редакцію, когда мнѣ пришлось прочитать въ одной рукописной автобіографіи, половины прошлаго вѣка, слѣдующія строки:

„Да, большой недостатокъ въ русскомъ высшемъ обществѣ, что тамъ мало цѣнить милость Божію, что родились въ православномъ исповѣданіи. То, что человѣку съ прекрасными качествами, благородствомъ и ученостію, но родившемуся въ католичествѣ или протестантствѣ еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имѣть безъ всякихъ усилий, вѣдреннное въ сердцѣ свое, всосанное съ молокомъ матери своей, какъ бы сросшееся съ нимъ и пріобрѣтенное безъ всякихъ трудовъ и усилий.—Но, видно, правду говорять, что то, что получено безъ всякихъ трудовъ и усилий, то такъ мало и цѣнится! Если бы этимъ началамъ православія давали развиваться и укореняться, какихъ бы они не принесли благодатныхъ плодовъ! Но они оставляются пренебрежѣнными, за-сариваясь разными хламомъ лже-мудрованій, лжеумствованій, ложныхъ мнѣній; человѣкъ, между тѣмъ, узнаетъ, что есть христіанскія же религіи, которые смотрѣть снисходительнѣе на слабости человѣческія и даже потворствуютъ имъ, не стѣняютъ ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержаніемъ порывовъ плоти и крови; и вотъ, рожденный, но не участвовавшій въ православіи, соблазняется мнѣніями, чуждыми православію, наконецъ станов-

ится равнодушнымъ къ религіи своей—дотолѣ, пока милующая Десница Всевышнаго не образумитъ его своими наказаніями“.

Это пишетъ человѣкъ свѣтскій, офицеръ, воспитанный въ средѣ свѣтскаго общества того времени и видѣвшій главную причину зла въ томъ, что у нихъ, т.-е., въ этомъ обществѣ, было такъ много гувернеровъ и гувернантокъ, мадамъ и мамзелей, что дядя автора говоривалъ: „когда это моя Европа разѣдется?..“

Прошло съ того времени, о коемъ говорить авторъ, сто лѣтъ, но „мадамы и мамзели“, гувернеры и гувернантки-иностранные не составляютъ ли и теперь необходимой принадлежности въ дѣлѣ воспитанія дѣтей нашего не только интеллигентнаго, но и полуинтеллигентнаго общества? Не говорю уже о дворянскихъ семьяхъ: даже у купцовъ, которые сами нигдѣ не учились, изъ мужиковъ вышли, около ихъ дѣтей увидаются уже француженки и нѣмки, а иногда и англичанки: безъ новыхъ языковъ, видите ли, обойтись нельзя, а имъ выучиться безъ этого рода педагоговъ очень трудно, и вотъ ребенокъ въ самомъ золотомъ расцвѣтѣ дѣтства отдается на руки этимъ „европейцамъ“ — ради того только, чтобы была использована его въ высшей степени воспріимчивая память для изученія чужихъ языковъ... Родители не понимаютъ, какою дорогою цѣною они покупаютъ легкость для ихъ дитятъ изученія иностранныхъ языковъ; они не понимаютъ, что, сами того не сознавая, поручаютъ этимъ чужимъ людямъ не только разрушать нѣкіе малые зачатки православнаго міросозерцанія, но незамѣтно, мо-

жетъ быть, даже безсознательно,— кто поручится, что въ иныхъ слу-
чаяхъ и сознательно?— строить въ дѣтской душѣ неправославное міро-
созерцаніе? Если русская безграмот-
ная няня имѣла и безъ сомнѣнія
имѣть и теперь такое великое зна-
ченіе въ воспитаніи Пушкиныхъ и
др. великихъ русскихъ людей, то
какъ отрицать вліяніе на весь сла-
гающейся строй души ребенка всѣхъ
этихъ мамзелей и мадамъ?... Не онѣ
ли первыя, повторяю, можетъ быть
непрозвольно, первыя закладыва-
ютъ въ душѣ будущаго нашего ин-
теллигента съмена преувеличенаго
уваженія ко всему западному, не-
православному и пренебреженію къ
родному, православному? Не вслѣд-
ствіе ли общевія съ ними, наши дѣ-
ти еще съ отрочества начинаютъ
пренебрежительно относиться къ за-
вѣтамъ старины родной? Хорошо,
если сами родители строго держатся
этой старины, какъ, напримѣръ, держа-
лись ея родители автора выше-
приведенной выписки. Вотъ, что го-
ворить онъ въ своихъ запискахъ: „у
покойнаго дѣда моего всегда произ-
водилась на дому служба весь ве-
ликій постъ, даже безъ священника,
который приглашался только на пер-
вую и страстную седмицу, на всѣ
годовые праздники, во дни нарочи-
тыхъ святыхъ и на всѣ воскресныя
всенощныя; мой отецъ, не желая
измѣнить порядка своего отца, имѣя
уже и дѣтей, также три недѣли
справлялъ службы великимъ по-
стомъ и всѣ праздники. Такъ дошло
и до меня. Прочіе братья и сестры
этого уже не помнятъ: они были
очень малы, а я, обыкновенно, чи-
талъ самъ вечерни, повечерія, полунощницы
и утреши дома, при кре-
стахъ, и въ церкви часы, а бабушка
почти каждый день заѣзжала къ ма-
тери, возвращаясь отъ обѣдни изъ
Лебяжскаго Троицкаго монастыря,

въ которомъ она и погребена“.— Но-
то было почти сто лѣтъ назадъ; те-
перь едва ли найдешь такую семью
не только въ высшихъ сословіахъ,
но и въ купеческомъ и мѣщанскомъ.
И растутъ дѣтскія души въ той ду-
ховной атмосфѣре, которая назы-
вается церковностью, и обвѣваютъ
ихъ другія вѣянія, Церкви чуждыя,
ложатся на иѣжное дѣтское сердце
другія впечатлѣнія, незамѣтно, но
прочно создается другое міросозер-
цаніе.

П.

Дѣти! Какое безцѣнное сокровище
вручаетъ намъ Богъ въ лицѣ ма-
лыхъ сихъ! Не напрасно дѣтскія
души называются ангельскими: изъ
св. купели крещенія наши дѣти вы-
ходятъ чистыми, чуждыми грѣха пра-
родительскаго, невинными существа-
ми. Вспомните слово Христово: „если
не будете и сами какъ дѣти, то не
внедите въ царствіе небесное“. Вѣдь
о дѣтяхъ Господь сказалъ и сіе: „ан-
гелы ихъ всегда видѣть лице Отца
Моего Небеснаго“. Гдѣ дѣти, тамъ
и Ангелы Божіи. Какъ же должно
беречь это сокровище — дѣтскую
душу!..

А мы что съ нею дѣлаемъ? Съ
первыхъ шаговъ сознательной жиз-
ни, лишь только ребенокъ начинаетъ
лепетать, мы спѣшимъ отдать его
на руки людямъ, чуждымъ намъ и
по духу, и по языку, и по всему
ихъ нравственному міросозерцанію.
Дитя еще не научилось, какъ слѣду-
етъ, называть окружавшіе его пред-
меты, какъ въ его невинную голов-
ку уже засѣгаютъ французскія, нѣ-
мецкія, англійскія фразы. Родители
не хотятъ подумать хотя бы о томъ,
что русское дитя, вѣдь, при такихъ
условіяхъ и мыслить будетъ не по-
русски... Покойная Анна Феодоровна
Аксакова въ своихъ умныхъ, фило-

софски обдуманныхъ бесѣдахъ не разъ мвѣ жаловалась, что затрудняется „думать по-русски“: съ дѣтства привыкла говорить по-нѣмецки и думать по-нѣмецки. Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не безъ труда подыскивала русскія слова для выраженія какого-либо отвлеченного понятія въ области предметовъ возвышенныхъ. Но она не виновата, что ея отецъ жилъ большую частію за границей, въ Германіи, хотя надо ему честь отдать: зналъ въ совершенствѣ русскій языкъ и умѣлъ воплощать въ немъ свои чудныя поэтическія произведенія.

Имѣю основаніе, и кромѣ общихъ сужденій, сказать, что иностранцы, допущенные къ нашимъ дѣтямъ, вредятъ и самому главному — они незамѣтно посѣваютъ въ нихъ свои религіозныя воззрѣнія. Понятно, что атеистъ, не можетъ говорить о Богѣ съ должнымъ благоговѣніемъ. Но такъ же понятно, что фанатичная католичка найдетъ и время, и случай внушить ребенку свои понятія о чистилищѣ, о непорочномъ зачатіи; она съ дѣланіемъ благоговѣніемъ говорить ему о „святыи отцѣ“, о „сердцѣ Іисусовѣ“ и пр. Хорошо, если умное дитя спросить своихъ родителей: какъ относиться къ такимъ непрошенымъ урокамъ? А если не спросить?... Невольно задумываешься надъ вопросомъ: что это значитъ, что даже коренные русскія семьи, вродѣ купцовъ Абрикосовыхъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего ушли въ латинство? Кто ихъ подготовилъ къ сему? О, конечно, патеры-іезуиты не упускаютъ случая поймать въ свои сѣти нашихъ младенчествующихъ въ вопросахъ богословія интеллигентовъ; но впереди патеровъ, очень вѣроятно,шли userдныя ихъ послушницы — мадамы и мамзели. Съ давнихъ поръ наше ку-

печеское сословіе отличалось отъ другихъ интеллигентныхъ сословій большою религіозностью; правда, въ послѣднее время и оно пошло за интеллигентами изъ другихъ, отравленныхъ іудейской печатью, сословій, и даже въ иныхъ случаяхъ опережаетъ ихъ; а все же въ средѣ купеческихъ семей можно еще встрѣтить людей, искренно вѣрующихъ въ Бога, не забывающихъ и единаго на потребу. И вотъ, сюда устремляются взоры латинскіе пропагандисты, здѣсь ищутъ себѣ поживы.... Какъ же надобно беречь дѣтей отъ этихъ алчныхъ взоровъ, отъ всякихъ губернеровъ и губернантокъ, мадамъ и мамзелей, боннъ и репетиторовъ!

Меня поражаетъ эта преступная безпечность — не говорю уже о вѣрѣ, о спасеніи души, а хотя бы только о благѣ своей родины, о томъ, чтобы чужеземцы не захватили въ свои руки то, что вѣками скопляли, отцы наши, не заставили насъ быть батраками на нихъ, не издѣвались надъ ними, какъ глупыми, превѣрнными неграми, изъ которыхъ можно дѣлать все, что имъ будетъ угодно! А вѣдь, если мы будемъ такъ безпечны и впередъ, то недолго и до этого... Нашей интеллигенціей будто какой-то гипнозъ овладѣлъ: вотъ, непремѣнно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всемъ походить на нихъ, усвоить ихъ идеалы, ихъ формы жизни, ихъ языки, даже ихъ платье, манеры, привычки... А того не видѣть люди русскіе, что европейцы только смыкаются надъ этимъ, только презираютъ наше еще больше, какъ паріевъ, какъ некультурныхъ дикарей. И особенно это на руку заклятымъ врагамъ Христовымъ — іудеямъ и масонамъ: они руки потираютъ отъ радости, имъ это-то и нужно. И всѣми мѣрами они стараются содѣйствовать этому гипнозу, всего больше боятся, какъ

бы не очнулись русскіе люди, не вспомнили завѣтовъ предковъ своихъ благочестивыхъ. И вотъ, захвативъ въ свои руки печать, они всячески внушаютъ, что этотъ гианозъ есть явленіе въ высшей степени страдное, какъ признакъ культурности, прогресса, побѣды надъ мракобѣсіемъ, торжества цивилизациі... Что мы — невѣжды, что мы во всемъ, рѣшительно во всемъ отстали отъ Европы, что стыдно намъ быть православными, что христіанство „сыграло свою роль въ исторіи, отжило, умираетъ“,—все это изодня-въ-день, подъ разными видами, внушается въ мозги нашей модничающей интелигентціи, какъ неоспоримая аксиома, противъ которой могутъ спорить только глупцы... Чѣмъ все это грозить намъ въ самомъ близкому будущемъ? Русскіе люди, опомнитесь! Стыдно и непростительно грѣшно такъ унижать себя, такъ позорить измѣнной родныи завѣтамъ старины, родной Церкви, родному народу! Съ недоумѣніемъ смотрѣть онъ, этотъ народъ, на ваши „бар-

Нынѣ много говорятъ объ „оживленіи“ приходской жизни. Не лучше ли сказать—о пробужденіи: вѣдь приходъ есть малая часть Церкви Христовой вселенской, а Церковь Божія жива и умереть не можетъ, ибо ея глава—Христосъ Спаситель нашъ смертію Свою смерть всякую подралъ и живеть въ Церкви Своей, и пока—не только приходъ, но и всякий отдѣльный членъ Церкви не порваль связи съ Церковью, не сталъ еретикомъ, дотолѣ и онъ не умеръ для Церкви, какою бы ду-

скія причуды", съ сожалѣніемъ—на ваши заморскія выдумки, съ глубокою скорбью вздыхаетъ, когда видѣть ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его сократить на свой путь погибельный... Вѣдь, онъ все ждалъ, что вы пойдете впереди его по завѣщанному ему исторіей и Божіимъ Пророкомъ пути, что, какъ люди, болѣе его наукой просвѣщенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Баалу и идете путемъ служителей Молоха... Горе вамъ, когда народъ потеряетъ всякое къ вамъ довѣріе, когда среди васъ не найдется достойныхъ сыновъ Руси вѣковъ минувшихъ! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: онъ не замедлитъ, воспріявъ въ свое сердце ядъ духовнаго развращенія, ниспастъ и въ развратъ тѣлесный, превратиться въ такого звѣря, какого міръ еще не видѣлъ, какого исторія человѣчества еще не знала... .

И вы первые—помните это!—первые погибнете въ когтяхъ этого лютаго, безщаднаго звѣря!

144.

Дѣти и церковно-приходская жизнь.

ховною болѣзнию, какимъ бы грѣхомъ ни страдаль онъ... Отдѣльный членъ Церкви можетъ духовно умереть, порвавъ прежде всего общеніе съ Церковю въ ея таинствахъ, но приходъ сего сдѣлать не можетъ, ибо онъ возглавляется совершителемъ таинъ Божихъ—священникомъ и совершеніе божественной литургіи въ его храмѣ иереемъ, и правильно рукоположеннымъ, уже есть свидѣтельство жизни прихода, сей малой Божіей церквицы. А значитъ и говорить объ ожив-

лении прихода не подобает: это было бы оскорблением Духа Божия, присно живущаго въ Церкви и действующаго въ ея тайнахъ...

Особенно заботится о пробуждении жизни приходской еще юное московское братство четырехъ святителей. Оно праздновало вторую свою годовщину 5-го октября и вечеромъ сего дня устроило годовое собрание въ московскомъ епархиальномъ домѣ. Главною свою задачею братство поставило взаимное сближеніе пастырей и пасомыхъ, а чрезъ то и развитіе дѣятельности прихода. Отчетъ былъ кратокъ, ибо братство еще только начинаетъ входить въ свое дѣло, начиная свои ближайшія задачи и средства къ ихъ осуществленію. А въ этомъ отношеніи надо быть особенно осторожнымъ: нынѣ въ воздухѣ носятся идеи, съ виду заманчивыя, по существу же противоцерковныя, каковы, напримѣръ, идеи права, свободы и под. Вотъ и надобно осторожаться, чтобы не подмѣнить такими модными идеями—чистые идеалы церковные. И дай Богъ, чтобы юное братство, руководимое мудрымъ первосвятителемъ Москійскимъ, избѣгало этой опасности и чтобы идея долга не заслонялась бы идеюю права, а служила сей послѣдней лишь основою... и все согрѣвалось и оживлялось идеюю любви, ибо и Церковь есть великий организмъ любви...

Одинъ изъ могучихъ средствъ къ объединенію прихода въ духѣ вѣры и любви, какъ показалъ опытъ, является всеобщее или всенародное пѣніе въ церкви. Москва счастлива тѣмъ, что въ средѣ цѣлой тысячи ея пастырей ужъ конечно всегда найдется энергичный, долгу своему преданный пастырь, который „сдѣлаетъ опытъ“, по мѣрѣ силъ и умѣнья проведеть въ жизнь ту или

другую идею, а Господь поможетъ ему и осуществить ее такъ, что въ семъ дѣлѣ нельзя не видѣть явнаго чуда Божія, проявленія жизнедѣятельности въ Церкви—самой невидимой Главы Церкви Господа Иисуса Христа. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Одинъ смиренный іерей изъ Замоскворѣчья завѣлъ у себя въ церкви всенародное пѣніе два года назадъ. Прихожанамъ это пришлось по душѣ. Начали съ простыхъ ежедневныхъ пѣснопѣній літургійныхъ, затѣмъ перешли къ ирмосамъ праздничнымъ, а теперь поютъ прекрасно и догматики. И вотъ, 5 октября, почтенный батюшка сдѣлалъ докладъ въ собраниіи братства и показалъ на дѣлѣ, какъ поютъ его прихожане. Опытъ показалъ, что всеобщее пѣніе послужило началомъ и другихъ добрыхъ дѣлъ: появилось и общество трезвости, и воскресная школа для тѣхъ, кто хочетъ, но, по безграмотности, не можетъ принимать участія въ пѣніи (обучаются не только юноши, дѣвицы, но и люди преклоннаго возраста, до 65 лѣтъ), и участники пѣнія ходятъ за сотни верстъ на богослужѣніе къ святынямъ роднымъ, помогаютъ бѣднымъ въ приходѣ такъ, какъ не бывало дотолѣ... Не говорю уже о церковномъ чтеніи: ужъ, конечно, оно поставлено въ церкви приходской образцово.

И вотъ, мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ моими читателями тѣмъ трогательнымъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ сего собранія. Выходить на средину малютка-мальчикъ и громко, ясно, отчетливо, немного картавя, но все же прекрасно читаетъ: *Нынѣ отпускаши, трисвятое и Отче нашъ.* А затѣмъ смѣло подходитъ къ владыкѣ Митрополиту и проситъ благословенія. Его чтеніе тронуло нѣкоторыхъ первыхъ людей до слезъ.

Благословляя малютку-чтепа, властыка спросилъ: „а сколько тебѣ лѣтъ?“—Мальчикъ, нисколько не смущаясь неожиданнымъ вопросомъ, отвѣтилъ: „пять лѣтъ“. Я сидѣлъ рядомъ съ первосвятителемъ. Хотѣлось чѣмъ-нибудь порадовать младенца-чтепа, и я, снявъ съ своихъ чепокъ серебряный крестикъ, передалъ его Митрополиту, который и благословилъ мальчика, заповѣдавъ, чтобы надѣлъ крестикъ на шнурочекъ и возложилъ себѣ на шею.

И вспомнились слова пророка-исалмопѣвца: *изъ устъ младенецъ и сущихъ совершилъ еси хвалу;* вспомнились младенцы евангельскіе, громко взыавшіе пришедшему во храмъ Спасителю міра: *осанна Сыну Давидову!* И думалось: вѣдь вотъ какъ иногда немного надобно, чтобы разбудить дремлющую душу православную, чтобы повѣяло на нее дыханіемъ жизни, и именно церковной жизни... Вѣдь прочитай дитя, что теперь такъ обычно, простое стихотвореніе: развѣ было бы такое впечатлѣніе? И мысль шла дальше: не слѣдуетъ ли намъ, пастырямъ, для „оживленія“, для пробужденія церковной жизни призвать на помощь вотъ этихъ невинныхъ младенцевъ, поручая имъ чтеніе краткихъ молитвъ въ храмъ Божіемъ за богослуженіемъ? И вспомнилъ я, какъ въ прежніе годы велось въ Троицкой Сергиевой лаврѣ въ субботніе молебны Матери Божіей въ такъ называемой келліи преподобнаго Сергія; въ концѣ молебна выходили три отрока, лѣтъ по шести или семи, становились предъ иконою Владычицы, не спѣша, ограждали себя крестнымъ знаменіемъ, творили три поклона въ поясъ, и начинали: одинъ—*Святый Боже...* другой продолжалъ: *Пресвятая Троица,* третій читалъ:

Отче нашъ... Чѣмъ-то неземнымъ отзывалось въ сердцѣ ихъ чтеніе, думаю, какъ бы были бы счастливы матери малютокъ, если бы ихъ дѣти удостоивались части—славить Бога невинными устами своими въ храмѣ Божіемъ! И ужъ конечно, благоговѣйная, хотя и не вполнѣ по-ученому сознательная молитва малютокъ была бы доходнѣе до Бога, чѣмъ наша холодная, нерѣдко вѣдь тоже—но уже—непростительно безсознательная молитва, чтома на кляросѣ поспѣшно, бездумно, яко мѣдь звенища или кимвалъ бряцающій.

Когда мнѣ приходилось давать наставленіе новоблагодатнымъ іероямъ, я говорилъ имъ: не упускайте случая приласкать ребенка, хотя бы это былъ грудной младенецъ на рукахъ матери; благословите его, поцѣлуйте: пусть вашъ обликъ, вашъ сияющій на груди священническій крестъ, ваша ряса запечатлѣются въ его памяти наравнѣ съ милымъ его сердцу обликомъ матери; имите на такие случаи даже какіе-нибудь грошевые гостинцы для малютокъ, когда посѣщаете дома прихожанъ вашихъ. Повѣрьте: тогда дѣтки не только не будутъ бояться „попа“, какъ это бываетъ въ деревняхъ, а напротивъ, будутъ тянуться къ вамъ, между вами и ими образуется духовная безмолвная связь, они будутъ считать васъ роднымъ человѣкомъ, они будутъ ветрѣчать васъ далеко за деревнею, когда станутъ подростать, будутъ считать за счастье подойти къ вамъ подъ благословеніе. А вы пользуйтесь этою дѣтскою любовью, чтобы привлечь ихъ къ храму Божію, чтобы сдѣлать ихъ вотъ участниками въ чтеніи, а потомъ и пѣніи раньше, чѣмъ они придутъ къ вамъ въ школу... Дѣти деревенскія рано развиваются, рано пріучаются къ

труду: вспомните того некрасовского мальчугана, которому только „шестой годокъ миновалъ“, но который, погоняя лошадку съ возомъ дровъ, уже съ благородною гордостью говорилъ:

„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой
да я!“

Надобно пользоваться и этою чертою русского ребенка, съ колыбели приручая его къ себѣ и пользуясь всякимъ случаемъ засѣять въ его нѣжную душу любовь къ родной Церкви, къ ея обрядамъ, ея порядкамъ. Изъ дѣтей надо готовить будущихъ своихъ прихожанъ, послушныхъ чадъ Церкви, преданныхъ ей, крѣпко єю любящихъ. Не слѣдуетъ забывать, что такое доброе, сердечное отношеніе священника къ дѣтямъ, несомнѣнно будетъ тотчасъ замѣчено ихъ матерями, которые съ радостью пойдутъ навстрѣчу священнику въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей въ духѣ церковности. Матери всеконечно отплатятъ батюшкѣ своею преданностью, своею готовностью помочь ему и его матушкѣ въ ихъ трудахъ по сельскому хозяйству. Вотъ одинъ изъ самыхъ простыхъ и самыхъ вѣрныхъ способовъ сближенія пастырей съ пасомыми.

Скажу еще и то, что этотъ способъ носить въ себѣ такъ сказать и мистическое начало. Господь сказалъ о дѣтяхъ: *таковыхъ есть царство небесное*. И взрослымъ заповѣдалъ: *аще не будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное*. Въ душѣ дитяти есть свойства, наимѣнно взрослыми грѣшниками потерянныя. Сердце ребенка скорѣе открывается для Божіей благодати. Оно непосредственнѣе ощущаетъ ея воздействиѣ. Посмотрите на ребенка, который увлекся церковнымъ пѣн-

емъ: это можно наблюдать тамъ, где ведется общеперкновенное пѣніе. Какая неземная духовная красота свѣтится въ его личикѣ! Какъ тепло горятъ его глазки! Какъ-будто вся красота души выходитъ наружу и только Рафаэль да нашъ геніальный Васнецовъ умѣли запечатлѣвать на холстѣ эту духовную красоту дѣтского личика. А вѣдь въ этомъ проявляется его внутренняя жизнь, жизнь чистой, еще не запятнанной грѣхомъ дѣтской души. И я скажу еще: тѣ, которые большую часть своей жизни проводятъ съ дѣтьми, съ любовью и бережливо воспитывая дѣтей, своихъ ли то или чужихъ, на тѣхъ Богъ налагаетъ какъ бы отпечатокъ дѣтскихъ свойствъ: полюбуйтесь на портреты извѣстныхъ педагоговъ, всю жизнь отдавшихъ дѣтямъ, хотя бы на портретъ нашего незабвенного церковного педагога С. А. Рачинскаго: сколько дѣтской чистоты, благодушія, простоты, даже невинности свѣтится въ его обликѣ сквозь его сѣдины! Вотъ почему нашъ пастырскій долгъ—ближе держаться къ дѣтямъ: это нужно, это необходимо для насть самихъ. Дѣти—Божіи любимицы: къ нимъ близки ихъ ангелы хранители, близокъ духовный міръ: какъ же намъ не дорожить близостью къ нимъ? Вводя ихъ въ общеніе съ Церковью, согрѣвая ихъ благодатною теплотою церковной жизни, будеть ли то въ церковной школѣ или же просто въ храмѣ Божиемъ, въ домѣ, въ семье—мы дѣлаемъ великое дѣло и для церковной жизни, для прихода: вѣдь эта семья дѣтей—будущіе наши прихожане, будущіе наши пасомые. Если мы пріучимъ ихъ, напримѣръ, пѣть въ церкви съ ихъ отцами, матерями, братьями, сестрами, то они ужъ сами научатъ и своихъ дѣтей тому же святыму.

искусству — славословію Божію. Если подскажемъ имъ и научимъ украсить храмъ Божій въ праздники цветами и зеленою, обсаживать его деревцами, цветочками, чистить утварь церковную, лампады, подсвѣтчики предъ великими праздниками, помочь церковному старостѣ собирать по деревнямъ новины на храмъ Божій, — вѣдь все это будетъ добрымъ, святымъ съменемъ, которое принесеть плодъ свой во время свое, когда они выростутъ и станутъ сами хозяевами, обзаведутся своими семьями. Вѣрится, что не все же будетъ тотъ разгромъ церковной и общественной жизни на Руси, какой теперь совершается, что опомнятся же на конецъ русские люди, вспомнятъ старину свою родную, возьмутся за умъ разумъ и прогонять отъ себя далеко прочь всѣхъ этихъ соблазнителей-лжеучителей... Тяжело намъ, пастырямъ, быть свидѣтелями этого разгрома на родной Руси, но не слѣдуетъ отчаяваться: въ нашихъ рукахъ еще не мало средствъ къ спасенію народа православнаго отъ

явно грозящей ему гибели. Даже враги его видѣть это и боятся — да, боятся насъ! Это мы только что видѣли: много ли настъ, служителей Божіихъ и всѣхъ-то на Руси въ сравненіи съ массою народной? А какъ испугались всѣ враги Церкви, всѣ эти кадеты, октабристы, разные конституціоналисты, когда духовенство рѣшило исполнить свой долгъ и пойти на выборы въ Г. Думу, не себя выставляя, а народъ предостерегая отъ его враговъ... Такъ вотъ, исполняя тотъ же долгъ, и подойдемъ ближе къ душѣ народной, — вѣдь никто такъ не знаетъ ее, какъ мы, пастыри и отцы духовные, и возьмемъ дѣтокъ народа на свое особое попеченіе. Это и намъ принесеть неопѣнную пользу: самихъ насъ обновить и преобразить, дастъ намъ оѣнить и сердцемъ ощутить всю красоту народной русской души, которая по природѣ своей православная и не можетъ быть иною безъ измѣны природѣ своей. Итакъ, Богъ вами въ помощь, отцы и братія, и — за дѣло, скорѣе за дѣло святое!

145.

Тоже „руssкие“ патріоты!

Думаю, не я одинъ, а многіе старые люди въ наше странное время нерѣдко задаютъ себѣ вопросъ относительно вѣкоторыхъ явленій въ общественной жизни: что это: сонъ или дѣйствительность? Нормальное явленіе или бредъ разстрѣленного воображенія?.. Съ первого взгляда какъ будто дѣло самое обыкновенное, даже симпатичное, а какъ приглядишься къ нему, то и становишься въ тупикъ: такъ оно противорѣчить всѣмъ правиламъ нашей русской логики... Я приведу здѣсь одинъ документъ, разсылаемый всѣмъ вид-

нымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, и затѣмъ, поименовавъ разсылающихъ, попрошу читателей рѣшить: что это такое?..

Вотъ этотъ документъ:

„Къ празднованію трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ и отечественной войны 1812 года“. Посторонамъ заголовка два портрета: Барклая де-Толли и Голенищева-Кутузова, ниже цинкографія съ картиной Верещагина: „Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ“, а далѣе слѣдуетъ приглашеніе:

„Настоящемъ позволяемъ себѣ

пригласить васъ принять участіе въ предположенномъ поздравлениі Его Императорскаго Величества Государя Императора по случаю 300-лѣтнаго юбилея Царствующаго Дома Романовыхъ. По поводу этого радостнаго для Императорскаго Дома и народа событія, возникла мысль о поднесеніи Его Императорскому Величеству роскошнаго альбома съ портретами всѣхъ современныхъ дѣятелей Россіи, въ которомъ и вы имѣтѣ полное право занять мѣсто среди вашихъ достойныхъ сотова-ришь, заслуги коихъ признаны Государемъ Императоромъ и роди-ной.

„Съ этой цѣлью покорнѣйше про-
симъ васъ не отказать въ своеувре-
мennой присылкѣ вашей фотографи-
ческой карточки, если возможно,
то съ обратной почтой, самое же
позднее къ 15 августа с. г.

„Отсутствіе вашего портрета очень
опечалило бы нижеподписавшихся,
а еще больше вашихъ уважаемыхъ
сослуживцевъ, школьнныхъ товари-
щь, друзей дѣтства и знакомыхъ.

„Обращая ваше вниманіе на по-
мѣщенные на оборотѣ сего строки,
честь имѣемъ быть съ совершен-
нымъ почтеніемъ

дѣть философіи И. Самонсентъ“.

А „на оборотѣ сего“ слѣдуетъ
довольно обширное разсужденіе о
томъ, что „сердце народное не мо-
жетъ не стремиться выразить свое
радостное участіе (въ) этомъ тор-
жественномъ событіи и, согласно
своей природѣ и своему обычаю (?),
народъ предпочелъ бы, быть мо-
жетъ, выразить свою радость въ
шумныхъ празднствахъ; съ другой
стороны Царствующій Домъ и Его
народъ чувствуютъ себя настолько
связанными узами вѣрности и люби-
ви, что едва ли въ данномъ случаѣ
нуждаются въ блескѣ показной тор-
жественности“.

Изъ этого разсужденія видно, что
авторамъ приглашенія какъ будто
нежелательны проявленія народной
любви къ Царю своему въ „шум-
ныхъ торжествахъ“, что они оза-
бочены замѣнить эти торжества
чѣмъ-то инымъ... „Вслѣдствіе этого,
говорятъ они, нѣкоторыя лица изъ
образованныхъ слоевъ общества“,
списокъ коихъ, повидимому, и при-
водится ниже, „принялись за поискъ
(sic!) болѣе подходящей, скромной,
но краснорѣчивой формы выраженія
своихъ чувствъ исконной любви къ
обожаемому всѣми Монарху и Его
Дому“.

„Форма эта найдена!“ воскли-
цаютъ приглашители: „Предположено
отъ имени народа торжественно под-
нести Государю Императору, не-
усыпному блюстителю блага нашего
отечества, въ великую и славную для
Дома Его годовщину, 21 Февраля
1913 года, большой роскошный аль-
бомъ, художественно исполненный,
„заключающій въ себѣ фотографи-
ческіе портреты современныхъ пред-
ставителей духовной и материальной
культуры Россіи... Оказанное под-
несеніемъ этимъ Государю лучшими
сынами народа Его“ (читай ниже спи-
сокъ инициаторовъ альбома), „благо-
говѣйное уваженіе, несомнѣнно, вы-
зоветъ въ сердцѣ Его чувство глубо-
каго удовлетворенія скрѣе, не-
жели всякия, предаринятыя съ этою
же цѣлію, шумныя всенародныя тор-
жества и увеселенія“.

Авторы, какъ видите, заранѣе чи-
таютъ въ сердцѣ Царскому, что
шумныя народныя выраженія люби-
ви въ торжествахъ Царю не будуть
Ему столь пріятны, какъ изобрѣ-
тенный ими альбомъ, который они
называютъ „национальнымъ“, и ко-
торый, по ихъ увѣренію, будетъ
имѣть „громадный интересъ и ве-
личайшее значеніе для настоящаго
и будущаго, какъ въ обще-истори-

ческомъ, такъ и въ біографическомъ отношеніи”...

Кто же инициаторы этого предпріятія? Кто „отъ имени народа“ (не сказано: какого, но надо думать Русскаго?) будетъ подносить этотъ альбомъ Государю Императору? Словомъ, кто эти серпевѣды, которые заранѣе знаютъ, увѣрены, что этотъ подарокъ будетъ Государю пріятнѣе всякихъ народныхъ восторговъ, народныхъ торжествъ?

Приходится просить у читателя терпѣнія, чтобы прочитать фамиліи этихъ „русскихъ“ людей, которыхъ привожу цѣлкомъ, для большей убѣдительности въ ихъ „русскомъ“ происхожденіи. Воюсь только, чтобы кто-либо не сломалъ языкъ объ эти фамиліи якобы русскихъ людей.

„Мы, нижеподпісавшіеся, обращаемся къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою не задерживать присылку фотографій: Р. Бауманъ, секретарь Кабинета Государя. Варонъ Кейннеридъ, Оберъ-Гофмаршаль. Ботмеръ, Дворцовый Коменданть. Графъ Бергенъ, Министръ Внутреннихъ дѣлъ. Др. Эргардъ, Лейбъ-медикъ, Канцлеръ Др. Плеве, Предсѣдатель Оберъ-ландгерихта. Графъ Др. Матушка, Совѣтникъ Оберъ-ландгерихта. Др. Кле, Прокуроръ. Др. Михель, профессоръ университета. Баронъ Дернбергъ, предводитель дворянства. Князь Липпе, Императ. Легаціон. Совѣтникъ. Др. Браскъ, Епископъ. Е. Бандгорстъ, протоіерей. Др. Брюксель, генераль-суперъ интендентъ. С. Гросгеймъ, главный врачаѣн. инсп. Гросскуртъ, членъ военнаго совѣта. Баронъ Динклаге Кампе, генераль-лейтенантъ. Крозигъ-Мербіцъ, генераль-майоръ. А. Молинеусъ, коммерціи совѣтникъ. Баронъ Лютвицъ, генераль-лейтенантъ. Дулицъ, генераль отъ артиллеріи. Фонъ Брюзевицъ, генераль-майоръ. Вернеръ, контроль-адмираль. Нитенъ, капитанъ

Иранга, Дитмаръ, капитанъ II ранга. И. Пинтшъ, инженеръ. Клейнъ, дѣйств. тайн. сов. Шредеръ, главный интендантъ. Штульфельдъ, оперный пѣвецъ. Махенъ, градоначальникъ (?). Гагенъ, прокуроръ, тайн. совѣтникъ. Фольренъ, присяжный повѣренный. Гейнель-Зигенъ, профессоръ академіи. Е. Ауэрбахъ, присяжный зовѣренный. Уоненъ, кассиръ Государства. Банка. Р. Висскотъ, банкиръ“...

Уфъ! Усталъ, перечисляя этихъ „русскихъ“ людей!.. А вы, читатель, едва ли имѣли терпѣніе произнести вслухъ всѣ эти имена...

Что же это такое? Сонный бредъ или дѣйствительность? Какой-то графъ Бергенъ-министръ внутреннихъ дѣлъ... Да позвольте: у насть, кажется, министръ не Бергенъ, а самъ настоящій русскій человѣкъ, почтеннѣйшій А. А. Макаровъ? какого же это государства министръ? „Оберъ-ландгерихтъ“... Да у насть, слава Богу, такого учрежденія еще не бывало... Правда, есть немало очень почтенныхъ генераловъ, но сяющихъ иностранныя фамиліи, но не вѣрится, чтобъ они дали свою подпись на такомъ документѣ...

Ни одного русскаго имени! Одно, впрочемъ, будто, звучитъ по-русски: „др. Матушка“, ну, да это, конечно, случайное, скажу больше—не счастное для сего доктора совпаденіе русскихъ звуковъ съ его фамиліей...

Вы, конечно, догадались, что всѣ эти имена—чухонскія, что вся эта затѣя—продѣлка финновъ, что эти господа собирались ни больше, ни меньше, какъ поддѣлать депутацію отъ имени Русскаго народа, если только вся эта затѣя не есть... злой анкета—узнать, сколько на Святой Руси (слово это въ приглашеніи имѣется) такихъ недоумковъ, которые пойдутъ на удочу гг. Михелей-

и комп. и пожелаютъ поставить свои портреты рядомъ съ ними. Ужъ слишкомъ подчеркнуто тутъ полное отсутствіе русского духа: будто, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ Петербургѣ не нашлось ни одного русского человѣка, который пожелалъ бы присоединиться къ такому, повидимому, нехудому начинанію! Очевидно, финны не подпустили ни одного русского къ инициативѣ дѣла: если хочешь—присылай свой портретъ и свои деньги, а распоряжаться будемъ мы, мы за тебя Царю альбомъ поднесемъ... Какъ будто не Финляндія присоединена къ Россіи, а великая Россія покорена Финляндіей...

Когда я показывалъ приглашеніе русскимъ людямъ, то отъ многихъ слышалъ негодящій возгласъ: „да это насмѣшка надъ нами!“

А какъ думаете, читатель: вѣдь найдутся „русскіе“ люди, которые и 20 рублей пошлютъ, и примутъ эту затѣю чухонскую за дѣло почетное и еще—чего доброго!—поблагодарятъ чухонъ, что изобрѣли такую „скромную“ форму выраженія своихъ чувствъ исконной любви къ Государю“...

Подумаешь: ну, и времена же мы

переживаемъ! Все перепуталось, перемѣшалось: надъ нами прямо издѣваются, а мы молчимъ да утираемся...

Сей дневникъ былъ уже набранъ, когда мнѣ сказали, что вся эта исторія есть простое мошенничество аферистовъ, что финны тутъ ни при чемъ, да и никакого альбома никто не думалъ издаватъ, а просто мошенники придумали способъ карманы довѣрчивыхъ людей опустошать...

Въ наше время все можетъ быть. Но вотъ что заставляетъ задуматься: первое, почему эти мошенники набрали столько фамилій финскихъ, именно финскихъ, и ни одной русской не выдумали? Второе: почему настоящіе то финны рѣшительно не протестовали противъ такой на нихъ клеветы, тѣмъ болѣе, что въ дѣло впутаны имена дѣйствительно существующихъ людей, стало быть ужъ не вымысленныя, вотъ имъ-то и слѣдовало бы громко протестовать противъ мошенничества? Невольно думается: а не было ли тутъ чего-нибудь побольше, чѣмъ простое мошенничество, да только сорвалось, и пришлось все прикрыть, ссылаясь на мошенниковъ?...

146—148.

Больное мѣсто нашей церковной жизни.

Есть немудрая, но вѣрная пословица: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Больному свойственно жаловаться на свою болѣзнь, да и врачъ не зналъ бы, что лечить, если бы больной ему не пожаловался.

Въ духовной жизни познаніе своей духовной болѣзни важнѣе, чѣмъ

въ тѣлесной. Тѣлесный врачъ иногда угадываетъ болѣзнь по виѣшнимъ признакамъ, а въ духовной болѣзни прямо необходимо, чтобы больной самъ опозналъ и какъ можно лучше—свою болѣзнь. Безъ этого невозможно его исцѣленіе. Вотъ почему у святыхъ отцевъ такъ много заботы о познаніи грѣховности въ дѣлѣ обращенія грѣшника отъ заблужденія пути его ко Христу

Спасителю въ дѣлѣ покаянія. „Егда узрить человѣкъ грѣхи своя яко песокъ морскій, говорятьъ они, се—начало здравія души!“ Что грѣхи есть, что душа больна у каждого—объ этомъ и рѣчи нѣтъ: это несомнѣнно, болѣе того: и грѣховъ-то немало: ихъ и не сочтешь сколько—яко песокъ морскій, какъ песокъ у морскаго берега и на днѣ моря. И это—у каждого человѣка. Такъ вотъ, познать эти грѣхи, увидѣть ихъ въ себѣ и составлять первую и главную задачу кающа—гося грѣшника. „Кто узрить грѣхи свои яко песокъ морской, говорять святыя отцы, тотъ выше сподобившагося узрѣть ангеловъ Божіихъ“. Когда онъ, послѣ немалыхъ трудовъ и борьбы съ своимъ самоцѣномъ, наконецъ, при помощи Божіей, добьется того, что увидитъ себя утопающихъ во грѣхахъ, рабомъ ихъ, тогда и возвопіетъ ко Христу Спасителю, какъ утопающій Петръ, изъ глубины души: „Господи, спаси меня, погибаю!“ Съ этого и только съ этого момента и начинается выздоровленіе души, надежда на исцѣленіе ея отъ грѣховной болѣзни.

Что говоримъ относительно отдельного человѣка, то вѣрно и въ отношеніи къ цѣлому обществу, къ цѣлому народу. Ниневитяне вняли слову пророка Йоны, познали всю глубину грѣховную, въ какой очутились, ужаснулись суда Божія и покаялись, и съ того момента началось ихъ духовное исцѣленіе. То же бывало и не разъ, какъ свидѣтельствуетъ наша история, и съ нашимъ Русскимъ народомъ въ го—дину великихъ испытаній. Окаевали наши предки свои грѣхи и исправлялись въ Богъ внималь ихъ покаяніемъ молитвамъ, по заступленію и ходатайству Матери Божіей и святыхъ Божіихъ. И Русь спасалась отъ бѣдъ.

Но есть грѣхи, которые укрываются за добродѣтели, есть пороки, которые не даютъ возможности распѣвѣсть во всей красотѣ добродѣлія и лишаютъ ихъ свойственаго имъ аромата райскаго. Человѣкъ какъ будто и дѣлаетъ добро, да дѣлаетъ-то его недобрѣ, не такъ, какъ бы слѣдовало, и, самъ того не вѣдая, теряетъ цѣну своего добра въ очахъ Божіихъ. А онъ между тѣмъ, воображаетъ, вѣдь, что дѣлаетъ святое дѣло! Конечно, одинъ Сердцевѣдѣцъ знаетъ настоящую цѣну всякаго нашего дѣла, но Онъ же и указалъ намъ признаки истиннаго добродѣлія: это—смиреніе, отсѣченіе своего смысленія въ порядкѣ добродѣлія, сокровенность его, и совершенное отреченіе отъ всякой цѣны его: все Богъ дѣлаетъ въ насть и чрезъ насть, а мы—ничто! И воспитывается это свойство, какъ постоянное настроеніе, святымъ послушаніемъ. П послушаніе—это вовсе не исключительно монашеская, это—общехристіанская добродѣтель. Гдѣ оскудѣла эта добродѣтель, тамъ оскудѣло и всякое добродѣліе, хотя бы повидомости и творилось добро. По крайней мѣрѣ, цѣна такому доброму уже не та; если добро творится съ послушаніемъ, съ отсѣченіемъ отъ своей воли и смысленія, то оно—чистое злато; а гдѣ нѣть сего самоограниченія, сей провѣрки себя самаго чрезъ такое самоотреченіе, тамъ добро—много-много серебро, а не то и недороже мѣдницы...

Не разъ мнѣ приходилось и говорить и писать объ этомъ; можетъ быть, моему читателю покажется и лишнею бесѣда о семъ; но у кого что болѣть, тотъ о томъ и говорить: когда видишь, что въ средѣ людей вѣрующихъ блекнетъ золото чистое и становится мѣдницей, надо не

только говорить, но и кричать, не только писать, но и на камняхъ высѣкать—всюду немолчно проповѣдывать, чтобы трудъ людей вѣрующихъ даромъ не пропадалъ, чтобы въ ихъ сознаніи не подмѣнивались чистые, святые идеалы православной жизни дешевыми идолъчиками самоцѣна, тщеславія, фарисейского самодовольства... А между тѣмъ, чѣмъ больше присматриваешься къ русской жизни, тѣмъ больше видишь этой подмѣны, и что печально: именно въ средѣ тѣхъ русскихъ людей, въ которыхъ такъ хотѣлось бы видѣть преемниковъ завѣтovъ старой Руси, носителей ея идеаловъ... Все блекнетъ, все дешевѣеть, всѣмъ хотѣлось бы спастись какъ-нибудь полегче: не дивно, что секты разныхъ „легкоспасающіе“, какъ называлъ въ Богъ почившій затворникъ Єоѳанъ пашковцевъ, все множатся: онъ вотъ такихъ-то и ловить въ свои сѣти...

Укажу примѣры—изъ первыхъ, такъ сказать, поавшихъ на глаза наблюденій.

Вотъ стариочекъ, очень добродушный, богомольный, трезвый и трудолюбивый. Вздумалъ онъ на Аѳонъ уѣхать—душу спасать.

Ему говорить: какъ? Да вѣдь ты женатъ?..

— Что изъ того? Я не худое дѣло задумалъ...

— Но какъ же жена? Отпускаешь тебя?

— Ну, положимъ, ей-то не хочется, да, вѣдь, я глава-то, не она. Я спасенія ищу.

— А заповѣдь Христова говоритъ: что Богъ сочталь, то человѣкъ да не разлучаетъ?

— Это не про то сказано... Вонъ Алексѣй, человѣкъ Божій, ушелъ прямо съ брачнаго пира, а я жилъ съ женою лѣтъ двадцать, ну и бу-

деть. Безъ меня проживеть какъ-нибудь...

— Великий праведникъ, преподобный Алексій дѣйствовалъ по особому Божію указанію, а ты то кто?

— Ну, что тутъ толковать? Хочу и пойду!

— Да, вѣдь, грѣшно жену бросать?

— Да я для Бога... Я, вѣдь, тамъ трудиться буду...

И никакіе уговоры не действуютъ: задолбилъ одно: спасаться хочу и конецъ. А жена плачетъ, не знаетъ, гдѣ голову склонить...

И несчастный самочинникъ въ дѣлѣ спасенія воображаетъ, что Богу угождаетъ!

Вотъ купецъ, богачъ, тоже хороший человѣкъ. Онъ состарился, чувствуетъ, что жить остается недолго. Дѣтей нѣть, жены тоже. А скопленъ капиталъ, такъ миллиона полтора, можетъ быть два. Надо пристроить его. Зоветъ пріятеля, тоже купца, посовѣтоваться.

Тотъ оказался городскимъ „дѣятелемъ“.

Завѣщай, братъ, все городу. Поминать будемъ!

И завѣщаніе пишется. Купецъ умираетъ и городъ получаетъ уйму денегъ. Заводится и водопроводъ, и электрическое освѣщеніе, и трамвай... Что жъ? Все это недурное дѣло. Только вотъ на дѣло Церкви, на распространеніе слова Божія, на построеніе храмовъ въ далекой Сибири, на церковныя школы, на дѣла миссіи, проповѣди Евангелія язычникамъ, на борьбу съ сектами, съ пьянствомъ, съ другими пороками—ужъ не взыщите... Православный христіанинъ, кажется, былъ, а нужны матери—Церкви-то и былъ!

Вотъ мужичекъ деревенскій. Онъ живетъ въ Москвѣ. Занимался отецъ

его когда-то извозомъ, а сынокъ имѣть уже постоянный дворъ для извозчиковъ. Дѣла идутъ хорошо. Жертвуешь онъ на храмъ Божій въ родномъ селѣ: то паникалило повѣсить, то подсвѣчникъ, то хоругвь поставитъ, то престолъ Божій украсить... Казалось бы, все добрая дѣла. Но вотъ въ его родной деревнѣ понадобилась школа. Просить его священникъ: помоги, братъ, построй намъ школу.

— Ну, на это у меня усердія нѣтъ. Стройте, немного помогу, а я вотъ хочу главы на храмѣ Божіемъ позолотить...

— Да, вѣдь, школа-то обойдется тысячи полторы, много дѣлъ, а главы-то у насъ большія, а ихъ восемь: достанетъ ли у тебя средствъ на это? Да на что намъ золотыя главы въ селѣ-то, пройдетъ лѣтъ 15—20, онъ потемнѣютъ, съ ними одна забота будетъ, придется опять мѣдянкой покрасить... А вотъ школа теперь—нужное дѣло, школа церковная: о дѣтиахъ-то надо позабѣтиться, чтобы въ страхѣ Божіемъ росли, слово Божіе читали...

— Нѣтъ ужъ, батюшка: это ваше дѣло, а я за счетъ главъ-то вотъ подумаю...

Да такихъ случаевъ и не перечтешь, и люди-то все хороши, православные, добрые, некорыстные... А вотъ, подите: чего-то въ нихъ не достаетъ... Чего же?

Недостаетъ всѣмъ этимъ добрымъ людямъ сознанія необходимости руководства церковнаго, сознаніе нужды въ Божіемъ—чрезъ Церковь—благословеніи на всякое доброе дѣло, словомъ—недостаетъ той дисциплины духа, которая у св. отцевъ называется разсужденіемъ и которая воспитывается послушаніемъ. Странное дѣло: священникъ называется „пастыремъ“, „архіерей—архиепастыремъ“, вѣрующіе—„па-

сомыма“. Но выходить такъ только на словахъ: пасомые и знать не хотятъ своихъ пастырей, забываютъ свой долгъ подчинять себя ихъ водительству, бредутъ въ духовной жизни самочинно: есть самочинные постники, соблюдающіе самоизмы-шленные посты, напримѣръ, въ легендарныя 12 пятницъ, есть носители веригъ, самочинно изнуряющіе себя желѣзами; есть самочинные благотворители, жертвующіе не то, что потребно, и не туда, гдѣ нужда, а что имъ вздумается и куда захочется. Имъ и въ голову не приходитъ, что и на добромъ дѣлѣ надо провѣрять себя чрезъ духовнаго отца или старца-руководителя. Какъ-будто боятся ихъ, какъ бы они не отговорили отъ того, что ужъ сложилось въ ихъ сердцѣ, хотя бы это было и въ самомъ дѣлѣ неразумно... Нѣть мужества отречься отъ своего смысленія! Жаль разстаться съ мыслю, которая уже сложилась въ сердцѣ! А того не знать, что Богу нужно не наше доброе дѣло, а наше сердце, наша готовность всѣмъ для Него пожертвовать, принести Ему въ жертву самое желаніе наше, сказать: „не яко же азъ хощу, Господи, но яко же Ты повелиши, Ты укажеши!“ Вотъ это-то и дорого въ очахъ Божіихъ, когда ты готовъ отказаться для Бога даже отъ доброго твоего желанія. Но мы видѣли, что иные и отсѣкаютъ свою волю, но предъ кѣмъ? Да простой пріятель, другъ, сосѣдъ... А о пастырѣ-то и забыли, о томъ, кому вручена душа ихъ! И выходить: жертвуешь городу, на водопроводы, на электричество, а вотъ Церковь Божія крайне нуждается въ храмахъ для переселенцевъ, а средствъ нѣтъ, и люди десятками лѣтъ лишены утѣшненія помолиться въ храмѣ Божіемъ, не видѣть священника, а, вѣдь, на два-

то миллиона можно было бы построить по крайней мѣрѣ полсотни, даже—цѣлую сотню великолѣпныхъ храмовъ Божіихъ, гдѣ вѣчно приносилась бы безкровная Жертва о „блаженномъ и приснопамятномъ создателѣ святаго храма сего“, гдѣ до конца вѣковъ восходила бы молитва къ престолу Божію объ упокоеніи души его? Чего сами себя лишаютъ добрые люди! А вѣдь это—не невѣры какіе-нибудь, которые тоже „жертвуютъ“, но на что? На „народные театры, университеты“, на разныя преміи и безконечныя стипендіи... Положимъ, тоже въ своемъ родѣ „добрая“ дѣла, но въ ихъ спасительности позволительно усомниться, если они не находятся, такъ сказать, подъ контролемъ ученія Христова... Во всякомъ случаѣ, ужъ нельзя же ихъ приравнить, напримѣръ, къ святому дѣлу храмоздательства.

Возьму другую область благотворенія—духовную милостыню. Кто нынѣ жертвуетъ на распространеніе слова Божія, св. Писанія, святоотеческихъ книгъ, житій святыхъ? Развѣ тотъ, кому духовникъ вмѣнитъ это въ эпитетю. Я знаю одного такого старца Божія, который вмѣнialъ въ эпитетю выписывать и посыпать на Дальній Востокъ переселенцамъ Четьи-Минеи святителя Димитрія Ростовскаго. А какъ широка заповѣдь сія—духовнаго благотворенія! Какъ жаждетъ простой русскій человѣкъ „почитать отъ божественнаго!“ Сказано: не о хлѣбѣ единомъ живъ будеть человѣкъ. Вѣдь, и душа просить хлѣба, ей свойственнаго. Нынѣ развивается грамотность; наши непрошленные просвѣтители, разные земцы спѣшатъ въ народные библіотеки выслать писанія безбожника Толстого, награждаютъ имъ школьниковъ въ своихъ школахъ (и что за ослѣп-

леніе! сами подъ собою костеръ разводятъ!), а о духовной пищѣ и помина нѣтъ. Вотъ и пожертвовалъ бы добрый православный богатый человѣкъ на бесплатную разсылку духовно-нравственныхъ изданій, даже периодическихъ, напримѣръ, хорошей православной газеты,—вѣдь у насъ духовныя изданія едва прозябаютъ,—какое бы доброе, хорошее дѣло онъ сдѣлалъ! Надо помнить, что враги наши, іудеи и масоны, даже сектанты, никакихъ средствъ не щадятъ, чтобы отравлять нашъ православный народъ ересями и всякою нечистью; газеты сообщаютъ, что одинъ американскій миллиардеръ, на съездѣ баптистовъ, пожертвовалъ нѣсколько миллионовъ долларовъ (а долларъ около двухъ рублей) на совращеніе Русскаго народа въ баптизмъ! Вотъ, какъ щедры враги Православной Церкви на ея погибель! А мы? а наши православныя чада Церкви? Я не говорю уже о богачахъ-интеллигентахъ, о купцахъ-толстосумахъ, строящихъ театры—Богъ ихъ суди!—говорю о добрыхъ русскихъ, православныхъ людяхъ, что вотъ завѣщаютъ цѣлнія состоянія на города, на дѣла—не спорю—полезныя, но низшаго порядка; вѣдь о душѣ то христіанской, о воспитаніи души народной, казалось бы, надо позаботиться прежде всего, а о ней-то, бѣдной, никто изъ такихъ добрыхъ людей и не заботится! Подумали бы если ужъ не о небѣ, то хотя бы о земномъ отечествѣ: вѣдь, давно отцовскій капиталъ проживаемъ! Зайдите въ церковь Божію, посмотрите: много ли молодежи тамъ? Молятся старики, старухи, а молодежь—юноши и дѣвицы—сидѣтъ гдѣ-нибудь на завалинѣ въ празднике, празднословиемъ занимаются, будто они не христіане, а язычники, будто не для нихъ открыты

двери храма Божія! Пройдетъ десятокъ лѣтъ; старики и старухи на тотъ свѣтъ, къ Богу отойдутъ: кто же будетъ молиться въ храмъ Божіемъ тогда? Вѣдь, если молодежь теперь не ходить, тогда и подавна не пойдетъ. Привычки не пріобрѣла. Сердце ея чуждо вѣяніямъ церковной молитвы. Такъ въ духовномъ отношеніи мельчаетъ народъ. Надо что-нибудь дѣлать, чтобы совсѣмъ онъ не одичалъ духовно, чтобы не выродился... Вотъ эта молодежь все же не прочь что-нибудь и почитать: не должно ли использовать эту народившуюся въ ней привычку къ чтенію? Читаютъ газеты: почему бы православнымъ русскимъ богачамъ не создать для народа православную хорошую газету, гдѣ говорилось бы не только о томъ, что творится на Руси, но и о томъ, какъ душу спасать, какъ добро дѣлать, какъ жить русскому человѣку на русской землѣ—по-православному! Но, увы, видимо мы не дождемся подражателей американскому миллиардеру среди нашихъ миллионеровъ: они скорѣе бросятъ сотни тысячъ и миллионы на театры и актрисъ, на биржевую игру и дутыя предпріятія, въ родѣ какой-нибудь либеральной, непремѣнно либеральной газеты, къ которой не замедлятъ присосаться іудеи, чѣмъ на Божіе дѣло, на хорошее народное изданіе, чтобы послужить родному народу въ дѣлѣ его просвѣщенія свѣтомъ Христовымъ, чтобы сдѣлать великое историческое дѣло... Да, намъ не приходится ждать такихъ благодѣтелей для народа нашего. Намъ самимъ нужно подумать, чѣмъ и какъ утолять его гладъ и жажду духовную. Не о миллионахъ, даже не о тысячахъ мечтать, а хотя бы о нѣкоихъ лептахъ на святое дѣло духовной милостины народу. И быть

благодарными тѣмъ добрымъ душамъ, которыхъ на это святое дѣло откликнутся.

Укажу еще на одно доброе, святое дѣло. Если бы кто настъ спросилъ: любите ли вы свою вѣру православную? Навѣрное каждый православный тотчасъ отвѣтилъ бы: конечно, люблю! А вотъ, въ нашемъ отечествѣ, не гдѣ-нибудь въ Африкѣ или Америкѣ, а у насъ, въ Россіи много миллионовъ коснѣтъ во мракѣ идолопоклонства, поклоняется бурханамъ, обожаетъ огонь, вѣрить Магомету, обожаетъ самого діавола!.. И не стыдно намъ, православнымъ, что за тысячу лѣтъ нашей исторической жизни мы не обратили ихъ въ свою вѣру?.. Не подумали объ этомъ?.. Вѣдь это—позоръ! А, вѣдь, помочь этому не такъ ужъ трудно, какъ кажется: для этого не нужно самимъ ити въ Сибирь къ разнымъ инородцамъ, довольно, если поможемъ трудящимся тамъ проповѣдникамъ вѣры—миссіонерамъ... И есть для того особое миссіонерское общество, во главѣ котораго стоить Московскій Митрополитъ: пошлите туда свою лепту и вы будете какъ бы сотрудниками въ проповѣди Евангелія, въ святомъ дѣлѣ апостольскомъ... И чтобы быть членомъ этого общества надо внести только три рубля въ годъ, но увы!.. Съ каждымъ годомъ, говорять, общество все сокращается, число членовъ все уменьшается... А, вѣдь, если бы *всѣ* русскіе люди внесли только по копеечкѣ, одной копеечкѣ въ годъ, и тогда составился бы цѣлый миллионъ на это святое дѣло... Чтожъ? Дѣлается такъ? Увы, *всѣхъ* членовъ насчитывается что-то около 7000, а это значитъ—изъ ста тысячъ православныхъ едва набирается 7 человѣкъ, которые помнятъ о своей вѣрѣ, о ея распространеніи и хотя тремя рублями помогаютъ этому

дѣлу... За то не жалѣютъ денегъ на постройку народныхъ театровъ... Больно говорить, православные! Стыдно предъ католиками и люте-

ранами, которые миллионы не жалѣютъ на распространеніе своихъ вѣръ... понятно, почему они и насть хотятъ сократить въ свои ереси...

МОИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Святѣйшій Синодъ благословилъ сборъ на построеніе храма на могилѣ просвѣтителя Японіи—Архіепископа Николая. Обычно православныхъ архіереевъ погребаютъ въ храмахъ Божіихъ, но японское правительство не дозволило положить тѣло святителя Николая въ построенному имъ соборѣ Воскресенія Христова, что, впрочемъ, не было проявлениемъ вражды къ православной Церкви, а лишь простымъ исполненіемъ закона, воспрещающаго, какъ и у насъ, похороненіе въ предѣлахъ города. У насъ обычно самый законъ дѣлаетъ исключенія для архіереевъ, но, вѣдь, Японія пока имѣть правительство языческое и ожидать какихъ-либо исключеній для православнаго архіерея отъ нихъ не слѣдуетъ.

Итакъ, могила великаго проповѣдника Евангелія будетъ покрыта храмомъ Божіимъ. Храмъ будетъ двухъэтажный. Въ нижнемъ этажѣ будетъ престолъ въ честь Воскресенія Христова, гдѣ будетъ совершаться ежедневное богослуженіе, а въ верхнемъ—въ честь ангела архіепископа Николая, святителя Христова Николая, Мирликийскаго чудотворца. Здѣсь будутъ происходить собесѣданія съ язычниками, проповѣдь Евангелія и такимъ образомъ на могилѣ великаго проповѣдника Христовой вѣры и по смерти его будетъ продолжаться святое, любимое имъ дѣло его—просвѣще-

ніе невѣрующихъ свѣтомъ вѣры Христовой.

Читатели „Троицкаго Слова“ уже предупредили разрѣшеніе церковной власти: лепты на построеніе храма въ память Японскаго просвѣтителя стали поступать въ редакцію вскорѣ послѣ блаженной кончины его. По 15 октября сего 1912 г. такихъ пожертвованій поступило 123 р. Вѣрю, что, по слову Божію, рука дающаго не оскудѣеть и мои добрые читатели откликнутся на доброе дѣло съ любовью не только къ памяти почившаго труженика-святителя, но и къ нуждамъ юной Японской Церкви. Надо помнить, что японская интеллигенція, какъ и у насъ, почти вся прогнила невѣріемъ и безбожіемъ и о духовныхъ нуждахъ своего народа не заботится. Приходя къ Христу почти исключительно простые люди, необладающіе большими средствами, а потому и Церковь Японская сама не въ силахъ будетъ построить храмъ на могилѣ своего основателя. Нашъ долгъ притти ей въ этомъ святомъ дѣлѣ на помощь, а святитель Божій помолится за насть у престола славы Божіей.

Пожертвованія можно посыпать въ Хозяйственное Управлѣніе при С. Синодѣ, въ редакцію „Троицкаго Слова“, Сергиевъ посадъ, Моск. г., въ лавру; не откажусь переслать по назначенію и я.

Обращаюсь къ тому, съ чего началь.

Недостатокъ духовной дисциплины, самочиніе въ дѣланіи добра— вотъ больное мѣсто нашей церковной жизни. У латинянъ каждый искренно вѣрующій имѣетъ своего духовнаго руководителя, которому подчиняетъ свою совѣсть; этотъ руководитель такъ и называется у французовъ „директоръ совѣсти“. Не буду особенно восхвалять дѣятельность этихъ „директоровъ“: Богъ имъ судья! Замѣчу только, что они слишкомъ ужъ часто дѣйствуютъ по-іезуитски, порабощая отдающую имъ себя совѣсть и имѣя въ виду не совсѣмъ чистыя цѣли... Но общий принципъ— подчинять свою жизнь руководству пастыря— въ сущности вѣренъ. Такъ должно быть и у насъ. Увы, наши духовные овцы являются къ своему пастырю, большою частію, разъ въ годъ, чтобы въ теченіе, нѣсколькихъ ми- нутъ „очистить совѣсть“, поиспо- вѣдываться, да и то кое-какъ, на- скоро, и затѣмъ пастырь не загля- дываетъ въ эту совѣсть цѣлый годъ... Отсюда и вся тѣ духовныя урод- ства, о коихъ я выше говорилъ. Отсюда и самочиніе въ самомъ доб- родѣланіи. Вотъ почему постепенно вывѣтилось самое сознаніе необ- ходимости духовнаго окормленія, руководства со стороны пастыря въ духовной жизни и добродѣланіи. И живутъ наши православные, въ большинствѣ, кое-какъ, спасаются кое-какъ, наудачу, дѣлаютъ добро, исполняютъ заповѣди Господни не по разуму Церкви, а по своему смысленію, кому какъ Богъ (да еще Богъ ли?) на душу положить... Оттого и церковная жизнь наша не налаживается по тѣмъ чистымъ идеаламъ, какіе ставить намъ св.

Церковь. Оттого и старанія цер- ковной власти нашей не имѣютъ успѣха, хотя бы въ томъ же дѣлѣ обновленія приходской жизни. Нашимъ мірянамъ всякое доброе, по разуму Церкви, указаніе священ-ника кажется какимъ-то вмѣшатель-ствомъ въ ихъ дѣла: я такъ хочу, какъ онъ можетъ мнѣ указывать? А вотъ брошу все дѣло, и пусть- его, какъ знаетъ, самъ додѣлываетъ! И я знаю такихъ „благотвори-телей“, которые начинали строить, напримѣръ, храмы Божіи и бросали при первыхъ же недоразумѣніяхъ съ священникомъ или съ настояте-лемъ монастыря, и вотъ что замѣ-чательно: съ ними это повторялось не разъ, не два, и все же они не вразумлялись, не догадывались, что тутъ, очевидно, было искушеніе для нихъ Божіимъ попущеніемъ, кото-рое они должны были бы побѣдить терпѣніемъ, любовью, благоразумі-емъ, и все же они не вразумлялись, и приходилось додѣлывать дѣло другимъ благотворителямъ... И они теряли пѣну своего добра по сво-ему самочинію въ его дѣланіи.

Врагъ воюетъ противъ настъ не только шуими, но и десными пут- тями и средствами. Когда ему не удается отклонить человѣка отъ доброго дѣла, онъ старается осквер- нить это дѣло или тщеславіемъ, или корыстолюбіемъ, или иною коею страстью. Но особенно онъ воюетъ противъ пѣны нашего добра само-чиніемъ. Онъ знаетъ, что отъ са-мочинія добро сразу теряетъ доб- рую половину пѣны въ очахъ Божіихъ. Другую половину врагъ уже похитить у человѣка другою стра-стю: самохваленіемъ, тщеславіемъ и под. Человѣкъ, дѣлающій добро, долженъ постоянно стоять на стражѣ своего сердца. Особенно когда онъ одинокъ, когда около нѣтъ ду-ховнаго руководителя, который ему

помогъ бы усмотрѣть подкрадывающагося духовнаго тата. И долго, послѣ сдѣланнаго уже добра, есть опасность сего похищенія. Вотъ почему св. отцы заповѣдуютъ: дѣлай добро и скорѣе стараися забыть, что ты его сдѣлалъ, какъ и Апостолъ говоритъ: заднія забывая, въ преднія простирайся. Повторяю: все, что доброго дѣлаетъ христіанинъ, если только это добро истиинное, добро спасительное, чистое отъ прираженій грѣховныхъ,— такое добро не онъ дѣлаетъ, а Христосъ въ немъ и чрезъ него проявляеть Свою благодатію Свою жизнедѣятельность въ Церкви, какъ въ тѣлѣ Своемъ благодатномъ. Такъ чѣмъ же хвалиться? Благоговѣйно и смиренно благодарить надо Господа, сице творящаго и почитать себя недостойными Его толикаго къ намъ грѣшнымъ снисхожденія. Рукою смиренія слѣдуетъ отклонять отъ себя всякия помыслы, будто мы нѣчто доброе творимъ. *Езесе должны бѣхомъ сотворити— сотворихомъ:* такъ за что же настъ хвалить? А если бы не сотворили, то стали бы рабами неключимыми, ни на что негодными. Да еще вопросъ: такъ ли творили, какъ подобаетъ? Съ добрымъ ли усердіемъ? Не таилася при этомъ въ сердцѣ мысль корыстная или тщеславная, желаніе похвалы или награды отъ людей? „Сердце человѣка глубоко, говорить слово Божіе, лукаво оно больше всего и крайне испорчено: кто узнаетъ его?“ (Іер. 17, 9). Какъ довѣрять ему? И на что, кому это нужно—помнить свое добро? Отъ людей и даже отъ себя самого надо скрывать его, по заповѣди Спасителя: да не увѣстъ щуйца твоя, что творитъ десница твоя; твори добро въ тайнѣ, если хочешь, чтобы видѣлъ его Отецъ твой небесный и возвдалъ тебѣ явно. Кромѣ вреда

тебѣ же самому ничего не выйдетъ изъ того, если будешь въ архивѣ своей памяти сберегать сдѣланное тобою добро. А вредъ возможенъ: пожалуй ты сочтешь себя такимъ богачемъ, что тебя не пустятъ и въ царство небесное, только для нищихъ духомъ уготованное. Всегда дѣлая добро, помни, что повелѣлъ Господь Иоанну Богослову написать Ангелу церкви Лаодикійской: „ты говориши: „я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чёмъ ни имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“ (Апок. 3, 17). Да и то еще надо помнить, такъ ли ты дѣлаешь добро, какъ надо, какъ заповѣдано? Вѣдь вотъ, къ тебѣ приражается же помыслъ самоцѣна: если примешь въ сердце этотъ помыслъ (а кто поручится, что иногда ты и не принималъ его?), то добро твое уже и стало сомнительнымъ, золото твое превратилось въ мѣдницу. Мы не ангелы; мы не можемъ знать глубины даже собственного сердца.

Охъ, добро наше добро! Никудато оно не годится, если не будетъ смиреніемъ прикрыто! А его-то, сего мытарева злата, и нѣть у насъ... Сдѣлаемъ что-нибудь похожее на добро, да и носимся съ нимъ какъ извѣстная птица съ своимъ произведеніемъ... А въ очахъ-то Божіихъ тотъ и миль, кто свое добро забылъ и смотрѣть только на грѣхи свои. Не любуется этимъ „богатствомъ“, нѣть, а плачетъ о нихъ, Богу ихъ показываетъ, жалуется Господу на грѣховныя страсти, на душу воюющія, на немощи свои, противу грѣха безсильныя, и просить, молить Бога о помощи, чтобъ Господь простила грѣхи, помогъ въ борьбѣ съ искушителемъ-врагомъ, чтобы укрѣпилъ волю, грѣхомъ разслабленную, согрѣлъ сердце нечувственное, размягчила его, окаменен-

ное, очистилъ умъ отъ помысловъ грѣховныхъ, суетныхъ, темной тучею его омрачающихъ! И не потому ли мы безсильны въ добродѣланіи, что сами препятствуемъ Господу помогать намъ Его благодатію? Въ злодѣйству душу не видѣть премудрость, только смиреннымъ да-етъ Господь благодать. Онъ готовъ бы и вѣмъ намъ ее ниспослать, да на пользу ли намъ-то будеть благодать, дѣла добрыя содѣвающая чрезъ смиренныхъ? А что если мы добро-то, ею въ насть содѣянное, себѣ припишемъ, у нея отнимемъ, станемъ считать себя такими добрыми, хорошими, Богу угодными христіанами? Въ такомъ состояніи самая благодать добродѣланія послужить намъ во осужденіе наше. Вотъ Господь и не ниспосыпаетъ ее намъ въ помощь къ добродѣланію. Не полезнѣе ли намъ просить у Господа вотъ благодати смиренного покаянія, а когда сею благодатію очистятся наши сердца отъ нечиисти грѣховной, когда умягчится ожесточеніе сердца слезами кающагося Апостола Петра и всѣхъ грѣшниковъ покаявшихся, вотъ тогда и явится у насть, уже само собою, благоговѣйное дерзновеніе просить у Господа помоши на всякое добродѣланіе. Помоги намъ, Господи, исполнять святыя, животворящія заповѣди Твои такъ, какъ Ты ихъ заповѣдалъ намъ! И Онъ поможетъ, ибо Самъ сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничего; Самъ обѣтовалъ: просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толците и отверзется вамъ. Вся елика аще воспросите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.* Его всемогущая рука всегда отверста, чтобы излить на насть дары благодати; но кто же виноватъ, что мы то свою руку къ Нему не простираемъ, чтобы принять сюю благо-

дать? Кто виноватъ, что, и принявъ, иногда не цѣнимъ сего сокровища и приписываемъ себѣ то, что она творить въ насть, оскорбляя симъ Господа—Дародавца?

Но скажутъ: какъ избѣжать сего предвосхищенія у Господа того, что Ему, а не намъ принадлежитъ?

Иного пути нѣть, какъ отречениемъ своей воли, своего смысленія предъ Богомъ чрезъ того, кто отъ Бога данъ намъ въ Церкви руководителемъ въ духовной жизни, пастыремъ нашимъ. Къ отцу твоему духовному и обращайся за совѣтомъ, когда задумаешь сдѣлать доброе дѣло, особенно если это дѣло выходитъ изъ ряда твоихъ обычныхъ житейскихъ дѣлъ, если тебѣ кажется оно какъ бы нѣкіимъ, для тебя необязательнымъ подвигомъ. Задумалъ, напримѣръ, ты отлить колоколъ въ церковь: дѣло доброе. А духовный отецъ тебѣ скажетъ: „это еще потерпѣть, у насть есть во что звонить; а вотъ школы у насть нѣть: вотъ на это дѣло тебя охотно благословлю“. Такъ и сдѣлай. Отсѣки свое хотѣніе. Прими слово пастыря Церкви какъ волю Божію. Вѣдь Господь сказалъ Своимъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и вѣмъ пастырямъ Церкви Своей; „слушашій васъ—Меня слушаетъ“. Конечно, это прежде всего относится къ ученію вѣры, но, вѣдь, и дѣла вѣры неразлучны съ вѣрою, и въ жизни своей каждый вѣрующій долженъ внимать гласу своего пастыря. Въ монастыряхъ есть правило: „повинися игумену яко Богу“. Въ сущности это то же, что и Господь говорить Апостоламъ. Богу нужно не твое смысленіе, а твое сердце. Суть-то дѣла въ томъ, чтобы вѣрующій отсѣкъ свою волю во имя послушанія волѣ Божіей, чтобы имѣть увѣренность, что не свою волю творить и въ добромъ дѣлѣ, чтобы,

такъ сказать, сняль съ своей совѣсти оценку своего добродѣланія. Тогда и избѣжать ему самопѣна будетъ несравненно легче. Когда ему придетъ помыслъ, что вотъ-дѣ ты сдѣлалъ доброе дѣло, онъ отвѣтить ему: что-жъ такое я-то сдѣлалъ? Я только исполнилъ послушаніе отцу духовному, а не послушать его было бы грѣхомъ, было бы противно заповѣди Христовой: слушай васъ Мене слушаетъ, и отмѣтайся васъ Мене отмѣтается. Такъ отвѣчай помыслу и успокоишься, и онъ больше не будетъ тревожить тебя.

Но какъ быть, если является сомнѣніе: да самъ отецъ-то духовный не будетъ ли въ искушениі подать такой совѣтъ, какой ему выгоднѣе? Не впадеть ли и онъ въ то искушеніе, какому поддаются латинскіе патеры и ксендзы? Вѣдь и они люди, а гдѣ люди, тамъ и слабости...

Отвѣчу. Во первыхъ: латинская церковь, въ искаженіи чистаго христіанскаго ученія, допускаетъ правило: цѣль оправдываетъ средства. Этого наша святая Православная Церковь ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ, и совѣсть православнаго пастыря всегда связана правиломъ: для доброго дѣла и средства должны быть только добрыя, чистыя, допускаемыя совѣстю христіанскому и ученіемъ Христовымъ. Никакой пастырь не одобрить, если безчестный человѣкъ, на жиль капиталъ нечестивыми средствами, обманомъ, насилиемъ, подлогами, вздумалъ бы на эти капиталы строить, напримѣръ, церковь: каждый священникъ, каждый монахъ сказалъ бы ему: прочитай въ св. Евангеліи разсказъ о мытарѣ Закхеѣ и возьми съ него себѣ примѣръ. Если ужъ нѣть никакой возможности вознаградить обиженныхъ, то только тогда можно или раздать

капиталы такіе бѣднотѣ всякой, или же и храмъ построить, но опять тамъ, гдѣ та же бѣднота имѣть въ немъ особую нужду. Да и построить-то такъ, чтобы, по возможності, люди не знали, откуда идеть благодѣяніе, кто строить храмъ. И если бы православные такъ поступали, то и пастыри, къ коимъ стали бы чаще обращаться за совѣтами, были бы опытнѣе въ совѣтахъ и каждый разъ, когда надобно дать совѣтъ, заглядывали, въ свою совѣсть, свѣрляли бы свою мысль съ словомъ Божіимъ и отеческимъ ученіемъ, а вѣ болѣе трудныхъ случаѣахъ искали бы совѣта у болѣе опытныхъ старцевъ или же у своего святителя... Затѣмъ, надо и то сказать: если хочешь узнать нелицемѣрно волю Божію, то молись Господу: Господи! вразуми моего отца духовнаго, что сказать немощи моей, какой мнѣ дать совѣтъ... Ты вѣдаешь, Господи, что я не ради того вопрошаю его, чтобы похвалиться своимъ добрымъ намѣреніемъ, а только для того, чтобы узнать: доброе ли дѣло я задумалъ? благословишь ли его? согласна ли моя воля съ Твою всесвятою волею? Я готовъ отказаться отъ своего намѣренія, готовъ исполнить Твою волю; котъ и скажи мнѣ чрезъ отца моего духовнаго: благословишь ли то, что надумалъ я, или иное что повелиши? Не можетъ быть, чтобы Господь, волю боящихся Его благословляющій и молитвѣ ихъ внимающій, не услышалъ такой молитвы и не внушилъ твоему пастырю или руководителю твоей духовной жизни то, что Ему благоугодно! Надо же вѣрить Его обѣтованію: просите и дастся вамъ! Надо же повѣрить и благодатному опыту святыхъ отцевъ, нашихъ учителей благочестія, а ихъ опытъ говорить: если хочешь узнать волю

Божию искренно, то и малый младенецъ возвѣститъ тебѣ ее, если неѣтъ близко Богомъ даннаго и Церковю благословленнаго пастыря душа твоей. Вѣдь извѣстному Валаму, когда онъ хотѣлъ искренно узнать волю Божию, и ослица безсловесная сказала ее. Ужели же Богъ не вразумить того, кого Самъ Онъ поставилъ тебѣ, благодатию священства, быть ближайшимъ съвѣтникомъ и наставникомъ въ христіанской жизни?

Въ дѣлахъ важныхъ, требующихъ немалыхъ и средствъ, добрый христіанинъ не долженъ забывать, что въ каждой помѣстной церкви есть особый Богомъ данный епископъ, который на то и поставленъ, чтобы пасти стадо Божие, руководить вѣрующими ко спасенію, который и отвѣтъ Богу дастъ за паству свою, если бы отказалъ кому въ добромъ, авторитетномъ пастырскомъ совѣтѣ и указаніи. И ужъ, конечно, такой, Богомъ данный руководитель не откажетъ вѣрующему войти въ его положеніе, самъ стъ нимъ помолится Господу, дабы познать святую волю Его и непогрѣшительно указать ее просящему совѣта. У насть вѣрующіе православные люди совсѣмъ забыли объ этомъ и рѣдко, слишкомъ рѣдко обращаются въ своихъ личныхъ дѣлахъ за совѣтомъ къ архи-пастырю. Имъ, кажется, и въ голову не приходитъ такая мысль. Какъ будто дѣло архіеря только поповъ ставить, въ церкви служить, проповѣди говорить да разныя кляузы разбирать... Грустно это! Жаль тѣхъ, кто лишаетъ насть своего довѣрія. Можетъ быть, мы сами-то по себѣ, какъ люди, и не заслужили того, но, вѣдь, надо же въ дѣлахъ вѣры и жизни духовной признать насть болѣе свѣдущими, чѣмъ какой-нибудь пріятель...

Надо же помнить, что Господь,

по молитвѣ вѣрующихъ, не допустить и насть, грѣшныхъ, погрѣшить въ святѣшемъ дѣлѣ служенія нашего. А если бы, попущеніемъ Божіемъ, по нерадѣнію нашему, и случилось намъ погрѣшить, то вся тяжесть грѣха сего ложеть уже на насть, пастырей, а не на того, кто во имя Божіе отсѣкъ свою волю предъ нами...

III.

Знаю, мнѣ скажутъ: да въ состояніи ли наши пастыри руководить въ такой степени совѣтію православныхъ, чтобы рѣшать всѣ жизненные вопросы? Достаточно ли они опытны? Вѣдь среди нихъ, не говоря уже о немощныхъ духомъ и плотю, немало молодыхъ, совсѣмъ неопытныхъ, чутъ ли не юношей? Иной мірянинъ опыта своего пастыря и могъ самъ дать ему совѣтъ.

Отвѣчаю на эти недоразумѣнія.

Да, мы, пастыри и даже архи-пастыри, немощны, не достаточно опытны въ духовной жизни, среди насть немало и такихъ, коимъ не мѣсто бы оставаться среди пастырей, особенно въ наше лукавое, блазненное время. Но, вѣдь, я прежде всего устанавливаю основное правило нашей церковной жизни: неѣть, конечно, правила безъ исключеній, но въ этомъ отношеніи наѣдно сказать объ учительской дѣятельности пастырей то же, что говоримъ о совершеніи ими таинъ Божіихъ: таинства церковные не теряютъ своей благодатной силы отъ недостоинства совершилелей ихъ—іероевъ и архіероевъ. Благодать Божія можетъ и сильна руководить жизнью вѣрующихъ и чрезъ недостойныхъ пастырей. Пастыри не свое ученіе проповѣдуютъ, а ученіе Церкви, ученіе Самаго Хри-

ста. Не смотри на то, какъ я, грѣшный, живу, внимай тому, чѣму я учу тебя отъ Христова Евангелія, отъ писаній Апостольскихъ и отеческихъ. Горе мнѣ, если бы я сталъ тебя учить чѣму-либо противному ученію Церкви! Я не требую отъ тебя слѣдаго послушанія, хотя въ иныхъ случаяхъ для тебя надежнѣе было бы изъ разсужденія слушаться пастыря, по реченному: *овцы гласа его слушаютъ и по немъ идутъ*, — я каждый совѣтъ мой, каждую добрую мысль и готовъ, и долженъ подтвердить или словомъ Писанія Божественнаго, или же отъ писаній богоумудрыхъ отпевъ и учителей Церкви. Я неопытенъ въ духовной жизни, но у меня подъ руками сіи благодатные руководители — слово Божіе и отцы Церкви. Не мнѣ, а имъ повѣрь; они лучше насы съ тобою и душу человѣческую изучили, и тайну жизни въ Богѣ постигли, и путь къ Богу обрѣли... Я съ любовью и тебя послушаю, если ты мнѣ укажешь, въотъ отъ ихъ писаній, то, чѣмъ потребно для души моей. Ихъ опытъ духовный есть великай, неистощимая сокровищница, изъ которой никому не запрещено черпать. Но, главное помни: и мнѣ, и тебѣ нужнѣе всего отсъченіе своего смысленія, своего толкованія во имя всепѣтлаго послушанія Богу. Между мною, грѣшнымъ пастыремъ, твоимъ отцемъ духовнымъ, и тобою, стоять Самъ Владыка нашъ Христосъ, приемлющій твое благое произволеніе, какъ чистую жертву самопреданія Ему, стоять и незримо внемлеть готовности твоей — не свою волю исполнить, а Его святую волю, и видѣть Онъ, чѣмъ ты ждѣшь Его премудраго и всеблагаго мановенія чрезъ того, кого Онъ же уполномочилъ быть твоимъ пастыремъ-руководителемъ въ жизни по Христу:

Онъ ли не услышитъ твоей молитвы, Онъ ли не внушитъ хотя бы и моему недостоинству сказать тебѣ путь, въ оныже пойдешь во имя Его святое?.. Твоя бесѣда со мною не есть простое совѣщеніе, обычное между людьми, другъ другу преданными: нѣтъ, тутъ есть посредѣ насть Третій, тебѣ внемлющий, меня вразумляющій по молитвѣ твоей же, и, если твое сердце не лукавитъ, тебя и благословляющій на благое дѣланіе во исполненіе Его св. заповѣдей... Тутъ совершаются, я сказалъ бы, нѣкое таинственное общеніе съ Господомъ, тутъ ты произносишь ту же молитву къ Отцу небесному, какую возносила Онъ, Богочеловѣкъ, въ саду Геѳсиманскомъ: не Моя, но Твоя да будетъ воля, Отче нашъ!.. Держи же свою волю какъ бы на острии иглы, не склоняя ее ни на десно, ни на шуе, ни въ сторону твоей благой мысли, ни противъ нея: жди, чѣмъ речеть тебѣ Господь, Коего воли ищешь, устами, аще и недостойнаго, Своего служителя. И чѣмъ услышишь, то и сотвори. Прими какъ волю Божію.

Таковъ идеалъ православнаго добродѣланія. Тутъ вопрошеніе отца духовнаго, совѣтъ со старцемъ духовной жизни, не есть простое совѣщеніе, а есть какъ бы нѣкое священное дѣйствіе, нѣкое жертвооприношеніе, тобою совершаемое. Отецъ твой духовный есть какъ бы жрецъ, приемлющій отъ тебя твою жертву — твое благое произволеніе и приносящій его Христу, насть ради послушливому даже до смерти крестный Своему Отцу небесному. Онъ же, отецъ твой духовный, и отвѣчаетъ тебѣ отъ имени Христова, мысленно вознося къ Нему моленіе о тебѣ и повергая тебя къ стопамъ Его, на крестъ распятаго. Вотъ внутренній смыслъ такого отъ воли своей отреченія! Помнить надо, что

сказалъ пророкъ Божій Самуилъ отверженому Богомъ Саулу: „не-ужели всесожженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ по-слушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше туха оновъ“ (1 Цар. 15, 22). Добре дѣло дѣлаешь, когда творишь добро по движенью твоего сердца, по требованію твоей совѣсти, но цѣна сему добру будетъ вдвое, когда ты приложишь къ нему еще и послушаніе, то-есть готовность отказаться отъ своего смысленія и исполнить то, что скажетъ тебѣ опытный духовный отецъ. Если онъ твою же мысль одобрить и именемъ Господнимъ благословить, то тѣмъ радостнѣе будетъ для тебя, ибо добро твое получить сугубую цѣну. Кому кровь, обращаясь въ тѣлѣ, обновляеть весь его составъ, такъ молитва, общеніе любви между членами Церкви, напаче же пасомыхъ съ пастырями, со-зидаетъ единство жизни церковной, направляя совѣсть вѣрующихъ въ добродѣланіи туда, где имѣется наибольшая нужда въ таковомъ добродѣланіи. Вотъ примѣръ. У нашихъ братій, переселенцевъ на далекомъ Востокѣ, нѣтъ храмовъ Божіихъ: они плачутъ, не имѣя утѣшенія церковной молитвы цѣлые года, а мы золотимъ главы на сельскихъ переквахъ, устроемъ серебряные престолы, мало того—жертвуемъ на трамваи, электрическое освѣщеніе... Да вѣдь, это, простите, эгоизмъ какой-то! Какъ будто намъ и дѣла нѣтъ до братій нашихъ, заброшенныхъ на далекую окраину родчай земли! Гдѣ же единство Церкви, яко тѣла Христова? Гдѣ дыханіе любви, согрѣвающей немощныхъ, неимущихъ братій нашихъ? Представьте себѣ радость, благодарность ихъ, если бы у нихъ появился храмъ Божій, да притомъ построен-

ный не на казенные средства, а воть отъ прихожанъ такого-то прихода, города, волости, селеній! Не говорю уже о безвѣстныхъ благотворителяхъ, которые, устроивъ храмъ, просили бы только молитвъ за нихъ, сообщивъ лишь свое имя? Какъ горячо молились бы наши братья въ такомъ храмѣ! Но не о храмахъ только говорю я. Нѣть возможности перечислить всѣ виды добра, которые можно бы осуществить, если бы любовь православныхъ людей, такъ сказать, не смиочинничала, если бы она вни-
мала голосу пастырей Церкви... Тогда въ власть церковная смѣлѣ обращалась бы къ сей любви, въ видѣ возваній, сообщеній, где больше нужды, и въ чемъ она, эта нужда сказывается. Перечитайте посланія Апостола Павла: съ какою любовью, но вмѣстѣ и съ настойчивостію обращается она къ вѣрующимъ съ приглашеніемъ во имя любви жертвовать на бѣдныя церкви Востока! Между прочимъ, онъсовѣтуетъ въ теченіе недѣли откладывать, хоть понемногу, сколько можетъ, а въ дни собраній молитвенныхъ приносить скопленные лепты и передавать предстоятелямъ церкви. Совѣтуетъ скоплять приношенія заранѣе, чтобы когда представляется случай направлять ихъ туда, где больше нужды. И ужъ конечно, вѣрующіе при личномъ свиданіи спрашивали его: куда и сколько должно направить? Да и самъ онъ не отказывается передавать святыя лепты по назначению. Дѣлая добро, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что Церковь есть великий организмъ любви, а любовь чутко прислушивается, где ощущается боль... и конечно—туда направляетъ средства къ ея облегченію. Пастырямъ Церкви видѣть все это, а центральной власти пер-

ковной—и того больше. И спасибо сердечное твъмъ добрымъ православнымъ людямъ, которые направляютъ свои жертвы на нужды Церкви, довѣряя это власти: много слезъ они утратъ своимъ братьямъ, нуждающимся въ духовномъ милосердіи къ нимъ! Много слезъ радости прольется, когда неожиданно, будто съ неба упадетъ, къ бѣднымъ поселенцамъ придетъ эта святая жертва! И эта радость, несомнѣнно, отзовется въ сердцахъ тѣхъ, кто былъ ея виновникомъ. Повторю: въ Церкви, какъ живомъ тѣлѣ Господа Иисуса Христа, и горести и радости какъ бы по первамъ передаются отъ однихъ душъ вѣрующихъ къ другимъ, если сіи послѣдніе дѣятельною любовью участвуютъ въ жизни первыхъ.

Обращаюсь къ нашимъ пастырямъ. Да, они далеки отъ идеала, и если бы стояли на его высотѣ, то сама собою жизнь Церкви устроилась бы по сему идеалу. Да, у нихъ, въ большинствѣ, мало духовнаго опыта, мало знакомства съ отеческой литературой. Ужъ слишкомъ погружаются они въ житейскія попеченія. Знаю, не весело имъ живется, иной считаетъ гроши, достанетъ ли ихъ на самыя насущныя нужды... А все же нужно было бы побольше возвѣдать въ себѣ вѣру въ обѣтованіе Спасителя: *ищите прежде всего царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ.* У настъ больше заботятся вотъ объ этомъ „приложніи“, а о Царствіи Божіемъ—потомъ... Мнеъ горько писать эти строчки, болѣно касаться наболѣвшихъ вопросовъ о нуждахъ духовенства... Но, вѣдь, слово-то Божіе остается неизмѣннымъ: прежде всего—*Царствіе Божіе*, о немъ забота, а потомъ—объ остальномъ, о *приложніи*. Таковъ Самъ Господъ

опредѣленный порядокъ и, ужъ конечно, не намъ измѣнить его. И вотъ, что же мы видимъ? Тамъ, где пастырь довѣряется Христову обѣтованію, *единое на потребу*—служеніе Господу и его Церкви ставить выше своихъ личныхъ и семейныхъ материальныхъ интересовъ, тамъ видимо Христосъ благословляеть его, вѣчно повторяя чудо умноженія хлѣбовъ... Не въ роскоши, не въ богатствѣ живутъ такие служители Христа, но необходимое у нихъ все есть, и они благодарять Бога за это. И дѣло пастырское у нихъ налаживается при помощи Господа, и дѣти ихъ радуютъ успѣхами и поведеніемъ, и въ насущномъ хлѣбѣ они не нуждаются. Это ужъ таковъ законъ у Христа Господа: Своихъ работниковъ Онъ не балуетъ, но и не забываетъ о ихъ неотложныхъ нуждахъ. Онъ располагаетъ сердца ихъ же пасомыхъ и сіи помогаютъ имъ во всемъ потребномъ. Не безъ скорбей и искушений течетъ ихъ труженическая жизнь, но, вѣдь, все это въ планахъ нашего духовнаго воспитанія у Господа. Пастырю нужно опытомъ пережить и разныя скорби и испытанія, дабы потомъ и испытуемымъ отъ Господа помочь. Вѣдь, и о Господѣ сказано: *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемъ помочи.* И блаженъ пастырь, который понимаетъ это и несетъ свой крестъ въ преданности волѣ Божіей! Къ такому-то вотъ и потекутъ пасомые за совѣтомъ, за указаніемъ, что когда дѣлать и какъ жить, чтобы волю Христову, а не свою исполнять. Такой пастырь дѣятельно проходитъ всѣ уроки жизни, какіе преподаетъ своимъ пасомымъ. Онъ и молитвеникъ, и утѣшитель въ скорбяхъ, и мудрый совѣтникъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ житейскихъ. Къ та-

кому изъ чужихъ приходовъ идутъ. Къ такому и сопастыри обращаются за совѣтомъ. Такой носить въ душѣ своей свѣтлый идеалъ, милостію Божіей данный всѣмъ пастырямъ, въ мѣру ихъ силъ и способностей, въ лицѣ великаго молитвенника земли Русской—о. Иоанна Кронштадтскаго. Мы все ссылаемся на то, что живемъ не въ тѣ времена, въ какія жили великие свѣтильники вѣры и благочестія: вотъ Господь и даль намъ въ наши грѣшныя, смутныя времена такой образецъ пастырства, какого ни одна Церковь еще не видѣла. Смотрите: былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, такой же священникъ, какъ и прочіе, а предался Богу и Богъ содѣжалъ его носителемъ благодати Своей, носителемъ идеала для настѣ—пастырей и архипастырей. Нѣтъ намъ извиненія, будто въ наши времена нельзя быть ревностнымъ исполнителемъ долга въ служеніи пастырскому. Не напротивъ ли: не слѣдуетъ ли именно теперь быть готовыми душу свою положить за паству свою? Лѣнность наша, дряблость наша, сущность наша и маловѣріе—вотъ въ чемъ причины, что мы потеряли свое вліяніе на пасомыхъ. Какъ бы въ обличеніе наше, и теперь, слава Богу, есть добрые пастыри, хотя, конечно, не такие, какъ о. Иоаннъ, а все же добрѣ правящіе стадо свое на пажитяхъ церковныхъ. Каждый долженъ исполнять свой долгъ въ мѣру данныхыхъ ему отъ Бога силъ и способностей. И въ свое время каждый дастъ отчетъ о своемъ дѣланіи ни нивѣ Христовой. И горе тогда будетъ нерадивымъ пастырямъ! Пусть они сами прочтутъ 34-ю главу пророка Іезекіила, изрекающую имъ великое горе...

Я сказалъ бы нашимъ пастырямъ: какъ ни трудны наши времена, но

никто не можетъ намъ препятствовать дѣлать вѣчное дѣло Божіе, намъ отъ Господа порученное. Вы имѣете счастіе не людямъ служить, а Господу всемогущему и преблагому. Онъ вѣренъ въ словѣ Своемъ: вѣрьте же Ему и вы. Вы—Его со-трудники: ужели Онъ оставить васъ безъ помоши благодатной? Этого быть не можетъ! Но помните и то, что у Него Свои законы, коихъ вамъ не измѣнить. Труды и скорби ждуть васъ: ихъ не избѣжать. Награда—послѣ, можетъ быть, въ будущей жизни. Но она несомнѣнна... Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ небесному Архипастырю прибѣгайте. Повергаясь у подножія престола Его при совершении Божественной литургіи, Ему, какъ дѣти Отцу, въ простотѣ сердца повѣдайте всѣ скорби свои, всѣ нужды свои и своихъ пасомыхъ. Держите духовныхъ чадъ своихъ въ сердцѣ своемъ, когда молитесь о всѣхъ и за вся. Не можетъ быть, чтобы Господь не внялъ такой молитвѣ! Дерзайте же! Начинайте же съ Богомъ дѣло свое и дѣланіе и продолжайте его до вечера жизни! Читайте писанія св. отцевъ-учителей христіанскаго благочестія и уроками изъ ихъ писаній получайте своихъ пасомыхъ. Сами проникайтесь духомъ ихъ ученія, чтобы познать сладость его. Читайте и такихъ богоумырьихъ наставниковъ духовной жизни, какъ святитель-затворникъ, епископъ Феофанъ. Начните, если еще мало знакомы съ нимъ, хотя съ его писемъ о христіанской жизни, перейдите къ собранію всѣхъ его писемъ, читайте его „Путь ко спасенію“ и прочія творенія. Читайте письма такихъ учителей смиренія, какъ Оптинскій старецъ Макарій (особенно его письма къ мірянамъ). Приобрѣтите для библиотеки церковной сіи

книги, не говорю уже о писаніяхъ св. отцевъ: Тихона Задонскаго, Ди-митрія Ростовскаго, Илії Миняція, Златоуста, Аввы Дороѳея... Не тратьте многое времени на чтеніе газетъ: это ядъ, отравляющій душу. Рѣдко-рѣдко попадется въ какой-нибудь патріотической газетѣ статейка добра го содержанія. Разучились теперь люди читать книги, отъ того и пишутъ не важно. Даже и на добрыя темы пишутъ поверх-ностно, наскоро, потому и читать нечего въ этихъ простыняхъ, име-нуемыхъ газетами. Пастырю каждая минута должна быть дорога. Онъ долженъ не только самъ найти пи-шу духовную, но и напитать ею своихъ пасомыхъ. Онъ долженъ от-вѣтить на всякой вопросъ, какой ему предложитъ прихожанъ...

149.

За честь Креста Христова.

Триста лѣтъ тому назадъ, когда впервые проникли въ Японію ла-тинскіе міссионеры, правительство Японіи воздвигло гоненіе на христі-анъ и, чтобы, узнавать ихъ, распо-рядилось положить въ городскихъ воротахъ кресты—такъ, чтобы нельзя было войти въ ворота, не насту-пивъ на крестъ. И говорить преда-ніе римской церкви, что многіе, искренно увѣровавши во Христа, скорѣе соглашались отдать себя на мученія и смерть за Христа, чѣмъ наступить на изображеніе знаменія нашего спасенія—креста Господня.

Подобіе креста какъ геометриче-ская фигура, нѣрѣдко употребляется какъ украшеніе въ архитектурныхъ

Отъ насъ, пастырей, зависитъ: быть или не быть Руси православ-ною! Пока народъ еще не потерялъ вѣру въ Бога, пока не сократили его прелестники-сектанты, пока онъ не покинулъ мать-Перковъ, дото-ль еще не все потеряно, еще есть надежда на спасеніе ею... И это—наше дѣло, наша задача, отцы и братія! Грѣшно будетъ, если мы опустимъ время и не исполнимъ ее...

Горе пастырямъ, которые пасутъ самихъ себя, глаголетъ Господь: Я отниму овецъ Моихъ отъ руки ихъ и взыщу за нихъ съ пастырей ихъ!

Страшны суды Божіи, а грозныя тучи уже собираются надъ грѣш-ною землей... *)

рисункахъ и вообще въ произведе-ніяхъ искусства, и пока такое изоб-раженіе не имѣть никакого отно-шенія къ нашей христіанской вѣрѣ, пока оно не касается нашего рели-гіознаго чувства съ той или другой стороны, дото-ль мы относимся къ нему безразлично, какъ къ простой, самой обычной, геометрической фи-гурѣ, какъ напримѣръ,—въ окон-ныхъ рамахъ, дверяхъ и под. Но какъ скоро искусство или, лучше сказать, его представители, худож-ники, хотяъ намѣренno подчер-кнуть свое неуваженіе къ кресту, какъ къ знаменію нашего спасенія, то мы должны протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, ибо въ та-

*) Всѣ указанныя въ семъ „Дневникѣ“ книги можно получать въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова, Петроградъ, Гостиный дворъ, Садовая 45.

кому́ случай является уже страшный грѣхъ кощунства. Представьте себѣ, что паркетъ пола въ нашей квартире представляеть правильно расположенные кресты: позволить ли вамъ совѣсть ваша спокойно ходить по такому полу даже тогда, когда вы не знаете, что это сдѣлано намѣренно, чтобы заставить васъ попирать крестъ?.. А мы живемъ въ такое несчастное время, когда не только возможно, но и въ самомъ дѣлѣ бываетъ—намѣренное поруганіе Креста Господня слугами сатаны—іудеями и ихъ прислужниками-масонами. Вотъ, что пишетъ мнѣ съ юга одна чуткая къ чести Креста Господня душа:

„Не могу не подѣлиться съ вами скорбю сердца моего. Этимъ лѣтомъ я посѣтила А. женскій монастырь, въ который стекается много молящихся, въ особенности недужныхъ, къ чудотворному образу Богоматери. И вотъ, чтобы приложитьсь къ образу, надо пройти по коврамъ, на которыхъ вытканы... кресты!... Стало быть, христіанинъ, прежде, чѣмъ подойти къ иконѣ, обязанъ попрать ногами, потоптать символъ своего спасенія—вытканный на коврѣ крестъ. И у царскихъ вратъ, и вездѣ въ храмѣ такіе же кресты на коврахъ. Увидя это, я такъ была поражена, такъ терзалось сердце мое, что я не выдержала и тутъ же сказала монахинямъ: „вѣдь, только сектанты топчутъ изображеніе креста, а мы, православные, развѣ смѣемъ это дѣлать?“ И я просила, очень просила—снять эти ковры и не гнѣвить Господа поруганіемъ креста Его. На это мнѣ отвѣтили: „это—жертва, обидятся жертвователи... У насъ всѣ ковры такие: что мы будемъ дѣлать съ ними?“ Я сказала имъ: „зашейте кресты такого же цвѣта гарусомъ, обратите ихъ въ круги или четырех-

угольники, а впредь съ крестами ковровъ не принимайте, объясняя жертвователямъ, что топтать крестъ грѣшно“. Сняли ли ковры и зашили ли кресты, я не знаю. Духовенство, большую частію, на это не обращаетъ вниманія, а сектанты это и на руку: они могутъ указывать, что-де и православные попираютъ крестъ. И это творится не въ одномъ А. монастырѣ, но и въ другихъ храмахъ: у насъ, напримѣръ, въ соборномъ храмѣ былъ коверъ отъ престола черезъ всю солею, и когда я обратила на это вниманіе о. протоіерея, коверъ тотчасъ же былъ убранъ разъ навсегда и меня благодарили за то, что указала“...

Мнѣ скажутъ, что я обращаю вниманіе на мелочи. Да развѣ это мелочи—попраніе изображенія креста Христова, хотя бы и на коврѣ? Мы упрекаемъ латинянъ, что они цѣлюютъ папскую туфлю, на которой, говорять они въ оправданіе, изображенъ крестъ; мы говоримъ: мѣсто ли изображенію креста на туфлѣ? Но развѣ мѣсто сему на коврахъ, по коимъ мы ходимъ? Пусть фабрикантъ говорить намъ, что это—не крестъ, а геометрическая фигура: разъ возникаетъ сомнѣніе: такъ ли?—мы должны требовать, чтобы совсѣмъ такихъ крестовыхъ ковровъ не выдѣлывалось! Фабрикантъ говорить, что это—не крестъ, а простая фигура, такъ-де рисунокъ; а кто поручится въ наше грѣшное время, что тутъ нѣть злого умысла—нарочито подвергнуть поруганію крестъ Господень? Прочтите вотъ правило 73-е шестого Вселенскаго собора:

„Поелику животворящій крестъ явилъ намъ спасеніе, то подобаетъ намъ всякое тщаніе употребляти, да будеть воздаваема подобающая честь тому, чрезъ что мы спасены

отъ древняго грѣхопаденія. Посему и мыслю, и словомъ, и чувствомъ поклоненіе ему принося: *повелѣваемъ, изображенія креста, начертываемыя нѣкоторыми на земли, совсѣмъ изглаждати, дабы знаменіе побѣды нашей не было оскорбляемо попираниемъ ходящихъ. И такъ отнынѣ начертывающихъ на земли изображеніе креста повелѣваемъ отлучати...*”

Видите: святые отцы Вселенского собора не считали „мелочью“ разсуждать объ изображеніяхъ креста, хотя бы они были начертаны просто на землѣ: они „повелѣваютъ“ такія изображенія „с совсѣмъ изглаждати“, уничтожать; этого мало: они не задумались написать и такое „повелѣніе“: „начертывающихъ на землѣ изображеніе креста повелѣваемъ отлучати“... Замѣтьте: изъ сего постановленія соборнаго не видно: съ какою цѣлію сіи отлучаемые отъ общенія церковнаго начертывали изображеніе креста на землѣ: можетъ быть, просто по небреженію къ тому, что дѣлали: можетъ быть, у нихъ не было ясно сознаваемаго намѣренія подвергнуть святое изображеніе попранію А въ наше время возможно, что рисоральщики узоровъ для фабрикъ дѣлаютъ это и намѣренно, чтобы ходящіе попирали крестъ... Припомните, что письмо получено съ юга: почему знать, можетъ быть тѣ же штундисты на фабрикахъ, издѣвавшись надъ православными, дѣлаютъ рисунокъ съ крестами и намѣренно... Строго судять св. отцы даже легкомысленно начертывающихъ крестъ на землѣ: какому же строгому суду подлежать дѣлающіе это съ намѣреніемъ подвергнуть попранію изображеніе креста?... И можно ли назвать мелочью то, о чёмъ мы говоримъ?

Русскій православный человѣкъ

столь чтить сіе изображеніе, что даже простое напоминаніе о немъ на перекресткахъ дорогъ побуждаетъ его творить крестное знаменіе при проѣздѣ черезъ перекрестокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи на перекресткахъ, для сугубаго напоминанія о крестѣ — знаменіи нашего спасенія — ставятся кресты. Православный христіанинъ помнить, что самый міръ созданъ во образъ креста: четыре страны свѣта напоминаютъ ему крестъ Христовъ. Онъ знаетъ, что „крестъ — хранитель всяя вселенныя, крестъ — красота церкви, крестъ — царей держава, крестъ — вѣрныхъ утвержденіе, крестъ — ангеловъ слава и демоновъ язва“.

Силою креста Христова онъ вѣруетъ спастись какъ отъ бѣдъ и напастей въ сей временной жизни, такъ и въ грядущей вѣчности. Тропарь, или пѣснь, кресту есть въ то же время и молитва за Царя православнаго, за все отечество, побѣдная пѣснь торжествующей вѣры. И не потому ли такъ ненавистенъ крестъ Христовъ всѣмъ врагамъ христіанства? Не говорю уже о духахъ тьмы; они трепещутъ и трясутся, по выражению пѣсни церковной, при одномъ знаменіи крестномъ: даже люди, предавшіе себя врагу Божію — діаволу, отшатнувшіеся святой вѣры и Церкви православной, и тѣ какъ бы боятся креста Господня. Разсказывалъ мнѣ одинъ миссионеръ: разъ, во время бесѣды съ штундистами о крестѣ Господнемъ, его собесѣдники громко потребовали отъ него, чтобы сотворилъ силою креста какое-либо чудо тутъ же, предъ ними. Миссионеръ сказалъ, что это значило бы искушать Господа подобно іudeямъ, но что Господь, конечно, силенъ и чудо сотворить, если сіе потребно для ихъ вразумленія. „Пусть, сказа-

залъ онъ, тотъ, кто хочетъ на себѣ испытать силу крестнаго знаменія, подойдетъ ко мнѣ ближе: я осѣню его симъ знаменіемъ и онъ тотчасъ же ослѣпнетъ: вѣрю, что Господь можетъ сіе сотворить!“—И что же? Никто изъ сектантовъ не дерзнулъ подойти къ миссіонеру: страхъ объялъ хулителей креста Господня. Въ другой разъ, тотъ же миссіонеръ, приглашенный сектантами на чашку чая, осѣнилъ, по обычаю іерейскому, стаканъ, ему поданный, крестнымъ знаменіемъ и мгновенно стаканъ лопнулъ и развалился... Надо было видѣть, какъ это поразило штундистовъ: они отъ страха побѣднѣли... Кто знаетъ? Не подсыпали ли въ стаканъ какого снадобья?... — Наши интеллигенты, обычно, елико можно, елико допускаетъ имъ прилиchie, избѣгаютъ, какъ бы стыдятся знаменія крестнаго... Присмотритесь, какъ дѣлать на себѣ знаменіе крестное иной полуѣръ-интеллигентъ, когда этого требуетъ его положеніе, напримѣръ, при похоронахъ своего сослуживца, при торжественныхъ молебнахъ, когда онъ является въ храмъ „ради парада“: онъ едва водитъ рукою по груди, будто ощупываетъ, всѣ ли у него пуговицы цѣлы... Спросилъ бы я его: да умѣеть ли онъ, по-православному, ограждать себя крестнымъ знаменіемъ: на чело, на перси, на плечи? Или разучился уже? Не вяжетъ ли руку его все тотъ же ненавистникъ креста Христова, князь міра сего прелюбодѣйнаго?... И выходить: сотворить истово крестное знаменіе—стыдно, а вотъ попирать крестъ Христовъ, нарочито, можетъ быть, составлять рисунки, гдѣ святое знаменіе спасенія будетъ потомъ попираемо — это можно, это современно, во вкусѣ вѣка... Да не честнѣе ли было бы ужъ вовсе отречься отъ вѣры во Христа, какъ

сдѣлать это великий еретикъ нашего времени, извѣстный Толстой? Ставить ли себѣ такой вопросъ наши интеллигенты, эти полусознательные христіане, полусознательные язычники? Или имъ выгоднѣе прикрываться до поры до времени именемъ христіанъ, пока не нашли себѣ болѣе подходящаго, но ужъ не такого старого слова, какъ „язычество“? Впрочемъ, кажется уже и находить, по крайней мѣрѣ, около такого имени бродить: вѣдь, уже слышатся странныя для нашего православнаго уха слова: голгоѳское христіанство, неохристіанство, оккультизмъ, спиритизмъ... Еще не-много, и придумаютъ наконецъ, и слово это будетъ новое модное и ухватится за него всѣ наши полуѣры, и станутъ уже полными не-вѣрами, сбросивъ съ себя имя православныхъ христіанъ, какъ изношенную одежду... Къ тому идетъ дѣло, читатели мои! Невѣrie, сначала практическое, въ жизни, а затѣмъ и теоретическое, въ ученіи, мутною волною разливается по лицу земли среди якобы образованнаго общества, а оттуда спускается и внизъ, въ среду невѣжественныхъ массъ; и этому всячески содѣйствуютъ враги Церкви Божіей—іудеи и масоны, растлѣвая и умъ и сердце чрезъ печать, театры, лженауку и всѣми иными мѣрами... Врагу страшна только тверднія православія: если ее удастся расшатать, то съ остальнымъ онъ уже легко справится. Вотъ почему и ведется подкопъ именно подъ православіе: его хотятъ всячески унизить, приправить къ суетѣ, въ него внести разложение въ видѣ разныхъ сектъ и ересей, его ослабить расколами и раздорами въ средѣ его исповѣдниковъ. Съ непонятною на первый разъ ненавистью относится именно къ православію вся іудейская и

іудействующая печать, съ какимъ-то пренебрежительнымъ снисхождениемъ—наша интелигенція, даже и та, которая считаетъ себя еще вѣрующей въ Бога; и только тѣ, которые еще чтутъ авторитетъ Церкви-матери, еще таять въ глубинѣ своего сердца любовь и вѣру къ этой матери, только они, вмѣстѣ съ нею, скорбять, болѣють душою, видя поношеніе или искаженіе креста Христова—уже не на коврахъ, только, а всюду, гдѣ можно: напримѣръ, въ столицѣ замѣчено православными, что на одномъ храмѣ поставлены кресты какъ бы перевернутыми вершиною внизъ, такъ что поперечникъ креста приходится въ нижней его части, не въ верхней, какъ обычно... А тотъ знакъ, подъ, которымъ масонство выступило на борьбу якобы съ чахоткой, а на дѣлѣ—едва ли не съ другимъ чѣмъ-то, знакъ перечеркнутаго креста? Кто видѣлъ этотъ „красный крестъ“, тотъ пусть нарисуетъ его на лоскутѣ бумаги: онъ состоить изъ вертикальной линіи, пересѣченной двумя равными по размѣрамъ горизонтальными поперечинами: соедините же вершину такого креста съ концами нижней поперечины и вы получите треугольникъ вершиною вверхъ, а если соедините концы верхней поперечины съ основаниемъ креста, то получите треугольникъ

вершиною внизъ, то есть, получите два пересѣкающихся треугольника или шестиугольную звѣзду: обычный знакъ враговъ христіанства—масоновъ... Если я ошибаюсь въ толкованіи этого новомоднаго „креста“, то пусть г.г. учредители сбороў на „бѣлый цвѣтокъ“, измыслившіе такую невиданную форму яко бы креста, объяснятъ мнѣ смыслъ этой формы! Ни христіанская древность, ни православная современность не знаютъ такого креста. Это не крестъ, а телефонный столбъ съ двумя равными поперечинами... Признать это крестомъ мы отказываемся, а если это не крестъ, то что такое?..

Опытные въ духовной жизни подвижники пишутъ, что врагъ нашъ, діаволь, даже въ сонныхъ мечтаніяхъ, не можетъ представить креста Господня: онъ обычно представляетъ какую-либо геометрическую фигуру, а на мысль искушающего влагаетъ, будто это—крестъ. Не то же ли и тутъ, особенно если заподозрить участіе масоновъ въ этихъ новомодныхъ сборахъ на разные цвѣты?.. Въ тревожное время мы живемъ: тамъ искушаютъ насть попраніемъ креста Господня, а тутъ—подмѣною его какою-то фігурою, въ видѣ телеграфнаго или телефоннаго столба... Воистину, дніе лукави суть!...

150.

Помнимъ ли мы великий урокъ 1812 года?

Съ нами Богъ! ликуя, воспѣваетъ святая Церковь, прославляя Бога, явившагося плотю и яко Отроча младо пеленами повиаваемаго. Съ нами Богъ! вмѣстѣ съ Церковю торжественно восклицаетъ стомилліонный православный Русскій народъ,

благодарственно воспоминая избавленіе Церкви и державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языковъ.

Да, Церковь на Руси всегда была нераздѣльна съ Русью: когда страдалъ и страдаетъ Русскій на-

родъ,—съ нимъ болѣла и болѣть сердцемъ и Церковь, какъ нѣжно любящая мать; на ея груди отды-хала душа народная во дни вели-кихъ бѣдствій; она утѣшала его въ невыносимыхъ скорбяхъ; она пред-стательствовала за него предъ Богомъ, испрашивая ему прощенія и оставленія грѣховъ и отводя гроз-ную, карающую руку Божію во дни великихъ испытаній... За то и радо-валась она радостями народа, какъ счастливая мать, радовалась и учи-ла народъ радоваться радостю о Господѣ, все радости достойное при-писывая единому Богу-Милостивцу и влагая въ уста народа слова Пѣ-снопѣвца: *не намъ, Господи, не намъ, а имени Твоему даждь славу!* Трогательны восторженныя пѣс-ни, коими въ день Рождества Хри-стова святая Церковь прославляетъ Господа за спасеніе Россіи отъ на-шествія великаго корсиканца-завое-вателя всего міра. Трогательна и поучительна молитва Церкви, колѣвнопреклонно читомая въ заключе-ніе молебна въ этотъ день. Необычна эта вѣчная память Императору Александру Первому среди свѣтлого торжества великаго праздника Хри-стова.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ... Какъ благоприлична эта ангельская пѣснь, при воспоми-наніи о концѣ великой брани за Царя—любимца всего народа Рус-скаго! Слава Богу, ибо Агнецъ Би-леемскъ, льва и змія нами поправъ, міру миръ дарова. Велики скорби, тяжелы подвиги, понесенные нар-одомъ Русскимъ въ эту великую го-дину испытаній, но Богу было бла-гоугодно содѣлать нась орудіями низложенія и покоренія жестокаго врага вѣры христіанской, хитраго и геніального въ своемъ дѣлѣ воин-скому, врага всѣхъ народовъ зем-ныхъ; Богу было угодно, чтобы къ

великому празднику мира, воспѣ-таго Ангелами, не осталось ни одно-го врага на Русской землѣ: тѣмъ со Ангелы Младенцу міродержав-ному боголѣпну славу принесемъ: слава въ вышнихъ Богу, и на зем-ли миръ, въ человѣціяхъ благоволе-ніе!

А когда вспомнишь всѣ грѣхи народные, коими Русь прогнѣвала Божіе правосудіе въ тѣ времена, когда вспомнишь, что Господь не по беззаконіямъ нашимъ сотво-рилъ есть намъ, ни же по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ, но и въ годину искушенія, пришедшую не на насъ однихъ, но на всю вселен-ную, избавилъ насъ и внѣдѣа обы-шедше обыдоша насъ врази наши, явилъ есть намъ спасеніе Свое: мало сего—насъ же содѣлъ ору-діемъ избавленія всѣхъ народовъ, покоренныхъ врагомъ нашимъ и, изъ повиновенія ему, воевавшихъ про-тивъ насть—когда вспомнишь всѣ сіи милости Божій, то какъ не по-вергнуться во прахъ предъ священ-ными яслями Богомладенца съ сер-дечнымъ умиленіемъ, какъ не вос-вликнуть: *видѣхомъ, Господи, видѣхомъ, и не мы одни, но вси языцы видѣша въ насъ, всѣ народы были свидѣтелями тому, всѣ видѣли яко Ты еси Богъ и нѣсть разнѣ Тебѣ: Ты убієши и паки жити сотво-риши, Ты поразиши и исцѣлиши, и нѣсть иже изметъ отъ руку Твою!.. Благодаримъ Тя, Господи, яко наказуя наказалъ еси ны вма-лѣ, да не смерти во вѣки предаси насъ!.. О, премилосердый Господи! Пробави, продли милость Твою вѣ-дущимъ Тя! Но и неимущимъ Тебѣ явленъ буди!..*

Минуло ровно сто лѣтъ съ того дня, какъ Русь торжествовала и благодарила Господа за спасеніе свое. Въ могилу сошли всѣ свидѣ-тели сего торжества. Немного оста-

лось и дѣтей ихъ, которые внимали ихъ сказаніямъ, проникнутымъ великимъ умиленіемъ сердечнымъ, великою къ Богу-Благодѣтелю благодарностью. И вотъ мы, внуки и правнуки ихъ, спустя сто лѣтъ переносимся мыслю къ ихъ подвигамъ, вспоминаемъ милости Божіи... и какъ хотѣлось бы спросить свою совѣсть: а поняли ли мы великий урокъ, данный намъ Провидѣніемъ Божіимъ въ исторіи нашихъ дѣдовъ и прадѣловъ? Прислушаемся къ словамъ молитвы, составленной великимъ святителемъ Филаретомъ, на молебнѣ въ праздникъ Рождества Христова:

Ты глаголалъ еси, Господи, дрѣвле сыномъ Израилевымъ, яко аще не послушають гласа Твоего хранити и творити вся заповѣди Твоя, наведеши на нихъ языкъ безстуденъ лицемъ, иже сокрушитъ ихъ во градѣхъ ихъ, дондеже разоряется стѣны ихъ, и мы видѣхомъ, яко пріиде глаголъ страшный сей на ня и на отцы наша. Обаче прещенія Твоего не убоѧщеся, и о милосердіи Твоемъ вознѣрадивше, оставилихомъ путь праздды Твоей и ходихомъ въ воляхъ сердецъ нашихъ... еще же и отеческая преданія ни во чмѣже вмѣнившіе, прогнѣвахомъ Тя о чуждихъ. Ихже ради и насъ обѣятое обстояніе, и о ихже ревновахомъ наставлениихъ, сихъ враговъ имѣяхомъ буихъ и звѣрнравныхъ...

Вдумаемся въ эти слова, особенно въ послѣднія слова богоумдраго святителя, нашего русскаго златословеснаго учителя: о ихже ревновахомъ наставлениихъ, у кого ревностно, какъ школьнники, перенимали все худое, сихъ враговъ имѣяхомъ буихъ и звѣрнравныхъ... тѣ самые, у которыхъ мы заимствовали разныя безбожныя ученія—они-то и яви-

лись нашими лютыми, жѣсточайшими врагами... Воистину, чѣмъ согрѣшили наши предки, тѣмъ и были наказаны! Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія русскіе люди сильно увлекались безбожными ученіями, коими была уже тогда заражена Франція, и вотъ, за это увлеченіе послѣдовоало Божіе попущеніе: наши же учители, французы, сами того не сознавая, явились какъ бы бичомъ Божіимъ въ вразумленію нашихъ предковъ. Счастливы эти предки наши, что поняли ниспосланный имъ урокъ и, хотя тяжко цѣною, но все же искусили свой грѣхъ, смыли его слезами покаянія и были помилованы милосердіемъ Господа. Исповѣдуя сю милость Божію, они, въ умиленіи сердца, взывали: постыдъ же зломъ неправды наша, якоже щедрить отецъ сыны, ущедрить еси насъ, Господи! Но урокъ, данный отцамъ, не должны забывать и дѣти, и внуки, и правнуки, до послѣдняго рода, если не хотять, чтобы этотъ грозный урокъ повторился на нихъ самихъ. А мы—помнимъ ли мы этотъ урокъ?...

Не въ такой свѣтлый, радостный праздникъ говорить бы о печальныхъ явленіяхъ нашей русской жизни, но что же дѣлать? Вѣдь если мы, пастыри, будемъ молчать объ этомъ, то—камни возопіютъ! Увлеченіе нашихъ предковъ вольнодумствомъ, вольтерьянствомъ, масонствомъ XVIII-го вѣка—могло бы назвать дѣтскими шалостями въ сравненіи съ тѣмъ, что творится теперь у насть на Руси! Тогдашнее безбожіе проистекало больше изъ легкомыслія, изъ тайного желанія какъ-нибудь успокоить совѣсть, которая протестовала противъ грѣховъ плоти: нынѣшнее безбожіе есть какая-то безсмысленная вражда на Бога, выражаящаяся въ страшныхъ кощунствахъ; тогдашніе пороки были общечеловѣческие: нынѣшніе — но-

сять характеръ извращенности, противоестественности; тогда простой народъ грѣшилъ, но грѣхъ грѣхомъ называлъ: а нынѣ и деревенскіе парни, начитавшіеся іудейскихъ „Копѣекъ“, хвалятся своими виновными беззаконіями какъ славными подвигами. Понятія извратились, совѣсть убита, люди становятся хуже дикихъ звѣрей... Страшно становится жить на свѣтѣ! Воищая громовъ небесныхъ, которые, вотъ-вотъ возгримятъ надъ грѣшною землей...

А въ небесахъ пока еще слышится сладостная пѣснь небожителей: *Слава въ вышинихъ Богу и на земли миръ...* А въ пещерѣ Виолеемской еще возлежитъ Божественное Отро-

Блестки

Наша современность такъ полна всякихъ неожиданностей, несобразностей, иногда прямо нелѣпостей, что дня не проходитъ, чтобы не наткнуться на такія явленія, которыя вызываютъ въ душѣ чувства удивленія, протеста, негодованія... Рѣдко-рѣдко, будто золотая блесточка въ кучѣ мусора, мелькнетъ отрадное явленіе и какъ ради бываешь отмѣтить его! Доселѣ я это и дѣлалъ, и буду дѣлать, по мѣрѣ силъ, въ своихъ „дневникахъ“, откликаясь на болѣе или менѣе крупные факты того или другаго рода. Но не всегда есть время и возможность дѣлать это сколько-нибудь обстоятельно по каждому, обратившему на себя вниманіе слушаю. А отмѣтить этотъ случай, хотѣя краткой замѣткой стоять. И вотъ, мнѣ припомнились въ „Домашней Бесѣдѣ“ 1860—70-хъ годовъ „Блестки и изгарь“ покойнаго борца за идеалы православія, В. И. Аскоченскаго, и явились мысль: не открыть

ча и съ такою любовью улыбается Своей Пречистой Дѣвѣ—Матери...

Мати Божія, Заступница усердная рода грѣшнаго! Не имѣемъ мы сами никакого дерзновенія къ Сыну и Богу Твоему: Ты помолись о насть, Ты смилийся надъ немощью нашей духовной, Ты покрой насть тѣми пленами, которыми повивала Ты Свое Дитя Божественное, да возврить Онъ и на насть съ благоволеніемъ и миръ Его премірный да снидеть въ наши немирныя сердца, и да согрѣть ихъ любовью къ Себѣ, да и мы съ дерзновеніемъ святымъ воспоеемъ съ небесными пѣвцами: слава въ вышинихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе!

и изгарь.

ли и мнѣ въ своихъ „Дневникахъ“ страничку для подобныхъ летучихъ замѣтокъ на злободневные вопросы текущей церковной и общественной жизни и литературы, да и подъ тѣмъ же заглавиемъ: зачѣмъ придумывать новое, когда есть старое хорошее? Въ сущности, это будетъ продолженіе тѣхъ же „Моихъ Дневниковъ“, но въ болѣе краткихъ статейкахъ, когда нѣть времени писать большую статью. Надѣюсь, мнѣ помогутъ въ этомъ и мои читатели. Лучше хоть маленький откликъ, чѣмъ равнодушное молчаніе. А иногда, Богъ дастъ, можно будетъ отмѣтить и хотя малую нѣкую блесточку добра: вѣдь, если бы на землѣ вовсе не было добра, то и міръ потерялъ бы весь смыслъ своего бытія. Итакъ, благослови, Господи!

1.

Было время, когда преимущественнымъ чтеніемъ русскаго народа

да служили такія духовно-назидательные книги, какъ Четы-Минеи, Прологи, Патерики и отдельные житія святыхъ. Въ этихъ житійныхъ сказаніяхъ нашъ благочестивый народъ видѣлъ не только то, что нужно дѣлать для получения вѣчной жизни и спасенія, узнавалъ не только ученіе вѣры и нравственности христіанской, но видѣлъ также и то, какъ нужно жить по заповѣдямъ Христовымъ, какъ слѣдуетъ прилагать нравственные и вѣроучительные истины христіанства къ жизни.

Исконная любовь нашего народа къ житейнымъ повѣствованіямъ начинаетъ, повидимому, въ послѣднее время ослабѣвать подъ вліяніемъ все шире и шире распространяющейся свѣтской литературы, часто доволно сомнительного свойства, особенно со времени такъ называемыхъ „свободъ“. Вновь воспламенить и усилить эту любовь народа къ церковно-повѣствовательнымъ произведеніямъ можно не иначе, какъ только противопоставивъ широкому распространенію дешевыхъ свѣтскихъ сочиненій не менѣе широкое распространеніе какъ житій древнихъ святыхъ, такъ въ особенности сказаний о жизни и трудахъ русскихъ подвижниковъ позднѣйшаго времени.

Это жизнеописанія новѣйшихъ подвижниковъ должны показать народу, что спасеніе возможно и въ наше время; что благодать Св. Духа неизмѣнно дѣйствуетъ въ Церкви до нашихъ дней; что изумительная и побѣдоносная борьба благочестія съ духомъ тьмы происходить и нынѣ; что Христосъ, обѣщавшій вѣчно пребывать съ нами, творить Свои чудеса неоскучно и въ Русской землѣ чрезъ Своихъ вѣрныхъ учениковъ и подвижниковъ; что наша русская земля, несмотря на ши-

рокую волну невѣрія и порока, несущуюся къ нимъ изъ западныхъ странъ, пребываетъ и на долгіе вѣка пребудетъ Русью Святой.

Эту высокую задачу—ознакомить народъ съ жизнью и трудами новѣйшихъ подвижниковъ, и беретъ на себя Тобольское Епархіальное Братство св. Димитрія Солунскаго, приступая въ настоящемъ (1912) году къ изданію составленнаго священникомъ Александромъ Юрьевскимъ „Нового Свято-Русского Патерика“.

Сей обширный трудъ Братство печатать будетъ частями, въ видѣ небольшихъ книжекъ (въ 30—40 страницъ каждая), въ коихъ дано будетъ около 560 жизнеописаній тѣхъ новѣйшихъ русскихъ подвижниковъ, блаженная кончина коихъ послѣдовала въ XIX вѣкѣ, начиная съ 1800 г. Всѣхъ такихъ книжекъ, весьма доступныхъ народу по своей цѣнѣ, Братствомъ будетъ выпущено не менѣе 150 номеровъ.

Пока выпущено три книжки цѣнною по 5 коп. Въ нихъ содержится краткое жизнеописаніе монахини Маргариты Кирсановской, Митрополита Петербургскаго Гаврила, блаженной Екзеніи Петербургской, Архимандрита Феодосія Софроніевскаго, Архіепископа Варлаама Тобольскаго, іеромонаха Іоакима Саровскаго и благочестивой крестьянки Пелагіи. Очерки написаны живо, тепло и читаются съ духовнымъ утѣшениемъ. Отмѣчаемъ эти небольшія, дешевыя, но поучительные книжечки, какъ святыя „блесточки“ въ нашей народной литературѣ, заваленной мусоромъ вредныхъ развращающихъ изданій.

Получать книжки можно въ Тобольскѣ, въ Совѣтѣ Братства святаго Димитрія Солунскаго.

2. ЧУДОВИЩА ВЪ ГАЗЕТАХЪ

Легкомысліе или масонщина?

Всякаго рода кощунство, даже богохульство—въ іудейской печати дѣло обычное. Но печать, которую мы привыкли считать порядочною, доселѣ избѣгала этого. Въ большой простынѣ, именуемой „Новое Время“, изрѣдка появлялись статьи Меньшикова съ выходками, граничащими съ кощунствомъ, но такому большому барину въ газетѣ, видимо, дѣлалось, снисхожденіе.

Но вотъ, въ № 13167, отъ 6 сего ноября, помѣщены маленький фельетонъ подъ заглавиемъ „Бабье лѣто въ танцахъ“, подписанный иѣкіемъ М. К., а надъ симъ фельетономъ стоитъ эпиграфъ:

„Танцы—единственное занятие ангеловъ на небѣ, и блаженъ тотъ, кто можетъ подражать имъ на землѣ“.

Затѣмъ въ скобкахъ, курсивомъ, стоитъ якобы цитата:

(Изъ посланія Василія Великаго къ Григорію Богослову).

Судите сами: что можетъ подумать читатель? Если онъ никогда не читывалъ твореній св. Василія Великаго, онъ смутится. Какъ? Ужели такъ писалъ святитель Божій? Но стоитъ цитата: стало быть у Василія Великаго есть такія строчки... Или это поддѣлка? Вѣроятнѣе всего... Но что же это? Неужели мы дошли до того, что у насъ на глазахъ поддѣлываютъ письма святыхъ, приписываютъ имъ то, что подумать было бы кощунственно?.. А если читатель знакомъ съ писаніями Василія Великаго, то онъ долженъ возмутиться духомъ, долженъ громко крикнуть: доколѣ же это будетъ терпимо? До чего же мы дойдемъ, наконецъ?!

Знающіе люди говорятъ, что въ

греческомъ текстѣ стоитъ слово „хоревин“, что и значитъ: пѣть хоромъ, а г. М. К. хочетъ читать: „хорографин“—плясать... Такъ-ли? Но вѣроятнѣе, авторъ и въ глаза не видѣлъ подлинника, а просто припомнилъ, что писалъ лѣтъ пять-шесть назадъ одинъ „профессоръ“ (слава Богу, нынѣ изгнанный изъ духовной академіи) о пляскахъ религіозныхъ въ одномъ духовномъ журналь... Этотъ экс-профессоръ, дѣйствительно, хотѣлъ оправдать всѣ сектантскія пляски и подтягивалъ къ своей темѣ все, что можно было подтянуть, хотя бы при помощи искаженія текста святоотеческихъ писаній...

Такъ или иначе, но серьезной газетѣ стыдно выкидывать такія колѣна. Вѣдь, надо помнить, что ее читаютъ сотни тысячъ людей разнаго возраста, всякаго образованія, разныхъ исповѣданій: среди нихъ найдутся и такие, которые, прочитавъ кощунственную цитату и давъ ей вѣру, подумаютъ о великомъ учителѣ вселенской Церкви, будто онъ былъ такъ нѣвѣжественъ, что способенъ былъ написать такую нѣльность, граничащую съ вымыслами магометова Корана.

Хотѣлось бы думать, что это только легкомысленная выходка газетнаго болтуна, а не сѣмечко изъ кошницы масонской.

3.

Еще вопросъ: легкомысліе или масонщина?

Въ № „Колокола“ (отъ 10 ноября), въ статьѣ: „Легкомысліе или масонщина?“ владыка Ніконъ справедливо возмущался тривіально-кощунственнымъ переводомъ словъ св. Василія Великаго, помѣщеннымъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Нового

Времени". Но вотъ есть „духовный“ журналъ — „Русскій Паломникъ“, какъ значится въ подзаголовкѣ, — „одобренный всѣми вѣдомствами“ (значить: и вѣдомствомъ православнаго исповѣданія?), дающій преміи самаго назидательнаго содержанія: и „Богословскую Энциклопедію“, и „Творенія св. Григорія Богослова“, и „Земную жизнь Иисуса Христова“, и кромѣ того, ежемѣсячный журналъ-приложение „Свѣточъ“. Случайно я просмотрѣлъ ноябрьскую книжку этого „Свѣточка“, и вотъ прошу васъ полюбоваться, что я тамъ нашелъ.

Въ первой статьѣ „Голуби Святаго Младенца“ (легенда), на ст. 1700, читаемъ: (голуби) „пребывали съ Нимъ въ пещерѣ (во гробѣ), и ихъ распостертыя крылья и взъерошенныя перья показались обезумѣвшей отъ горя Маріи Магдалинѣ свѣтыми ангелами, спросившими ее: — Жено, о чемъ плачешь?. Когдѣ ученики Его собрались, спустя пятьдесятъ дней, — подобно бурѣ, съ высоты неба, въ быстромъ шумѣ, слетѣли къ нимъ тѣ же самые голуби. Свѣтящимися крыльями, какъ будто раздвоеннымъ пламенемъ, коснулся каждый изъ нихъ головы апостола, и въ видѣ этихъ гонцовъ Иисуса сошелъ на нихъ Духъ Святой, горячая вѣра въ ожидавшее ихъ апостольство, которому они предались единодушно“.

Какъ видите, Духъ Святый совсѣмъ не сходилъ на апостоловъ, а только „горячая вѣра въ ожидавшее ихъ апостольство“. Совсѣмъ было все просто и ничего сверхъестественнаго. При этомъ еще не такъ удивительно, что „обезумѣвшая отъ горя Марія“ приняла на разсвѣтѣ, въ полумракѣ пещеры, „взъерошенныя перья“ голубей за ангела; — удивительно то, какимъ образомъ апостолы среди блага днѣя могли

принять обыкновенную стаю голубей за сошествіе Св. Духа, а бѣлыхъ голубиныхъ крылья — за огненные языки? Оставалось бы только добавить, что предположеніе еврейской толпы, будто апостолы „напились вина“, вполнѣ основательно. И такое кощунственное объясненіе евангельскихъ событий мы читаемъ не въ какой-нибудь масонской „Біблії для развлеченія“ (La Bible amusante), а въ духовномъ журналѣ, „одобренномъ всѣми вѣдомствами“.

Но это еще не все. На послѣдней страницѣ той же книжки, въ отдѣлѣ „Смѣсь“, есть замѣтка: „Легенды о созданіи женщины“, и эта замѣтка заканчивается такъ: „Ассирия, Вавилонъ, Египетъ, а за ними и Іудея (т. е., прибавимъ отъ себя, — наша св. Біблія) сохранили самую непоэтичную легенду о происхожденіи женщины... изъ ребра мужчины!“ (Многоточіе и знакъ восклицанія — „Свѣточка“).

Вспомнимъ, что „Русскій Паломникъ“ разсчитанъ на благочестивую русскую семью, еще не потерявшую связи съ Церковью, а, въ частности, „Свѣточъ“ будетъ читаться, преимущественно, дѣтьми средняго и старшаго возраста. Какихъ же плодовъ ожидать отъ такого чтенія? По моему мнѣнію, лучше ужъ дать прямо Ренана „Жизнь Иисуса“ и под. Тамъ систематическое искаженіе божественнаго Лика Спасителя и открытое глумленіе надъ вѣрой способны скорѣе вызвать отвращеніе въ чистой вѣрующей душѣ и, во всякомъ случаѣ, сразу даютъ понять, что за книга лежитъ предъ вами. Здѣсь же ядѣ подносится скрыто и какъ бы случайно, среди другого совсѣмъ неподозрительнаго материала; здѣсь искуситель застаетъ довѣрчивую душу, какъ бы врасплохъ и незамѣтно можетъ забросить въ нее сѣмена сомнѣнія, которыя дадутъ ростки,

когда уже поздно будетъ ихъ искоренять.

Вотъ гдѣ умѣстно спросить: легко-мысле ли это или масонщина, т.-е. сознательное и планомѣрное стремленіе подорвать вѣру и тамъ, гдѣ она еще сильна и куда съ открытыми нападками на нее проникнуть нельзя?

Позволительно также спросить: неужели и въ самомъ дѣлѣ „Русскій Паломникъ“ съ его приложеніями рекомендованъ и духовнымъ вѣдомствомъ для разныхъ библиотекъ и читаленъ, напр., церковно-приходскихъ?..

Да не будетъ сего!

Замѣчаете ли вы, читатель, что наша, такъ называемая, „порядочная“ печать постепенно все лѣвѣеть, мельчаетъ, уходить въ сторону отъ добрыхъ преданій еще недавняго стараго времени?

„Новое Время“ уже не то, чѣмъ было при покойномъ А. С. Суворинѣ; „Свѣтъ“ стала сумерками послѣ смерти своего основателя—В. В. Комарова; отъ одной газеты пахнетъ какимъ-то нерусскимъ „национализмомъ“, отъ другой несетъ „октябрьизмомъ“, не говорю уже о тѣхъ, которыя продали себя „кадетизму“ и прямо живодству...

Нѣкто „Вопрошающій“, отмѣтилъ вредныя пополненія редакціи „Русскаго Паломника“ угождать своимъ читателей „легендами“ въ еретическомъ, рационалистическомъ вкусѣ. А этотъ журналъ „рекомендованъ всѣми вѣдомствами“ для школьнаго чтенія. А вотъ, еще журналъ, очень распространенный, проникшій особенно, въ семьи священниковъ и до послѣдняго вре-

мени державшій себѣ порядочно, хотя когда-то и напечатавшій „Воскресеніе“ гр. Толстого, конечно, въ сокращенномъ видѣ. Это—извѣстная „Нива“, издаваемая Марксомъ, вотъ, уже 40 лѣтъ. Теперь этотъ журналъ рекламируется, что въ будущемъ году онъ даетъ полное собраніе...мерзостныхъ сочиненій „знаменитаго“ Леонида Андреева! Какъ вамъ покажется это? Кто руководить теперь этимъ изданиемъ? Кто угадываетъ вкусы своихъ читателей? Не должны ли всѣ порядочные люди дружно крикнуть редакціи: если хотите отравлять наши семьи Андреевыми, то—прощайте! Мы уходимъ отъ васъ!

Но случится ли это? Увы, не наѣюсь! Наша интеллигентія—какое-то безличное существо: чѣмъ его угостить, то и будетъ кушать, хотя бы пришлось и поморщиться. При журналѣ, видите ли, прилагаются разныя „выкройки“, „моды“, олEOFГрафіи... все это пригодится барышнямъ, дѣтямъ, да и вообще, журналъ даетъ много для чтенія интереснаго, къ нему привыкли за 30—40 лѣтъ... какъ-то ужъ отставать не хочется. Ну, а Леонидъ Андреевъ... да его можно, вѣдь, и не читать...

Такъ, вѣроятно, разсуждаютъ наши интеллигенты, обсуждая вопросъ, на какой бы журналъ подписаться. Но не такъ должны разсудить пастыри Церкви. Тѣ изъ священниковъ, которые доселѣ выписывали „Ниву“, должны бы решительно отказаться отъ дальнѣйшей выписки этого журнала, обѣщающаго внести отраву въ ихъ семьи. Этого мало: должны бы не пожалѣть открытки, чтобы заявить редакціи столь же решительный протестъ противъ такого „приложенія“, сказать твердо, мужественно: если вы такъ, то и мы больше не ваши читатели! Стыд-

но, позорно, порядочному изданию размазывать леонидовскую грязь по лицу родной земли! Пусть ужъ этимъ ремесломъ занимаются жиды и масоны, которымъ такъ хотѣлось бы развратить наши семьи, нашъ народъ, но доселѣ почтенной редакціи „Нивы“ это какъ-то ужъ не къ лицу!

Предупреждаемъ нашихъ читателей, какая опасность грозить ихъ семьямъ отъ выписки „Нивы“. Если хотятъ уберечь своихъ дѣтей отъ

отравы нравственной, то пусть откажутся отъ выписки этого издания. А священникамъ властно повелѣваетъ это ихъ долгъ: что же это, въ самомъ дѣлѣ, будетъ: пастыри Церкви будутъ выписывать для своихъ семей порнографа Андреева и поддерживать своими грошами изданіе, распространяющее его сочиненія?

Да не будетъ сего!..

Моимъ читателямъ.

Мои „дневники“, печатающіеся частію въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, частію въ газетѣ „Колоколь“, а главнымъ образомъ въ „Троицкому Словѣ“, вызываютъ со всѣхъ сторонъ добрые отклики моихъ читателей: мнѣ пишутъ и міряне, и пастыри, и простые, и интеллигентные люди. Отъ всей души приношу имъ мою сердечную благодарность за ту нравственную поддержку, какую они мнѣ оказываютъ такими письмами. Мы живемъ въ боевое время для Церкви Божіей, когда ея враги, іудеи и масоны, а также и ослѣпленные ими наши полуинтеллигенты-либералы всякихъ закаловъ стремятся напустить тумана въ сознаніе русскихъ людей и увлечь ихъ на путь гибели для родной земли чрезъ измѣну святой вѣрѣ православной и завѣтамъ родной старины. Обличать всю ложь этихъ проповѣдниковъ духовной смуты, раскрывать красоту и истинность нашихъ родныхъ идеаловъ, предостерегать русскихъ людей отъ увлечения лживыми ученіями, какъ политическими, такъ и религіозными—вотъ задача, какую должны мы, пастыри, ставить себѣ въ наше время, и какую я ставлю для себя

въ моихъ дневникахъ. Чтобы сдѣлать доступными такія статьи для всѣхъ, Троицкая Сергіева лавра и издастъ, подъ мою редакціей, „Троицкое Слово“, выходящее 50 разъ въ годъ (разъ въ недѣлю), по пѣнѣ 1 рубль въ годъ съ пересылкою. Въ этомъ „Словѣ“ я и печатаю всѣ мои дневники, а въ слѣд. году буду вести, кромѣ того, еще отдѣль мелкихъ замѣтокъ, подъ названіемъ: „Блестки и изгарь“, въ коихъ буду отмѣтывать и отрадныя, и печальные явленія въ нашей литературѣ и жизни, освѣщаю ихъ свѣтомъ церковныхъ воззрѣній. Я крѣпко вѣрю въ святость нашихъ идеаловъ; я знаю силу благодати Божіей, въ нашей и только въ нашей православной Церкви дѣйствующей, я убѣжденъ въ животворности тѣхъ завѣтовъ, какіе оставила намъ наша матушка—старая Русь: вѣрую, тѣмже и глаголю, и не перестану глаголати, пока Богъ дастъ силы и возможность къ тому. Счастливъ, что въ этомъ святомъ дѣлѣ пришла мнѣ на помощь родная моя обитель, Троицкая Сергіева лавра, почему „Троицкое Слово“ является, дѣйствительно, голосомъ православнаго инока, напоминающимъ толь-

голосъ, который раздавался въ смутные годы между царствія, триста лѣтъ назадъ, въ видѣ извѣстныхъ „Троицкихъ грамотъ“, разсыпавшихся преподобными Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицинскимъ, и призывалъ православныхъ русскихъ людей къ единенію во имя вѣры и спасенія родины отъ тяжкой усобицы и смуты того времени. Смута нашего времени опаснѣй той, хотя и кажется, будто наступило умиротвореніе: враги поняли, что пока Русь православна, дотолѣ еë не сдвинуть на распутія политическихъ бредней, а значитъ, надо всѣ усилия направлять противъ Церкви Православной и ея устоевъ... Вотъ почему я призываю всѣхъ моихъ читателей не только откликаться на мой голосъ, но и присыпать мнѣ вырѣзки изъ мѣстныхъ газетъ, помочь въ распространеніи нашего изданія среди родныхъ и знакомыхъ. Приходится слышать жалобы на то, что я не печатаю въ газетахъ своихъ объявленій, но патріотическая газеты, спасибо имъ, такія объявленія печатаютъ, да распространены такія газеты слишкомъ мало, въ юдейскихъ же изданіяхъ берутъ дорого, а читатели ихъ не обращаютъ вниманія на подобныя объявленія. Знаю, что меня нѣкоторые осудятъ за такую саморекламу, но думаю, что добрые русскіе люди согласятся со мной, что въ такомъ приглашеніи нѣтъ ничего худого.

Русь, наша матушка Русь въ опасности: все, что можетъ, хотя въ малѣйшей степени, предупредить эту опасность, есть нашъ долгъ и мы должны исполнить его...

Вмѣстѣ съ „Троицкимъ Словомъ“ издается, вътъ уже одиннадцатый годъ, и „Божія Нива“, ежемѣсячный педагогіческій журналъ, имѣющій задачею содѣйствовать воспитанію сердца русскаго дитяти въ духѣ вѣры православной и благочестія христіанскаго. „Божія Нива“ имѣеть и ежемѣсячное приложеніе для дѣтей подъ названіемъ: „Зернышки Божіей Нивы“, коихъ вышло уже 120 книжекъ. Цѣна „Б. Нивы“ тоже 1 рубль въ годъ съ „Зернышками“, а книжки „Зернышкѣ“ можно выписывать и отдельными №№, по 5 коп. за книжку, полный же ихъ наборъ высылается за 4 р. 25 к. съ пересылкой. Книжки удобны для подарковъ дѣтямъ въ школахъ, на актахъ, на елкѣ, въ дни ангела и т. под. Всѣ статьи и стихотворенія (числомъ всего до 400) содѣйствуютъ воспитанію въ душѣ русскаго дитяти русскаго народнаго міросозерцанія, и потому въ нихъ нѣтъ переводныхъ статей: всѣ принадлежатъ авторамъ, живущимъ среди народа.

Можно подписываться на оба изданія вмѣстѣ, высыпая 2 р. въ годъ, по адресу: Сергиевъ посадъ, Моск. г., въ редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
101.—Въ полночь на Новый годъ	3
102.—Чѣмъ больна наша матушка Россія?	5
103.—Какія бываютъ статьи въ нашихъ „духовныхъ“ журналахъ?	9
104.—Гипнозъ всеобщаго обученія	12
106—107.—Памяти великаго священномученика за отечество.	19
108.—Часъ уже намъ отъ сна востати!	31
109.—Язычествующій націоналистъ о святитѣ Николаѣ Япон- скомъ	35
110.—Намъ ли молиться за него?..	40
111.—Свѣтъ и тепло истиннаго добродѣланія.	43
112.—Распятіе Господа и наше ему сораспятіе	46
113.—Христосъ Воскресе! Смерти празднуемъ умерщвленіе	50
114—118.—Берегите сокровища церковныхъ преданій..	52
119.—Трудовыя щепочки	70
120.—Оскудѣніе духовной жизни	74
121—122.—Страничка изъ современаго патерика	79
123.—Дѣло миссіи — дѣло пастырей. Мое обращеніе къ пасты- рямъ Вологодской епархіи	87
124.—Гнѣвъ киселевскаго органа.	90
125.—Отклики на выходку г. Алексѣева..	93
126.—Мое прощальное посланіе къ Вологодской пастырѣ	97
127.—Тяжелое бремя архіерейскаго омофора	101
128.—Небесная застуница Русской земли	106
129.—Даръ царственнаго смиренія смиренному отшельнику	109
130.—Мои послѣдніе дни въ Вологдѣ	114
131—132.—Отчество Царской власти	115
133.—Мое доброе слово къ православному духовенству.	120
134.—О томъ, какъ іудеи отправляютъ нашу Русь православную. 123	
135—137.—Голосъ смиренной науки въ защиту вѣры	127
138.—Вѣрный послушникъ Матери Божией. Кончина и погребе- ніе о. архимандрита Ефима	136
139—140.—Кто культурнѣе: они или мы?	141
141.—Таинственный институтъ	147
Нашимъ читателямъ	150
142—143.—Съ чего начинается измѣна роднымъ завѣтамъ	151
144.—Дѣти и церковно-приходская жизнь	154
145.—Тоже „русскіе“ патріоты	158
146—148.—Больное мѣсто нашей церковной жизни.	161
Моимъ читателямъ.	167
149.—За честь Креста Христова	177
150.—Помнимъ ли мы великий урокъ 1812 года?	181
Блестки и изгарь	184
Моимъ читателямъ.	189